

Сборник статей, Юрий Цурганов
Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика
журнала «Посев»

*«Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» / Сост. и ред. Ю.С. Цурганов.»: Посев; Москва; 2008
ISBN 978-5-85824-180-5*

Аннотация

Сборник статей о II мировой войне, опубликованных в общественно-политическом журнале «Посев» со второй половины 1940-х. Журнал «Посев» был основан в ноябре 1945 г. в лагере русских беженцев Менхегоф (Западная Германия), со временем стал одним из ведущих периодических изданий Русского Зарубежья. Редакция журнала переехала в Россию, как только это стало возможно, то есть после падения диктатуры КПСС. Февральский номер 1992 г., как и все последующие, вышел в Москве. Среди авторов этого сборника люди разных поколений, в том числе участники описываемых событий, граждане СССР, Российской Федерации, жители Зарубежья, профессиональные историки – некоторые с мировым именем.

Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев» Составитель и редактор Ю.С. Цурганов

От составителя

В данной книге собраны материалы, написанные авторами разных поколений (самая ранняя статья датируется 1948 годом). Среди них профессиональные историки – некоторые с мировым именем, участники описываемых событий, граждане России и жители Зарубежья. В некоторых статьях, написанных давно, содержатся суждения, которые позже подвергались корректировке. В ряде случаев они оставлены в первоизданном виде, чтобы передать атмосферу времени, когда соответствующие тексты создавались, отразить степень информированности авторов на тот или иной период.

Заранее предвидится реакция на эту книгу. Прозвучат обвинения в необъективности, в том, что собран «негатив» и не дан «позитив». Но к сороковой годовщине окончания войны было подсчитано, что за сорок лет в СССР вышло сорок тысяч наименований книг (три в день!) «о патриотизме и подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны». Темп не снижался и позже, до завершения советской эпохи, а в современной России создаётся уже настоящий культ «Великой Отечественной войны». Действует немислимое количество организаций и проектов с характерными и зачастую курьёзными названиями: «Смоленский областной центр героико-патриотического воспитания “Долг”»; «Центр дополнительного образования детей “Пост № 1” г. Волгограда», проведший «Всероссийский слёт руководителей “Постов № 1”»: «Мы внуки твои, Победа!»; «Вахта Памяти», «Аванпосты». К маю 2005 г. существовало 1 350 «военно-патриотических» молодёжных организаций. Обработку «юнармейцев» ведут тысячи ветеранов «ВОВ». «Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе» проводит конференции «Воспитание патриотизма – социальный заказ музеям» и фестиваль детских коллективов «Поклонимся великим тем годам...». Учреждён «Российский оргкомитет “Победа”», проводящий «Всероссийскую встречу молодёжи и ветеранов “Во славу Великой Победы!”». Проводится «Всероссийская эстафета “Равнение на Победу!”».

На таком фоне появление в послесоветский период ограниченного числа книг и статей, призванных отобразить нелицеприятные для советских патриотов сюжеты, как раз-таки помогают общественности создать для себя объективные представления о II мировой войне. Более того, авторам, работающим в этом направлении, ещё писать и писать. Официальная пропаганда сама дала им карт-бланш.

Создание культа «Великой Отечественной войны» стало несущей частью Государственной Программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», принятой Постановлением Правительства РФ № 122 от 16 февраля 2001 года. Совершенно очевидно, что проведение мероприятий, намеченных в документе, 2005 годом не ограничилось. Из текста Программы и из сопутствующих ей документов видно, что составители (а точнее,

заказчики) поставили перед собой цель отнюдь не столько патриотического воспитания, сколько привнесения в сознание граждан, и прежде всего подростков и молодёжи, некой вполне определённой идеологии. В качестве «негативных» явлений, существующих сегодня, в Программе названы индивидуализм и неуважительное отношение к государству.

В наш сборник целенаправленно включён раздел «Советское общество до войны», поскольку без понимания проблем этого общества, сложившихся в довоенные годы, нет возможности оценивать те процессы, которые происходили потом.

Написание некоторых слов в «Посеве» отличается от того, которое было принято в СССР. От существительного «большевик» мы производим прилагательное «большевицкий» (поскольку производное от слова «дурак» – «дурацкий», а не «дурацкий»). Ленин, живя в немецкоязычной среде и наслушавшись немецкого «Bolschewist» и «bolschewistisch», произвёл от существительного «большевик» прилагательное «большевистский», что и вошло в советский язык. И правильное русское словообразование до сих пор многим кажется непривычным. В ответ на запрос Институт русского языка вынес вердикт: можно писать и так, и так, «большевицкий» – производное от слова «большевик», а «большевистский» – от слова «большевизм».

Мы пишем «ГУЛАг», если речь идёт о конкретном учреждении – Главном Управлении исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключений; мы пишем «ГУЛАГ», когда имеется ввиду явление, определявшее судьбу людей на протяжении значительной части XX века. Мы пишем «движение», когда речь идёт о явлении массовом, но не имеющем единого руководящего центра, и «Движение», если это слово входит в название структуры.

В военно-исторической литературе всего мира, кроме отечественной, которая ведёт свою традицию от советской, номера полков, дивизий и армий обозначаются арабскими цифрами, а корпусов – римскими. «Посев» следует мировой практике. Мы пишем «Штаб», если речь идёт о воинских соединениях (то есть от дивизии и выше), и «штаб», когда дело касается воинских частей. Наконец, названия государств и государственных учреждений у нас всегда начинаются с заглавной буквы вне зависимости от степени их зловерности.

Во многих немецких источниках, которые цитируются в этом сборнике, СССР именуется Россией, его граждане – русскими. Мы сохранили эту терминологию в цитатах, но считаем подобное замещение понятий совершенно неверным. Такое замещение, производимое нацистами, лишней раз свидетельствует о непонимании ими тех явлений, которые происходили в стране, с которой они воевали. Слово «русский» вместо слова «советский» использовали также американцы и англичане. Они, в свою очередь, не понимали, с кем, собственно, находились в союзнических отношениях в годы II мировой войны.

СССР – не Россия, а государство, созданное на российской территории, но не связанное с ней преемственностью традиций в какой бы то ни было сфере. Государство СССР было создано путём насильственной ликвидации государства Россия, в непримиримой борьбе с Россией и построено на её тотальном отрицании. Для народов России это вылилось в национальную катастрофу, связанную с разрушением уклада жизни общественных и национальных групп, геноцидом передовой части каждого из слоёв общества.

Лишь в угоду политической конъюнктуре СССР начал заимствовать перед II мировой войной некоторые внешние элементы, характерные для России, что не означало качественного изменения сущности системы.

Три лика войны 1941–1945 годов **Б. Пушкарёв**

«Посев», 2005, № 5

Войну 1941–1945 годов в России с советских ещё времён принято, по аналогии с Отечественной войной 1812 года, называть Великой Отечественной. И такой лик у неё действительно был. Когда я впервые (не по своей воле) в 1945 году в Восточной Европе

встретился с армией, которая тогда ещё именовалась Красной, сама она себя так уже не называла. Из её уст слышалось: «Мы – русские солдаты...», «Когда вам русский офицер говорит...». И это были не просто слова. И мне, и многим другим, кого я знаю, избежать красного СМЕРШа и красного НКВД помогли русские солдаты и офицеры. Им я и другие навек обязаны своей жизнью. Зная народные настроения, Сталин переименовал в 1946 году Красную Армию – не в русскую, конечно, – но, хотя бы, в Советскую. Однако отход от красных традиций был неполным, и предыстория его была трагической.

Курс Ленина – Сталина

В 1930-е стало ясно, что созданный Лениным для мировой революции Коминтерн эту задачу не выполнит, и надо крепить Вооружённые Силы «отечества всех трудящихся». Сначала, по Ленину, «натравливать капиталистические страны друг на друга», потом, по Сталину, «выступить последними, чтобы бросить решающую гирию на чашу весов».

В этом свете и надо рассматривать действия Сталина летом 1939 года. В интересах сохранения мира надо было бы заключить союз с Англией и Францией, пригрозив Гитлеру войной на два фронта, если он вторгнется в Польшу. Сохранение Польши как буфера между СССР и Германией делало бы внезапное нападение любой из сторон невозможным.

Но это Сталина не интересует. Он уже в мае снимает сторонника такого варианта Литвинова с поста наркома иностранных дел. А 23 августа Молотов и Риббентроп в Москве подписывают договор о ненападении и секретный протокол о разделе сфер влияния. Сталин получает исходные позиции для будущего наступления на Европу, которых ему Англия и Франция дать не могли, а Гитлеру развязаны руки начинать войну, не опасаясь скорого советского удара.

1 сентября немецкие войска вступили в Польшу, 17-го туда вторглась Красная Армия, и в конце месяца они вышли в Бресте на совместный парад. Сталин занял восточную часть Польши, Латвию, Литву, Эстонию, Бессарабию, Буковину только с Финляндией произошла заминка: СССР был исключен из Лиги Наций как агрессор, а Англия и Франция стали готовить в помощь финнам экспедиционный корпус.

Об этих странах Молотов тогда отозвался: «Бессмысленно и преступно вести такую войну как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию». Широкий поток зерна, руды, нефти и транзитных товаров из Азии доставлялся Советским Союзом в Германию почти два года, и Сталин щепетильно следил за выполнением условий договора. Когда нынче польский Сенат заявляет, что Сталин и Гитлер одинаково ответственны за II мировую войну, то наши СМИ напрасно обижаются: польский Сенат прав.

Гитлеровское безумие

Расправившись за полтора месяца с Францией и не решаясь на высадку в Англии, Гитлер в своём горном Бергхофе 31 июля 1940 года на совещании Штаба впервые высказался, что операцию на Востоке, возможно, придётся начать ранее, чем высадку в Англии. Он продолжал: «Англия сейчас делает главную ставку на Россию. Если Россия будет разбита, Англия лишится последней надежды. Чем раньше это сделать, тем лучше. Желательно весной 1941 года. Наша цель – лишить Россию жизненной силы (Lebenskraft)».

Обратим внимание на постановку цели: никакое ни жизненное пространство на Востоке, никакая ни борьба с угрозой «иудо-большевизма», и вообще никаких идейных целей, а предельно просто: «лишить Россию жизненной силы». Только в этом и видел Гитлер смысл своей кампании на Востоке. 18 декабря 1940 года он подписал план «Барбаросса», назначив начало действий на 15 мая 1941 года.

Но дата была перенесена. Сначала англичане потрепали итальянцев в Северной Африке, и в феврале 1941 года туда пришлось снаряжать немецкий корпус Роммеля, затем греки разбили итальянцев в Албании, и, чтобы их выручать, пришлось в апреле оккупировать Югославию, в мае выбивать англичан с острова Крит. Это задержало на пять недель начало реализации плана «Барбаросса», в котором не было предусмотрено ни теплой одежды для солдат, ни зимнего

масла для моторов. Так что, в отличие от Наполеона (к отступлению которого Березина ещё не замёрзла), Гитлера настигла суровая зима. Тем не менее он успел нанести удар невероятной силы.

Говоря о причинах поражений Красной Армии летом и осенью 1941 года, историки подчёркивают в качестве главного тактический фактор – внезапность немецкого удара. Сталин не верил поступавшим к нему данным о готовящемся в ближайшее время вторжении. (В Европе о переброске трёхмиллионной армии на Восток шепталась вся русская эмиграция.)

Другой тактический фактор – размещение советских войск. Укрепления на старой советской границе Сталин велел разобрать, как он считал, за ненадобностью, авиация на аэродромах и военные склады были придвинуты вплотную к новой границе, где немцы их и уничтожили в первые же часы войны. Такое размещение войск говорит о том, что готовилась отнюдь не отечественная, а наступательная война.

Историки – и западные, и советские – также вспоминают сталинские чистки комсостава Красной Армии в 1937–1938 годах. Но ещё вопрос – так ли уж были талантливы и пригодны для войны современной расстрелянные деятели войны гражданской? Бесспорно другое – Красную Армию учили наступать, а к обороне не готовили.

Русская Армия, кстати, умела не только наступать, но и отступать в порядке. Ни в 1812-м, ни в 1915 году никто в окружение не попадал.

Для 1941-го же года характерны именно окружения. «Котлы» следовали один за другим: июль, Белосток – 328 тысяч пленных; август, Смоленск – 310 тысяч; сентябрь, Киев – 665 тысяч; октябрь, Брянск и Вязьма – 663 тысячи. Всего по немецким данным за шесть месяцев в плен сдалось 3,4 миллиона человек.

Советские историки считают эти цифры преувеличенными, не соответствующими численности попавших в плен соединений. Но в плен попало множество ополченцев, которых в хаосе тех дней точно не учитывали.

Как бы то ни было – масштаб сдачи в плен небывалый, более половины армии начала войны, и объяснение ему неизбежно не только военное, но и политическое: множество людей не хотело защищать режим Сталина и сдавалось в плен добровольно.

«Вторая гражданская»

Сталинский режим – коллективизация, раскулачивание, искусственный голод, концлагеря, массовые расстрелы, всеобщая нищета – создал огромный потенциал подавленного народного недовольства, которое не могло найти себе выхода. В условиях тотального террора и сыска свержение сталинского режима внутренними силами представлялось невозможным.

Единственная надежда была на внешнюю силу. Сила эта, по воспоминаниям о 1918 годе, не выглядела угрожающе: «немцы тогда пришли для порядка», «немцы культурный народ». Даже еврейское население Украины и Белоруссии в

1941 году оставалось на месте. Эвакуировалось партийное начальство. Не только в пограничных областях, но и в Киеве немцев встречали с цветами. А в советское ополчение люди порой сознательно шли для того, чтобы забраться в окоп и переждать, пока фронт через них перекатится. Разве не говорил Ленин о «превращении войны империалистической в войну гражданскую?»

Не в немецких штабах возникли идеи создания Русской Освободительной Армии (РОА) и русского независимого правительства, а в русском гражданском Управлении на оккупированной территории и среди комсостава РККА в лагерях военнопленных. Многие стремились убедить немцев: «Дайте нам оружие, и мы свергнем Сталина».

Осенью 1941 года главнокомандующий Сухопутных войск Германии генерал-фельдмаршал фон Браухич представил фюреру соответствующие предложения, сопровождаемые общим выводом: «Считаю решающим для исхода войны». Несмотря на массовые сдачи в плен, мощь Красной Армии сломлена не была, и фон Браухич видел, что военной победы на Востоке не будет, что нужно политическое решение, связанное с отказом от провозглашённой Гитлером цели войны.

Но вести войну только против режима Сталина Гитлер не собирался. Возможно, он

исходил из опыта прошлого: поддержанная Германией смена власти в России в октябре 1917 года, в итоге не пошла на пользу Германии. Он наложил на предложения Браухича вето, а 19 декабря 1941 года отправил его в отставку. Гитлер всё ещё жил стремлением «лишить Россию жизненной силы». Пленных, которые добровольно к нему пришли, он отправил за колючую проволоку умирать без хлеба и крова. В страшную зиму 1941/42 года он загубил около 2,5 миллионов своих потенциальных союзников.

О массовой гибели наших пленных молчала и советская, и немецкая, и английская, и американская печать. Их братские могилы неведомы или забыты. Тем не менее народ об этой трагедии узнал. По свидетельству очевидцев тех событий именно гибель пленных и расстрелы евреев – были двумя основными причинами поворота превалирующих настроений от пораженчества к отечественной войне. В 1942 году в плен сдались лишь 1,5 миллиона, а в последующие годы – незначительное число военнослужащих Красной Армии.

Магистральный путь к оформлению стихийного антисталинского протеста советских граждан в единое и мощное Освободительное движение Гитлером был закрыт. В результате оно предстало в виде множества малоэффективных ручейков: вспомогательные рабочие при немецких частях, бойцы созданной для борьбы с партизанами Службы порядка, солдаты и офицеры Восточных войск, сформированных в германской армии из граждан СССР. Всего – более 800 тысяч человек. После Сталинградской битвы в марте 1943 года те немецкие военные, которые считали гитлеровскую политику жизнеопасным безумием, попытались протолкнуть идею создания Русской Освободительной Армии явочным порядком. Во главе будущей РОА они видели генерал-лейтенанта А.А. Власова. Ему организовали поездку по прифронтовым районам. Результат – нарукавные нашивки РОА для русских, воюющих в рядах германской армии, создание Школы пропагандистов РОА в Дабендорфе, но и домашний арест самого Власова на полтора года – Гитлер готов на создание лишь фикции Русской Освободительной Армии – для обмана красноармейцев, чтобы увеличить количество перебежчиков из РККА. Количество желающих перейти в немецкую армию с начала войны резко сократилось, а в русскую – дело другое.

Гитлер уступил, то есть дал согласие на сведение в единую армию разрозненных русских частей и на создание российской организации правительственного типа, лишь в сентябре 1944 года, когда практического значения Освободительное движение уже не могло иметь. Огласив в Праге 14 ноября 1944 года Манифест Комитета Освобождения Народов России, Власов совершил в основном символический акт, свидетельствуя о несбывшемся варианте истории.

1 августа 1946 года он и его ближайшие соратники были повешены во дворе Бутырской тюрьмы. Тем, кто любит о них говорить: «спасали свою шкуру» – напомним, что большинство советских генералов, побывавших в немецком плену, но к Власову не пошедших, вернувшись в СССР благополучно вышли на пенсию.

Отечественная война

После победы под Сталинградом все физические и эмоциональные силы были сосредоточены на изгнании внешнего врага – и он был изгнан примерно за то же время, за которое дошёл до Сталинграда – за полтора года. Армия стала иной – и дух её, и командный состав уже не были красноармейскими. Но строй, при котором происходило это национальное возрождение, оставался советским и наложил свой отпечаток на всё происходящее.

В 2005 году по ТВ показывали документальный фильм о том, что перелому настроений способствовали не только нацистские зверства, но и заградительные отряды НКВД, идея создания которых заключалась в том, чтобы отступить было опаснее, чем наступать. В фильме использовались интервью с отставными чекистами, смысл высказываний которых сводился к следующему: после коллективизации антисоветские настроения были неизбежны, и только так их можно было преодолеть.

Наступать было тоже смертельно опасно. Число боевых потерь на нашей стороне (хотя советские историки с этим и спорят) раз в шесть превышало число убитых на стороне противника. О «мяснике Жукове», о горах русских тел перед немецкими пулемётами написано немало.

И ещё: в послесоветской прессе есть тенденция утверждать, что вот мы сами, без помощи «никчёмных» союзников добились... Но помощь на самом деле была существенной. 470 тысяч американских грузовиков и джипов сделали армию подвижной (КАМАЗов в те годы не существовало), американские консервы страна ела до 1947 года, а после битвы – вничью – на Курской дуге в 1943 году фронт сдвинулся оттого, что немцы перебросили оттуда войска на борьбу с высадившимися в Италии американцами.

«Даёшь Европу!»

Завершающий этап войны начался летом 1944 года стоянием на Висле Красной Армии, которая выжидала, пока немцы подавят Варшавское восстание, поднятое национально-мыслящими, а не коммунистически настроенными поляками. И закончился этот этап кровопролитным штурмом Берлина – ради пропагандистского эффекта, чтобы взять его к 1 мая. Хотя город вскоре неизбежно сдался бы и так.

Этот этап отражает уже не отечественный лик войны, а борьбу за установление советского строя в Восточной Европе. Западные союзники такого хода дел опасались, но Сталин пообещал, что в оккупированных им странах строй будет демократическим – отчего и назвал их «народными демократиями». В руках Сталина, а затем Хрущёва и Брежнева Советская Армия сделалась инструментом подавления народов Восточной Европы, что до сих пор пагубно отражается на отношениях России с этими странами и на её положении в мире.

В последних строках романа «Доктор Живаго» Борис Пастернак вдохновенно писал о том, как с окончанием войны предчувствие свободы носилось в воздухе и составляло единственное содержание тех дней. Споры нет, за четыре года нечеловеческих усилий и жертв народ ожидал награды: роспуска концлагерей, упразднения колхозов, послабления цензуры. Но единственной реальной уступкой власти было ослабление давления на Церковь: большинство приходов, открытых под оккупацией, сохранилось. В остальном народ получил ещё восемь лет сталинщины. А за рубежом – насильственную репатриацию граждан СССР, оказавшихся во время войны за его пределами – трагедии Лиенца, Кемптена и других мест.

Вызванная войной демографическая катастрофа превзошла всё, что испытала Россия в XX или в каком-либо ином веке. Общие людские потери в СССР за четыре года войны были определены Е.М. Андреевым и другими исследователями¹ в 27 миллионов человек, из них 17 миллионов – мужчины в возрасте от 15 до 59 лет. В эти 17 миллионов входят как погибшие на фронте (включая потери антисоветских воинских частей, состоявших из представителей народов России) и умершие в нацистских лагерях, так и умершие вследствие вызванной войной «избыточной смертности» в лагерях советских. Остальные 10 миллионов – женщины, старики и дети, погибшие в силу военных условий не только на оккупированной территории, но по всей стране, включая осаждённый Ленинград. Некоторые исследователи считают даже такие цифры заниженными, но эти цифры соответствуют результатам последующих переписей населения: те люди, которые дожили до переписи 1959 года, явно в войну не погибли.

Одним из морально-политических последствий войны стало то, что смягчилось противостояние власти и народа, определявшее атмосферу 1930-х годов. Защита отечества от внешнего врага заставила пойти на компромисс с диктатурой и её «ценностями» – античеловеческими и антихристианскими. Возник «советский патриотизм», укрепивший диктатуру на долгие годы. Увы, именно это явление сегодня привлекает многих наших политиков и побуждает их строить культ «дня победы». Но от такого культа и до реабилитации Сталина – недалеко. Новой России на такой основе не построить. Надо искать более чистые источники вдохновения.

Был ли побеждён фашизм?

Фашизм

---

¹ Население Советского Союза 1922–1991. – М.: Наука, 1993.

С.Деснянский

«Посев», 1948, № 7

Один из главных козырей воинствующего коммунистического лагеря на протяжении последней четверти века – его непримиримость по отношению к «фашизму». Решением V, VI и VII конгрессов Коминтерна провозглашена «мобилизация коммунистических партий и рабочего класса на борьбу с фашизмом». Под лозунгом преодоления фашизма организовывались коммунистами «народные фронты». Правда, весь цивилизованный мир был поражён неожиданным поворотом курса в 1939 году. Но 22 июня 1941 года положило конец длившемуся полтора года флирту диктатора Москвы с диктаторами Берлина и Рима. Старая песня зазвучала снова и с тех пор звучит всё громче, переходя постепенно в истерику.

Что-то не так в этой «непримиримости». Даже самый беспристрастный наблюдатель останавливается в недоумении перед необъяснимым для него фактом: лидер болгарской оппозиции Н. Петков, создавший себе светлое имя неустанной борьбой за демократию и героическим сопротивлением Гитлеру, заклеен как «фашист» и кончил жизнь на виселице. А повесившие его субъекты, не признающие ни свободы оппозиции, ни свободы совести, и не брезгающие самыми грязными приемами борьбы, принадлежат как раз к коммунистической когорте «искоренителей фашизма». Гитлер и Петков – оба фашисты, вешатели Петкова – не фашисты. Где же логика? Здравый человеческий рассудок подсказывает, что не Петков, а как раз его убийцы – сотоварищи Гитлера по разбойному ремеслу.

Но в таком случае, существует ли фашизм вообще? Не есть ли термин «фашизм» – только приём борьбы коммунистов против своих врагов, условный знак, указывающий на нечто нежелательное коммунистам в данный момент?

Долголетняя позиция мирового сообщества в плане оценки сущности фашизма достойна порицания. Одни отрицали международный характер фашизма, близоруко рассматривая однопартийный вождистский строй в Германии и Италии как сугубо местное явление. Другие слепо тянулись на поводу коммунистической демагогии, усматривая в фашизме «диктатуру буржуазии» – диктатуру справа, якобы стоящую в диаметрально противоположной позиции по отношению к «диктатуре пролетариата» – диктатуре слева. Последняя точка зрения получила почти повсеместное признание во время II мировой войны и непосредственно после неё, когда однопартийная вождистская и террористическая советская государственность выступила под маской защитницы демократии. Больше того, порой вместо реально существовавшей необходимости временного союза демократических стран с одной правящей кликой «вождей» для победы над другой, опьянённое войной мировое общественное мнение хотело видеть в этом альянсе прочный союз двух равноправных и одинаково жизненных форм демократии: западной и восточной. Война закончилась и действительность предстала во всей своей неприглядности: хотя одна фашистская клика и была разбита, фашистская идеология и фашистские методы угнетения продолжают смертельно угрожать миру.

Стало очевидным, что от фашизма не гарантирована никакая страна, ибо он повсюду имеет свои корни, и что не экономическая программа, а морально-политическая основа выступает у него решающим фактором. В противоположность экономическому фатализму марксистов мы утверждаем, что экономический и политический хаос наших дней – функция хаоса духовного, он – порождение нравственного упадка человечества.

Фашистами (*fascio* – связка, союз) назвали себя в начале 1920-х годов последователи Муссолини. Они и не подозревали, что это имя станет нарицательным. Оно станет определением носителей духовной чумы XX века, гораздо более опасной и разрушительной, чем все наличные и будущие бомбы. Подобно хамелеону, фашизм в своей окраске разнообразен, но за разными масками скрывается всегда одна и та же сущность: религия зла.

Если Макиавелли воодушевлял и побуждал к действию аморальных правителей, не брезгающих никакими средствами на пути к достижению могущества государственной власти, то Маркс выступил как «научный» глашатай нового учения, претендующего на то, чтобы заменить собою христианское Евангелие, стать «евангелием» зла.

Иронией судьбы представляется тот факт, что всем разрушительным движениям XX века,

покоящимся на обмане и зле, было придано имя его наименее выразительной и наименее кровавой формы. Итальянский экс-марксист Муссолини, уничтожив демократический строй и насильно насаждая свои «корпорации», стал диктатором.

Однако до наиболее совершенной формы диктатуры не хватало многого. Осталась дуалистическая система главенства власти. В присмирившей, но духовно не ликвидированной персоне короля, вокруг которого группировались оппозиционно настроенные элементы, сохранялось сдерживающее начало. Влияние Церкви не было устранено. Физическое и моральное гестапо не достигло здесь такого расцвета, как в других государствах, не именовавших себя фашистскими, но бывших таковыми по сути. Сеть концентрационных лагерей развилась у Муссолини неизмеримо слабее, чем у других диктаторов.

В национал-социализме Гитлера фашизм нашёл одно из своих наиболее законченных, «классических» проявлений. Это обусловлено как личностью самого «фюрера» и его доктриной, так и расцветом шовинизма в Германии.

Озлобленный неудачник, вынужденный отказаться от высоких планов и зарабатывать на хлеб насущный в качестве простого рабочего, Адольф Гитлер уже в юности уверовал в панацею насилия. Как и Карл Маркс, он отождествил социальную жизнь со злом, ненавистью и взаимопожиранием.

Вслед за Марксом Гитлер постулировал «необходимость» диктатуры «прогрессивной» части общества над большинством членов общества. По замыслу как Маркса, так и Гитлера, разрушающая волна миллионов избранных, руководимая «научной» и интуитивной волей учителя, должна привести к намеченной учителем цели, к триумфу его идеалов. Пути Маркса и Гитлера разошлись только в выборе резервуара ненависти. Маркс избрал класс, Гитлер – нацию.

Однако сам Гитлер не отрицал, что марксистская школа оказала на него большое влияние. Созданная «фюрером» партия назвала себя «социалистической» и «рабочей».

Из грандиозного вооружённого столкновения 1939–1945 годов большевизм Сталина вышел победителем, в то время как его конкурент, национал-социализм Гитлера, был повергнут в прах. Несомненно, что положение большевизма в этой войне было более благоприятным, чем положение национал-социализма. Разбойные полчища нацистских колонизаторов, пришедших за землёй и рабами на русскую территорию, встретили могучий отпор русского народа. Военная мощь западных демократий также обрушилась на Гитлера. Большевиков миновала чаша сия. Но не только это определило исход поединка двух родственных систем.

Марксов резервуар ненависти оказался более эластичным и более обширным, чем резервуар, выбранный Гитлером. Если национал-социалистическое учение и захватило значительную часть немецкого народа, обеспечив этим устойчивый тыл, то оно же сковало вокруг Германии с её семьюдесятью миллионами немцев могучий вражеский блок, насчитывающий многие сотни миллионов. Доктрина национал-фашизма – доктрина самоизоляции. Объявив другие народы низшей расой и пообещав им рабский труд, нельзя привлечь их на свою сторону. Поэтому даже итальянцы при первой возможности повернули штыки против Гитлера. Государственный деятель, поставивший на национал-фашизм, может рассчитывать только на грубую силу. Его возможности маскировки и подрывной работы в среде противника ограничены. «Пятая колонна» не выходит за пределы «просветлённых» выходцев из данной нации и кучки продажных субъектов.

Чего не имел Гитлер, так это власти над всеми видами ненависти, таковая находилась в неограниченном распоряжении его идейных собратьев, избравших «генеральную линию» «Манифеста Коммунистической партии».

Ортодоксальный марксизм, то есть коммунизм-большевизм, базируется на учении о борьбе классов и диктатуре пролетариата. Созрев и прочно оседлав государственную власть, он раскрывается как классическая форма фашизма.

В искусстве хамелеоновых превращений и тактике «тройного коня» комфашизм не только продолжает традиционную линию своих сородичей, но и далеко превосходит их. Здесь – один из важнейших источников его силы и опасности.

Для того, чтобы парализовать природное стремление народа к демократической форме власти, была использована игра в «выборы», шумная и помпезно обставленная.

Национальные и религиозные чувства подвластных народов также служат у коммунистов

объектом коварной маневренной игры. Достаточно хотя бы сравнить отношение власть имущих к религии перед войной 1939–1945 годов, во время войны и после неё.

Особую силу красному фашизму придают его протянутые по всему земному шару щупальца «пятой колонны». Несовершенство общественного устройства в современном мире – налицо. В каждом уголке земного шара есть бедствующие и недовольные. И всюду, где недовольство принимает серьёзные размеры, – будь это стачка рабочих, возмущение в стране против несправедливости со стороны правительства, стремление колониальных народов к национальной независимости или что-нибудь другое, – всюду немедленно развивают лихорадочную деятельность хорошо проинструктированные агенты «центра мировой революции».

Они не стыдятся сгущать краски и оплетать факты ложью, им не заказано маскироваться под рьяных патриотов и демократов, ничего не стоит давать несбыточные обещания и склонять к провоцирующим действиям. Но горе тому, кто поверил этим фальшивым друзьям и заключил с ними союз. Ибо вовсе не благополучие бедствующих, установление справедливости и порядка интересует коммунистов. В соответствии с заветом Маркса они стремятся, пользуясь любым средством и поводом, лишь дезорганизовать общественную жизнь, внести в неё разруху и хаос для того, чтобы загнанное в тупик и оседланное коммунистами государство присоединить к красной метрополии. Не связанные никакими моральными основами, вожаки «пятой колонны» готовы на любое предательство по отношению к своим близоруким союзникам, судьба которых определяется немецкой пословицей: «heute rot, morgen tot».

Было бы неверно зачислять, например, миллионы французских и итальянских стачечников в ряды сознательных поклонников коммунистического фашизма. Они только слепое орудие в руках враждебной им самим силы. Зато члены «Коминформа», разжигающие эти стачки, знают, что они творят. Вышколенные в «новой» Москве и слепо следующие каждой директиве того, кому подчинены и Министерство Иностранных Дел и Министерство Государственной Безопасности, они, злорадствуя, насаждают хаос.

В потенциальной власти «пятой колонны» над миллионами одураченных – главный козырь красного фашизма.

Фашизм национал-социалистический и фашизм коммунистический действительно едины в своих основных качествах:

1. Личность с победой фашизма растворяется в коллективе нивелированных и бесправных;
2. Выдвинувший и осуществляющий фашистскую идею «фюрер» или «вождь» возводит себя в ранг божества и, подобно ненасытному Ваалу требует все новых жертв: крови и душ;
3. Мания величия (господствующая раса, класс-гегемон) и мания преследования (мировой иудей, классовый враг и капиталистическое окружение) – «дух» фашистского «рая»;
4. В отличие от деспотий, встречавшихся и ранее, деспотия нового типа не удовлетворяется внешним послушанием: она распространяется и на личную жизнь. Поступать согласно голосу совести – величайшее преступление в фашистском государстве;
5. Фашизм разжигает мировую войну, ибо мания величия и мания преследования требуют этого. Пока фашизм существует, войны не прекратятся. Но при неблагоприятном для фашизма соотношении сил на мировой арене он довольствуется «малой войной» – подрывной деятельностью в зарубежных странах, временно отсрочив «последний и решительный бой».

Назвав современный коммунизм тем, чем он является – фашизмом, мы срываем с него маску и тем самым лишаем его важнейшего оружия.

Гнилостная язва фашизма сулит человечеству вырождение и смерть. Где же всё-таки фактор, обеспечивающий влияние идей Маркса, Гитлера, Ленина и Сталина на массы? Этот фактор заключается в сочетании социальной зависти людей и их необузданного эгоизма, не различающего добро и зло, поклоняющегося одной корыстной пользе. Только солидарность в добре – искреннее сотрудничество миллионов свободных личностей – может быть преградой фашизму. Величайшее преступление Маркса, а за ним вождей нацизма и коммунизма, состоит в том, что они, играя на инстинктивной тяге человека к солидарности, заманили его на путь коллективного служения злу. Спасительная солидарность в добре была подменена тем, что ещё хуже, чем эгоизм – солидарностью во зле.

Актуальна не только проблема атомной бомбы. Для дальнейшего существования

человечества требуется как безопасность от атомного оружия, так и излечение от язвы фашизма.

«Дело Бергера» Ю. Марголин

*Открытое письмо, 1946 год
«Посев», 2005, № 5*

1.

С осени 1939 до лета 1946 года я жил в Советском Союзе.

Первый год – на территории оккупированной Польши. Там я был свидетелем процесса советизации завоеванной страны. Я видел, как делается «плебисцит», как население приводится в состояние «энтузиазма» и «советского патриотизма».

Следующие пять лет я провел на советской каторге, в так называемых «исправительно-трудовых лагерях». Там я понял секрет устойчивости и силы советского строя.

Последний год как уже вольный и легализованный советский гражданин я провел в маленьком городке Алтайского края, принимая участие в серой, повседневной трудовой жизни советских людей.

Думаю, что я имею право говорить и судить об этой стране. Толстой сказал, что «никто не знает, что такое государство, кто не сидел в тюрьме». Этот анархистский афоризм, во всяком случае, справедлив по отношению к Советскому Союзу.

До осени 1939 года я занимал по отношению к СССР позицию «благожелательного нейтралитета». Это характерная позиция прогрессивной и радикальной европейской интеллигенции.

Конечно, – говоришь себе, – для нас в Европе такой строй не годится. Но все же это строй, который, видимо, соответствует желаниям русского народа. Их дело, их добрая воля. Для нас, европейцев, он имеет значение великого социального эксперимента, и мы все можем научиться в Советском Союзе многим важным и нужным для нас вещам. Например, способ решения национального вопроса, планирование хозяйства, новая роль женщины. Пусть живут, пусть работают на здоровье. Пожелаем им успеха.

Это была моя позиция до 1939 года. Читая предвоенную эмигрантскую русскую прессу, я не мог отделаться от неприятного чувства и благословлял судьбу, что я свободен от узости взглядов и мелочных придирок – и могу относиться к советской действительности с должным объективизмом. Резкие антисоветские выступления вызывали во мне брезгливость как «реакционные». В моей книге «Идея Сионизма», вышедшей перед войной, нет и следа враждебности к Советскому Союзу.

Прожитые тяжелые годы не отразились на объективизме моей мысли. Я перестал бы быть самим собой в случае утраты способности спокойно и всесторонне анализировать факты, учитывая все «про» и «контра». Бесплезно говорить мне о достижениях и заслугах Советского Союза. Я знаю всё, что может быть сказано в его пользу.

Семь минувших лет сделали из меня убеждённого и страстного врага советского строя. Я ненавижу этот строй всеми силами своего сердца и всей энергией своей мысли. Все, что я видел там, наполнило меня ужасом и отвращением на всю жизнь. Каждый, кто был там и видел то, что я видел, поймёт меня. Я считаю, что борьба с рабовладельческим, террористическим и бесчеловечным режимом, который там существует, составляет первую обязанность каждого честного человека во всём мире. Терпимость или поддержка этого мирового позора людьми, которые сами находятся по другую сторону советской границы, в нормальных европейских условиях – недопустима. И я счастлив, что нахожусь в условиях, когда могу без страха и открыто сказать всё, что я знаю и думаю об этом режиме.

Я пишу эти строки на палубе корабля, который несёт меня к берегам отчизны. Моё возвращение к жизни – чудо, настоящее воскресение из мёртвых. О чём может думать человек, вышедший из гроба, из преисподней? Синева Средиземного моря, яркий блеск солнца опьяняют меня, наполняют невыразимым счастьем. Следовало бы сосредоточиться, вернуться мыслью в

прошлое и попытаться начать серьёзный и систематический рассказ о прошлом. Но эта задача требует слишком много времени. Для того, чтобы собрать в одно целое, оформить опыт и материал этих лет, нужны долгие годы. А время не ждёт. Есть вещи, которые должны быть сказаны немедленно, не откладывая ни на минуту. Я не могу позволить себе отложить их – не смею: это было бы преступлением по отношению к тем, кто кричит через меня смертным криком отчаяния.

Я знаю, мои силы слишком слабы для этой задачи. Чтобы писать про советский ад, нужна сила Данте и Достоевского в соединении с полнотой диккенсовского реализма. Но судьба вложила в мои руки перо, и я до тех пор не положу его, пока не исчерпаю всего, что имею сказать. Литературных амбиций у меня нет. Моё дело – сказать правду, которую столько людей не смеют, не хотят, не умеют или просто боятся сказать. И я пишу с чувством человека, которому остался только один день жизни – и в этот день ему надо успеть сказать самое неотложное, самое важное! – и как можно скорее, потому что завтра уже может быть поздно.

2.

В лагерях Советского Союза погибают миллионы людей.

Россия разделена на две части.

Одна – «на воле» – доступная лицезрению иностранцев, насколько их вообще допускают ездить по стране, с показательными секторами, с московским метро, с блестящими фасадами и грязными дворами, которые всё же в принципе доступны для случайных посетителей. Другая Россия – «Россия № 2», за колючей проволокой – это тысячи, бесконечные тысячи лагерей, мест принудительного труда, где живут миллионы заключённых.

Лишённые гражданства, эти люди исключены из советского общества и являются в точном смысле этого слова государственными рабами. По отбытии срока до 10 лет (за последнее время введена категория «каторжан» со сроками в 15 и 20 лет) людей сплошь и рядом переводят в положение ссыльнопоселенцев, не позволяя вернуться домой и часто оставляя на том же месте, где они отбывали наказание. Миллионами рабов колонизируются далекие окраины советского севера. Но вообще нет в огромной стране такого угла, где бы среди городов и селений нормального типа не находились ограждённые высоким частоколом лагеря с их характерными вышками по четырём углам – для часовых.

Это «Россия № 2» – огромная помойная яма, гигантская свалка, куда выбрасываются в случае надобности целые группы и слои населения. Эта «невидимая» Россия – настоящая преисподняя, выдумка дьявола, организованная по последнему слову полицейской техники. Трудно сказать, сколько людей находится там. Самые фантастические цифры назывались мне заключёнными. Думаю, что в определенные годы там бывало 10–15 миллионов. За годы войны вымерла значительная часть. Теперь туда направляются новые полчища. Писать о них или громко говорить – нельзя. Советская литература стыдливо молчит о них. Иностранцы журналисты в своё время находили доступ даже в гитлеровские «кацеты», но в советские не был допущен никогда никто – и журналисты, свои или чужие, никогда не бывали в них иначе, как на положении заключённых. Этим объясняется, что вплоть до войны общественное мнение мира ничего, ровным счётом ничего определённого не знало о них. Ужас и тайна, которыми окружены лагеря в Советском Союзе – неопишуты. Как в сказке о Бабе Яге – люди, с которыми вы сегодня разговариваете, завтра исчезают. Баба Яга их съела. Больше не следует ими интересоваться. Если они вам напишут, не ищите в их письме ничего, что бы вам дало представление об их жизни.

Там будет просьба о посылке и уверение, что здоровы. Эти люди вычеркнуты из книги жизни, жёны их возьмут развод, а дети – если комсомольцы – не напишут ни слова.

Советская страна – единственная в мире, где люди живут под вечной угрозой, как под дулом наведённого револьвера. В одних только лагерях ББК (Беломоро-Балтийского канала), где я провёл свой первый каторжный год, было около 500 тысяч человек, – и 50 тысяч поляков, которые были туда присланы, без труда растворились в общей массе. Вся Россия, как чудовищной сыпью, покрыта лагерями, – и безмерный цинизм власти, прекрасно отдающей себе отчёт в том, что она творит, выражается в том, что эти лагеря герметически и наглухо

закрыты для посетителей из Европы.

И это в довоенные годы давало возможность продажным мерзавцам из советской культурной элиты отрицать само существование этой невероятной, не имеющей прецедента в мировой истории, системы. Я, прошедший сквозь советские лагеря, по своём освобождении держал в руках официальный курс «Политической экономии» – коллективный труд, изданный в Москве под редакцией профессора Кофмана. Один из мерзавцев с профессорским званием называл утверждение о наличии рабского труда в СССР «буржуазной клеветой».

Сказать, что все эти миллионы заключенных провинились перед советской властью, было бы дикостью. Какими преступниками были те полмиллиона поляков (в большинстве польских евреев), которых послали в лагеря летом 1940 года? Режим, который для своего укрепления и спокойствия постоянно держит в состоянии рабства миллионы своих граждан, который беспрерывно вырезает куски мяса из живого организма несчастнейшего в мире народа, который беспрерывно просеивает население через сито НКВД, без суда и без толку, без жалости, со всем бездушным изуверством тёмных и пуганных людей (потому что аппарат НКВД на местах в свою очередь действует под террором и страхом) – такой режим является самым чудовищным явлением, какое только знает наша современность.

Коммунистам везёт – в данный момент внимание всего мира отвлечено раскрывшейся картиной гитлеровских зверств. По сравнению с фабриками смерти в Освенциме и Майданеке, понятно, советские лагеря могут сойти за проявление гуманности. Людей посылали туда не на смерть, а на работы, и если они умирали массово, то это тогда признавалось нежелательной утечкой рабочей силы. Евреи, которые прошли ужасы польского гетто, справедливо считают нас, советских заключённых, счастливчиками. Но что сказать о людях, которые хотели бы видеть оправдание советской системы в том, что у Гитлера было ещё хуже? Этим людям надо сказать, что гитлеризм уничтожен, а советские лагеря продолжают существовать. Нет больше гетто и крематориев, а те лагеря, где я оставил лучшие годы своей жизни, по-прежнему забиты народом, и на тех самых нарах, где я лежал, остался лежать мой товарищ. За время своего существования советские лагеря поглотили больше жертв, чем все гитлеровские и негитлеровские лагеря, взятые вместе – и эта машина смерти продолжает работать полным ходом.

Людей, которые в ответ на это пожимают плечами и отговариваются ничего не значащими словами, я считаю моральными соучастниками преступления и пособниками бандитов.

3.

Эти несколько слов о «России № 2» – о «России за колючей проволокой» – только вступление. О лагерях надо писать отдельно. Здесь я хочу сказать о том, что мне представляется в данный момент самым важным и неотложным. Это то, что я называю «Делом Бергера». Еврейский народ – еврейское национальное движение – не может вести борьбу с режимом советского террора. Не в нашей власти разрушить тысячи мрачных гнёзд, рассадников гнёта. Это может сделать только сам русский народ, в будущее которого я верю. Но есть одно, что касается нас непосредственно, есть нечто, что составляет нашу ответственность и лежит на нашей совести как камень: это вопрос о наших братьях, которые попали в эту волчью яму и не могут выбраться оттуда. Никто им не поможет, кроме нас. А мы обязаны им помочь.

В советских лагерях, тюрьмах и ссылках вымерло целое поколение сионистов. Мы никогда не умели придти им на помощь, и не только потому, что это было трудно, а прежде всего потому, что мы потеряли с ними всякий душевный и сердечный контакт. Мы ими не интересовались. Я не помню за годы перед войной ни статей на эту тему, ни малейшей попытки мобилизовать общественное мнение и добиться облегчения их участи. Это была та преступная пассивность и оцепенение, которые потом так страшно выявились, когда задымили печи Освенцима, и польское еврейство пошло на смерть, а мировые центры еврейских организаций «не знали», «не верили», и потому не сделали даже того, что можно было сделать. Одним из моих потрясающих переживаний в советском «подземном царстве» была встреча с людьми, которых в молодости похоронили заживо не за что иное, как за сионизм. Теперь передо мной стояли старые, сломленные люди, без надежды и веры. Они просили меня передать поклон родному народу и

родной стране как святым призракам, которые уже никогда не станут для них действительностью. И ещё они просили меня, они – люди с большими заслугами, люди, которых должны ещё помнить их товарищи по стране, – просили о том, чтобы я не называл в печати их имен, потому что это может иметь роковые последствия для них и их детей – для их семей, живущих на воле – на советской «воле». Я молчу. Но есть имена, которые я назову без колебаний, потому что они являются общим достоянием, и не мне, а другим давно уже следовало поставить о них вопрос.

В советской России внезапно «исчез» М. Кульбак, еврейский поэт блестящего таланта, украшение нашей литературы. Кульбак не был сионистом. Он был другом Советского Союза и поехал туда, чтобы жить и работать на «родине всех трудящихся». Там он написал две значительные вещи: повесть «Мессия беи Эфраим» и роман «Зелменианер». Кульбак имел о коммунизме то представление, что и другие наши наивные дурачки, живущие в мире восторженной фантазии. Но он имел неосторожность поселиться не в Париже, а в

Москве. Теперь его имя находится «на индексе», его произведения изъяты, а он сам «погиб без вести», то есть в одном из лагерей ведёт существование рабочей скотины. Я думаю, что самое тяжёлое и страшное в этом – абсолютное равнодушие еврейского народа, для которого жил и писал этот человек. Кто интересуется его судьбой? Понимает ли еврейская общественность, еврейская литературная среда свой долг по отношению к этому человеку? Представим себе, что таким образом ликвидировали бы в Советском Союзе какого-нибудь видного французского поэта. Какую бурю это вызвало бы во Франции, во всём мире. Но мы молчим, тогда как трагедия Кульбака, у которого вырвали перо из рук в расцвете его творческих сил – это не только позор человечества, это, в первую очередь, наша трагедия.

Каждый литовский еврей и каждый сионист знает имя доктора Венямина Бергера, до войны председателя сионистской организации в Литве.

Я склоняю голову перед этим человеком, который спас мне жизнь, вырвал из когтей самой подлой и унижительной смерти – от голодного истощения. В Котласском лагере, где мы встретились, он медленно и терпеливо поставил меня на ноги – в буквальном смысле этого слова. Я не знаю людей прекраснее, благороднее и чище этого человека. На серебряных сединах, в утомлённых умных глазах этого много видевшего человека – почиет «Шехина» Божия, печать высокой человечности. Вся жизнь доктора Бергера – а ему сейчас 66 лет – полна чистого служения людям, науке, своему народу. Нет в мире никого, кому бы доктор Бергер причинил зло. Зато много людей обязаны ему жизнью, как я. Доктор Бергер не пропустил ни одной возможности помочь страдающему, и на каторге, куда забросила его судьба, он остаётся живым центром тепла и ласки, внимания, моральной поддержки и отцовской заботы для всех несчастных, униженных и раздавленных людей, которые вот уже шесть лет составляют его единственное окружение.

Есть что-то дикое и противоестественное в том, что люди, подобные доктору Бергеру, то есть очевидные праведники и герои активного человеколюбия, квалифицируются в советской стране как «антисоциальный элемент», как преступники.

После оккупации Литвы в 1941 году доктор Бергер был арестован и вывезен. За принадлежность к такой грозной контрреволюционной организации как сионисты (группа «В») он получил десять лет. Для человека с его здоровьем (тяжелая сердечная болезнь) приговор к десяти годам заключения означает приговор к смерти.

Перед кем провинился доктор Бергер? Перед русским народом? Перед литовским рабочим классом?

То, что происходит с доктором Бергером, это, прежде всего, бессмыслица. Этот человек гибнет ни за что.

А надо ли объяснять, что он не один, и не в нём одно дело? Мои друзья, сионисты, люди, чистые, как кристалл, крепкие, как сталь – во цвете лет и сил – вырваны из жизни, как цветы из земли. Их молодые годы пожирает злой рок – жизнь их уходит безвозвратно. Где-то плачут по ним матери, жёны, дети. Так плакали и по мне мои близкие, не зная, где я, не имея сил помочь мне. «Дело Бергера» – это дело всех наших людей, евреев, которые отдали свою жизнь сионизму и, живя в Польше, Литве, Латвии, Эстонии, до войны ничего общего не имели с Советским Союзом. Теперь они рассматриваются как «советские граждане» – и советская

страна не находит для них другого применения, как обращение в рабство.

4.

Дело не в Бергере и его товарищах. Подумаем, дело в нас самих.

Горе такому обществу, которое теряет способность живо и сильно реагировать на вопиющую несправедливость и бороться со злом. Такое общество – моральный труп, а где показываются первые признаки морального разложения, там и политический упадок не заставит себя долго ждать.

Помочь Бергеру значит помочь самим себе.

Чего вы, сионисты, боитесь? Или вы думаете, что у вас есть более важные дела, чем судьба ваших товарищей и достоинство вашего сионизма?

Открытым и смелым выступлением вы не повредите своим товарищам, напротив. Ухудшить их положение уже ничем нельзя. Но если советская власть будет знать, что на судьбу этих людей обращено внимание всего мира – она примет меры хотя бы к тому, чтобы они содержались в более приличных условиях.

Тем, что вы отвернётесь от них, вы как бы скажете их тюремщикам: «Можете с ними делать, что хотите. С нашей стороны вам беспокойства не будет».

Ведь речь идет о мировом скандале и это надо заявить во всеуслышание. Здесь не может быть места для неясностей и полутеней. Перемена к лучшему никогда не наступит как награда за наше «примерное поведение». Эти люди убивают наших братьев. А мы молчим.

Допустим, что во время общей борьбы с Гитлером было невозможно возбуждать этот вопрос. Но теперь война кончена.

Больше откладывать нельзя!

Идея «Великой отечественной» Ю. Цурганов

«Посев», 2001, № 7

Основа советской мифологии наших дней

В конце 1980-х годов для советских патриотов сложилась крайне тяжёлая ситуация. Она была сродни той, в которой оказались герои их легенды – «панфиловцы». Политруку «панфиловцев» приписывают фразу: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва». В конце перестройки идеологам советского патриотизма тоже отступать стало некуда – позади история «Великой Отечественной».

К тому времени в общественном сознании переоценке подверглись почти все догмы уходящей эпохи: «развитой социализм», «миролюбивая внешняя политика СССР», «добровольное вхождение» стран Балтии в «братскую семью народов Советского Союза», «небывалый расцвет культуры в СССР» и прочее. Дольше всех держался культ Ленина, но и он, в конце концов, пал под натиском неопровержимых свидетельств о массовом истреблении людей в ходе красного террора, о том, что именно Ленин заложил основы тоталитаризма в нашей стране.

Последним оплотом идеологии советских патриотов стала идея «Великой Отечественной войны». В конце 1980-х (как, впрочем, и сейчас) попытки опровергнуть тезисы советской пропаганды о II мировой войне воспринимались официальными лицами с особой нетерпимостью. Не удивительно. Ведь крушение «последней святыни» лишает пребывание большевиков у власти какого-либо исторического оправдания.

Несмотря на противодействие официальных лиц, с начала 1990-х годов и до настоящего времени написано и опубликовано немало работ, авторы которых свободны от идеологических клише. Выйди первые из этих книг лет на пять раньше – рухнул бы и последний бастион советской пропаганды.

К сожалению, в 1990-е сознание многих российских граждан было уже не так

восприимчиво к новым идеям, относящимся к области гуманитарных знаний. Люди были заняты не этим – одни созданием первоначального капитала, другие поиском средств к существованию, то есть «своими делами». Потому и стереотипы мышления в отношении событий 1941–1945 годов оставались в основном прежними.

«Последний бастион» советским патриотам удалось почти что отстоять и даже использовать как плацдарм для идеологического контрнаступления.

В 1990-е годы многие граждане разочаровывались в демократических реформах. Следствием этого стала ностальгия по СССР и поиски «светлых сторон» в его истории. Это сразу заметили те, кто мечтает о реставрации советских порядков. Сегодня идею «Великой Отечественной войны» они постепенно превращают в суррогат национальной идеи России. Национальной идеи как не было, так и нет, но «Великая Отечественная война» преподносится как нечто священное, не подлежащее переосмыслению. Любая попытка пересмотреть историю войны трактуется как отступничество.

Опираясь на миф о «Великой Отечественной», современные советские патриоты пытаются реабилитировать многие действия большевиков начиная с 1917 года. Нас пытаются убедить в том, что, несмотря на жёсткость и даже жестокость применявшихся большевиками методов, именно эти методы обеспечили в конечном итоге победу над Германией.

При этом высказываются примерно такие суждения:

– 22 июня 1941 года Николай II находился бы в возрасте 73-х лет, его сыну – цесаревичу Алексею – было бы 37. Ни тот, ни другой, ни, тем более, политические наследники Керенского, не смогли бы организовать адекватный отпор Гитлеру;

– Отпор не мог быть организован потому, что царская Россия была отсталой страной. Николай II страдал параличом воли, позволял вводить себя в заблуждение придворной камарилье, сам того не желая, становился заложником политических интриг. Он принимал решения, служившие интересам лиц, приближённых ко двору, а не интересам страны. Всё это достаточно ярко проявилось в период I мировой ВОЙНЫ;

– К 1941 году ситуация могла только ухудшиться. Во-первых, ко всем прочим скверным качествам Николая II добавляется старость; во-вторых, Гитлер был сильнее и опаснее кайзера Вильгельма. К началу нового германского вторжения цесаревич Алексей мог уже сменить отца на российском престоле. Но он был тяжелобольным человеком – страдал гемофилией. Либеральное республиканское правительство и подавно было бы неспособно отразить германский натиск;

– Конечно, и в несоветской России к 1941-му могли произойти определённые позитивные сдвиги, в том числе в экономике, но ничего подобного проведённой большевиками индустриализации явно не могло быть осуществлено;

– Раз Гитлеру невозможно было бы оказать должный отпор, Россию ждало уничтожение: территория расчленена, народы частью истреблены, частью поработаны «великогерманским рейхом»;

– Только большевики имели волю к борьбе, смогли подготовить страну к обороне и тем самым спасти её. За три предвоенных пятилетки страна проделала в своём индустриальном развитии путь, который европейские страны проходили за 50-100 лет. Россия из аграрной страны превратилась в промышленного гиганта. Развитая тяжёлая промышленность позволила, хотя и с опозданием, оснастить Красную Армию современным оружием и победить врага;

– За индустриализацию была уплачена высокая цена. Но без её проведения не было бы и победы, а, следовательно, и самой России. Провести индустриализацию было невозможно без перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность, а эта перекачка невозможна без коллективизации. Коллективизация была невозможна без раскулачивания, ибо неизбежно приводила к сопротивлению со стороны наиболее зажиточных крестьян;

– Всё это не могло быть осуществлено без прекращения НЭПа, без использования бесплатной рабочей силы заключённых, без того, чтобы продавать за границу национальные богатства. Нельзя было не понизить жизненный уровень граждан, а дабы избежать волнений, стачек и забастовок, в стране должны были проводиться политические репрессии по принципу «не за то, что», а «чтобы не». Неизбежным было проведение борьбы с оппозицией и инакомыслием, а такая борьба невозможна в условиях существования многопартийности,

парламентаризма и негосударственных средств массовой информации;

– Само собой, всё это не могло осуществиться без взятия большевиками власти в октябре 1917 года и без тех способов борьбы с врагами революции, которые имели место во время гражданской войны;

– Да, большевики причинили много страданий людям, допустили много несправедливостей. Но, если бы не большевики, Гитлер бы нас уничтожил. Большевики пожертвовали частью, чтобы в конечном итоге спасти целое;

– То есть, если бы большевики не взяли власть в 1917-м, то война в 1941-м закончилась бы поражением России.

Схема основана на двух постулатах:

– Нападение Гитлера было неизбежно;

– Гитлер представлял реальную угрозу биологическому и культурному существованию народов России.

Однако эти постулаты зыбки, а без них вся схема ломается.

Как Гитлер стал Гитлером?

Ответ на вопрос, насколько неизбежным было нападение Гитлера, зависит от ответа на другой вопрос, – насколько неизбежным был его приход к власти в Германии?

Вследствие чего это произошло? Разберёмся.

Ни один из вождей большевизма в 1917 году не считал захват власти в России окончательным пунктом программы. Ленин даже рассуждал о том, что правильнее говорить не о русской революции, а о мировой революции, которая в силу исторических обстоятельств началась в России.¹

В 1919 году большевики создали в Москве транснациональную «пролетарскую» организацию «нового типа» – Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Организация ставила перед собой задачу установления «диктатуры пролетариата» в масштабах всего мира. Коммунистический Интернационал определял себя как мировую коммунистическую партию. Устав Коминтерна гласил: «Являясь вождём и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется... за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик»² (что, по сути, было объявлением войны всему миру, по крайней мере, холодной войны). В качестве плацдарма для осуществления этого плана лидеры большевиков, они же руководители Коминтерна, намеревались использовать территорию уже уничтоженного ими русского государства.

В первые годы пребывания у власти большевики совершили несколько неудачных попыток осуществить силами Красной Армии революционный поход в Европу. Народы сопредельных стран восприняли эти мероприятия не как миссию «освобождения от ига помещиков и капиталистов», а как агрессию. Красной Армии был дан отпор. Попытки большевиков организовать силами Иностранного отдела ОГПУ революции в европейских странах, то есть взорвать их изнутри, также не увенчались успехом.

Тогда большевики стали разрабатывать новую тактику мировой революции. Она заключалась в том, чтобы способствовать установлению в одной из европейских стран агрессивного режима, который развяжет новую мировую войну и поработит остальные народы Европы. В таком варианте предстоящее вторжение Красной Армии уж точно должно было восприниматься этими народами как миссия «освобождения». (Будущему агрессивному режиму, в период его роста, большевикам предстояло оказывать техническую помощь).

Идеальным государством, которое могло в будущем развязать новую мировую войну, представлялась Германия. Здесь были наиболее подходящие условия для прихода к власти потенциальных агрессоров, а именно – реваншистские настроения в обществе.

Дело в том, что державы, победившие Германию в I мировой войне, покарали её слишком жестоко. По Версальскому договору 1919 года Германия должна была выплачивать многомиллионные репарации. Это привело к бедственным для немцев социально-экономическим последствиям. Характерный показатель – гиперинфляция марки. В 1922 году в Германии цены менялись по 5–6 раз за сутки, зарплату выплачивали два раза в день. Условия Версаля стали ударом и по национальному самолюбию немцев. Германия потеряла 67,3

тысячи квадратных километров своей территории и все колонии.

Два этих фактора – нищета и национальное унижение – способствовали появлению и росту реваншистских настроений в немецком обществе.

В этих условиях началось советско-германское военное сотрудничество – первая фаза реализация новой тактики мировой революции.

Согласно Версальскому договору 1919 года Вооружённые Силы Германии – Рейхсвер – были ограничены 100 тысячами человек в составе 10 дивизий: 3 кавалерийских и 7 пехотных. Германской армии было запрещено иметь подводный флот, крупные бронированные корабли, самолёты, дирижабли, танки, броневики, химическое оружие. А в 1922 году в Рапалло советские и германские представители подписали договор о сотрудничестве, который военных статей не имел, однако его важнейшим результатом стало взаимодействие именно в области вооружений. Рейхсвер получил право создать на советской территории, втайне от всего мира, военные объекты. Они предназначались для проведения испытаний военной техники, накопления тактического опыта, обучения личного состава тех родов войск, которые Германии было запрещено иметь.

В 1923 году было подписано несколько договоров, в частности с фирмой «Юнкере», о постройке на территории СССР авиазавода. В 1924-м советская промышленность приняла от Рейхсвера заказ на производство 400 000 снарядов. Сложились три основных центра сотрудничества РККА с немцами: высшая школа летчиков в Липецке – «Липецк», танковая школа в Казани – «Кама» и школа химической войны в Подосинках – «Томка». В 1931 году в Москве проходили подготовку: В. Модель, В. Браухич, В. Кейтель, Э. Манштейн и другие будущие полководцы II мировой войны. В 1933-м сотрудничество сошло на нет, однако мощь германской армии к этому времени была уже во многом воссоздана³. В любом случае, имеющиеся факты свидетельствуют о вполне определённых намерениях советской стороны – намерениях помочь Германии поддерживать на современном уровне военную сферу.

Следующей фазой новой тактики мировой революции было приведение к власти в Германии основной реваншистской силы – Национал-социалистической Германской

Рабочей партии (НСДАП) – [Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei] [NSDAP] Адольфа Гитлера.

Согласно уставу Коминтерна, компартии разных стран входили в него в качестве секций. ВКП(б) также была одной из секций, но играла главенствующую роль: «Число решающих голосов каждой секции на всемирном конгрессе определяется... согласно числу членов данной партии и политическому значению данной страны»⁴. Совершенно очевидно, что ВКП(б) была самой многочисленной из всех коммунистических партий, а политическое значение СССР для мирового коммунистического движения было определяющим, поскольку только в Советском Союзе компартия была у власти, более того, никаких других партий в СССР не было.

Таким образом, Коминтерн был инструментом внешней политики СССР, а зарубежные компартии – исполнителями воли руководства ВКП(б): «Постановления Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала обязательны для всех секций Коммунистического Интернационала и должны ими немедленно проводиться в жизнь»⁵.

В 1928 году состоялся VI конгресс Коминтерна. На нём было провозглашено, что основной враг международного коммунистического движения – социал-демократы. К тому времени реальной силой в Германии обладали три партии: национал-социалисты, социал-демократы и коммунисты. Коминтерн (а практически – руководство СССР, а ещё точнее – Сталин) запретил германским коммунистам поддерживать социал-демократов и создавать с ними предвыборные блоки. В результате на выборах в Рейхстаг 1932 года гитлеровцы победили. Давно подмечена закономерность: сумма голосов, поданных за каждую из политически близких партий, идущих на выборы порознь, существенно меньше, чем количество голосов, которое могло быть подано за их единый блок. Ничто так не разочаровывает избирателя, как неспособность тех, за кого он собирался голосовать, договориться с политически близкими о совместных слаженных действиях. Немецкой компартии Сталин договариваться запретил.

Президент Германии Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером (главой правительства) 30 января 1933 года. В советских книгах сказано, что этот пост Гитлеру в буквальном смысле купили крупные германские промышленники. Их мотив – Гитлер будет

готовиться к реваншу следовательно, промышленность будет получать военные заказы. То есть речь шла о выгодном вложении денег. Это правда. Но Гитлер для того, чтобы на него сделали ставку, должен был что-то из себя представлять. Он и представлял – лидера партии, которая взяла самое большое число голосов на выборах.

Такова краткая история участия СССР в создании Третьего Рейха.

Последствие октябрьского переворота

В самой Германии голоса, поданные за НСДАП, означали отнюдь не только стремление к реваншу за Версаль и не только разочарование в «способности» немецких социал-демократов и немецких коммунистов найти общий язык. Они означали ещё и страх перед большевизмом. Этот страх был одним из закономерных последствий октябрьского переворота в России и последовавших за ним попыток распространить большевизм на другие страны: «Даёшь Варшаву!»; «Даёшь Берлин!».

В 1930-е в Германии, да и в других европейских государствах, было распространено мнение, что режиму большевиков может успешно противостоять лишь аналогичный тоталитарный режим, но с обратным идеологическим знаком: не интернациональный, а национальный.

Таким настроениям вполне отвечал Гитлер, чья концепция тоталитарного государства была заимствована у Ленина, а острие нацистского тоталитаризма было обращено против интернационального собрата-образца. И у Ленина и у Гитлера: один вождь, одна партия, у неё в руках мощная тайная полиция. В стране проводится полное «выравнивание» (Gleichschaltung) культурной и социальной жизни. Происходит ликвидация любых независимых от правящей партии общественных объединений. Но Гитлер копирует большевизм, чтобы ему же дать отпор. Даже гитлеровский антисемитизм облачался в тогу борьбы с «иудо-большевизмом».

Итак, без большевиков Гитлер вряд ли бы состоялся как диктатор. Одних «козней Версаля» мало, тем более, что к началу 1930-х наиболее болезненные для Германии статьи Версальского договора были отменены. Гораздо важнее ситуация в России. При сохранении в ней до 1933 года (и далее) монархического либо республиканского строя Рейхсвер не получил бы возможности поддерживать себя на современном уровне, НСДАП не победила бы на выборах, как по причине создания противостоящего ей левого блока, так и потому, что немецкие обыватели не имели бы повода голосовать за национал-экстремистов.

Для создания гитлеровского режима не было бы ни причин, ни образцов.

Две системы

Справедливости ради скажем, что таких законченных форм, как в СССР, тоталитаризм в Германии так и не обрёл. Политическая модель, созданная Гитлером, имеет много общего с моделью, созданной Лениным и Сталиным, но есть и существенные различия: большевики осуществили слом «старой государственной машины» – нацисты таковую ломать не стали; большевики уничтожили аристократию и социальную элиту – нацисты сохранили; большевики ликвидировали частное предпринимательство, частный капитал, частную собственность на средства производства – нацисты все это оставили.

Соответственно, разным был и образ жизни людей в СССР и в Рейхе. В условиях отсутствия негосударственных предприятий в СССР исключалась возможность эмансипации гражданина от государства. Попросту говоря, куда бы человек ни пошёл работать, он всё равно будет работать на госпредприятии. Кроме того, увольняясь с работы, советский гражданин получал характеристику, без которой на новое место он устроиться не мог. А в этой характеристике могли написать такое, что в дворники не возьмут. Увенчал эту систему указ от 26 июня 1940 года, по которому гражданам вообще запрещалось самовольно переходить с одного предприятия на другое. В Рейхе эмансипация гражданина от государства была возможна – посредством перехода на работу в частную кампанию.

В СССР был существенно более низкий уровень жизни, чем в Рейхе, что также было обусловлено в первом случае отсутствием, во втором – наличием частного сектора в экономике.

В Германии не было коммунальных квартир, тогда как подавляющее большинство горожан Советского Союза жило именно в них. В Германии до войны не было продовольственных карточек. В СССР они появились в апреле 1929 -го – на хлеб, чтобы к концу года распространиться почти на все продовольственные товары, а затем и на промышленные. В 1931 году были введены дополнительные ордера, так как даже по карточкам нельзя было получить положенного пайка. Советский человек задыхался от товарного дефицита. Для разгона многотысячных очередей за элементарным набором товаров повседневного потребления использовались наряды конной милиции. Немецкая деревня не знала голода, в СССР голод 1932–1933 годов унёс жизни 6,5 миллионов сельских жителей.

В СССР политика репрессий осуществлялась методом лотереи, возможность быть репрессированным не зависела от степени лояльности к режиму. Человек мог быть сколь угодно предан «делу партии и лично товарищу Сталину», но это не давало оснований с уверенностью утверждать, что сегодня он будет ночевать дома, а не в камере предварительного заключения. В Рейхе имела место избирательность репрессий. Для того, чтобы оказаться за решёткой, человек должен был вступить в конфликт с системой – проявить себя как социал-демократ, коммунист, профсоюзный активист, австрийский сепаратист и так далее, либо принадлежать к определённой общественной группе, прежде всего к евреюству.

Отсюда и сравнительно больший размах политических репрессий в СССР, осуществлявшихся преимущественно по доносам, питательную почву для которых создавал опять же низкий уровень жизни. Размах репрессий в Рейхе был сравнительно меньшим, поскольку они осуществлялись преимущественно с учётом принадлежности гражданина к той или иной политической или общественной группе, которые сами по себе не многочисленны. Арест по доносу – у нацистов явление значительно более редкое, чем у большевиков.

У Гитлера несогласным разрешалось молчать, Сталин требовал от всех активного проявления восторга. В СССР в отличие от Рейха практиковалась активная несвобода. Официальную пропаганду мало было читать и слушать – каждый обязан сам её вести, чтобы показать свою «сознательность» и лояльность.

Наконец, атмосфера общественной жизни в двух сравниваемых странах была очень разной. В СССР господствовал суконно-кирзовый стиль, повсеместным было убожество внешних форм жизни, насаждалось ханжество и культ аскетизма. Германия же и при Гитлере оставалась светской страной.

Миф об «отсталой России»

По утверждению современных советских патриотов, без октябрьской революции «слабая, отсталая Россия» не могла бы противостоять врагу. И якобы только индустриализация, осуществляемая большевиками любой ценой, могла вытащить страну из экономической ямы.

Однако штурмовщина первых пятилеток наверстывала вовсе не «отсталость» царской России, а отставание, вызванное обвалом страны в результате совершённого большевиками переворота. В самой советской литературе много писали о том, что за годы НЭПа уровень производства дореволюционной России был приблизительно восстановлен к 1927 году. То есть, октябрьский переворот, разрушительный опыт немедленного построения коммунизма и вызванная этим гражданская война отняли у страны десять лет роста (и это помимо невосполнимых человеческих потерь, колоссальной моральной травмы и подкошенной национальной культуры). Вот эти-то десять лет и наверстывали первые пятилетки. Причем, во-первых, советская индустрия давала ярко выраженный флюс в сторону тяжелой промышленности, а та, в свою очередь, в сторону производства вооружений. Российская же дореволюционная индустрия была разумно сбалансирована, работала на потребности общества, поскольку Российская Империя не стремилась силой оружия распространяться до масштабов всего земного шара. Во-вторых, советская индустрия развивалась за счёт понижения уровня жизни граждан, а российская – ради повышения этого уровня.

До I мировой войны, в думский период (1906–1913 годы) национальный продукт России увеличивался со скоростью 6 % в год, то есть удваивался каждые 12 лет. Без катаклизмов 1917–1921 годов Россия в 1941 году была бы по крайней мере в 4 раза мощнее экономически, чем в

1913 году. Причём без «издержек», сопутствовавших политике большевиков.

Я предвижу возражение: такое развитие страны могли затормозить непредвиденные форс-мажорные обстоятельства. Да, могли, и затормозили. Октябрьский переворот – это и есть то самое форс-мажорное обстоятельство.

Насколько был опасен Гитлер?

Сталин просчитался с новой схемой мировой революции – Гитлер разгадал его планы и сам напал на СССР. Одна только разработка этой схемы делает Сталина преступником, а ВКП(б) преступной организацией. Но, если в 1941-м над страной нависла гигантская опасность, и тот же Сталин сумел выправить ситуацию и добиться победы советского оружия, это может рассматриваться как реабилитирующий фактор?

Это зависит от ответа на очень важный вопрос – насколько Гитлер представлял опасность для биологического и культурного существования народов России?

Советские пропагандисты приложили максимум усилий для того, чтобы преувеличить возможности германской экономики и Вооружённых Сил. В конечном итоге родилась формулировка: «Красная Армия спасла мир от фашистской чумы». Очевидно, если бы Гитлер заявил о том, что после победы он погасит солнце, советские пропагандисты говорили бы: Красная Армия спасла для мира небесное светило.

В планы Гитлера действительно входило частичное истребление и частичное порабощение народов России, лишение их культурной идентичности. Можно привести массу соответствующих цитат из вождей Рейха.

Однако намерения и возможности не всегда совпадают. Немецкие маршалы и генералы писали в своих мемуарах, что победить во II мировой войне они не могли. Причём некоторые из таких произведений были опубликованы в СССР ещё в очень давние годы, когда и формировался тезис о «спасении мира». Одно противоречит другому, но вот перед нами сборник воспоминаний крупных германских командующих под общим заголовком «Роковые решения». Выпущен в 1958 году Военным издательством Министерства обороны СССР⁶.

Предоставим слово фельдмаршалу Г. фон Рундштедту: «Война с Россией – бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца»⁷. Генерал Г. Блюментрит: «Даже мельком взглянув на карту мира, нетрудно было понять, что маленький район в Центральной Европе, занимаемый Германией, явно не мог выставить силы, способные захватить и удерживать весь европейский континент. Из-за политики Гитлера немецкий народ и его вооружённые силы шаг за шагом всё дальше заходили в тупик»⁸.

А вот свидетельство генерал-лейтенанта З. Вестфалю: «... Немцы не могли и надеяться в течение длительного времени с оружием в руках угрожать всему миру. Просто мир был слишком велик... Основным роковым решением было то, которое исходило из ошибочного предположения Гитлера, что западные державы позволят ему уничтожить Польшу, не заступившись за своего союзника. Как только было принято решение о вторжении в Польшу, решилась и наша судьба. Уроки 1914–1918 гг. снова повторились четверть века спустя: Германия не может выиграть войну, ведя её более чем на одном фронте»⁹.

В современной России издано множество воспоминаний германских полководцев. Каждый желающий может составить большой перечень высказываний подобного содержания.

Да, как правило, эти высказывания – результат «работы над ошибками». Процитированные тексты написаны после поражения Германии. Вполне вероятно, что в 1939-м и в 1941-м германские генералы и маршалы думали иначе, но тем хуже для них.

Можно оставить в стороне источники личного происхождения и обратиться к научной литературе. Недостатка в ней нет. Монографии и коллективные научные труды написаны как российскими, так и иностранными учёными. Множество приводимых данных свидетельствует о неизбежном итоговом поражении Германии, вне зависимости оттого, как мог развиваться ход отдельных сражений. Достаточно сопоставить совокупный военный и экономический потенциал «Оси» и Объединённых Наций, размеры территорий.

Гитлер, «нуждавшийся в расширении жизненного пространства», явно не по доброту оставил вне оккупации южную часть Франции. Немцы не могли полностью контролировать занятые территории СССР, на всё не хватало сил. При этом планировалось дойти до Урала. А что делать с территорией за Уралом? Основной союзник Германии – Япония – вместо того,

чтобы открыть против Сталина второй фронт на Дальнем Востоке, втянула Гитлера в войну с США.

Эта картина написана самыми широкими мазками. Каждый может её дополнить и детализировать. В любом случае история III Рейха закончилась бы не позднее августа 1945 года, когда американцы завершили работу по созданию атомной бомбы.

Таким образом, мы можем сделать выводы:

– Гитлер как политический лидер Германии был порождением Сталина;
– Гитлер не был в состоянии уничтожить и закабалить народы России, хотя действительно этого хотел;

– Концепция спасительной миссии большевизма для судьбы России оказывается совершенно неубедительной.

Примечания

1. Этой теме посвящено много серьёзных научных исследований. Например: Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. – Лондон: ОРИ, 1991. – 655 с.

2. Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932 / Под ред. Бела Куна. – М.: Партийное издательство, 1933. – С. 47.

3. Этой теме посвящена книга Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы». – М.: Сов. Россия, 1992. – 384 с. Авторы ввели в научный оборот огромный массив документов, которые в деталях раскрывают характер советско-германского военного сотрудничества в указанный период.

4. Коммунистический Интернационал в документах... – С. 48.

5. Там же.

6. Вестфаль З., Крейпе В., Блюментрит Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К, Циммерман Б., Мантейфель Х. «Роковые решения» / Под ред. П.А. Жилина. – М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1958. – 317 с.

7. Там же. – С. 76.

8. Там же. – С. 108.

9. Там же. – С. 305 – 306.

К разговору об историографии

Как читать советских историков?

Ю. Фельштинский

«Посев», 1983, № 5

Четыре периода советской историографии

Условно советскую историографию новейшей русской истории можно разделить на четыре периода. Первый из них (1918–1931 годы) можно назвать «периодом первоначальной откровенности», когда, не стыдясь ни пафоса, ни террора, ни желания самоутвердиться в борьбе, многочисленные участники революции 1917 года в своих работах приоткрывали истину. Тогда ещё не определился взгляд истории на кровавые события революции и гражданской войны. И никто из большевиков не боялся, что через десятилетия их коммунистические опыты мы осмыслим по-иному. В те годы вещи назывались своими именами. И события октября 1917 года, например, общепризнанно считались переворотом. Лишь к концу этого периода окончательно утвердилась формулировка «Великая Октябрьская социалистическая революция».

И всё-таки, несмотря на свою тенденциозность, мемуарно-исследовательские работы тех лет и первые публикации документов как в журналах, так и отдельными изданиями стали в руках историков незаменимыми источниками.

Но уже в 1931 году Сталин написал известное письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция». Это было начало второго периода, когда история СССР как наука в Советском Союзе перестала существовать. Осталась, говоря словами покойного историка-марксиста М.Н. Покровского, лишь «политика, опрокинутая в прошлое», в виде «Краткого курса истории ВКП(б)».

Так продолжалось до смерти Сталина и XX съезда партии. А с «оттепелью» начался третий период. После 1956 года советская историография вдохнула глоток свободы. Но даже в эти самые свободные годы новейшая история СССР была подчинена политическим интересам советских вождей. Концом третьего периода советской исторической науки стало осуждение и изъятие с книжного рынка книги А.М. Некрича «1941 год, 22 июня» (1965 год).

Начался четвёртый период, на нём остановимся подробнее.

О советско-германских отношениях 1939–1941 годов

Абсолютно честных работ сегодня крайне мало. И всё-таки, если не личная честность, то профессиональный инстинкт не позволяет советским исследователям заниматься примитивными (и обычными для сталинских времён) вымыслами. Лгут немногие. Чаще других – мемуаристы. И к мемуарам, конечно, нужно относиться с особой осторожностью. Если, например, на основании воспоминаний участников первого коммунистического субботника в Кремле вы попытаетесь подсчитать количество людей, несших бревно вместе с Лениным, вы остановитесь на цифре 70 и поймёте, что не во всем стоит верить мемуарам.

Бывший первый секретарь посольства СССР в Германии Валентин Бережков, приставленный переводчиком к Молотову во время встречи Молотова с Гитлером в Берлине в конце 1940 года, в книге воспоминаний «С дипломатической миссией в Берлин, 1940-41» (АПН, Москва, 1966) утверждал, что во время этого визита вопрос о разграничении сфер влияния между Германией и СССР, в частности, о присоединении СССР к Тройственному пакту и о признании за Советским Союзом права на расширение своей экспансии в сторону Индийского океана, не обсуждался; во всяком случае Молотов вопросов о разделе сфер влияния не касался. Не имея доступа к архивам германского Министерства Иностранных Дел, было трудно заподозрить Бережкова в обмане. Отнюдь не все советские историки знали о существовании секретных советско-германских договоров, подписанных Молотовым и Риббентропом. Бережков, однако, о договорах знал, но делал вид, что их не существует. В 1948 году государственный департамент США издал тексты самих договоров и ряд других документов из истории советско-нацистских отношений. Бережков знал и об этом издании, но как бы не заметил его.

Вся советская историография по истории дипломатии II мировой войны, в частности, советско-германских отношений 1939–1941 годов, давно уперлась в тупик из-за того, что либо не знает, либо не хочет, либо не имеет права упомянуть о наличии секретных советско-германских договоров о разделе Польши, согласии Германии на оккупацию Советским Союзом Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии и Бессарабии. Невозможно изучение внешней политики СССР и без знания формально не заключённых, но уже обсуждённых и подготовленных советской стороной к подписанию проектов договоров между СССР и странами Тройственного пакта – Германией, Италией и Японией – о предоставлении Советскому Союзу права захвата Болгарии, получения военно-морской базы в Проливах и о согласии стран Тройственного пакта на советскую агрессию в направлении Индийского океана. Эти проекты не обрели силу договоров из-за Германии: Гитлер счёл требования Сталина чрезмерными. И вот Бережков, один из немногих высокопоставленных советских дипломатов в Германии, доживших до 1956 года, сделал вид, что всего этого просто не существовало.

Итак, при чтении многочисленных работ советских авторов по истории советско-германских отношений 1939–1941 годов мы вынуждены пользоваться важнейшим дополнительным источником – текстами самих документов, опубликованных в США.

О Мюнхенском сговоре и «редакционных примечаниях»

Безличные «примечания редакции» – один из методов советской историографии. В сборнике «Новые документы из истории Мюнхена» (Москва, 1958) о Мюнхенском сговоре и расчленении Чехословакии в конце сентября 1938 года обращает на себя внимание чуть ли не единственная за многие годы неувязка со времени расшифровки телеграмм советского посла в Праге Александровского. По странному стечению обстоятельств посланная в Москву по просьбе президента Чехословакии Бенеша телеграмма советского посла в Праге Александровского осталась без ответа. Телеграмма не была обычной. В ней содержался запрос чехословацкого правительства относительно возможности оказания Советским Союзом помощи Чехословакии в соответствии с заключенным ранее советско-чехословацким пактом о взаимопомощи. Через два часа после первой телеграммы также по просьбе Бенеша Александровский послал в Москву вторую телеграмму. Советский посол сообщал, что Бенеш снимает свой запрос относительно помощи советского правительства и не настаивает более на выполнении Советским Союзом своих обязательств перед Чехословакией.

Чехословакия капитулировала. И уже после этого советское правительство прислало ответ Бенешу, причём ответило сразу на две телеграммы.

Анализ документов, разумеется, приводит исследователя к единственно возможному выводу: советское правительство не хотело ввязываться в конфликт в Европе и не было заинтересовано в оказании Чехословакии помощи, предусмотренной советско-чехословацким договором. Таким образом и СССР стал косвенным участником сделки в Мюнхене. Ещё не зная о решении Бенеша снять запрос, советское правительство сделало вид, что первой телеграммы Александровского Москва не получала. На эту первую телеграмму Сталин просто не стал отвечать. Когда же Бенеш решил не прибегать к помощи Советского Союза, так как наличие советских войск в Чехословакии для Бенеша вряд ли было более приемлемо, чем наличие германских войск, и попросил Александровского послать в Москву вторую телеграмму с отказом от советской помощи, Москва ответила Праге без риска быть вовлечённой в конфликт.

Однако подобный вывод не может устроить советскую историографию. Поэтому редакция сборника «Новые документы из истории Мюнхена» даёт следующее примечание к документу:

«Телеграмма поступила в НКВД СССР 30 сентября 1938 г. в 17 часов 00 мин. по московскому времени. Приём и расшифровка телеграммы были закончены на 15 минут позже, чем приём и расшифровка второй телеграммы полпреда СССР в Чехословакии от того же числа, поступившей в НКВД в 17 час. 45 мин. по московскому времени, в которой сообщалось, что Бенеш снимает свой вопрос, так как чехословацкое правительство приняло решение о капитуляции».

После такого «примечания редакции» трудно обвинить советское правительство в том, что в решающий момент в сентябре 1938 года оно отказалось поддержать Чехословакию.

В «сокращённом переводе»

Так называемыми «примечаниями редакции» наводнена и немногочисленная переводная литература, изданная в СССР. Однако основная её проблема заключается в том, что переводы исследований западных историков, журналистов, воспоминаний и дневников военачальников за редким исключением печатаются с купюрами, называемыми на языке советских редакторов «сокращённым переводом».

Так, в «сокращённом переводе» была издана книга Александра Верта «Россия в войне 1941–1945 годов». Для советского читателя она представляла безусловный интерес. Для историка II мировой войны – важный материал для исследования. Но, читая её, постоянно приходится помнить о том, что сокращены и размышления автора о советско-германском пакте, и о снятии Литвинова с поста наркома иностранных дел, и о советско-финской войне, и о польском вопросе, и о Катинском расстреле, и о Варшавском восстании 1944 года.

Сокращениям подверглись и такие военно-исторические исследования, как трёхтомный труд Роскилла «Флот и война», работа Теодора Роско «Эскадренные миноносцы США во второй

мировой войне» и даже исследование восточно-германского автора Эдуарда Винтера «Политика Ватикана в отношении СССР».

* * *

Можно предположить, что 1980-е годы будут богаты интересными историческими работами, изданными в СССР. Упор в основном будет сделан на историю революции и гражданской войны. И не случайно. Со времени окончания гражданской войны прошло более шестидесяти лет.

Уже практически не осталось в живых её участников. Сменилось не одно поколение руководителей Советского Союза. У функционеров Андропова (и тех, кто идёт им на смену) есть больше оснований не чувствовать себя ответственными за революцию, террор и гражданскую войну. Остаётся все меньше и меньше людей, лично заинтересованных в сокрытии документов, хранящихся в советских архивах. Надеюсь, что с каждым годом мы будем узнавать о подлинной советской истории всё больше и больше.

Как читать постсоветских историков? Ю. Цурганов

«Посев», 2004, № 6

Точки над «i»

С утверждением, что история II мировой войны оболгана, согласятся многие. Тем более согласятся с тем, что оболгана история участия в ней СССР. Но при этом каждый соглашающийся будет иметь ввиду своё: один – что лгали до перестройки, другой – что лгут сейчас. Поэтому сразу раскрою карты: я отношусь к той категории людей, про которую Проханов сказал: «...стремятся заплевать красные иконы Победы ядовитой слюной нигилизма»¹.

Прекрасное начало

В начале 1990-х для научных работ по истории II мировой войны были характерны резкая критика историографии советского периода и стремление отмежеваться от неё: «...Адепты тоталитаризма по-прежнему пытаются навязать исторические мифы с тем, чтобы вытравить научное знание. Таковым примером является пресловутый десятитомник “История Великой Отечественной войны советского народа 1941–1945”, работа над которым была развёрнута в соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 года... Десятитомный официальный опус – это целенаправленная диверсия идеологов от КПСС против прозревающего от лжи народа. Это попытка знакомыми средствами реанимировать идею прочности и незыблемости “социалистического” строя... Общественность ждёт от историков принципиально нового труда, созданного на основе глубокой переоценки прошлого, а не подправленной модели уже написанного»². Эта тенденция была устойчивой на протяжении нескольких лет, но потом ситуация начала меняться.

Катынь – тест на вменяемость

Среди ранее не исследовавшихся проблем одной из первых привлекла к себе внимание современных российских историков судьба польских военнопленных в СССР.

Сборник статей «Катынская драма»³ с участием отечественных исследователей автор предисловия проф. А.О. Чубарьян назвал первым в нашей стране научным изданием, посвящённым катынскому делу. Публикации построены на архивных документах. «...Дела польских офицеров и полицейских, находившихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях в декабре 1939 – марте 1940 года, – делает вывод Н. Лебедева, –

готовились на рассмотрение Особым совещанием НКВД в апреле – мае 1940 года. Более 15 тысяч польских военнопленных – офицеров и полицейских – были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Таким был их последний маршрут, конечными пунктами которого стали Катынь, Медное и 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова»⁴.

Вывод о «советском следе» сделал и В.К. Абарин, автор монографии «Катынский лабиринт»⁵. С юридической точки зрения Абарин оценивает события в Катыни как военное преступление. При этом он ссылается на статью 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, которая говорит о нарушениях законов и обычаев войны, в частности, об убийстве военнопленных. Автор также указывает на то, что Советский Союз был участником Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 года. В декабре 1983 года СССР голосовал за резолюцию 38/99 Генеральной Ассамблеи ООН, согласно которой привлечение к ответственности лиц, виновных в этих преступлениях, является обязательством всех членов международного сообщества.

В принципе, вопрос о том, кто именно расстреливал поляков в Катыни, уже утратил историческую актуальность, предметом исследований сегодня могут быть только детали события. После того, как в апреле 1990 года президент СССР М.С. Горбачёв признал вину НКВД в Катынском деле, этот вопрос утратил и политическую актуальность. Сегодня вопрос об ответственности за содеянное превратился в тест на вменяемость, который в нашей стране проходят не все.

«Контраргументов» три. Первый – отрицание до последнего, вопреки очевидным обстоятельствам, факта расстрела польских военнопленных именно советскими спецслужбами, перекладывание ответственности на Вермахт, СС, Гестапо. Доводы, как правило, облечены в характерную лингвистическую форму: «Это не мы, это немцы». Действительно, уже один только инстинкт самосохранения должен заставить выступать в защиту всех и каждого, кого человек объединяет вместе с собой в единое «мы». Проблема упирается в то, что всё ещё есть люди, для которых Сталин и НКВД – это «мы».

(Зарубежная общественно-политическая мысль иногда сама подталкивает к такому использованию местоимений. На Западе, да и в Восточной Европе, часто не разводят, а синонимизируют понятия «русские» и «большевики». Так, например, Войтех Магны дал своей книге название: «Путь России к холодной войне». Хотя во времена «холодной войны» на политической карте мира не было государства с названием «Россия».)

Второй «контраргумент»: да, расстрелы осуществляли чекисты, но «неужели наши польские друзья не в состоянии оценить случившееся с чётких классовых позиций? Ведь речь идет о командных кадрах старой польской армии, стоявшей на службе у буржуазии. Так почему же польские товарищи начинают терять классовое чутьё, впадают в националистические амбиции?»

Третий «контраргумент»: руководство НКВД неверно истолковало приказ о ликвидации лагерей, Сталин вовсе не имел ввиду расстрел поляков, это подчинённые перестарались.

И всё же самым популярным остаётся первый «контраргумент». Примером может служить книга главного редактора газеты «Дуэль» Юрия Мухина «Антироссийская подлость». В ней, как и в нескольких других произведениях, автор пытается перечеркнуть выводы современной исторической науки о начальном периоде II мировой войны и вернуться к канонам советской историографии, сдобрив их пафосом национал-большевизма.

«Антироссийская подлость» – книга о Катыни. Её даже не обязательно брать в руки, чтобы понять, в чём хочет убедить автор своих читателей. На обложке изображён немецкий военнослужащий, стреляющий в затылок человеку в польской униформе. (Качество рисунка очень низкое, но характерная немецкая каска и польская «конфедератка» угадываются.) В рамках статьи не представляется возможным дать полный анализ тезисов Мухина. Скажем только, что первый документ, который он приводит (причём уже во введении к книге) – «показания крестьянина Киселёва» сотрудникам НКВД. В них Киселёв утверждает, что при немцах был вынужден говорить, что поляков убили чекисты, поскольку немцы применяли к нему методы физического воздействия. Видимо, следует понимать так, что представители советских органов таких методов не применяли и потому с ними человек был по-настоящему

откровенен.

Уровень полемики Мухина характеризуют высказывания такого рода: «После войны для польских шляхетских уродов, ошивающихся за границей и готовых за мелкие подачки на что угодно, Катынское дело стало единственным оправданием того, почему они не воевали против немцев во Второй мировой и почему гадят Польше и после войны... Приход в СССР к власти безмозглого Горбачева и его команды оставил Советский Союз без управления. Этот пятнистый кретин спилил сук, на котором сидел, а упав с вершины на помойку, делает вид, что он именно этого и хотел из-за своей приверженности “общечеловеческим ценностям” и своему новому “мышлению”»⁶. Своих научных оппонентов Мухин оценивает так: «...в архивы были допущены в основном крайне подлые, но частью просто глупые “учёные”...»

Мухин любит выводить события 1940-го (или, как он считает, 1941 года) на современность: «Многие ли в России понимают, что... почти 40-летний военный союзник СССР ныне стал потенциальным врагом России...?» А понимает ли он сам, что Польша никогда не была союзником СССР, что она была его сателлитом? Понимает ли он, что в 1944 году происходило не «освобождение» Польши, а смена оккупационного режима – гитлеровского на сталинский? Красная Армия бездействовала вместо того, чтобы придти на помощь Варшавскому восстанию в августе 1944 года. Это восстание против нацистов было поднято Армией Крайовой («шляхетскими уродами», которые «не воевали против немцев во Второй мировой»). Армия Крайова – это сила, стремившаяся восстановить правопорядок, существовавший в Польше в довоенные годы. Конечно Сталину было выгодно, чтобы нацисты утопили это восстание в крови, потому Красная Армия и бездействовала. Ведь главная цель Сталина – навязать Польше, как и другим европейским государствам, до которых он смог дотянуться, ту же варварскую систему, которая существовала в СССР. Это удалось, и на протяжении упомянутых Мухиным сорока лет СССР держал Польшу на ошейнике. В 1982 году Ярузельский был даже вынужден сам ввести военное положение, чтобы не допустить развития событий по венгерскому сценарию 1956-го или чехословацкому 1968-го. Даже без Катыни этого достаточно, чтобы признать ненависть поляков к большевизму вполне обоснованной. Пока только к большевизму как к системе, а как насчёт русских как нации?

Общий вывод Мухина: «Катынское дело было использовано “пятой колонной” СССР и России точно так же, как его использовали гитлеровцы со своими польскими холуями начиная с 1943 г., т. е. для вызывания ненависти у европейцев к СССР и России...»

Трагедия Мухина и его единомышленников заключается в том, что для них СССР – российское государство.

– А какое же ещё? – последует вопрос.

– Большевицкое, коммунистическое, советское (в данном случае будем рассматривать эти термины как синонимы). А это означает – антироссийское в узком смысле и античеловеческое – в широком. Чем национальное государство отличается от тоталитарного? Тем, что национальное правительство в своей деятельности исходит из того, чтобы улучшить жизнь граждан. На этом поприще национальные правительства могут совершать ошибки, могут оказываться недостаточно компетентными, но вектор их политики задан, тем не менее, именно в названном направлении. Тоталитарное правительство в принципе не ставит перед собой задачу улучшения жизни граждан. Его задача – укрепление режима внутри страны и расширение географии его влияния. А всё, что находится в стране, включая граждан, это лишь сырьё для осуществления главной задачи. Причём её осуществление представляет собой бесконечный процесс. Конечно, и тоталитарные правители делают что-то для граждан, но подобно тому, как рабовладелец делает что-то для рабов, а фермер – для домашних животных.

Почему трагедия? Потому что Мухин действительно любит Россию. Но в стремлении выразить свои чувства пытается защищать СССР – государство, которое было главным врагом для народов, проживающих на его территории. Любое обвинение, направленное против СССР, воспринимается Мухиным и его единомышленниками как «антироссийская подлость», то есть априори предвзято. А насколько это обвинение справедливо само по себе – для них не важно: обвиняют «наших», значит надо защищаться. В действительности же Россия – первая жертва большевизма, который впоследствии стал действовать от имени своей жертвы, навлекая на неё ненависть сопредельных народов за свои преступления. Отречься от Ленина и Сталина как от

губителей России – главная задача национальной политики. Говорить о них как о национальных лидерах – это действительно антироссийская подлость, в данном случае без кавычек.

По-настоящему плохо то, что Мухин не разборчив в средствах. В целях обеспечения поддержки своей версии со стороны российских обывателей он играет на весьма незатейливых чувствах: «Многие ли понимают, что как только в этом деле будет поставлена возделенная поляками и отечественными негодьями точка, нынешние граждане России будут платить нынешним гражданам враждебной Польши денежную “компенсацию”?...» К теме возможного «иска граждан Польши к гражданам России» Мухин обращается неоднократно. Исследователи, цель которых – воссоздание адекватной картины прошлого, к таким доводам не прибегают.

Из 1940-го Мухин не только перепрыгивает в 1991 – й, но и отпрыгивает в 1937-й: «Катынское дело прекрасно объясняет, почему накануне Второй мировой войны потребовались чрезвычайные тройки и почему так беспощадно уничтожалась “пятая колонна”».

Масштаб его сверхзадачи действительно впечатляющ: не только обвинить во всевозможных грехах архитекторов перестройки, но и оправдать сталинские репрессии.

А вот Александра Филипповича Катусева Мухин обидел напрасно («...осенью 1990 г., главный военный прокурор СССР Катусев из отъявленных негодяев ГВП собрал “следственную бригаду” для юридической фальсификации этого дела»). Более ревностного борца с «пятой колонной», чем Катусев, пожалуй не найти. В 1990 году он совместно с В. Оппоковым написал для «Военно-исторического журнала» статью «Иуды. (Власовцы на службе у фашизма)»⁷. Название говорит само за себя и выводит нас ещё на одну тему, не менее животрепещущую.

На чьей службе находились власовцы?

В 1990-е вышло несколько серьёзных книг об антисталинском протесте советских граждан 1941–1945 годов. Они, как правило, написаны молодыми историками и опубликованы частными издательствами. Но вот книга, написанная Михаилом Ивановичем Семирягой – корифеем советской исторической науки, ветераном (что немаловажно), напечатанная издательством РОССПЭН – «Российская политическая энциклопедия». В этой монографии, озаглавленной «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны»⁸ читаем: «Подавляющее большинство граждан государств прежнего Советского Союза резко осуждает бесчеловечный сталинский режим. Но когда заходит речь о политической оценке тех, кто вёл активную борьбу против него, то возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: люди готовы сочувствовать тем узникам сталинского режима, которые были заточены в многочисленные лагеря ГУЛАГа и, по существу, не могли активно бороться против него. Но эти же люди психологически и поныне не готовы понять и принять тех противников Сталина, кто с оружием в руках сражался против того же режима... Жизнь всегда богаче, сложнее, многограннее любых, даже самых устоявшихся схем и стереотипов. Поэтому, думается, с течением времени отношение к коллаборационистам – исключая, конечно, подлинных военных преступников, карателей, которым нет и не может быть прощения, – наверняка изменится. Новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более широко и непредвзято оценить характер и мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб»⁹.

Такой взгляд, представленный фактически на официальном уровне, был большим событием для отечественной науки. Но тут же пошёл и откат назад. Борис Филиппов в статье «Сопrotивление советскому режиму (1920–1941)»¹⁰ начинает «за здравие»: «Массовому сознанию был навязан тезис об отсутствии сопротивления, о пассивном поведении обескровленного мировой войной, революцией и войной гражданской населения, активная часть которого либо погибла, либо эмигрировала». Приводит многочисленные факты сопротивления большевизму в 1920-1930-е, классифицирует их. Но заканчивает «за упокой»: «...до начала Отечественной войны не прекращалось сопротивление сталинскому режиму». А что, после начала «Отечественной войны» оно прекратилось? Именно после 22 июня оно и развернулось по-настоящему.

С. Чуев, автор книги «Проклятые солдаты»¹¹, признаёт и наличие сопротивления, и его размах. Но, задаваясь вопросом, почему это стало возможным, даёт ответ: «В первую очередь,

это готовность немецких командиров привлекать на службу местных жителей и военнопленных, хотя подобная инициатива порой и тормозилась гитлеровским окружением»¹².

Такая готовность немецких командиров проявилась отнюдь не сразу. Инициатива сотрудничества с немцами исходила именно от местного населения и от военнопленных. Идея политического оформления движения тоже исходила от местных – конкретно, от жителей Смоленска осенью 1941 года. Вопрос о том, что первично – антисталинский протест граждан СССР, перешедший из латентной фазы в открытую в условиях войны, или желание немцев пополнить кем-либо свои редущие полки, – принципиально важен. Нельзя согласиться и с тем, что инициатива «порой и тормозилась гитлеровским окружением». Она встретила активнейшее противодействие нацистской партийной верхушки, прежде всего самого Гитлера, поскольку противоречила идеологическим установкам, разработанным ещё до войны.

«...У нас служба немцам, – продолжает Чуев, – всё-таки воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, а уж если бургомистром становился бывший советский или партийный чиновник, а полицаем – бывший милиционер, то такой поступок расценивался как особо циничный и непростительный...»¹³

Единого отношения к сотрудничеству сограждан с немцами не было, поскольку само сотрудничество было массовым. Кроме того, многие смотрели на это с прагматических позиций. Криминальная полиция (в СССР – милиция) должна существовать в любой стране при любом режиме. И она должна быть местной, говорить на одном языке с населением, иметь опыт работы в конкретных городах и населенных пунктах, знать специфику криминального мира. Большевики отступили, так и жуликов ловить не надо? Не надо обслуживать систему жизнеобеспечения? Пахать, сеять, собирать урожай? Сталин так и хотел: либо при мне, либо вообще никак. Отсюда и приказы об уничтожении инфраструктуры при отступлении Красной Армии. (Так будет действовать и Гитлер с конца 1944 года – тактика «выжженной земли»). Диктаторы хотят, чтобы жизнь заканчивалась вместе с ними, но должна ли нация разделять этот взгляд?

Книга Чуева компиляционная, он опирается на множество документальных данных, введённых в научный оборот другими авторами, но выводы и оценки предлагает прямо противоположные. Благодарность, которую он выражает К. Александрову, С. Дробязко, Г. Кокунько и другим, выглядит поэтому довольно странно.

Книга Б. Ковалёва «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944»¹⁴ написана на основе диссертации, что видно уже из введения: характерное для этого жанра перечисление объекта, предмета, цели, задач исследования, классификация источников, анализ историографии проблемы. Уже это обязывает нас особенно внимательно отнестись к данной работе.

«Насаждая на оккупированных территориях свой “новый порядок”, нацисты стремились стереть само слово “Россия” с карты так называемой “Новой Европы”»¹⁵.

России на карте мира в 1941 году не было, она уже была стёрта большевиками.

Автор даёт оценку работам предшественников: «С середины 90-х годов в России появились статьи и книги, рассказывающие о различных формах русского коллаборационизма в апологетических тонах. К ним относятся, в первую очередь, статьи К. Александрова в журналах “Посев” и “Новый часовой”. С 1997 г. в Москве под редакцией А.В. Огорокова выходят “Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.)”... Власовское движение в них называется “Русским Освободительным Движением” (именно в таком написании, все слова с большой буквы. – Б.К.) О советском сопротивлении пишется в уничижительных тонах...»¹⁶

Предпочтения Ковалёва очевидны: «Из наиболее фундаментальных работ общего характера о событиях второй мировой войны следует отметить выпущенный в 1960–1965 гг. Военным издательством министерства обороны СССР шеститомник “История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945”. Её авторы ввели в научный оборот огромный материал, отражающий все основные стороны истории войны, в том числе и события на оккупированной нацистами территории нашей страны»¹⁷. Не менее лестного отзыва удостоен 12-томник «История второй мировой...», издававшийся в 1973–1982 годах. «Отдельные главы этого труда посвящены были борьбе советских людей в тылу врага»¹⁸.

Сопоставим это высказывание с оценкой, данной советским многотомникам в 1992 году (цитата в начале данной статьи). Опять откат. Тенденция удручающая.

«...Пока ещё нет комплексного исследования по этой проблеме. – продолжает Ковалёв. – Отсутствием работ в данной сфере сейчас воспользовались те, кто прямо или косвенно пытается реабилитировать лиц, сотрудничавших с немцами в годы Великой Отечественной войны. Активно используя средства массовой информации, они проводят мысль о самостоятельности коллаборационистского движения. Одной из важнейших задач, стоящих сейчас перед отечественными историками, является объективное исследование данной проблемы, разоблачение подобных утверждений»¹⁹.

Автор заключает: «У страны был один враг – иноземные захватчики...»²⁰ Ну а раз так, то бороться против Сталина не нужно? (Поданным, представленным в 1991 году в Верховный Совет РСФСР органами прокуратуры и МВД, суммарное число жертв сталинских репрессий составило 50 114 267 человек.) Значит, те, кто это делал, находились «на службе у фашизма» и не более того? Подводя читателя к такому выводу, автор возвращается к самым прямолинейным советским трактовкам, отбрасывая целый пласт исследований и выводов, сделанных в 1990-е.

Страсти по «Ледоколу» продолжаются

В 2002 году издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо «Псевдоисторик Суворов и загадки второй мировой войны». Это очередная попытка опровергнуть концепцию о подготовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Прежние попытки отличались беспомощностью. Главный аргумент критиков был идеологический – «книгой “Ледокол” Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе и главный критик – Габриэль Городецкий. Его монография «Миф “Ледокола”» должна была бы называться по-другому – «Некоторые сведения о советско-германских отношениях на рубеже 1930-1940-х годов.» В ней много нового и интересного, но опровержения концепции Суворова в ней нет.

Помогайбо первый, кто поставил перед собой задачу опровергнуть Суворова по пунктам, но, опять же, безуспешно. Первое, что обращает на себя внимание, это попытка автора воспроизвести стиль своего противника. Язык Суворова живой, афористичный, почти разговорный. В этом и сила и слабость его книг о войне. Сила в том, что автор обрёл массовую читательскую аудиторию, слабость – дал повод своим недоброжелателям отнести «Ледокол» к разряду публицистики, хотя по сути это научное исследование. Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо – бездарно: «Я прямо-таки вижу: бородатый Маркс колдует над ретортами, выращивает чистый марксизм. Но чистый не получается. Выходит всё грязный, с осадком. “Эх, чего-то не хватает, – скорбно шепчет Маркс. – Подбавил бы сюда мне Суворов-Резун сто пятьдесят грамм мировой революции...” Кошмарная сцена. Бр-р-р».

Подобные ёрничества встречаются почти на каждой странице. Действительно «бр-р-р». Читать тяжело и неприятно.

Второе – мелочность придинок. Суворов пишет: «И снаряды “Тигра” (вес 56 тонн) и “Тигра-Б” (вес 67 тонн) с такой дистанции пробить ИС-2 не могли...» Помогайбо парирует: «Не может быть такого, чтобы танк имел снаряды в 67 тонн!» Да, фраза Суворова построена не очень удачно, но, тем не менее, совершенно ясно, что тонны относятся к танкам, а не к снарядам.

На форуме письмо: «Господин Помогайбо! Давайте начистоту... Книгу Вы написали плохую. Поверхностную в изложении фактов, в построении контраргументов к теории Владимира Богдановича и попросту непрофессиональную. Я с июня 2001 года пишу аналогичный труд (уже написано свыше 3 Мб вордовского текста, более 1,2 млн. печатных знаков с пробелами), поэтому как коллега вижу достоинства и недостатки. Когда я писал каждую из глав, то закапывался в различные источники, как наши, так и иностранные и доискивался до сути дела. Даже пробился в РГВА (Российский Государственный Военный Архив – ЮД.) и почитал документы по финской. Ну как можно скакать в одной главе с темы на тему, не заканчивая мысль и не выстраивая чёткое доказательство с выводом в конце

“слушали-постановили”? Так, как это делаете Вы книги не пишутся. Хаотичное изложение фактов, отсутствие собственной цельной теории о развитии событий... В. Суворов Вашу книгу в порошок сотрёт...»

Посмотрим, конечно, что в итоге представит сам автор письма, но попытку «разоблачить» Суворова, предпринятую Помогайбо, следует признать неудачной.

Кроме того, эти попытки уже утомили читателей. Антисуворовские книги перестали пользоваться спросом. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что одно из произведений читателю пытались впихнуть контрабандой. «Ледокол-2». Дизайн обложки как у всей суворовской серии, имя автора – «Виктор Су/ювов». Порядок букв изменён, но беглый взгляд выхватывает это не сразу. Как маркетинговый приём – мерзость, с точки зрения содержания – ещё большая мерзость. Это даже не критика, переходящая на личность, а просто набор грязных домыслов.

На Западном фронте без перемен

А. Орлов в книге «За кулисами второго фронта»²¹ задаётся вопросом: «Что позволило Гитлеру чуть ли не пять лет (сентябрь 1939 г. – июнь 1944 г.) успешно избегать войны на два фронта? Почему второй фронт был открыт только на пятый год войны?»²². Автору конечно известно про высадку союзников в Италии в 1943 году, боевые действия в Северной Африке в 1942 году, на Тихом океане в 1941 году, в Западной Европе в 1940 году и про то, что Англия и Франция объявили войну Гитлеру 3 сентября 1939 года – через два дня после того, как он атаковал Польшу. Но для него это малозначительные эпизоды: «... Понятие – второй фронт – подразумевало боевые действия вооружённых сил США и Англии в Западной Европе (и в 1944 году – Ю.Ц.), да, именно в Западной, ибо только сокрушительный одновременный натиск на Германию с востока и запада, с территорий, непосредственно выводящих армии государств антигитлеровской коалиции к границам самой Германии и к столице третьего рейха позволял союзникам взять цитадель фашистского блока в мощные тиски. Только такие условия обеспечивали победу над гитлеровским рейхом и во всей Второй мировой войне»²³.

Во-первых, территорией, непосредственно выводящей к границам Рейха, была не только Франция, но и Италия. Во-вторых наличие нескольких фронтов, безотносительно к тому, где они расположены, вынуждало немцев распылять силы, не давало собрать их в единый кулак на восточном направлении. Что касается Японии, то для неё альтернативой Пирл-Харбору был советский Дальний Восток, но японский удар пришёлся по США. Иначе на два фронта воевал бы не Гитлер, а Сталин.

Всё это довольно очевидно, но у Орлова сверхзадача – ещё раз подтвердить советский тезис о том, что СССР взял на себя не просто наибольшую часть задачи по разгрому Гитлера, но что значение участия союзников крайне мало, и они до последнего уклонялись от решительных действий.

А вообще-то какой фронт второй, а какой первый? На момент объявления Англией и Францией войны Гитлеру СССР и Германия были связаны договором о ненападении. Через 25 дней они подписали договор о дружбе, то есть стали союзниками. СССР поставлял Германии стратегическое сырьё – мессершмитты, уютившие Британские острова, работали на топливе, изготовленном из бакинской нефти. Два диктатора договорились о сферах влияния в Европе, приступили к разделу и, конечно, перегрызлись.

Тут мы подходим к ещё одной сверхзадаче Орлова – убедить читателя в том, что у СССР будто бы не было агрессивных намерений: «...С середины 30-х годов сталинское руководство предпочитало во внешней политике уже не идеи Коминтерна, а национальные интересы советского государства. Ведущую роль приобретала геополитика, а не идеология. Произошло можно сказать прощание “Славянки” с “Варшавянкой”. Советскому Союзу нужен был мир»²⁴.

Каламбур про песенки эффектный, но декларация в целом не подтверждена никакими фактами. Из чего следует, что Сталин отказался от мировой революции – из лозунга «Социализм в отдельно взятой стране»? Так тут противоречия нет – сначала в одной стране, потом повсеместно. Что же касается «национальных интересов советского государства», то это вообще некорректная постановка вопроса, таковых у СССР просто не было, это государство не

ставило перед собой задачу обслуживать интересы нации.

Тон книги Роберта Иванова «Сталин и союзники: 1941–1945 гг.»²⁵ задает эпитафия – цитата из Сталина: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории развеет её!» Книга откровенно реваншистская – автор ставит задачу перечеркнуть выводы, сделанные исторической наукой 1990-х. Это своё стремление он оправдывает так: «В канун 50-летия Победы на Западе резко усилилась фальсификация истории и итогов войны. К сожалению в этой кампании активно участвуют и отдельные отечественные историки»²⁶. «Многие историки, писатели, публицисты специализируются сейчас на беспредельном очернительстве всего, что было в истории нашей страны после 1917 г.»²⁷

Иванов стремится выглядеть объективным, неоднократно повторяет, что Сталин допускал «серьёзные ошибки». Однако автор «объективен» настолько, что готов уравнивать чёрта с младенцем: «Сталин, с одной стороны, Рузвельт и Черчилль – с другой представляли различные, противоположные по своему социально-экономическому и общественно-политическому содержанию системы... каждая из них имела свои плюсы и минусы... Император России Александр I ни в коей мере не был образцовым демократом, не блистал он и какими-либо другими добродетелями. И тем не менее, его имя вписано в историю как освободителя Европы от ига Наполеона».²⁸ Это попытка провести аналогию с «освободителем Европы» Сталиным, который тоже не был «образцовым демократом».

Автора интересует моральная сторона вопроса: «...С самого начала Второй мировой войны государства, воевавшие с блоком фашистских стран, вели справедливую, освободительную войну за своё существование. Этот освободительный характер Второй мировой войны ещё больше усилился после вступления в неё Советского Союза»²⁹. Освободительный характер войны действительно усилился после 22 июня 1941 года, поскольку увеличилось число людей в мире, ведущих борьбу против тирании, причём как внешней, так и внутренней (последнее, впрочем, Иванов не подразумевает). Но 22 июня 1941 года не есть дата вступления СССР во II мировую войну, он к этому времени уже почти два года воевал. С учётом этого утверждение автора лживо. СССР вступил во II мировую войну 17 сентября 1939 года, ударив в спину Польше. И ничего освободительного в этом нет – полку агрессоров прибыло. С учётом этого утверждение Иванова лживо тоже.

Некоторые высказывания автора вообще повергают в недоумение: «Народный характер Второй мировой войны требовал поиска новых путей сотрудничества самых широких народных масс Советского Союза с общественностью союзных и дружественных стран»³⁰. Во-первых, если речь идёт о новых путях, то что такое старые пути сотрудничества? Количество граждан СССР, имевших контакты с иностранцами в довоенные годы, было ограничено крайне узким кругом ответственных работников, и они были первыми кандидатами на «посадку». Во-вторых, если исходить из целесообразности сохранения общественно-политического устройства СССР, а Иванов именно из этого исходит, то требовалось, как и в довоенные годы, не допускать соприкосновения граждан СССР с «тем миром», чтоб не набрались уму-разуму и не явили зарубежному сообществу свидетельства о советских порядках. Это прекрасно понимал Сталин, отсюда его отношение к тем, кто в годы войны соприкасался с союзниками, например, по работе в области ленд-лиза, не говоря уже о военнопленных и остарбайтерах. Соприкосновение последних с союзниками лишь отягчало их участь: освобожденные из немецких лагерей Красной Армией – кандидаты на «червонец», а освобождённые англо-американцами – на «четвертак». Иванов упоминает несколько созданных в СССР антифашистских комитетов, члены которых действительно путешествовали по союзным странам, но это не «широкие народные массы». К тому же исключение подтверждает правило: большинство участников этих турне потом посажали и постреляли, а Михоэлсу устроили ДТП с летальным исходом.

Иванов сетует: «...в огромной исторической и публицистической литературе, посвящённой истории Второй мировой войны, всё ещё остается большое белое пятно – показ роли широких народных масс в разгроме фашистской Германии, её союзников и сателлитов»³¹. С учётом того, что именно на это была в первую очередь направлена советская литература о войне, и всё равно – «белое пятно», может быть слухи об этой роли стоит признать преувеличенными? Регулярная армия – да, управляемое и строго контролируемое Москвой партизанское движение – да, но «широкие народные массы»?...

Как и другие красные реваншисты, Роберт Иванов любит выводить тему на современность: «...просматривается прямая связь темы “Сталин и союзники, 1941–1945 гг.” с острейшими проблемами современной России, её внутренним и внешнеполитическим положением»³². Личные политические предпочтения автора предельно чётко раскрываются его фразой: «Сталин остался один из Большой тройки, когда настало время подводить итоги войны. И это было большое благо для нашей страны»³³.

Давить и не пущать

Учебник Игоря Долуцкого «История СССР. XX век» лишён грифа «рекомендовано». В интервью журналу «Новое время» (21 декабря 2003 года) автор сказал, что издатель сумела из чиновничьего экземпляра учебника перерисовать их пометки. Гнев чиновников вызывает упоминание о жертвах репрессий: «за 1941–1942 годы расстреляно за трусость и паникерство 150 тысяч человек, это равняется 16 дивизиям». Они также в ужасе от формулировок, таких как «полувековая оккупация Прибалтики Советским Союзом». Негодуют по поводу следующего абзаца: «Бобруйская группировка немцев 15 раз пыталась вырваться из окружения. В полный рост днём бросались немцы на прорыв. Метров с семисот по ним открывали огонь наша артиллерия, пулемёты. А они продолжали идти, переступая через трупы». Один возмущённый рецензент, – свидетельствует Долуцкий, – вопрошал: разве так надо учить истории?!

История как наука вообще не ставит перед собой воспитательных задач, точно также как их не ставит перед собой физика или химия. Об их воспитательном значении говорить было бы просто нелепо, а вот о воспитательном значении истории говорить почему-то принято. Единственная задача исторической науки – по возможности максимально точная реконструкция событий прошлого. Эта задача может быть выполнена, только если масштаб исторического явления и степень внимания, которое уделяют ему исследователи, адекватны друг другу. Любой перекосяк – повышенное внимание к избранным сюжетам, отстранение от других сюжетов – тут же создаёт эффект кривого зеркала. А что такое воспитание, тем более патриотическое воспитание? Это стремление донести до воспитуемого систему взглядов и суждений. И если на службу этому ставится историческая наука, то это неизбежно будет означать тенденциозный отбор фактов – пишем и говорим о том, что делает честь отечеству, а что не делает – о том не пишем и не говорим. Тем более не говорим о том, что делает честь противнику отечества. И сразу же наука вырождается в пропаганду, исследователь и преподаватель превращается в политрука.

Эпизод с бобруйской группировкой немцев, – продолжает Долуцкий, – это почти дословный пересказ воспоминаний маршала Рокоссовского. «К Рокоссовскому 40 лет претензий не было, что он неправильно освещает нашу историю. Но у нас такая технология издания, что она не даёт сносков». Действительно, в учебной литературе практически отсутствует источниковедение и историография. Никого не учат методологии проверки источников на достоверность, не учат анализировать факты, сопоставлять концепции и делать самостоятельные выводы. Вместо этого приучают принимать на веру и вызубривать некие клишированные суждения.

«Сейчас начался откат от прежних либеральных трактовок и наступление державнической идеологии, – продолжает Долуцкий. – В годы перестройки, в эпоху Ельцина, из неё изъяли коммунистическую сердцевину, но государство-то осталось... Не надо только путать государство и людей, государство и страну. Они не совпадают, это не синонимы. Я пытался изобразить... как на самом деле вело себя государство, вели себя правители и как люди им сопротивлялись... Можно любить родину, но ненавидеть государство... Большевики совершили преступление в 1917 году, делящееся преступление... и оно не может содержать каких-то светлых моментов, которые мне советуют найти. Единственный светлый момент – сопротивление народа этому натиску».

Формируется стереотип: Великая Отечественная война, это (после Пушкина) «наше всё». При Министерстве образования и науки РФ создана «общественная организация» – Совет ветеранов. Цель очевидна – осуществлять внедрение советского патриотизма. Ветераны в массе своей – самая консервативная часть общества.

Долуцкий: «Есть конституция, которая гарантирует отсутствие официальной идеологии. Если наша идеология не националистическая, не шовинистическая, мой учебник имеет право на существование... Идёт попытка смены идеологии, и это государственная политика, и она каждый учебный год делает шаг вперёд... Министерство – только исполнитель государственного заказа, который идёт от стоящих на самом верху людей, а им, конечно, выгодно, чтобы у всех имелось одно мнение».

Судьба учебника Долуцкого – не единственный прецедент. Несколько лет назад началась травля учебника А.А. Кредера «Новейшая история зарубежных стран». Тоже сняли гриф, автор перенёс два инфаркта и умер. Чиновников не устраивало примерно то же, что и в книге Долуцкого. Кредера травили нещадно за то, что он не показал в должном, по их мнению, объёме подвиг советского народа. Хотя у него тема другая – всемирная история. Вот рецензия Ю. Мухина, выложенная на сайте газеты «Завтра»: «Прочитав этот учебник, я пришёл к выводу, что данная книга – это образец антиславянского сионистского расизма, на обложке которой не хватает только надписи: “Для 9-го класса туземных школ колонии Раша (Russia)”».

Долуцкого критикуют, в частности, за то, что он подрывает «коллективистские исконные ценности русского народа и насаждает не свойственные нашему народу индивидуалистические ценности». Определять, что характерно, а что не характерно для народа в целом – стремление само по себе пагубное. Тем более, что история доказала: прогресс основывается на индивидуальном творчестве в условиях интеллектуальной свободы (хотя многим людям действительно уютнее чувствовать себя в стаде). Если же говорить о войне, то трудно не согласиться с авторами статьи, размещённой к 9 мая 2005 года на сайте Агентства Русской Информации: «... Вся арифметическая нечистоплотность в истории войны является следствием нечистоплотного отношения советской власти к населению страны, величие которой зиждилось на том, что ценность жизни отдельной личности была не просто ничтожно мала, а отсутствовала вовсе, принесённая в жертву коллективному “сплочению масс”»³⁴.

Итак, тенденции печальные: интеллектуальному прорыву, начавшемуся на рубеже 1980-1990-х годов, противостоит нарастающая волна лжи. Особенно это заметно, когда речь идёт об истории II мировой войны. Есть ли выход? «Я верю, – говорит автор “не рекомендованного” учебника, – в возможность сопротивления каждого отдельного человека на своем участке натиску государства».

Примечания

1. Цит. по: В войне мы победили не благодаря «священному интернационалу всех советских наций», а вопреки // АРИ. ру Агентство Русской Информации. Новости. События. Комментарии, <http://ari.ru/>

2. Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. – М.: Сов. Россия, 1992. – С. 7 – 8.

3. Катинская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. Яснова О.В. – М.: Политиздат, 1991. -240 с.

4. Там же. – С. 158.

5. Абаринов В.К. Катинский лабиринт. – М.: Новости, 1991. – 208 с.

6. Здесь и далее цитаты из книги Ю. Мухина «Антироссийская подлость» приводятся по интернет-изданию: http://www.patriotica.m/history/muhin_antiros_.html

7. Катусев А., Оппоков В. Иуды. (Власовцы на службе у фашизма) // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 6, – С. 68 – 81.

8. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

9. Там же. – С. 484.

10. История. – 2000. – № 31.

11. Чуев С. Проклятые солдаты. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Яуза, 2004. – 576 с.

12. Там же. – С. 6.

13. Там же.

14. Ковалев Б. «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944». – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 483 с. – (Военно-историческая библиотека).
15. Там же. – С. 9-
16. Там же. – С. 20.
17. Там же. – С. 22.
18. Там же.
- 19– Там же. – С. 29.
20. Там же. – С. 482.
21. Орлов А. За кулисами второго фронта. – М.: Вече, 2001. – 349 с.
22. Там же. – С. 10.
23. Там же. – С. 5.
24. Там же. – С. 8–9.
25. Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945 гг. – Смоленск: Русич, 2000. -592 с. – (Тайны XX века).
26. Там же. – С. 3.
27. Там же.-С. 543.
28. Там же. – С. 3.
29. Там же. – С. 552.
30. Там же. – С. 545.
31. Там же. – С. 550.
32. Там же. – С. 551.
33. Там же. – С. 4.
34. Там же. – С. 553.

Советское общество до войны

Советская пропаганда. Из книги «Покорение партии» А. Авторханов

«Посев», 1951, № 16

Я уже указывал на агрессивность в форме и содержании советской пропаганды. Эта агрессивность сказывается на изобразительных средствах этой пропаганды, в первую очередь, на языке и стиле. Советская пропаганда, в особенности большевицкая журналистика, выработала свою специфическую лексику и стиль, которые коренным образом отличают её от обычной «буржуазной» журналистики. Если в западной журналистике упор делается на конкретность, аргументированность и логичность, то большевицкая журналистика опирается на сильную фразу, на безапелляционность выставленных положений.

Если западный журналист выставляет свои тезисы на суд общественности, которая вправе принять или отклонить их, то большевицкий журналист выставляет свои положения как императивные и безапелляционные. Если в западной журналистике проводится резкая грань между информацией и комментарием, то большевицкая журналистика признает только комментированную информацию. Большевики выработали свой собственный язык в журналистике, такой же агрессивный, как агрессивно само её содержание. Звёзды английской и французской журналистики или «король американских журналистов» Вальтер Липпман оказались бы безработными в Советском Союзе со своим «убогим» языком.

Русский язык, безусловно, один из самых богатых языков в мире, он в тоже время, как это известно самим русским, очень силен и тем видом экспрессивных выражений, которые мы называем бранными. Из сокровищницы русского языка большевицкая журналистика взяла для себя всё, что в нём есть «крепкое», ругательное. Не только взяла, но ещё отшлифовала, углубила и дополнила этот лексический ряд новыми словами и целыми понятиями. Я уверен, что если бы

Даль ещё жил, ему бы пришлось выпустить дополнительный том русского словаря, состоящий из одних «советизмов». Дополнительный том мог бы быть назван просто: «большевицкий язык». Но большевицкая журналистика не ограничилась только «родным» запасом. Интернационально-коммунистическая по духу, она предоставила почётное место и иностранным словам, созвучным русским ругательным.

Я нарочно просмотрел три случайных номера «Правды» и один номер «Большевика», чтобы сделать подбор «крепких слов», как национальных, так и иностранных, из советской журналистики, чтобы продемонстрировать их здесь читателю. За эту задачу я брался даже с некоторым внутренним беспокойством: а что, если как раз в этих случайных номерах «крепких слов» окажется меньше всего или даже вовсе не окажется. Но, увы, меня ожидало другое разочарование – я добрался только до середины, слов выписал порядочное количество, а конца ругани так и не видать – советские журналисты, вижу, только вошли в азарт, как будто хотят перекричать друг друга. Я вспомнил опять о Дале, безнадежно махнул рукой на свой «лингвистический эксперимент» и ограничился тем, что уже выписал наспех и бессистемно. Вот он, этот «золотой запас» языка советской журналистики: фашист, обманщик, паразит, империалист, социал-фашист (о социал-демократе), дурак, низкопоклонник, янки (об американце), реакционер, негодяй, троцкист, фриц (о немце), магнат, проходимец, живодёр, гангстер, агент, прохвост, гниль, шпион, шарлатан, мразь, твердолобый (об английских консерваторах), диверсант, подкупный, собака, дегенерат, жулик, авантюрист, двурушник, мошенник, лицемер, саботажник, душитель, циник, изверг, подлец, мракобес, вор, вероломный, остолоп, вешатель, миллионер, наёмник, вредитель, мерзавец, иезуит, шкурник, осёл, инквизитор, демагог, либерал, бандит, идиот, кретин, банкир, раскольник, палач, поганый, провокатор, изменник, доллар (долларовая: дипломатия, империализм), садист, спекулянт, сволочь, убийца и так далее и тому подобное.

Я выписал слова, которые встречаются только в иностранных отделах «Правды» и «Большевика», – так сказать, «международную терминологию» советской печати. Без энного количества этих «крепких слов» нельзя найти ни одной международной статьи в прессе СССР. Талантливость и преданность режиму журналиста определяется количеством употреблённых им «крепких слов», то есть цензурной и нецензурной руганью.

Только слово «диктатор» у большевиков или совсем не употребляется, или употребляется очень редко, как бы неохотно. Как говорят русские, «на воре шапка горит».

Что касается «внутренней терминологии», то она куда богаче и «сочнее». Здесь большевики ввели в ход совершенно новые, ими изобретённые слова, которые не были известны знатокам русского языка, таким как упомянутый Даль или академик Шахматов, или просто старым русским людям.

Справедливость требует заметить, что советская журналистика и пропаганда знают достаточное количество возвышенных слов, сравнений, эпитетов и целых выражений. Вот неполный перечень возвышенных слов и словосочетаний, которые относятся только к личности Сталина:

Существительные: вождь, учитель, гений, мудрец, организатор, продолжатель, основоположник, титан, гигант, творец, исполин, водитель, предводитель, отец народов, создатель, освободитель, мыслитель, теоретик, ученый, корифей.

Прилагательные: великий, величайший, мудрый, мудрейший, гениальный, гениальнейший, непобедимый, храбрый, прозорливый, дальновидный, бесстрашный, эпохальный, бессмертный, вечный.

Эпитеты: ярче солнца, шире океана, выше Гималаев, больше Вселенной.

Когда один иностранный журналист попросил Сталина определить своё место и место Петра I в истории России, Сталин ответил, что Ленин – океан, Пётр I – капля в море, а он, Сталин, – ученик Ленина. Тут сам Сталин косвенно признался, что он немножко меньше океана, но несомненно больше моря. Воздавая должное его ненасытному честолюбию, советская пропаганда не удовлетворяется уже ограниченными понятиями нашей грешной земли. Она постоянно прибегает к космическим категориям, чтобы возвеличить «Сталина-Солнца». Безудержная фантазия советской пропаганды в деле обоготворения личности Сталина не знает никаких границ. Припоминается случай, когда одна работница на «съезде ударников» закончила

свою речь словами: «пусть живёт наш Сталин ещё тысячу лет!»

Сталин, сидевший тут же в президиуме съезда, не без благодарности за пожелания заметил только: «почему же так много?»

Народ, режим и армия. «Великий перелом» 1930–1933 годов К. Александров

«Посев», 1999, № 12

18 марта 1928 года в Брюсселе неожиданно заболел председатель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерал-лейтенант Пётр Николаевич Врангель. С первых дней неизвестной болезни температура у больного не падала ниже 39 градусов. После тяжёлых мучений 25 апреля 1928 года он скончался. 26 апреля великий князь

Николай Николаевич поручил возглавить РОВС начальнику разведывательно-информационной части собственной канцелярии генералу от инфантерии А.П. Кутепову.

В распоряжение последнего поступила сильная организация, способная мобилизовать до сорока тысяч чинов, не считая резерва из членов молодёжных и параллельных РОВС воинских организаций Русского Зарубежья.

25 января 1930 года в доверительном разговоре с бывшим старшим адъютантом разведывательного отделения штаба I армейского корпуса поручиком М.А. Критским Кутепов заявил о готовности проникнуть на родину с группой офицеров и возглавить нараставшее, но разрозненно-стихийное сопротивление крестьянства и казачества. Через два дня Критский обязался представить Кутепову общий план переброски и использования кадров РОВС для развития нового этапа вооружённого сопротивления большевикам в условиях насильственной коллективизации.

Но встреча с Критским не состоялась – около 11 утра 26 января 1930 года Кутепов был похищен и убит сотрудниками ОГПУ в ходе спецоперации. Активными контрдействиями против руководителей РОВС в 1928–1930 годах политбюро ЦКВКП(б) и органы госбезопасности пытались предупредить появление в среде повстанцев военно-организационного ядра и тем самым предотвратить превращение мятежных повстанческих групп и отрядов на юге РСФСР в новую Добровольческую армию. Есть основания полагать, что в 1930 году советская власть и режим Сталина переживали серьёзный кризис.

Большую опасность для себя руководство ВКП(б) усматривало в возможности слияния находящегося за рубежом белого воинства и РККА в единую русскую национальную армию, о чём, начиная с 1928 года, всё чаще говорил Кутепов. Одного из своих корреспондентов он даже убеждал в неизбежности упразднения в будущей армии знаков отличия и наград, напоминавших о гражданской войне: «Только при условии полного забвения прошлого и страшного периода лихолетья возможно будет безболезненное слияние в будущей России белых воинов с красными..., Русского Зарубежья с русским народом». В речи 23 апреля 1929 года Кутепов призвал к борьбе за Россию «тех наших братьев, у которых под красноармейской шинелью не перестало биться русское сердце».

В донесениях 2-го отделения КРО (контрразведывательного отдела) ОГПУ содержится информация о попытках белогвардейцев развить связи и контакты в среде кадров командно-начальствующего состава РККА.

Начало коллективизации

Советская коллективизация началась с превентивных мер. Циркуляр ОГПУ № 25/00 от 1 февраля 1930 года предписывал незамедлительно устанавливать в среде красноармейцев и младшего комначсостава лиц, сохраняющих родственно-семейные связи с кулаками. Участников агитационно-пропагандистских выступлений против политики ВКП(б) предлагалось арестовывать: красноармейцев и младших командиров на месте, средний

начсостав – с санкции особых отделов округов, старший и высший – с санкции особого отдела ОГПУ в РККА. Последний требовал от уполномоченных решительно пресекать любые попытки ходоков из сёл и деревень проникать в гарнизоны и воинские части. Контроль органов госбезопасности за настроениями в армейской среде усиливался пропорционально темпам коллективизации и нарастанию масштабов репрессий в отношении её противников.

На территории наиболее беспокойного Северо-Кавказского военного округа (СКВО) раскулачивание в массовом масштабе началось в ночь с 5 на 6 февраля 1930 года и подразумевало карательные спецоперации трёх видов: конфискацию хлебно-зерновых фондов, превентивные аресты и депортацию. Всего в ночь на 6 февраля сотрудниками полномочного представительства ОГПУ по Северному Кавказу было арестовано 1717 человек. Около 20 % лиц, намеченных к аресту в казачьих районах: Георгиевском, Ессентукском, Моздокском и Прохладненском, – скрылись и перешли на нелегальное положение. Аналогичная операция в Донецком и Шахтинско-Донском округах началась в ночь с 24 на 25 февраля 1930 года. За три недели к 26 февраля всего по Северо-Кавказскому краю и Дагестану согласно сводке штаба СКВО РККА № 01050 от 1 марта 1930 года, оказалось «изъято» 26 261 человек. Репрессии чекистов закономерно вызвали соответствующую реакцию населения.

Повстанческое движение

Донской, Кубанский и Сальский округа на спецоперацию ОГПУ ответили вооружёнными выступлениями. В ходе выступлений 10–12 февраля 1930 года в сёлах Барашковское, Ново-Манычское, Новый Егорлык Сальского округа повстанцами был арестован местный совпартактив, захвачены почтовые отделения и сельсоветы. В Новом Егорлыке повстанцы объявили мобилизацию лиц 1900–1905 годов рождения. В населённых пунктах Абрамов, Весёло-Вознесенское, Милость, Куракино, Покровская, Самбек Донского округа крестьяне толпами до четырёхсот – пятисот человек разгромили сельсоветы, избили представителей советской власти, освободили арестованных кулаков. Одну из групп повстанцев возглавлял бывший доброволец деникинских Вооружённых Сил Юга России (ВСЮР) Бобков. В этом же округе противники коллективизации в середине февраля совершили несколько нападений на склады оружия и боеприпасов 30-го полка 5-й Ставропольской им. М.Ф. Блинова кавалерийской дивизии, а также 83-го полка 28-й стрелковой дивизии. Ещё 7 февраля в горах Кубанского округа появился вооружённый отряд под командованием бывшего красного партизана Пшеничного. К 22 марта на территории СКВО Штаб округа зарегистрировал 121 массовое выступление, в том числе 69 – на Кубани, 22 – на Дону и 16 – на Тереке. В этих регионах колхозы покинуло 30 тысяч хозяйств.

27 февраля – 19 марта 1930 года повстанцы нападали на посты, склады оружия и боеприпасов 26-го полка 5-й кавалерийской, 66-го полка 22-й стрелковой, 92-го полка 12-й кавалерийской дивизий, 8-го Кавказского стрелкового полка.

Попытки противников советской власти завладеть оружием и причинить урон Красной Армии отмечались на территории и других округов. 15–19 марта было зафиксировано несколько попыток вооружённых нападений на Балаклавские пороховые склады под Севастополем.

На Северном Кавказе размер антисоветских повстанческих выступлений весной 1930 года оказался столь велик, что для их подавления выборочно пришлось привлекать армейские подразделения округа. 15–17 марта 1930 года эскадрон 28-го полка 5-й кавдивизии был брошен под Баталпашинском против объединённого повстанческого отряда из карачаевцев, кабардинцев и казаков, находившегося под командованием князя Лофа. Отряд был уничтожен, поскольку повстанцы практически не имели боеприпасов. 19 марта отряд в шестьсот сабель под командованием грузинского князя Андроникошвили попытался атаковать городок Микоян-Шахар. Местному гарнизону удалось отбить атаку лишь с помощью авиации, кавдивизиона и бронеавтомобилей 5-й кавдивизии. 30 марта атака повторилась. Об интенсивности боя свидетельствует то, что гарнизон Микоян-Шахара, руководимый начальником местного ГПУ Готисом, расстрелял 13 тысяч патронов.

В конце марта 1930 года разыгралось сражение в Мало-Карачаевском автономном округе. 21 марта, испытывая острую нужду в вооружении, отряд повстанцев под командованием

бывшего офицера Русской Армии Л афишева атаковал Кисловодск. Отряд делился на взводы и сотни, в перспективе намечалось переформировать его в бригаду, а затем и в корпус. Кисловодск защищал сводный отряд из представителей местного совпартактива, местная милиция и взвод дивизиона ГПУ. Повстанцы заняли западную окраину города и начали уличные бои, однако прорваться к центру не смогли ввиду серьёзного огневого превосходства противника. К вечеру повстанцы оставили окраину и ушли в Абуково. Командир 5-й кавдивизии РККА АЛ. Бадин перебросил по железной дороге из Пятигорска в Кисловодск дивизион 26-го Белозёрского кавполка в составе 1-го и 3-го эскадронов, усилив его станковыми пулемётами. Возглавляли операцию командир полка Н.И. Точёнов и военный комиссар А.М. Яшин. 22 марта разыгрался кровопролитный бой у горы Рим, длившийся три часа. Решающую роль в победе кавалеристов РККА сыграло полное огневое превосходство, особенно в пулемётах. Более пятидесяти раненых повстанцев укрыли местные жители.

Одновременно с началом массовых арестов и депортаций 6 февраля 1930 года на Северном Кавказе командующий войсками СКВО И.П. Белов подписал особую инструкцию, обращённую к командирам и комиссарам частей, привлекаемых к подавлению волнений и восстаний в населённых пунктах. В циничной форме Белов предписывал использовать при необходимости против зачастую безоружных участников волнений «технические средства борьбы»: артиллерию на прямой наводке, пулемёты и гранаты. Особенно Белов обращал внимание на недопустимость общения красноармейцев с митингующими крестьянами, а при попытке крестьян уйти из села за оцепление – приказывал открывать огонь на поражение по бегущим. Инструкция Белова от 6 февраля 1930 года фактически санкционировала массовые расстрелы сводными коммунистическими дивизионами казаков, крестьян и горцев, сопротивлявшихся коллективизации. В следующей инструкции от 19 февраля Белов разрешил использование против мятежных сёл авиации и применение комбинированных атак пехоты и кавалерии.

Вооружённые восстания, для подавления которых привлекались регулярные части Красной Армии, отмечались в 1930 году не только на Дону, Кубани и Тереке. В начале февраля в Ретьевском районе Острогожского округа (Воронежская область) трое суток шёл бой между повстанцами деревень Платово, Рассошки и курсантами полковой школы 57-го кавполка. В бою участвовала артиллерия. Количество арестованных только в Платове составило около двухсот пятидесяти человек. В Лисках повстанцы захватили оружейный склад, убили председателя и представителя райисполкома.

В боевых действиях против повстанцев в первой половине 1930 года участвовали многие подразделения РККА и ОГПУ. В частности на Северном Кавказе: подразделения 5,10 и 12-й кавалерийских, 22-й и 28-й стрелковых дивизий РККА, 5-й полк ВОХР (внутренней охраны) ОГПУ, курсанты Владикавказской и Краснодарской школ комначсостава РККА и другие подразделения СКВО. Однако командиры соединений избегали использования полного штата частей при проведении боевых операций, опасаясь непредсказуемого поведения массы красноармейцев и командиров при столкновении с повстанцами. В сводные дивизионы отбирались исключительно проверенные комсомольцы и коммунисты, секретари партячеек, сотрудники особых отделов. По 5-й кавдивизии из 26-го полка в операциях участвовало всего 274 бойца и командира, из 28-го – 361, из 30-го – 315.

Недовольство в армии

Четырёхлетняя война против собственного народа влияла на настроения в армейской среде. Донесения и обзорные сводки политуправления РККА 1929–1933 годов сообщали руководству СССР о брожениях в умах не только красноармейцев, но и комначсостава. (Многие власовцы в 1943–1944 годах вспоминали, что отношение к советской власти у них впервые серьёзно изменилось к худшему именно во время необъявленной войны против крестьянства и казачества. В должности командиров взводов 27-го полка 5-й кавдивизии, направленного в 1930 году против повстанцев, служили И.Н. Кононов и Г.А. Пшеничный, во время II мировой войны – генерал-майор и подполковник власовской армии. На самого А.А. Власова произвели впечатление репрессии против казаков Кубани. В конце 1929 года он со своим батальоном в

составе 20-го Ленинградского полка 9-й Донской стрелковой дивизии занимал крупный транспортный узел Кущёвская, южнее Ростова, через который вывозили депортированных.)

Через сутки после начала спецоперации ОГПУ на Северном Кавказе, 7 февраля 1930 года в расположении 22-го артполка 22-й стрелковой дивизии СКВО были обнаружены листовки, обращённые к личному составу полка, со следующими заголовками: «Бей коммунистов, когда придётся стрелять, а это скоро» (везде подпись «Смерть коммуны»); «Коммунисты ваши враги, товарищи красноармейцы!»; «Социализм есть видоизменённое рабство. В нужный момент знайте, кого бить» и тому подобное.

Соответственно росло количество резко критических высказываний в среде бойцов и командиров. Вот лишь некоторые, зафиксированные в обзорах и сводках политуправления РККА, а также Штаба СКВО:

«Зачем мы защищаем советскую власть, дома родителей душат налогами...» (красноармейцы Черкасов, Бражшинов и другие – 1-я рота 6-го полка 2-й стрелковой дивизии Среднеазиатского округа [САВО], 1930);

«Я зарезал бы всех уполномоченных, погодите, придёт время – мы вам покажем» (красноармейцы Алексеев и Арютин – 7-я рота 3-го полка Приволжского военного округа [ПриВО], 1930);

«Если будут выкачивать так хлеб, то будет восстание, а я расстреливать своего отца не пойду» (81-й кавалерийский полк САВО, 1930);

«На что мне партия, на что мне комсомольцы, если гробят моих на селе. Разнёс бы и партию, и ЦК, не дают развернуться сельскому хозяйству» (санинструктор Кабалов, Тифлисский военгоспиталь, 1930);

«Комсомол с песнями прошёл по крестьянам ночью. Забрали всё: муку, картофель, печёный хлеб, колбасы, масло, сыр, огурцы, капусту, сапоги, даже детские пелёнки. Матери просили, целовали руки, чтобы оставили пелёнки, но их били и забирали всё» (из письма родственников неизвестному красноармейцу 11-го авиационного парка, апрель 1930);

«Если бы знала Красная Армия, что рабочие голодают – разнесла бы весь Советский Союз» (красноармеец 61-го стрелкового полка Сибирского военного округа в обращении к группе товарищей, весна 1930);

«Коммунизм – утопия и социалистического общества построить невозможно, идейной идейности у колхозников нет, так как труд оплачивается неодинаково. Центральные советские органы выбираются по форме, а по существу у власти стоят одни и те же лица» (младший командир Вармунд, член ВКП(б) с 1927 года, СКВО, декабрь 1930);

«Житуха никуда, там урожай плохой, люди в колхозах голодают и говорят... (*отточие редакций*) вашу мать, всё равно нам придётся с вами воевать» (красноармеец кавэска-дрона 28-й стрелковой дивизии СКВО Н.И. Прокопов, 1909 года рождения, член ВЛКСМ, 17 февраля 1933);

«Пусть жмут крестьян, это к лучшему. Так будет восстание, а я буду на стороне восставших» (красноармеец 82-го кавполка САВО Войниченко; в сводке особого отдела подчёркивалось, что подобные высказывания Войниченко допускал систематически, и аналогичные настроения отмечаются среди красноармейцев 83-го кавполка и артполка 3-й стрелковой дивизии САВО);

«В случае войны казачество Кубани будет на стороне противника советской власти» (красноармеец 83-го полка 28-й стрелковой дивизии СКВО Б.Г. Ивченко, 1910 года рождения, член ВЛКСМ, 11 февраля 1933).

За февраль – март 1930 года только в 220-м полку 74-й Таманской стрелковой дивизии СКВО особый отдел ОГПУ «изъял» от 280 до 340 красноармейцев из числа «социально-чуждых». В 1929–1931 годах было снято с должностей пятьсот представителей комначества по подозрению в неблагонадёжности.

ОГПУ начало проводить оперативные мероприятия в Вооружённых Силах ещё до формального старта коллективизации: из рядов РККА увольнялись бойцы и командиры, служившие в 1918–1922 годах в различных Белых армиях.

ОГПУ обращало особое внимание на *потенциальных* лидеров вооружённых восстаний против советской власти. В июле 1930 года после долгих розысков погиб в перестрелке в

Армавирском округе полковник армии Деникина Н. Козлов. Более десяти лет он находился вместе с дочерью на нелегальном положении и создавал конспиративные боевые группы для организации вооружённых выступлений. Дочь полковника Козлова была захвачена чекистами, судьба её остаётся неизвестной.

В 1929–1933 годах существовало множество конспиративных организаций и групп в РККА. На сегодняшний день мы не имеем полной картины этого явления, тем более трудно определить, что было реальной организацией, а что существовало только в воображении чекистов. Но размах арестов и обилие спецсообщений особых отделов ОГПУ и политуправления РККА демонстрируют, что подпольная деятельность существовала и была распространена достаточно широко.

РККА и РККФ против советской власти

Зимой – весной 1930 года командир взвода 45-й стрелковой дивизии Украинского военного округа (УВО) Глушенко от имени «Союза Освобождения» распространил в своём подразделении несколько листовок. Вот фрагмент одной из них: «Граждане! Большевистский террор усилился, народ терпит страдания под большевистской кабалой коммунистов. Коммунисты стали теми же двурушниками, крестьянство превращают в колонию. За оружие против коммунизма. За свободу и труд, за свободную жизнь».

В Белорусском военном округе начальник штаба батальона 12-го полка 4-й стрелковой дивизии И.Ф. Люцко (1902 года рождения, член ВКП(б) с 1924 года, участник гражданской войны) создал конспиративную вооружённую группу, в конце мая 1931 – го убит в перестрелке с чекистами.

В 1930–1933 годах органы госбезопасности вскрыли несколько подпольных организаций в армейской среде на различном уровне, участники которых ставили своей целью подготовку вооружённого восстания и свержения существующего режима. Относительно известной в этом ряду стала военная организация «Весна», работа которой разворачивалась в 1930–1932 годах. В оперативную разработку ОГПУ к 1932 году попало около трёх тысяч бывших офицеров Русской Армии, поступивших на службу к большевикам в 1918–1920 годах, в том числе такие известные военные специалисты, как А.А. Балтийский, А.И. Верховский, В.Н. Егорьев, А.Г. Лигнау, А.Д. Малевский, В.А. Ольдерогге, С.А. Пугачёв, А.А.

Свечин, А.Е. Снесарев и другие. (Провокационную роль по делу «Весна» сыграл военспец А.М. Зайончковский, завербованный в качестве сексота ещё ВЧК в 1921 году. Лживые показания Зайончковского сыграли печальную роль в судьбе многих арестованных, обвинённых в причастности к «Весне». Указанное обстоятельство привело к официальной реабилитации репрессированных по этому делу и к объявлению в 1956–1957 годах всего дела сфабрикованным, хотя организация реально существовала, лишь численность её была чекистами завышена.)

16 октября 1930 года коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу десять специалистов Артиллерийского управления РККА по обвинению в контрреволюционной деятельности, в том числе А.А. Бараблина, В.П. Бойко-Родзевича, С.Г. Брычкова, Г.М. Гапонова, В.Д. Костина и других.

21 февраля 1931 года особый отдел ОГПУ в РККА объявил о ликвидации контрреволюционной организации в инженерном управлении РККА во главе с Н.Н. Терлецким.

С июля 1930-го по май 1931 года раскручивалось дело по обвинению большой группы бывших офицеров Русского Флота. К маю 1931 года особый отдел ОГПУ Морских сил Чёрного моря арестовал 21 человека, инкриминировав арестованным участие в монархическом заговоре. В числе арестованных оказались: командир дивизии крейсеров Г.Г. Виноградский, командир дивизиона эскадренных миноносцев Ю.В. Шельтинг, командиры подводных лодок №№ 13, 14, 15 Б.С. Сластников, И.К. Немирович-Данченко, В.К. Юшко и другие. Коллегия ОГПУ на заседании 6 июня 1931 года приговорила шестерых моряков к расстрелу, двенадцать моряков – к десяти годам лагерей.

На низовом армейском уровне происходили аналогичные процессы. В феврале 1930 года в Прибалтийском Военном Округе (ПриБВО) был арестован помощник командира 95-го

стрелкового полка Смирнов, который, как выяснилось, был участником Белого движения в чине полковника и скрывался после гражданской войны под чужой фамилией. На протяжении нескольких лет Смирнов вёл конспиративную организационную деятельность.

В марте 1930 года в 74-й Таманской и 13-й Дагестанской стрелковых дивизиях СКВО подверглись аресту с последующим привлечением к ответственности за контрреволюционную деятельность десять рядовых и девять командиров. В 38-м стрелковом полку 13-й дивизии сотрудники особого отдела одновременно арестовали командира взвода АД. Чернышёва, командира роты В.М. Кольцова и начальника штаба батальона Е.И. Доманина. Все обвинялись в принадлежности к подпольной офицерской организации бывших чинов ВСЮР. В то же самое время аресту подверглись Кутырев и Гайлеш – командиры батарей IX корпусного арtpолка СКВО.

В июле 1930 года в Новгород-Волынске чекисты раскрыли антисоветскую организацию, во главе которой находился демобилизованный командир отделения 131 – го стрелкового полка Нецадименко, член ВКП(б). В период службы в полку в марте 1929 года Нецадименко основал группу, в которую привлёк восемь человек, в том числе трёх командиров отделений. Группа Нецадименко ставила своей целью подготовку восстания в полку, захват оружия и вооружённую борьбу против советской власти. (Поводом к аресту послужили неосторожные разговоры с критикой в адрес коллективизации [группа красноармейцев 83-го полка 28-й стрелковой дивизии СКВО, 10 февраля 1933 года], связь с повстанцами [в июле 1930 года в СКВО за помощь повстанцам оружием и боеприпасами был арестован командир пулемётной роты 2-го горнострелкового полка Насибов] и просто человеческие эмоции: 11 марта 1933 года командир взвода сапёрной роты 28-й стрелковой дивизии Г.С. Таманский [член ВКП(б), выпускник Ленинградской объединённой военно-инженерной школы], будучи на полевых занятиях со своим взводом, пожалел двух женщин из Ростова-на-Дону, с трудом купивших на 100 рублей немного муки. Муку конфисковали бойцы спецзаград-бригады, а женщин при конфискации избили. Таманский вступился за женщин, обматерил заградотрядников и заставил их вернуть муку. При этом взвод следил за действиями командира с явным одобрением. В тот же день особысты арестовали Таманского.)

4 декабря 1930 года был арестован комдив Я.А. Штромбах, член ВУЦИК и член компартии с 1918 года, командир и военный комиссар знаменитой Щорсовской 44-й стрелковой дивизии. Случай ареста строевого командира дивизии беспрецедентен для 1930–1931 годов. На предварительном следствии 18 марта 1931 года Штромбах подтвердил своё участие в конспиративной военной организации.

Подводя итоги

Косвенным подтверждением масштабности антисоветских настроений в армейской среде в 1930–1931 годах могут служить серьёзные кадровые перестановки в высшей номенклатуре органов госбезопасности. Обеспокоенные тревожными сигналами о «морально-политической неустойчивости армии» в совокупности с локальной войной на Северном Кавказе, члены политбюро ЦК ВКП(б) 6 августа

1931 года приняли специальное постановление, в результате которого лишились своих постов ответственные начальники главных отделов и руководители высшего звена ОГПУ СССР: Л.Н. Бельский, Е.Г. Евдокимов, С.А. Мессинг, Я.К. Ольский-Кулаковский.

Однако ротация кадров в центральном аппарате ОГПУ спокойствия политбюро не принесла. Если в 4-м квартале

1932 года особые отделы зафиксировали 69 689 случаев «отрицательных настроений» в армейской среде, то в 1-м квартале 1933-го – 89 774, во 2-м – 101 389, в 3-м – 103 301 случай.

Относительный спад наметился лишь в 4-м квартале 1933 года в связи с постепенным сошествием на нет страшного голода, организованного против сельских жителей во время коллективизации.

Но в то же время если в 1932 году общее число «отрицательных высказываний» военнослужащих по поводу политики партии и государства составило 313 762, то в 1933-м таковых отмечалось 346 711, из них связанных с угрозами повстанческой деятельности – 4 148.

Всего в проведении антисоветских разговоров в 1933 году было замечено 230 080 красноармейцев и краснофлотцев, 48 706 младших командиров и 55 777 командиров и начальников среднего звена.

В 1932 году ряды РККА и флота по инициативе органов госбезопасности покинули 3 889 представителей «социальночуждого элемента», в 1933-м цифра уволенных достигла 22 308 человек, в том числе 2 486 представителей комнач-политсостава.

Итак, в 1929–1933 годах в СССР развернулась необъявленная война, начатая большевизмским режимом против населения страны. Население не удовлетворялось ролью жертвы, неспособной оказывать сопротивление, и ответило на брошенный вызов массовым повстанческим движением. При этом Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Рабоче-Крестьянский Красный Флот, в отличие от войск ОГПУ, далеко не полностью стали на сторону режима.

Этот вывод опровергает традиционные представления о завершении гражданской войны после вынужденного отступления Белых армий за пределы России в 1920–1922 годах и подтверждает распространённый в эмиграции тезис о том, что сопротивление советской власти не прекращалось внутри страны и позже. Менялись лишь формы сопротивления и основной состав участников.

К концу 1933 года в результате больших людских потерь при коллективизации и активных оперативных мероприятий ОГПУ накал сопротивления резко упал, чтобы вновь проявиться с началом II мировой войны осенью 1939 года.

Источники:

Документы фондов Российского Государственного Военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ), Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

Коммуно-нацистский блок

Кто развязал II мировую?

В. Сендеров

«Посев», 2001, № 6

II мировая война – одно из самых тёмных для общественного сознания, самых запутанных и непонятных событий века. Восприятие этого события сформировано советской пропагандой. А она не только впрямую лжёт, не только подтасовывает и искажает факты. Это было бы ещё полбеда: с прямым искажением истории в сегодняшних условиях не так уж трудно бороться. Но для того, чтобы отличить правду от лжи, надо сначала чётко сформулировать подлежащие выяснению вопросы. А пропаганда вытесняет, подменяет собой логику, она табуирует ясные вопросы и налагает на них психологический запрет.

Кто начал эту войну? У правительства есть ответ, им был и остаётся металлический голос из репродуктора: «22 июня немецкие войска, вероломно нарушив...» Странное это занятие: возмущаться гитлеровским вероломством; кажется, что только сталинская моральность с молотовским интеллектом в придачу могли продиктовать такое объяснение начала войны. Но, увы: и сегодня это «объяснение» устраивает большинство наших сограждан. И сегодня иная трактовка (скажем, того же Виктора Суворова) кажется многим кощунственной, оскорбляющей память героев войны.

Интересно, почему так? Допустим, что В. Суворов прав, и Сталин действительно готовился сокрушить нацизм. Какое похвальное намерение! Похоже, что наш президент прав, и не всё в советской истории было дурно. Для вящей национальной гордости нынешним совпатриотам надо бы скорбеть не по поводу гитлеровской безнравственности, а по случаю

вероломного нападения на нас Финляндии, Бессарабии, Литвы и Польши. Героические победы 1939–1940 годов воистину делают Советской стране немного чести.

«Так называемое польское “государство”, это уродливое детище версальского договора, мгновенно пало под доблестными ударами советских и германских войск», – заявил в 1939 году Молотов. Кажется, все мы сегодня знаем: с этих доблестных совместных ударов по малым странам Европы II мировая и началась. Знаем – но не понимаем. Мы по-прежнему уверены внутренне: война начинается, когда нападают на нас. Но как ни грустно такое смещение понятий, оно всё-таки психологически естественно: своя боль всегда больней, а русские потери в этой войне чудовищны. Есть более мрачная причина того, почему мы так самозабвенно лжём себе об этой войне – лжём уже полвека. И причина эта станет ясней, если мы взглянем в помянутые уже годы, в 1939-1940-й. Годы эти забыты нами, мы словно вычеркиваем их из своей истории. А зря.

*«И вот опять к границам сизым
Составы тайные ползут.
И коммунизм опять так близок,
Как в восемнадцатом году*

*Номы ещё дойдем до Ганга.
Номы ещё умрем в боях.
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя».*

Так писали комсомольские поэты 1930-х, это было общим настроением – речей, статей, собраний.

Для людей той поры «незабываемый 1918-й» был ещё не историей, не прошлым – он полыхал заревом, зовущей вперёд датой революционного календаря.

Именно в восемнадцатом ленинская мечта о «Всемирной Советской социалистической республике» предстала явью. Обстановка благоприятствовала: Красная Бавария – над трупом Германии, охваченная забастовками Европа... Но главная надежда была на внутренний резерв: в 1918-м боеспособная Красная Армия уже была создана. «Пускай горит! Пускай пожар кругом!.. Даёшь Варшаву! Бьём Берлин!» – ревели завтрашние освободители человечества. Казалось, вот-вот... Но пока не вышло: роковой ошибкой стал поход на Польшу, крушением надежд на мировую революцию представал нэп.

Впрочем, представал напрасно: ни Основатель, ни Верный Ученик от своих планов не отказывались ни на секунду. Выполнялись, ценой десятков миллионов жизней, чудовищные пятилетки. Ютящиеся в бараках «души населения» производили чугун и сталь – для нужд светлого будущего. И к лету 1941-го у СССР будет почти 24 тысячи танков (для захвата Европы с избытком хватило бы трети).

В конце 1930-х казалось: время пришло, история опять двинулась по прежнему кругу – с новой силой. В Германии опять у власти пролетариат, пала (наконец!) ненавистная Польша. (Зато СССР обзавёлся весьма протяжённой границей с завтрашним агрессором вместо буферной зоны.) Тогда о «гренадской волости» лишь мечтали – теперь заполыхало и там: война в Испании была новой пробой мировой революции. Но не получилось – отсюда и истощная (при сильных симпатиях к Гитлеру) ненависть к Франко в Советском Союзе тех лет.

Терминология после II мировой войны умышленно спутана, даже для названия гитлеровской национал-социалистической партии придумали уродливое словообразование: «национал-социалистская». В СССР нельзя было даже на речевом уровне допустить, что у Гитлера был социализм. А вот тогда, в 1939-м, терминология была совсем иной: на чём свет стоит, кляли фашизм и приветствовали немецких социалистических товарищей. «Майн Кампф» менее чем за два года выдержала в СССР два издания.

Борцы с «англо-американской плутократией» и враги «мирового капитализма» прекрасно нашли общий язык, общей была у них и цель: завоевание мира. На политическом уровне Сталин свои планы тщательно скрывал. А на идеологическом – не мог: надо же было

воспитывать народ для грядущих битв. И воспитание удавалось. «Задохнувшись Интернационалом/Упасть лицом на высохшие травы» вновь мечтали кровавые романтики-энтузиасты. Где, интересно, они опять собрались «Интернационалом» захлебываться? На полях «Великой Отечественной»? Защищая «Родину-мать»? Впрочем, строго говоря, искать общий язык коммунизму и нацизму и нужды не было. Возьмите первое, ещё не вычищенное собрание сочинений Ульянова-Ленина. Среди отборной ругани в адрес чужих, не из собственной партии, социалистов вы неожиданно встретите дифирамб: вождя привело в восторг сочинение немецкого теоретика по национальному вопросу. Фамилия теоретика-социалиста – Штрассер. Да-да, тот самый, прирезанный Гитлером в «ночь длинных ножей». Не сделай Штрассер ставку на Эрнста Рема, конкурента фюрера, – именно он, а не бездарный Розенберг был бы кандидатом на нюрнбергскую виселицу как выдающийся нацспециалист.

Не хотите читать Ленина, неинтересно? Тогда обратитесь к литературе 1920-х: писателям в эти годы ещё разрешали воспевать революцию не как приказут, а от души. Пропуском в печать служила не столько ложь, сколько классовая правильность нравственных оценок: советские герои 1920-х швыряют офицеров в топки и гордятся этим. (При Сталине литература нормализовалась, она была рассчитана уже на среднеобывательское восприятие, а не на фанатиков – и теперь офицеры стали бросать в топки простых советских людей.) Много можно узнать из романов той поры, в том числе на интересующую нас в этой статье тему: в талантливой книге Федина «Города и годы» самым правильным коммунистом оказывается вчерашний отпетый нацист.

Современников такие вещи, по-видимому, не удивляли: менталитет был общий, а нюансы грядущего социализма в лихорадке завтрашней победы различать не было нужды.

Завтрашняя мировая победа – вот это и было смыслом развязанной в 1939-м войны. Революционный социализм уже победил в двух великих странах. И почувствовал себя безнаказанным – отсюда и кажущиеся сегодня странными откровенности тех лет. И пошёл хрупать мир.

К братскому дележу добычи крокодилы обычно не склонны. Но дело не в отсутствии у рептилий нежных чувств друг к другу – всё дело в том, что они кидаются на людей.

Когда об этом забывают, история искажается. Так искажалась ещё недавно история первых послекатастрофных десятилетий: она исчезала, подмененная борьбой внутри-большевицких «уклонов». «Левых» и «правых», «либералов» и «догматиков»...

Это было убедительно. Это было эффектно. Но за кадром оставалось самое главное: за кадром оставалась террористическая война, развязанная троцкими-лениными-бухариными вместе.

Но и сегодня, разобравшись уже немного в той истории, мы продолжаем по советской «методике» рассуждать о войне. О событиях, по времени не так уж от нас и удалённых.

Когда вождь планировал закусить фюрером? Почему фюрер укусил первым? Оставим эти вопросы крокодиловедам: для самосознания нашей страны важны не они. Важно другое. Хотели вместе пообедать Европой, да пирушки не вышло: великий Сталин патологически бездарно подставился соратнику и другу. А потом выпутался с обычной своей мудростью, уложив в землю ещё три или четыре десятка миллионов людей.

Вот и причина советской полувековой лжи. Можно, конечно, признать «своими» и такое государство, и такую власть. Можно сказать: «Это и есть позитив нашей истории».

Как хочется нынешней власти от всех, от всех вести своё преёмство. И от такого государства, от такого строя. И от сумевшего выстоять, выжить под этим строем народа.

Как хочется ей гармонии...

Только ведь – не получится.

Перед войной 1941–1945 годов Ю. Фельштинский

Советско-нацистский сговор о разделе мира

В связи с 40-летием победы над Германией в СССР будут опубликованы сотни книг, посвящённых войне 1941–1945 годов – мемуары, монографии, сборники документов. И хотя, конечно, этот поток литературы ни по количеству, ни по качеству не может сравниться с западной – более многочисленной, более исчерпывающей и более объективной, он всё-таки знаменателен, особенно сегодня, когда над Европой снова сгущаются тучи, когда над миром нависла угроза ядерно-коммунистическая. Можно с уверенностью сказать, что ключ к пониманию причин, приведших к войне и к гибели 20–30 миллионов людей, надо искать в советско-германских отношениях непосредственно перед нею. Надо думать, что именно по этой причине документы советско-германских отношений 1939–1941 годов так и не опубликованы советским правительством.

В этой статье на основании составленного мною двухтомника документов («СССР – Германия, 1939–1941», издательство «Телекс», США, 1983) я постараюсь дать краткий очерк событий, приведших нашу страну к 22 июня 1941 года и к гибели миллионов, а Сталина и советское правительство – к господству в послевоенном мире.

II мировая война, частью которой была война между СССР и гитлеровской Германией, началась не 1 сентября 1941 года, в день германского нападения на Польшу, а раньше, по крайней мере в 1938 году, во время так называемого Мюнхенского сговора и раздела Чехословакии. По сей день советская историческая наука использует это событие для того, чтобы подчеркнуть вину Запада, отказавшегося прийти на помощь Чехословакии. Но, обвиняя один лишь Запад, историк рискует впасть в ошибочную односторонность. Да, в отличие от Франции, советское правительство предложило

Чехословакии «братскую помощь». Но что стояло за этим предложением?

Общей границы с Чехословакией СССР до войны не имел. Помощь предлагалась на условии прохода советских войск через Польшу. Но и польское правительство, и чехословацкое понимали, что, придя в их страны, советские войска не уйдут обратно. Тогдашний президент Чехословакии Бенеш говорил об этом вполне открыто. И именно по этой причине он отказался от советского предложения.

Потеряв для себя Чехословакию, советское правительство продолжало предпринимать дипломатические усилия для обеспечения за собой захвата Польши. Во время переговоров летом 1939 года о заключении пакта о взаимопомощи между Францией, Англией и СССР, советское правительство снова потребовало для себя права ввода советских войск в Польшу в случае возникновения кризиса во франко-германских отношениях. Но это предложение было отвергнуто польским правительством: «С немцами мы потеряем нашу свободу; с русскими мы потеряем нашу душу», – ответил главнокомандующий польской армией на предложение разрешить ввод советских войск.

Сталин понял, что Англия и Франция не могут заставить Польшу капитулировать перед Советским Союзом, как заставили они Чехословакию капитулировать перед Германией. Значит, в деле захвата Польши советскому правительству нужен был другой союзник. Этим союзником стала Германия.

Ещё в марте 1939 года в отчётном докладе на XVIII съезде партии Сталин сделал первый шаг к советско-германскому сближению. Он указал, что рассматривает «антикоминтер-новский пакт» между Германией, Италией и Японией, как направленный против Англии, Франции и США, а не против СССР. Он сказал также, что «шум» о существующих якобы у Германии агрессивных планах в отношении Украины «поднят англо-французской и североамериканской прессой» с целью «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».

Эта речь стала предложением Гитлеру начать советско-германские переговоры о нормализации отношений. В апреле советский полпред в Берлине Мерекалов в разговоре со статс-секретарём Германии Вейцекером поднял вопрос о германо-польских делах, а затем заявил, что с точки зрения советского правительства «нет причин, могущих помешать нормальным взаимоотношениям» СССР и Германии, и что «идеологические расхождения... не должны стать камнем преткновения в отношении Германии».

Вскоре после этого, 3 мая, Литвинов, сторонник, как считалось на Западе, сближения с Англией и Францией, был снят с поста наркома иностранных дел и заменён Молотовым. А 5 мая советник посольства СССР в Германии Астахов в беседе с сотрудником германского МИД Шнурре попытался узнать, приведёт ли это (Литвинов был евреем) к изменению германской позиции в отношении Советского Союза.

К этой теме Астахов снова вернулся через две недели, когда в другой беседе со Шнурре указал, что «в вопросах международной политики у Германии и Советской России нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами».

В доказательство того, что сотрудничество возможно, Астахов сослался на дружеские отношения между Советским Союзом и фашистской Италией. У этих государств, по словам Муссолини, нет препятствий «для нормального развития политических и экономических отношений».

В июне 1939 года Гитлер сделал вывод, что намерение советского правительства пойти на сближение с Германией вполне серьёзно. Выгоды от такого сотрудничества для Германии были очевидны. Как писал 5 июня в Берлин германский посол в Москве Шуленбург, «германское государство может занять более твёрдую позицию по отношению к Франции, если Советский Союз будет держать на прицеле Польшу, уменьшая давление на нашу восточную границу».

Шуленбург, кстати, подчеркнул, что советское правительство заинтересовано прежде всего в политическом сближении, а не в экономическом сотрудничестве: «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его... Мне кажется очевидным... что путь для дальнейших переговоров открыт».

Но, быть может, именно потому, что Гитлер уже убедился в искреннем желании Сталина пойти на сближение с Германией, он дал германской дипломатии указание «не проявлять дальнейшей инициативы, а ждать инструкций». Только 27 июля Шнурре на высказанное Астаховым пожелание «о тесном сотрудничестве» ответил, что «во всём районе от Балтийского моря до Чёрного моря и Дальнего Востока нет... неразрешимых политических проблем между нашими странами. В дополнение к этому... есть один общий элемент в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям... «Астахов назвал путь сближения с Германией соответствующим интересам обеих стран».

Тогда же Астахов намекнул на заинтересованность Советского Союза в странах Балтии и в Польше. И 29 июля в инструкции германскому послу в Москве Вейцекер сообщил: «При любом развитии польского вопроса, мирным ли путём... или любым другим путём, т. е. с применением нами силы, мы будем готовы гарантировать все советские интересы и достигнуть понимания с московским правительством... Наша позиция в отношении Прибалтики будет откорректирована таким образом, чтобы принять во внимание жизненные интересы Советов на Балтике». 3 августа Вейцекер добавил: «Мы готовы к более конкретным обсуждениям, если советское правительство также желает этого».

Можно с уверенностью сказать, что 3 августа стало переломным днём в советско-германских отношениях. В этот день имперский министр иностранных дел Риббентроп сообщил советскому поверенному в делах Астахову, что на Балтике «нам двоим хватит места» и «русские интересы там ни в коем случае не придут в столкновение с нашими». Риббентроп, кроме того, «сделал тонкий намёк на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши». В Москве поняли, что это – приглашение принять участие в войне против Польши, и промолчали. Когда 14 августа Шнурре спросил Астахова, «каким по очереди Советский Союз считает польский вопрос, Астахов ответил, что не получил никаких особых инструкций, но что главный упор в его инструкциях сделан на слове “постепенно”».

Но Германия уже не могла ждать. Война против Польши должна была начаться со дня на день. 14 августа Риббентроп направил Шуленбургу пространную телеграмму, в которой, в частности, говорилось:

«Я прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:... События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и

навсегда; дорога в новое будущее открыта обеим странам... Интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются... В столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР... Между Балтийским и Чёрным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств. Среди этих вопросов есть и такие, которые связаны с Балтийским морем, Прибалтикой, Польшей, юго-восточным районом и т. д. В подобных вопросах политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат. То же самое относится к германской и советской экономике, сотрудничество которых может расширяться в любом направлении... Имперское правительство и советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза... Кризис в германо-польских отношениях... делает желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае... оба правительства лишатся возможности... совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой... Насколько нам известно, советское правительство также желает внести ясность в германо-советские отношения... Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера господину Сталину... Условием моего визита являются широкие переговоры со Сталиным».

15 августа в 8 часов вечера Шуленбург встретился с Молотовым и передал содержание телеграммы Риббентропа. Молотов, по словам Шуленбурга, «довольно неожиданно... оказался угодлив и откровенен» и высказал пожелание о заключении пакта о ненападении. И всё-таки советское правительство, которое всё ещё надеялось выторговать Польшу в переговорах с англичанами и французами, предпочитало не торопиться, что никак не устраивало Германию. 18 августа Риббентроп послал Шуленбургу новую телеграмму:

«Немедленно передайте Молотову, что германо-польские отношения изо дня в день становятся всё более острыми... что в любой день могут произойти столкновения, которые сделают неизбежным начало военных действий... Мы полностью согласны с идеей о заключении пакта о ненападении...» Теперь, однако, советское правительство требовало ещё и одновременного подписания «специального (то есть секретного – Ю.Ф.) протокола по внешнеполитическим вопросам».

20 августа Гитлер дал на это согласие, оговорив, что Риббентроп должен прибыть в Москву не позднее 23 августа. 21 августа эту дату, со своей стороны, утвердил Сталин.

Во время первой трёхчасовой встречи Риббентропа со Сталиным был в целом обсуждён вопрос о подписании «секретного протокола о взаимном разграничении сфер влияния во всей восточной зоне» Европы. В результате этих переговоров в тот же день был заключён известный пакт о ненападении и секретный протокол. В протоколе указывалось:

«...Нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР...

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла, Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решён лишь ходом будущих политических событий.

...Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии...»

Таким образом, секретный протокол предопределил судьбу Латвии, Литвы, Эстонии, Польши, Бессарабии и Финляндии. Раздел Восточной Европы между Гитлером и Сталиным произошёл. На следующий день во время торжества, посвящённого успешному подписанию соглашений, Сталин предложил тост за Гитлера:

«Я знаю, как германская нация любит своего Вождя, – сказал он, – и поэтому мне хочется

выпить за его здоровье».

А Молотов, в свою очередь, предложил тосты за здоровье Риббентропа, Шуленбурга и Сталина. И уже при прощании (Риббентроп торопился в Берлин) Сталин сказал имперскому министру иностранных дел, что «он может дать своё честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнёра».

Так закончился первый период советско-германских отношений: от сближения до заключения пакта. 31 августа пакт был официально ратифицирован советским правительством. На следующий день Германия напала на Польшу. А 3 сентября Германия обратилась к советскому правительству с просьбой напасть на Польшу с востока. Риббентроп писал Шуленбургу:

«Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно... не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию.... Это не только помогло бы нам, но также... было бы и в советских интересах».

Молотов ответил: «Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время ещё не наступило».

Если в деятельности советского правительства и был период, приближенный к искреннему, то именно тогда. После нападения Гитлера на Польшу Молотов звонил Шуленбургу, поздравлял его: «Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи».

В ответ Германия вновь попросила Молотова о скорейшей военной интервенции в Польшу. 9 сентября Молотов сообщил, что «советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней... Будут также призваны многочисленные резервисты».

На следующий день Молотов согласовал с немцами официальное объяснение причин советского вторжения, которые будут объявлены всему миру: «Польша развалилась на куски и... вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым “угрожает” Германия». Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором.

Молотов просил также, чтобы Германия ни в коем случае не объявляла об окончании военных действий в Польше до начала советского вторжения, которое «было бы крайне важно не начинать... до того, как падёт... Варшава». Молотов поэтому просил, чтобы ему «как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы».

15 сентября Германия ответила, что рассчитывает занять Варшаву «в течение ближайших нескольких дней».

«Из сообщения, сделанного Вам Молотовым 14 сентября, – продолжал в своей телеграмме Шуленбургу Риббентроп, – мы заключили, что в военном отношении советское правительство подготовлено и что оно намерено начать свои операции уже сейчас. Мы приветствуем это. Советское правительство, таким образом, освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы».

16 сентября Молотов официально сообщил, что советская военная интервенция в Польшу произойдет 17-го числа. Он указал, что официальный советский предлог для вторжения «содержал в себе ноту, обидную для чувств немцев, но просил, принимая во внимание сложную для советского правительства ситуацию» не придавать этой формальности никакого значения. «Советское правительство, к сожалению, не видело какого-либо другого предлога, поскольку до сих пор Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше и должен был так или иначе оправдать за границей своё теперешнее вмешательство», – закончил Молотов.

17 сентября, как и обещал Молотов немцам, Красная Армия перешла границу с Польшей «на всём её протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска». Четвёртый раздел Польши стал фактом. Он был официально оформлен договором «о дружбе и границе», подписанным СССР и Германией 28 сентября. Но уже 25 сентября Сталин сообщил Шуленбургу, что желает немедленно взяться «за решение проблемы прибалтийских государств, в соответствии с Протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства. Сталин подчёркнуто указал на Эстонию, Латвию и Литву, но не упомянул

Финляндию».

Германия не возражала. Но Сталин начал именно с Финляндии.

1 декабря 1939 года СССР напал на Финляндию. К этому времени в Москве из находившихся в СССР финских коммунистов было сформировано так называемое «народное правительство Финляндии» под председательством члена ЦК ВКП(б), финна по происхождению, Отто Куусинена. Однако, вопреки ожиданиям советского правительства, финский народ оказал мужественное сопротивление. Война затянулась, закончилась лишь в марте 1940 года. Советский Союз захватил часть финской территории, но свою независимость Финляндия смогла отстоять. Всё это время Германия поддерживала советское правительство. Ещё в самом начале советско-финской войны, 2 декабря 1939 года, Вейцекер сообщал в циркулярной телеграмме всем германским дипломатическим миссиям:

«В ваших беседах, касающихся финско-русского конфликта, пожалуйста, избегайте антирусского тона. В зависимости от того, с кем вы беседуете, вами могут быть использованы следующие аргументы. Неизбежное развитие событий в пользу пересмотра договоров, заключённых после (Первой – Ю.Ф.) мировой войны. Естественная потребность России в укреплении безопасности Ленинграда и входа в Финский залив.... Финляндия избегала сближения с Германией... Враждебность к Германии... Широкие слои населения Финляндии придерживаются экономической и идеологической ориентации в сторону демократической Англии». А 6 декабря в отдельной телеграмме Шуленбургу Вейцекер добавил: «В ваших беседах должна высказываться симпатия относительно точки зрения русских. Пожалуйста, воздерживайтесь от выражения какой-либо симпатии в отношении позиции финнов».

Между тем за нападение на Финляндию Советский Союз был исключен из Лиги Наций (и даже в этом присоединился к Германии, вышедшей из Лиги Наций в 1933 году). Торговые отношения с Германией развивались: СССР снабжал её стратегическим сырьём, необходимым для ведения войны с Англией и Францией. Кроме того, в виде компенсации за поддержку Германией советского правительства во время войны с Финляндией, СССР не возражал теперь против оккупации Германией Дании и Норвегии. Когда 9 апреля 1940 года Шуленбург сообщил Молотову о начале военных действий против этих двух стран, Молотов ответил: «Советское правительство понимает, что Германия была вынуждена прибегнуть к таким мерам... Мы желаем Германии полной победы в её оборонительных мероприятиях».

И в рамках уже привычных дружеских советско-германских отношений германскому военно-морскому флоту было разрешено использовать в качестве базы порт Мурманск.

Молотов отнёсся с симпатией и к решению Германии начать активные наступательные действия против Франции.

Как сообщал в Берлин Шуленбург, информацию об этом Молотов оценил по достоинству и сказал, что Советский Союз понимает, что Германия должна была защитить себя от англо-французского нападения. «У него нет никаких сомнений в нашем успехе». Но за это советское правительство требовало от Германии согласия на новые советские аннексии. Это согласие Германией было дано. 17 июня 1940 года Вейцекер в циркулярной телеграмме всем германским дипломатическим миссиям сообщил следующее:

«Беспрепятственное укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, производимая советским правительством... касается только России и прибалтийских государств. Поэтому, ввиду наших неизменно дружеских отношений с Советским Союзом, у нас нет никаких причин для волнения...»

На следующий день Молотов посетил Шуленбурга, выразил ему «самые тёплые поздравления советского правительства по случаю блестящего успеха германских вооружённых сил» во Франции и официально информировал его о состоявшейся оккупации стран Балтии. А уже 23 июня советское правительство уведомило Германию, что намерено в ближайшее время оккупировать Бессарабию и Буковину, «в которой проживает украинское население».

«Советское правительство ожидает, – указал в беседе с Шуленбургом Молотов, – что Германия не будет препятствовать проведению советской акции, а поддержит её. Советское правительство, со своей стороны, сделает всё возможное для охраны германских интересов в Румынии».

Кроме того, 26 июня в беседе с послом фашистской Италии в СССР Россо Молотов

намекнул на заинтересованность СССР в захвате Турции. Молотов указал Росо, что «в Средиземноморье советское правительство признает гегемонию Италии при условии, что Италия признает гегемонию Советского Союза на Чёрном море». Росо ответил, «что он считает это заявление весьма разумным и рекомендует действовать как можно скорее».

На решение СССР захватить Бессарабию Германия ответила согласием. Вечером того же дня советские требования были сообщены Румынии в виде ультиматума, срок которого истекал на следующий день. И поскольку ещё утром 27 июня Германия сообщила румынскому правительству о том, что поддерживает советские планы оккупации, и посоветовала Румынии отступить, последняя приняла советский ультиматум.

Аппетиты советского правительства росли быстро. Уже 11 июля Шуленбург сообщал в Берлин:

«Советский Союз... ещё выступит против ряда государств... Политические интересы Москвы сфокусированы сейчас целиком на событиях в прибалтийских государствах и на отношениях с Турцией и Ираном. Большинство западных дипломатов считают, что все три прибалтийских государства будут преобразованы в организмы, полностью зависящие от Москвы, т. е. будут включены в состав Советского Союза... Это без сомнения, также относится к Турции и Ирану».

В том же месяце Советский Союз официально аннексировал Латвию, Литву и Эстонию, включив все три республики в состав СССР. 1 августа в докладе о внешней политике на заседании Верховного Совета СССР Молотов, однако, дал понять, что советское правительство не может довольствоваться достигнутым: «Мы добьёмся новых и ещё более славных успехов». В этой связи он указал на Финляндию, которую советское правительство всё ещё собиралось аннексировать.

Но для этого необходим был новый раунд советско-германских переговоров. И 13 октября 1940 года Риббентроп пригласил Молотова прибыть с официальным визитом в Берлин. В ответном письме Риббентропу Сталин указал, что «дальнейшее улучшение отношений между нашими странами возможно лишь на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов. Господин Молотов... принимает Ваше предложение... Наиболее удобное время с 10 по 12 ноября». Под документом стояла подпись: «Преданный Вам (Сталин)».

Из Берлина Молотов вернулся с проектом нового соглашения, заключаемого между СССР, Германией, Италией и Японией. Согласно этому проекту, Советский Союз заявлял, «что его основные территориальные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана». Сталину, однако, этого показалось мало. 25 ноября Молотов в присутствии своего заместителя Деканозова заявил Шуленбургу следующее:

«Советское правительство готово принять проект пакта Четырёх держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи... на следующих условиях:

1. Предусматривается, что германские войска немедленно покинут Финляндию, которая по договору 1939 года входит в советскую зону влияния...

2. Предусматривается, что в течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны Проливов гарантируется заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, которая географически находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза, а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды.

3. Предусматривается, что зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признаётся центром территориальных устремлений Советского Союза.

4. Предусматривается, что Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

... В протоколе должно быть указано, что в случае, если Турция откажется присоединиться к пакту Четырёх держав, Италия и СССР совместно выработают и практически применят военные и дипломатические санкции».

На это не могла пойти даже Германия. Ответом на советское предложение было подписание Гитлером 18 декабря 1940 года Директивы № 21 – плана «Барбаросса». Ни о каких уступках Сталину Гитлер не хотел теперь слышать. Советско-германские отношения ухудшались с каждым днём. И, хотя Сталин до самой последней минуты поставлял сырьё

Германии согласно условиям заключённых ранее договоров, Гитлер не изменил своего решения. 22 июня 1941 года он отдал приказ о начале наступления на СССР.

«Освободительные походы» 1939–1940 годов. Акты красной геополитики А Гогун

«Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот».

В. Ленин, 26 ноября 1920 года.

«Капиталистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только калёным железом священной войны».

М. Калинин, 20 мая 1941 года.

«Посев», 1999, № 9

17 сентября 1939 года Красная Армия начала вторжение в Польшу. Этим была открыта эра так называемых «освободительных походов», захватнических акций по отношению к государствам Восточной Европы. СССР вступил во II мировую войну на европейском континенте как агрессор.

«Освободительными» эти походы были названы в СССР потому что «...это благоприятно для человечества, ведь счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнёта помещиков, капиталистов, полицейских и всякой прочей сволочи. Это с точки зрения народов» (И. Сталин, 9 сентября 1940 года)¹.

У самих «освобождённых» была на этот счёт несколько другая точка зрения: они с оружием в руках воевали против коммунизма до конца 1940-х, а в отдельных случаях до начала 1960-х годов.

Но сейчас нас интересует не то, как РККА и НКВД захватывали и истребляли народы Восточной Европы в 1939–1940 годах. Нас интересуют цели этой последовательной агрессии СССР.

Все захваты, осуществлённые СССР в начале II мировой войны, стали возможными в результате сговора Сталина с Гитлером в августе 1939 года. Открыв шлюзы мировой бойни, коммунисты получили свободу действий восточнее черты, определённой пактом Молотова-Риббентропа.

Первой жертвой была Польша

1 сентября Вермахт вторгся в эту страну и стал быстро продвигаться на восток, преодолевая отчаянное сопротивление Войска Польского. На все просьбы Гитлера поскорее ударить в тыл полякам Сталин отвечал, что Красная Армия пока не готова. Вскоре Вермахт пересёк «линию советских интересов» и вошёл в области, населённые в основном украинцами и белорусами. Из Берлина намекнули о возможности создания в Западной Украине отдельного государства. И 17 сентября в 5 часов утра без объявления войны Красная Армия нанесла удар в спину польской армии. В результате победоносной совместной красно-коричневой военной акции Польша была уничтожена как государство, а 28 сентября был подписан советско-германский договор «О дружбе и границе» и новый секретный протокол о разделе сфер влияния. Гитлер отказывался от притязаний на Литву, а Сталин отдавал ему часть «своей» территории Польши к востоку от Вислы.

От новой советской границы до Варшавы было рукой подать, а до Берлина – всего пятьсот километров. Вермахту же до Москвы почти вдвое больше. Как видим, до Москвы было далеко, но Гитлер и не думал о походе на Восток, он был озабочен другими проблемами – с 3 сентября шла война с Англией и Францией. Пока активных боевых действий на суше и в воздухе не велось, но обе стороны активно пытались удушить друг друга морской блокадой.

А за спиной у Гитлера находился СССР, в котором развернулась военная истерия и

осуществлялся перевод экономики на военные рельсы. Сталин спасал нацистский режим поставками сырья и продовольствия.

В результате польской кампании появилась советско-германская граница. И сразу же, с октября 1939 года, в советском Генштабе начал разрабатываться план войны с Германией. Немецкие же штабы занялись аналогичной работой по отношению к СССР только через девять месяцев.

На новой границе было два глубоких выступа в сторону Берлина: один в районе Белостока, другой – в районе Львова. Весной – летом 1941 года эти выступы были буквально забиты советскими войсками.

В связи с этим цели красной агрессия сентября 1939 года выглядят не так, как их объясняли советские историки-пропагандисты.

Но из-за вторжения Гитлера плацдарм для наступления превратился в западню. Белостокский мешок немцы захлопнули уже в июне – июле 1941 года, войска из львовского выступа отошли и попали в окружение под Киевом в сентябре того же года.

Финляндия – жертва № 2

«Решив польский вопрос», Сталин занялся Финляндией. Выдвинув на переговорах с финнами предложения, неприемлемые из-за угрозы национальной безопасности их страны, советские дипломаты завели эти переговоры в тупик. Мирным путём оккупировать Финляндию было невозможно. На границе с ней развернулись огромные наступательные силы. Финны готовились к обороне.

26 ноября на советской части Карельского перешейка в районе деревни Майнила прогремело несколько взрывов. Потом весь мир удивлялся, насколько бездарно была устроена эта советская провокация. 30 ноября «в ответ на провокацию финской военщины» РККА перешла в наступление... Уже к 1 декабря было сформировано «Народное правительство» самой что ни на есть демократической финляндской республики во главе со старым коминтерновцем Отто Куусиненом. Была сформирована и коммунистическая армия Финляндии из советских граждан карело-финского происхождения. Советские командиры и комиссары, внимая лозунгам советской пропаганды, говорили друг другу в начале кампании: «Скоро встретимся в Хельсинки!» Солдаты получили приказ приветствовать шведских пограничников на финляндско-шведской границе и препятствовать населению бежать из Финляндии. Всё говорит о том, что готовилась полная оккупация страны, а не отодвигание границ от Ленинграда на несколько десятков километров, как об этом до сих пор пишут некоторые историки.

Но в силу многих причин Кремлю пришлось ограничиться захватом у Финляндии только Карельского перешейка (март 1940 года). Хотя, с чисто военной точки зрения, был возможен очень быстрый захват всей Финляндии: линия Маннергейма была преодолена.

Зачем всё это затевалось?

Сталин 17 апреля 1940 года пояснил: «Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло (Англия, Франция и Германия – АТ.), когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам предоставляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить.... Теперь угроза Гельсингфорсу стоит с двух сторон – Выборг и Ханко»².

Обратим внимание – попытка захвата Финляндии это не удар собственно по Финляндии и не столько «решение вопроса о Ленинграде», а удар по великим державам, когда они «вцепились друг другу в горло», и у них «руки заняты».

Вообще-то лидеры англо-французского блока в тот момент были мало экономически и политически заинтересованы в Финляндии. Захват этой страны «ударил» бы по ним не сильно – просто они показали бы свою неспособность остановить советского агрессора, а финны подверглись бы красному геноциду.

В независимой Финляндии была заинтересована другая великая держава – Германия, и вот почему.

Промышленность Германии была очень плохо обеспечена германским сырьём, которое активно импортировалось. Главное сырьё во II мировой войне – металл. Две трети железной руды, необходимой для нормальной работы германской экономики, импортировались из Швеции. Оттуда же импортировались цветные и тяжёлые металлы, которых III Рейху не хватало даже с учётом этих поставок. Рудники, расположенные на севере Швеции, лежали на расстоянии всего 120 километров от границы с Финляндией. Сама Финляндия поставляла в Германию никель, продукцию лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Захват Финляндии обеспечивал для СССР возможность разбить Германию, даже не ведя кровопролитных сражений с Вермахтом. Не потребовалось бы пережимать и нефтяной шланг Румыния-Германия, о чём речь ниже. Скажем, 14 июня 1940 года (в то время как немцы, почти израсходовав боезапас, победоносно входили в Париж) советские подлодки с финских баз потопили бы суда, везущие сырьё в Германию, авиация с территории Финляндии за несколько дней сравняла бы шведские рудники с землёй. А РККА могла захватить их в короткое время: Швеция к тому моменту не воевала уже почти полтора века. Поставки сырья из СССР в Германию также прекратились бы. Вермахту просто нечем было бы воевать против Красной Армии. Сталин же, оставив на всякий случай на западных границах СССР заслон из сотен дивизий, мог спокойно ждать, глядя, как германская экономика останавливается, и «Тысячелетний Рейх» разваливается на глазах. Забудем на секунду о воюющей Британии и недоокупированной Франции.

Предположим, что Гитлер сумел бы всё-таки как-нибудь извернуться, переправить дополнительные войска из Франции в Польшу, Норвегию и Швецию, достать для них откуда-нибудь боеприпасы и бросить против превосходящих по всем параметрам сил Красной Армии. И только в этом случае потребовались бы воздушные бомбардировки (или быстрый захват) слабой в военном отношении Румынии, что оставило бы всю германскую промышленность, транспорт, флот, армию и ВВС ещё и без нефтепродуктов. Тогда сложилась бы поистине трагикомическая ситуация: миллионы опытных солдат и офицеров Вермахта хотят драться с врагом на Востоке, но, не имея для этого ни малейшей возможности, превращаются в пушечное мясо, а вся германская техника – в груды бесполезного железа.

Может быть, кому-то всё это покажется ничем не подтверждёнными домыслами: что может значить какая-то маленькая Финляндия в схватке сверхдержав? Приведём всего одну фразу «президента» СССР М. Калинина из речи 22 мая 1941 года о грядущей войне с Германией: «Если бы, конечно, присоединить Финляндию, то положение ещё более улучшилось с точки зрения стратегии»³. Всесоюзный староста был совершеннейшей пешкой в партийно-государственном аппарате и не имел никакого отношения к стратегии. Если Калинин говорил тогда такое широкой аудитории, то ему не могли этого не подсказать. Сам он до такого додуматься не мог, или, тем более, высказать свою мысль без приказа сверху. Это говорит о том, что в Кремле не просто знали о важнейшем стратегическом положении Финляндии, но и активно обсуждали возможности использования её территории в скорой войне с Рейхом.

Гитлер тоже осознавал, что «при нападении на Финляндию зимой 1939–1940 года у них не было иной цели, кроме как создать на побережье Балтийского моря военные базы и использовать их затем против нас»⁴.

Вышеприведённая же фраза Сталина от 17 апреля 1940 года об «угрозе Гельсингфорсу... с двух сторон», не оставляет сомнений насчёт советских планов относительно Финляндии.

«Придётся идти в Румынию»

Генерал Д. Павлов заявил на совещании: «Чтобы поправить ошибки прошлого (речь шла о финской кампании – АТ'), я сел за изучение военно-географического описания южного театра, если мы пойдём, а может быть и придётся идти в Румынию, то там климатические и почвенные условия таковы, что в течение месяца на возах с трудом проедем. Это надо учесть»⁵.

Сталин не «одёрнул» генерала, так как в Румынию «пришлось идти» действительно скоро: 28 июня 1940 года, когда основные силы Вермахта находились во Франции. Этот шаг не был предварительно согласован с Гитлером (в Берлин о готовящемся вторжении сообщили лишь 23 июня) и вызвал в высших кругах Германии состояние, близкое к панике. Молотов потребовал от

румын уступить СССР Бессарабию и Северную Буковину. Эти претензии были удовлетворены. Немецкие дипломаты приложили все силы, чтобы не допустить военного конфликта в этом регионе. Из Румынии Германия получала нефть, которой ей тоже остро не хватало.

Генерал Маркс писал в проекте плана операции «Ост» от 5 августа 1940 года: «Ведение войны со стороны Советской России будет заключаться в том, что она присоединится к блокаде (Германии — А.Г.). С этой целью вероятно вторжение в Румынию, чтобы отнять у нас нефть»⁶.

А вот, что писал Гитлер Муссолини 20 ноября 1940 года по поводу угрозы английских бомбардировок Румынии: «... Ясно одно: эффективной защиты этого района производства керосина нет. Даже собственные зенитные орудия могут из-за случайно упавшего снаряда оказаться для этого района столь же опасными, как и снаряды нападающего противника. Совершенно непоправимый ущерб был бы нанесён, если бы жертвами разрушения стали крупные нефтеочистительные заводы... Это положение с военной точки зрения – угрожающее, а с экономической, поскольку речь идёт о румынской нефтяной области, – просто зловещее»⁷.

Во время беседы с дуче 20 января 1941 года фюрер заявил: «Демарш русских по поводу ввода наших войск в Румынию должным образом отклонён. Русские становятся всё наглее, особенно в то время года, когда против них ничего не предпринять (зимой)... Самая большая угроза – огромный колосс Россия...

Надо проявить осторожность. Русские выдвигают всё новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Потому-то они и не желают в этих договорах твёрдых и точных формулировок.

Итак, надо не упускать из виду такой фактор, как Россия, и подстраховать себя (военной – А.Г.) силой и дипломатической ловкостью.

Раньше Россия никакой угрозы для нас не представляла, потому что на суше она для нас совершенно не опасна.

Теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в груды дымящихся развалин, а он для оси жизненно важен»⁸.

Захватив Бессарабию, Красная Армия приблизилась к румынским нефтеносным районам на сто километров, до них оставалось менее двухсот километров. Позже Гитлер сказал, что если бы советские войска прошли эти самые километры летом 1940 года, то Германия была бы разгромлена самое позднее к весне 1942-го⁹.

Не следует особо доверять словам Гитлера, диктатора и захватчика: все агрессивные режимы используют пропаганду, выставя себя невинными жертвами, чтобы начать агрессию. Но факты говорят сами за себя.

По плану развёртывания Красной Армии, датированному маем 1941 года, ей предписывалось «быть готовой к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке»¹⁰, а в Бессарабии и на Украине весной-летом 1941 года были развёрнуты огромные наступательные силы. Что касается оценки советским руководством «нефтяной проблемы», то в начале 1941 года она была такова: «... горячее – это первое слабое место германской экономики. Продовольствие – это второе слабое место германской экономики (оба «слабых места» – в Румынии – А.Г.). Оно уже даёт себя чувствовать чрезвычайно остро... Перспективы снабжения продовольствием всё более ухудшаются... Третьим слабым местом германской экономики является положение с сырьём. Несмотря на то, что Германия получает сырьё из оккупированных стран, всеми видами сырья она не обеспечена. Созданные в своё время запасы иссякают, а английская блокада закрывает для Германии внеевропейские рынки. Чем дольше продолжается война, тем больше будет истощаться Германия»¹¹.

Прибалтийский плацдарм

Что касается стран Балтии, то их присоединили почти одновременно с Бессарабией – в июне 1940 года. Три страны были окончательно оккупированы советскими войсками, а 21 июля новые «прибалтийские правительства» попросили принять их в состав СССР. К тому времени уже почти год на территории стран Балтии были советские военные и военно-морские базы, но для надёжности в Москве было решено захватить регион. С июля 1940 года военная мощь на

этих территориях наращивалась.

Теперь значительная часть побережья Балтийского моря находилась в руках Сталина. Особенно большая концентрация советских субмарин к лету 1941 года была в литовском порту Лиепая. Город был захвачен Вермахтом в первые дни советско-германской войны. Немцам досталось большое количество горючего, боеприпасов и другого имущества. При подготовке к оборонительной или «контрнаступательной» войне Советскому Союзу не требовалось сосредотачивать такие силы в нескольких километрах от германской границы. Но для нанесения удара по германо-шведским и германо-финским водным коммуникациям базы лучше, чем Лиепая, просто не найти (если, конечно, не считать Финляндии). 22 июня 1941 года РККФ на Балтике получил приказ топить все корабли Германии по праву подводной войны. В этом регионе к лету 1941 года были сосредоточены и огромные сухопутные силы, предназначенные для того, чтобы сковывать группировку немецких войск в Восточной Пруссии, пока остальные части Красной Армии будут наступать в Польше и Румынии.

Подведём итоги

Если окидывать общим взглядом «освободительные походы», то их последствия и итоги были многообразны и разносторонни. Народы занятых СССР территорий после оккупации возненавидели сталинский режим (и переносят часть этой ненависти на Россию и русских до сих пор). Вместо миролюбивых восточноевропейских стран соседями СССР стали гитлеровская Германия и враждебно настроенные, жаждущие возвращения отнятых территорий

Румыния и Финляндия. Кроме того, лидеры Венгрии ясно осознали красную угрозу с Востока и из-за этого позже приняли участие в войне против коммунизма. Из-за агрессий и кровопролитной кампании в Зимней войне упал международный престиж СССР, а Гитлер решил, что это «коLOSS на глиняных ногах». Но, конечно же, все вышеперечисленные последствия не входили в планы Кремля. Красная Армия приобрела опыт ведения войны как в лесах и болотах восточной Польши, так и в снегах Финляндии. СССР за год – с сентября 1939 года по август 1940-го – захватил территории с населением свыше 23 миллионов человек (таким образом население «соцлагеря» приросло на 13,5 %). Были быстро образованы пять новых советских «республик». Снова предоставим слово Сталину (9 августа 1940 года): «Мы расширяем фронт социалистического строительства... А с точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом и капитализмом это большой плюс, потому что мы... сокращаем фронт капитализма»¹². Но самое главное, ради чего задумывались все эти авантюры – СССР приобрёл отличный трамплин для прыжка в Европу. Правда, воспользоваться этим трамплином помешал Гитлер.

Примечания

1. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? – М., 1995. – С. 157.
2. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). – М., 1998. – С. 272, 275.
3. Готовил ли Сталин... – С. 138.
4. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск, 1993. – С. 477.
5. Зимняя война... – С. 272.
6. Вторая мировая война: Два взгляда. – М., 1995. – С. 119.
7. Там же. – С. 129.
8. Там же. – С. 138.
9. Пикер Г. Указ. соч. – С. 303.
10. Готовил ли Сталин... – С. 87.
11. Там же. – С. 128.
12. Там же. – С. 157.

«С войной следует бороться, безусловно, всеми доступными нам средствами, так как она – несчастье человечества... Прошло лишь два десятилетия со времени мировой войны, а уже некоторые государства, забыв о сделанных двадцать лет назад ошибках, провозглашают войну как фатальную неизбежность в совместной жизни народов, а в некоторых условиях – даже как желательную необходимость».

Генерал Владислав Сикорский, 1934 год.

«Посев», 2000, № 6

5 марта 1940 года политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало расстрел 25 700 офицеров, полицейских, а также других граждан II Речи Посполитой, оказавшихся в коммунистическом плену.

В смоленском лесу под Катынью были уничтожены четыре с половиной тысячи офицеров Войска Польского, жандармов, чиновников военного ведомства. Примерно в эти же дни в других местах – под Старобельском (близ Харькова) и около Осташкова – были уничтожены другие партии польских военнопленных. Массовые расстрелы шли и в тюрьмах УССР и БССР весной 1940 года в течение двух с половиной месяцев. Сейчас официальная российская наука уже признала факт массового уничтожения поляков, появились документальные публикации о том, как их расстреливали, о том, кто ответственен за это преступление.

Вместе с тем уделяется совсем мало внимания причинам Катынской катастрофы, политической предыстории конфликта. Эти вопросы и будут подробнее рассмотрены ниже.

Советско-нацистский раздел Польши

Великобритания и Франция по стратегическим соображениям выступали за территориальную целостность и

суверенитет Польши. (Она была основой так называемого «санитарного кордона», отделявшего СССР от Центральной Европы.) Но к 1939 году почти все в мире были уверены, что основная опасность исходит от Германии. Гитлер весной 1939 года, только что удачно проведя захват Чехии, отдал приказ разработать план вторжения в Польшу (первоначально было намечено на конец августа 1939 года). Притом агрессию он хотел прикрыть дипломатической ширмой и лозунгами о притеснении немцев. В случае дипломатического успеха предполагалось отторгнуть от Польши часть земель, не прибегая к военной силе (подобная акция была в конце 1938 года проведена в отношении Чехословакии). Но поляки не согласились на требования фюрера. Гитлер был уверен, что Вермахт легко разобьёт Войско Польское: немцы имели подавляющее преимущество в технике. Однако войны с Великобританией, Францией или СССР он не хотел. Таким образом, полномасштабную войну могли предотвратить только дружные дипломатические действия этих стран.

Великобритания и Франция заявляли, что помогут Польше в случае нападения на неё Германии. Впрочем, подобные заявления они делали до этого на счёт Чехословакии, а позже не предприняли ничего, чтобы спасти хотя бы её остатки. В общем, Гитлер был уверен, что Великобритания и Франция воевать не станут.

Но это было совсем не так: в высших кругах этих государств было принято твёрдое решение объявить войну Германии в случае её конфликта с Польшей. Целью Запада теперь стало привлечение СССР к сотрудничеству в данном вопросе. Для этого в начале августа 1939 года в Москву прибыли военные делегации для координации возможных антигерманских акций, направленных на сохранение мира и целостности Польши.

Это была, пожалуй, самая фатальная ошибка западной дипломатии. В Кремле военная миссия СССР выдвинула требования, неприемлемые как для национальной безопасности Польши, так и для стран Запада. Британские и французские дипломаты, надеясь убедить своих мнимых союзников, жёстко заявили о том, что Великобритания и

Франция обязательно объявят войну Германии в случае её нападения на Польшу Реакция

Сталина была своеобразной. Дав своим дипломатам указание окончательно, но вежливо сорвать переговоры, он намекнул Берлину о желательности заключения между СССР и Германией пакта о ненападении.

19 августа 1939 года в окружении соратников он произнёс речь, в которой определил направление советской внешней политики на ближайшие несколько лет. Говоря о том, что предстоящим пактом будет развязана мировая война с целью победы коммунизма в Европе (а, следовательно, и во всём мире), вождь коснулся и польского вопроса: «Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападёт на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным... Первым преимуществом, которое мы извлечём, будет уничтожение Польши до самых подступов к Варшаве, включая украинскую Галицию». Украинскую Галицию Сталин надеялся захватить сам.

23 августа 1939 года в Кремле был подписан пакт о ненападении между СССР и Германией, к которому прилагался секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Польша по этому протоколу делилась более чем произвольно. К Германии отходили земли западнее рек Нарев, Висла и Сан, к СССР – восточнее. Договор был неправовым по всем международным стандартам.

Уже с 20-х чисел августа 1939 года в СССР началась скрытая мобилизация, перевод всей страны на военные рельсы.

28 августа 1939 года нарком обороны Климент Ворошилов вместе с представителями Верховного Командования Вермахта подписал секретные военные протоколы, координирующие действия Вермахта и РККА в Польше. Приблизительно с этого же момента советские штабы начали разрабатывать операцию по разгрому Польши. (Надо заметить, что такая задача была для красных военачальников не новой: ещё в середине 1920-х годов на оперативных играх в Штабе РККА прорабатывался план молниеносного захвата Польши.)

Два блицкрига – один разгром

1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу. Из-за этого Великобритания и Франция, в выполнение своих союзнических обязательств, 3 сентября объявили войну Германии, что имело шокирующее воздействие на высшие круги III Рейха: Гитлер (в отличие от Сталина и руководителей Коминтерна) не ждал такого хода событий. Но тормозить было поздно: дивизии Вермахта продолжали методически прорывать оборону Войска Польского и двигаться на Восток.

Газеты всего мира (кроме СССР) писали о героической обороне поляков. В сентябре 1939-го Польша как никогда представляла собой образец национального единения. Всему миру известна героическая оборона Ченстохова. Уникальный случай произошёл во время обороны Варшавы. Немецкая артиллерия разрушила тюрьму, но уголовники, вместо того, чтобы разбежаться, взяли оружие и заняли места в окопах. Ожесточённое сопротивление Войска Польского отмечали даже немецкие газеты.

Ничего подобного не отмечалось советской пропагандой. Польша именовалась не иначе как «буржуазно-помещичья», «фашистская», «прогнившая». Причиной поражений польской армии объявлялось отсутствие социального единства в Польше, а также то, что Войско Польское состоит из людей разных национальностей, «которые ненавидят друг друга». (Про реальные причины поражений: меньший промышленно-экономический потенциал, недостатки стратегической оборонной доктрины, подавляющее превосходство Вермахта в технике не говорилось вообще.)

7-16 сентября на территории европейской части СССР была проведена мобилизация резервистов пяти военных округов. Многие соединения были передислоцированы в направлении западной границы.

Между тем положение Вермахта было не столь хорошо, как рассчитывал Гитлер в начале кампании. Конечно, часть Войска Польского была окружена и разгромлена, но фронт в центральных воеводствах окончательно прорвать не удалось.

Стойко оборонялась Варшава. Часть промышленности и населения была эвакуирована на

восток, солдаты из разбитых частей также уходили в Западную Украину и Западную Белоруссию, где из них формировались новые соединения. Боеприпасов Вермахту могло хватить максимум на полтора месяца интенсивных боёв. Танки вырабатывали моторесурс. А впереди лежали восточные воеводства Польши, идеально подходящие для ведения партизанской войны в случае поражения регулярной армии. Но поражение Войска Польского пока что было не близко. Войска, зацепившись за Львов и Брест, перегруппировывались (не исключалась возможность контрударов по флангам Вермахта). В крайнем случае планировалось увести части польской армии в Венгрию, Румынию, страны Балтии, переправить их оттуда во Францию и уже там сражаться с гитлеризмом, сохранив, таким образом, основы польской государственности. Что же касается партизанской войны, то она шла потом в Польше в гораздо худших условиях с огромным размахом. В этой обстановке морская блокада Германии со стороны Великобритании и Франции ставила под вопрос удачное завершение Гитлером как польской кампании, так и войны вообще.

Фюрер должен был понимать это и, напоминая Сталину о том, что в августе они договорились уничтожить Польшу вместе, постоянно просил об ударе с востока. Ответ Кремля на все увещания: РККА ещё не готова.

А Вермахт тем временем зашёл в «зону советских интересов», продолжая сражаться с поляками. Из Берлина в Москву была направлена нота, в которой говорилось о том, что после разгрома Польши в её восточных воеводствах может образоваться «политический вакуум», который может быть заполнен новым государственным образованием западных украинцев (о том, что их вожди добивались создания собственного государства, знали и Гитлер и Сталин). Коммунистам совсем не улыбалась такая перспектива: советская Украина к тому моменту была настроена резко антикоммунистически (красный террор проводился здесь в особых масштабах – чего стоит только голод 1931–1933 годов). О том, что Организация Украинских Националистов (ОУН) ставит своей целью независимость всей Украины, до Донбасса включительно, Сталин не мог не знать. К тому же он решил, что Польша достаточно потрепана и советскую агрессию можно будет удачно представить в глазах мирового сообщества.

17 сентября в 3 часа ночи заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потёмкин зачитал польскому послу в Москве В. Гжибовскому ноту, в которой говорилось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства...

Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет никаких признаков жизни. Это значит, что польское государство и правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили своё действие договоры, заключённые между СССР и Польшей... Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР».

В связи с этим говорилось о вводе советских войск в Восточную Польшу «для защиты братских украинцев и белорусов», для того, чтобы «избавить народы Польши от войны, в которую они были ввергнуты своими неразумными правителями».

Конечно, всё в этой ноте было ложью. Варшава сражалась с немцами до 28 сентября, отдельные соединения держались до начала октября (и это с учётом войны на два фронта – против нацистов и против большевиков). Польское правительство эвакуировалось к румынской границе и было полностью дееспособным.

17 сентября в 5 часов без объявления войны войска двух фронтов РККА нанесли удар в тыл Войску Польскому. Белорусским фронтом командовал командарм II ранга М. Ковалёв, начштаба был комкор М. Пуркаев, комиссарами – первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Б.П. Пономаренко (отличавшийся особенной свирепостью) и корпусный комиссар И. Сусайков. Фронт получил задачу «уничтожить и пленить вооружённые силы Польши, действующие восточнее Литовской границы и линии Гродно-Кобрин».

Украинским фронтом командовал командарм I ранга С. Тимошенко, начштаба был комдив Н. Вагутин, одним из комиссаров – Н. Хрущёв. Задачей ставились аналогичные действия южнее Белорусского фронта, а также устранение возможности для польских солдат уйти в Румынию или Венгрию.

Проводниками РККА служили погранвойска НКВД, которые до этого из года в год проводили разведку на территории Польши. Красная Армия имела подавляющее превосходство

как в живой силе, так и в технике. Даже советские десантники получили в этом походе боевое крещение.

Это вторжение было полной неожиданностью для польского командования (восточные границы государства слабо охранялись). Правительство Польши наивно полагало, что СССР ввёл войска для защиты населения, поэтому изначально было принято решение сражаться только против Вермахта. Главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы издал приказ: «С Советами в бои не вступать, оказывая сопротивление лишь в случае попыток с их стороны разоружения наших частей... С немцами продолжать борьбу. Окружённые города должны сражаться. В случае, если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию».

Но реальность оказалось гораздо более неприятной, чем того ожидали поляки. Стало ясно, что это – война на два фронта против сверхдержав. Войска Красной Армии наступали очень быстро и успешно, разоружая и захватывая в плен деморализованные части Войска Польского.

Приведём оценку генерала Владислава Андерса, командовавшего тогда Новогрудской кавалерийской бригадой: «Оказалось, что наши тылы, открытые и незащищенные, отданы на милость советской армии, и как раз в ту минуту, когда натиск немцев стал ослабевать, когда растянутые на сотни километров немецкие коммуникации стали рваться, когда мы могли бы ещё сопротивляться некоторое время и дать союзникам возможность ударить на открытые западные границы Германии. Советская Россия в одностороннем порядке разорвала договор с Польшей о ненападении в самую тяжёлую для Польши минуту и, как шакал, набросилась со спины на истекающую кровью польскую армию».

Всего к 15 сентября в восточных воеводствах Польши находилось около 340 тысяч солдат и офицеров. Некоторые из них побросали оружие и разошлись по домам. Другие сдались РККА. Но многие сражались, иногда пытаясь прорваться в Румынию, Венгрию, в страны Балтии. Под Шацком завязались тяжёлые бои. Гарнизон Гродно держал круговую оборону, используя чердаки и подвалы. Против танков применяли артиллерию, гранаты и горючую смесь, против пехоты – пулемёты и винтовки. Гарнизон держался более суток, удалось подбить даже несколько танков. Но силы были неравны, и город сдали, однако некоторые соединения смогли пробиться в Литву.

В это время в Брестской крепости польский гарнизон стойко отбивал атаки танковой группы Гудериана. Как известно, крепость эту взять очень сложно. Но в помощь гитлеровцам подоспела бригада С. Кривошеина и начала обстрел крепости осадной артиллерией. Генерал Плисовский, руководившей обороной, предпринял в этой ситуации попытку прорыва, увенчавшуюся успехом.

Фоторепортёры запечатлели в Бресте стоящих рядом сияющих улыбками Гудериана и Кривошеина на совместном советско-нацистском военном параде 28 сентября 1939 года.

На Украинском фронте, почти не встретив сопротивления, войска Тимошенко докатились до Львова, который представлял собой единый военный лагерь. Уже неделю Войско Польское обороняло город от Вермахта, в том числе от танковых частей. Даже угрозы бомбардировки города с воздуха и артиллерийский обстрел не сломили защитников. Улицы были перегорожены баррикадами, на которых сражалось и гражданское население. Вермахт пропустил войска дружественной советской державы сквозь свои порядки и ушёл в немецкую зону Польши. Предприняв две неудачных попытки штурма, РККА остановилась, приготовившись к решающей атаке после массированного артобстрела. Но генерал Лянгер, руководивший обороной города, понял бесполезность попыток сопротивления и сдал Львов, условившись с Хрущёвым и Тимошенко о том, что гарнизону будет дана возможность уйти в Румынию (к этому моменту в городе не было воды и хлеба). Гарнизон Львова был взят в плен РККА (весной 1940 года большинство офицеров этого гарнизона было расстреляно, а солдаты – частично отправлены в концлагеря).

После этого отдельные бои поляков с частями РККА продолжались до 5 октября (ещё семь дней после подписания советско-германского договора «о дружбе и границе»). Части польских солдат и офицеров удалось уйти в Румынию и Венгрию (потом они сражались против Гитлера на других фронтах II мировой). Оставшуюся же часть польской армии ждала более печальная участь: плен, лагеря, расстрелы. Кому-то пришлось в сотрудничестве со Сталиным воевать

против Гитлера на Восточном фронте. Некоторых отпустили по домам, и они познали коммунистический, нацистский и снова коммунистический террор в качестве мирных жителей.

Белорусы и украинцы встречали РККА цветами и хлебом-солью. Для них она была и освободительницей от польского национально-религиозного гнёта, и защитницей от немцев. Впрочем, отрезвление наступило мгновенно – как только начались массовые аресты, депортации и расстрелы. И потом, в ходе советско-германской войны и многие годы после неё, именно на этих территориях полыхало пламя партизанской борьбы против нацистов и против большевиков.

Красный террор

Расстрелы польских офицеров, жандармов и чиновников военного ведомства весной 1940 года объясняют по-разному. По-видимому, тут присутствовал целый комплекс причин.

Большинство офицеров было настроено резко антикоммунистически и не скрывало своих воззрений (по меркам коммунистов этого было достаточно для поголовного истребления). Офицеры «буржуазных» государств вообще считались отжившим вредным классом, который подлежал уничтожению в случае его ненужности для комвласти. (Стоит вспомнить, с какой жестокостью и последовательностью расправлялись большевики с офицерами царской армии.)

К тому же в ближайших планах Сталина был захват всей Европы (вместе с остатками Польши), в котором офицеры Войска Польского могли участвовать лишь на первом этапе – потом они превратились бы в мощную антикоммунистическую силу.

Польских офицеров можно было использовать для совместной войны против Германии, в которой конечной целью было бы освобождение Польши, а не новое порабощение. В случае начала «освободительного похода» в Европу польское офицерство представляло собой опасный контингент, который мог восстать или поднять на восстание массы советских рабов. Так что уничтожение этого «контингента» было просто необходимо Сталину для обеспечения «единства фронта и тыла».

Не исключено, что тут сыграл некоторую роль антиполонизм Сталина. По-видимому, он ненавидел поляков за поражение 1920 года.

К тому же акт истребления польского офицерства, жандармов и чиновников военного ведомства преследовал ещё одну вполне определённую цель: пресечение возможности восстановления польской государственности.

Но террор коснулся не только офицерства.

Значительное число военнопленных солдат (к ноябрю 1939 года их насчитывалось 125 тысяч) попало в концлагеря или на спецпоселение. Часть их погибла там, но другие выжили и позже участвовали в войне против Германии: как совместно с Красной Армией, так и в армии Владислава Андерса. Последняя была сформирована на территории СССР, но выведена по согласованию с Черчиллем на территорию Ирана, затем в Италию. Там она воевала в составе союзных англо-американских войск.

На захваченных СССР в сентябре 1939 года землях проживало более двенадцати миллионов человек, из которых поляки составляли около четверти. Больше всего было украинцев (около шести миллионов) и примерно три миллиона белорусов. Значительную прослойку составляли евреи, совсем немного было немцев.

Представители всех перечисленных национальностей попали под красное колесо. За 21 месяц 1939–1941 годов на оккупированной территории было арестовано примерно 300 тысяч человек (каждый сороковой житель).

Расстреляв и заключив в тюрьмы и концлагеря самых богатых, образованных и социально активных граждан, коммунисты провели четыре депортации, выселив 10 % (1,2 миллиона) жителей оккупированной территории в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, Приамурье.

При проведении репрессий соблюдался принцип интернационализма, хотя приоритет уделялся полякам, так как на этой территории уничтожали «буржуазную» государственность, а поляки были здесь государствообразующей нацией.

Впрочем, самое страшное ждало этот регион в будущем: нацистское нашествие, геноцид и борьба против партизан в 1941–1944 годах, коммунистическая чистка от мнимых и реальных

коллорационистов в 1944–1946 годах. А также партизанская война, шедшая в Западной Украине до начала 1950-х (в Белоруссии это движение задушили гораздо быстрее), вызвавшая новую волну массового террора и депортаций.

«Зимняя война»

30 ноября 1939 года: итоги и выводы. Начало советско-финляндской войны

К. Александров

«В случае возникновения войны Красная Армия должна перенести военные действия на территорию противника выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик...»

Из выступления на XVIII съезде ВКП(б) начальника Главного политуправления Красной Армии армейского комиссара I ранга Л.З. Мехлиса, март 1939 года.

«Посев», 1999, № 11

Как это начиналось?

Между четырьмя и восьмью часами утра 30 ноября 1939 года 54 оперативные группы погранотрядов пересекли границу Финляндии и приступили к уничтожению кордонов финской пограничной стражи. В 8 часов войска Ленинградского военного округа (ЛВО) начали мощный артиллерийский обстрел сопредельной территории. Одновременно авиация округа в ходе внезапных воздушных налётов подвергла массированным бомбардировкам Хельсинки, Виппури, Сортавала, Тампере и другие города Суоми. Только в Хельсинки во время пиратского налёта погиб 91 человек и более трёхсот получили ранения.

Советско-финляндская война 1939–1940 годов оказалась одной из наилучших иллюстраций к подлинной предыстории и начальному периоду II мировой войны. Этот конфликт убедительно опровергает распространённые мифы о «миролюбивости» сталинской внешней политики. На момент начала советской агрессии между двумя государствами действовал пакт о ненападении 1932 года. Специальный протокол 1934 года обуславливал невозможность его денонсации в одностороннем порядке вплоть до 1945 года. Но для Сталина международное право было лишь инструментом, с помощью которого он планировал обеспечить СССР наиболее благоприятные условия для беспроблемного вмешательства в европейский конфликт. Судьба Финляндии и других пограничных государств была predetermined ещё 19 августа 1939 года. В этот день Сталин принял роковые для Европы решения о заключении военно-политического соглашения с Германией и формировании новых 125 стрелковых дивизий РККА. Формально советизацию Финляндии предусматривал секретный дополнительный протокол, рассматривавшийся советским руководством в качестве «составной части пакта о ненападении» между СССР и Германией от 23 августа 1939 года. Спасти Суоми от неизбежного не могло даже специальное заявление президента К. Каллио, сделанное на заседании Сейма. Ещё до вступления в войну Великобритании и Франции, 2 сентября 1939 года Каллио поспешил подчеркнуть, что Финляндия будет придерживаться строгого нейтралитета в начавшейся войне между Германией и Польшей. Позиция президента была подтверждена 20 сентября 1939 года в Копенгагене на международной конференции государств Северной Европы.

Вторжению СССР предшествовал двухмесячный утомительный период открытого дипломатического давления, связанный с вопросом о переносе границы на Карельском перешейке, проходившей по реке Сестре. Свои действия Сталин и Молотов мотивировали «угрозой безопасности»

Ленинграда. В действительности любые угрозы городу с северо-запада носили мифический характер. В 1928–1939 годах между Финским заливом и Ладожским озером параллельно советско-финской границе на советской территории интенсивно возводился Карельский укрепленный район (КаУР), протянувшийся на семьдесят километров. В ноябре 1938 года он насчитывал 178 ДОТов (долговременная огневая точка), 281 ДЗОТ (долговременная земляная огневая точка), 175 километров проволочных заграждений, семь километров противотанковых препятствий. На передовом рубеже обороны дополнительно насчитывалось 40 ДОТов, 82 блокгауза, 78 бронированных огневых точек, 88 бункеров и 221 километр проволочных заграждений. В 1939–1941 годах финская армия не имела необходимых технических средств для преодоления КаУР и даже летом-осенью 1941 года северо-западное направление оказалось защищено более надёжно, чем южное. Истинная причина демаршей вокруг перемещения границы вглубь Карельского перешейка была в желании ослабить «линию Маннергейма» – аналогичный трёхполосный укрепленный район на финской территории, прикрывавший кратчайшее направление к столице и промышленным центрам в южной части страны. Передвижение границы согласно требованиям советской стороны на 20–25 километров вглубь Карельского перешейка означало бы уничтожение оперативной полосы предполья «линии Маннергейма» и разметку новой пограничной линии почти по внешнему обводу финского укрепрайона. В ходе переговоров 12 октября – 13 ноября 1939 года делегация Финляндии во главе с Ю. Паасикиви согласилась с перенесением границы на 10–12 километров вглубь перешейка и изъявила готовность передать СССР два из четырёх островов, требуемых СССР в целях «обеспечения безопасности акватории Финского залива». Однако Сталин и Молотов в компромиссах не нуждались. СССР не принял предложений маленького соседа и использовал создавшуюся паузу для развязывания военной агрессии.

Ещё во время переговоров с делегацией Паасикиви в военный совет ЛВО поступил приказ наркома обороны КЕ.

Ворошилова о спешном создании 106-й стрелковой дивизии «из лиц карело-финской национальности». К 27 ноября 1939 года 106-я стрелковая дивизия комдива А. Антили насчитывала 8 367 финнов и 4 533 карела – будущих бойцов и командиров марионеточной «Финской Народной Армии». С 13 по 21 ноября 1939 года состоялись три заседания военного совета ЛВО. Командование войсками округа осуществлял командарм II ранга КА. Мерецков – один из самых слабых в профессиональном отношении военачальников РККА, в будущем – главный виновник гибели 2-й Ударной армии Волховского фронта в 1942 году.

21 ноября 1939 года в штабы развёрнутых вблизи от советско-финляндской границы 7,8,9 и 14-й армий из штаба округа поступила директива № 4713, формулировавшая каждой из армий конкретные боевые задачи на территории Финляндии и предписывавшая переход в наступление в час «Х». Например, 9-й армии комкора Духанова в составе четырёх дивизий было приказано разрезать соседнюю страну и выйти к Ботническому заливу. На всю кампанию по оккупации Финляндии отводилось от восемнадцати до двадцати суток, таким образом, её завершение планировалось примерно к 21 декабря 1939 года – 60-летию Сталина.

Формальным поводом к нападению СССР на Финляндию послужило сообщение советских средств массовой информации о якобы состоявшемся 26 ноября 1939 года в 15 часов 45 минут обстреле с финской территории учебной группы красноармейцев в одном километре северо-западнее деревеньки Майнилы на пограничной реке Сестре. Финские пограничники аккуратно зафиксировали малопонятные выстрелы и разрывы на советской стороне, но многие российские свидетели и историки убеждены, что никакого обстрела Майнилы 26 ноября 1939 года не происходило вообще, а все сообщения на эту тему были не более чем хитроумным предлогом для разрыва дипломатических отношений. В ответ на советскую ноту протеста посол Финляндии в СССР А. Ирие-Коскинен вручил другую ноту, в которой в корректной форме предлагалось произвести совместное расследование инцидента в соответствии с действовавшими между

СССР и Финляндией межгосударственными соглашениями. Обратная реакция на разумное и логичное предложение финнов была своеобразной: СССР в одностороннем порядке разорвал дипломатические отношения с Финляндией. Хельсинки немедленно предписал Ирие-Коскинену согласиться с любыми ультимативными территориальными требованиями СССР, но во время

последней чрезвычайной встречи с Ирие-Коскиненем 29 ноября 1939 года Молотов демонстративно развёл руками.

В эти часы бойцам и командирам оперативных групп Ребольского, Сестрорецкого, Ухтинского и других пограничных отрядов уже зачитывались приказы о переходе границы с рассветом следующих суток. В приказе войскам ЛВО, подписанном Мерецковым и Ждановым, наряду с демагогическими пассажами по поводу необходимости «раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ... и... колыбели пролетарской революции» содержалось и более откровенное заявление, недвусмысленно указывавшее на действительные политические цели в отношении жертвы агрессии: «Мы идём в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнёта помещиков и капиталистов».

Первые декабрьские дни 1939 года в наиболее полном виде раскрыли два основополагающих принципа советского военного искусства, на которые с завидным упорством опиралась РККА вплоть до конца II мировой войны – практическая неисчерпаемость людских и материально-технических ресурсов, а также полное пренебрежение к средствам для решения поставленных задач. С 30 ноября 1939 года советское командование планировало буквально задавить мобильную, но немногочисленную финскую армию подавляющим превосходством в силах и средствах, что, по мнению Сталина и Ворошилова, гарантировало быстрый успех.

Задавим числом!

Соотношение сил к началу агрессии выглядело следующим образом:

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

(Ленинградский военный округ)

Пехота: 20 стрелковых дивизий, 1 мотострелковая бригада (183 стрелковых батальона, 350 000 бойцов и командиров).

Танки: 7 бригад, 2 отдельных батальона (2 000 танков, в т. ч. около 200 тяжёлых и средних).

Артиллерия: 1 780 полевых орудий (в т. ч. 76 калибра 203 мм), 620 орудий ПТО (противотанковой обороны) калибра 45 мм. Всего: 2 400 (в т. ч. 1 114 гаубиц).

Авиация: 1 700 самолётов с учётом авиации ВМФ.

Флот: Балтийский и Северный: 92 корабля разных классов (в т. ч. 2 линкора, 1 тяжёлый крейсер, 45 подводных лодок, 62 торпедных катера).

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ ФИНЛЯНДСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Пехота: 9 пехотных дивизий, 5 пехотных и 1 кавалерийская бригады, 35 отдельных батальонов и 23 роты. (140 пехотных батальонов, включая силы корпуса защиты [шюцкор], 337 000 солдат и офицеров).

Танки: 1 танковый батальон (15 танков «Рено» 1917 г.).

Артиллерия: 420 полевых орудий (в т. ч. 76 калибра 152 мм), 110 орудий ПТО калибра 37 мм. Всего: 530 орудий (в т. ч. 104 гаубицы).

Авиация: 114 самолётов (в т. ч. 50 истребителей, и 20 бомбардировщиков).

Флот: 37 кораблей разных классов (в т. ч. 2 броненосца береговой обороны, 5 подводных лодок, 7 торпедных катеров).

7 января 1940 года на основе войск действующей армии для продолжения войны был образован Северо-Западный фронт под командованием С.К. Тимошенко. К 12 февраля 1940 года в составе фронта оперировали новые 13-я армия комкора В.Д. Грендаля на Карельском перешейке и 15-я армия командарма II ранга В.Н. Курдюмова – севернее Ладожского озера. К 10 февраля 1940 года на всём

Северо-Западном фронте РККА держала уже около сорока стрелковых дивизий, почти 3 200 танков, 7 100 орудий и более 2 000 самолётов.

Главкомандующий Вооружёнными Силами Финляндской республики генерал-лейтенант Русской Императорской Армии и маршал Финляндии барон Карл Густав

Эмиль Маннергейм использовал максимально все мобилизационные возможности своего государства, доведя общую численность военнослужащих до 600 тысяч человек. Насколько финляндская армия уступала войскам Северо-Западного фронта в материально-техническом оснащении, настолько она превосходила их в качестве боевой подготовки. Представители советского командования командармы I и II рангов С.К. Тимошенко, В.Н. Курдюмов, К.А. Мерецков, В.Ф. Яковлев, комкоры М.П. Духанов и В.И. Чуйков, комдивы И.Н. Хабаров и В.А. Фролов несоизмеримо уступали в оперативном искусстве противнику: генерал-лейтенантам Х. Эстерману, Э. Хейнриксу, Х. Экквисту генерал-майорам Ю.-В. Хегглунду, П. Талвелу, И. Сииласвуо и другим.

В ходе боевых действий севернее Ладожского озера на петрозаводском, Кандалакшском, ребольском, ухтинском и кемиярвинском направлениях финские маневренные группы полностью разгромили 18,163,44-ю стрелковые дивизии и 34-ю легкотанковую бригаду, нанесли тяжёлые поражения 168, 155, 139, 122 и 88-й стрелковым дивизиям Красной Армии. К 8 января 1940 года после завершения сражения на дороге Раатэ-Важенваара под Суомуссалми к боевым порядкам 9-й армии комкора В.И. Чуйкова вышли 201 командир и 672 бойца – все, кто остался в живых из 9 256 красноармейцев 44-й стрелковой дивизии полковника А.И. Виноградова. В качестве трофеев трём полкам 9-й финской пехотной дивизии генерал-майора И. Сииласвуо достались 42 танка, 6 бронемашин, 189 грузовиков, 74 орудия, 14 миномётов, 348 пулемётов, 4 340 винтовок.

45 суток с конца января по 13 марта 1940 года 16 финских батальонов под командованием героя Суомуссалминского сражения генерал-майора И. Сииласвуо держали в жёсткой блокаде в районе Куоляярви один артиллерийский и три стрелковых полка 54-й горнострелковой дивизии комбрига Гусевского. Окружённую 54-ю дивизию попытались деблокировать 9,13 и 34-й лыжные батальоны бригады комбрига Долина. Однако при попытке прорыва они были уничтожены лыжниками Сииласвуо в ожесточённом сражении 13–15 февраля 1940 года в районе Кессели-Юми-Сувалотто. Безвозвратные потери красноармейцев за 45 суток блокады 54-й дивизии составили около 8 тысяч человек, финны потеряли убитыми и ранеными 2 009 солдат и офицеров.

28 декабря 1939 года финские лыжники из IV армейского корпуса генерал-майора Ю.В. Хегглунда перерезали коммуникации LVI стрелкового корпуса 8-й армии, продвинувшегося вглубь по побережью Ладожского озера через Питкяранту на 60–80 километров к местечку Кителя. В начале января 1940 года особая войсковая группа полковника П. Талвела рассекла район обороны LVI корпуса на несколько отдельных гарнизонов и приступила к их медленному уничтожению в районах Леметти, Митро, Уома. Весь февраль 1940 года бойцы и командиры 18-й стрелковой дивизии комбрига Г.Ф. Кондрашёва и 34-й легкотанковой бригады комбрига С.И. Кондратьева методично уничтожались огнём противника и массами гибли от голода и цинги. ВВС 8-й и 15-й армий сбрасывали продовольствие и боеприпасы неточно, дважды отбомбились по своим. В «Киттельмешке» оказалась и часть подразделений 60-й стрелковой дивизии, направленных деблокировать «котёл» на побережье. В ночь с 28 на 29 февраля 1940 года окружённые двумя колоннами попытались прорваться к главным силам 15-й армии и выйти в район обороны 168-й стрелковой дивизии полковника Л.А. Бондарева. Из двух полков 18-й дивизии к своим вышло шесть красноармейцев, из 820 бойцов и командиров 34-й бригады – 171 человек, при этом вся материальная часть погибла. Знамя 18-й Ярославской краснознамённой стрелковой дивизии стало трофеем лыжников Талвела, произведённого за боевые отличия в чин генерал-майора.

На Карельском перешейке к 30 ноября 1939 года была сосредоточена большая часть финских сухопутных сил – армия «Перешеек» генерал-лейтенанта Х. Эстермана. В бесплодных лобовых атаках «линии Маннергейма» и при форсировании реки Тайпаленйоки в декабре 1939 года понесли огромные потери 43, 49, 90 и 142-я стрелковые дивизии 7-й армии. Темп продвижения в предполье от границы до главной полосы «линии Маннергейма» составлял не более пяти километров в сутки. Только за декабрь 1939 года в период ведения боевых действий в предполье и при попытках лобового штурма 7-я армия потеряла почти 700 танков, в том числе около 120 – безвозвратно. К 11 февраля 1940 года для участия в штурме финского укрепленного района на Карельском перешейке в 7-й и 13-й армиях Северо-Западного фронта

сосредоточились более 700 тысяч бойцов и командиров при поддержке 5 700 орудий и миномётов, 1 800 самолётов и 2 300 танков. Мощи двух советских армий Эстерман мог противопоставить 100 тысяч солдат и офицеров, а также 460 орудий и миномётов, 200 самолётов и 25 танков из числа технических поставок Великобритании, Франции, США и Швеции.

Прорыв «линии Маннергейма» 11–14 февраля 1940 года на штурмовом участке 123-й стрелковой дивизии комбрига Ф.Ф. Алябушева состоялся лишь благодаря немыслимому техническому перевесу, созданному в L стрелковом корпусе 7-й армии, командование которой в январе 1940 года принял Мерецков. На фронте прорыва 123-й дивизии шириной всего три километра Мерецков сосредоточил более 300 орудий и 150 танков, добившись успеха действительно по-сталински, не считая потерь. В последние недели «зимней войны» для безусловного сокрушения маленькой Финляндии Сталин и Ворошилов сконцентрировали на Северо-Западном фронте фантастические силы – 1 200 000 бойцов и командиров, 12 500 орудий и миномётов, около 4 000 танков и 2 500 самолётов. Но, несмотря на гигантский перевес вплоть до прекращения огня в двенадцать часов 13 марта 1940 года, 70,42 и 43-я стрелковые дивизии так и не смогли овладеть Выборгом, который отчаянно защищали подразделения II армейского пехотного корпуса генерал-лейтенанта Х. Экквиста. Прекратить боевые действия Сталина заставила реальная опасность вооружённого столкновения с англо-французским экспедиционным корпусом и перспектива бомбардировок союзной авиацией нефтяных промыслов в Баку. Полномасштабные боевые действия против Великобритании и Франции в союзе с гитлеровской Германией противоречили схеме развития II мировой войны, начертанной Сталиным на заседании политбюро 19 августа 1939 года.

Стратегический крах советского агрессора

Итоги советско-финляндской зимней войны 1939/40 года выглядели ужасно.

Потери Советского Союза и Финляндской республики в период с 30 ноября 1939-го по 13 марта 1940 года.

СССР.

Более 160 000 человек – безвозвратные потери.

Более 410 000 человек – санитарные потери.

Финляндия.

24 923 человека – безвозвратные потери.

43 557 человек – санитарные потери.

По личной оценке Сталина общие потери СССР составили 450 000 человек (по свидетельству командира 19-го полка 90-й стрелковой дивизии полковника А.Е. Федюнина).

В результате воздушных налётов советской авиации на города Финляндии и другие гражданские объекты погибло 956 человек, 1 840 получили ранения различной степени тяжести.

СССР потерял 3 300 танков, в том числе – 650 безвозвратно.

В воздухе советские потери составили 640 самолётов, в том числе: от финской ПВО – 300 самолётов, а в воздушных боях – 190 самолётов.

СССР аннексировал Карельский перешеек вместе с Выборгом, небольшие территории севернее Ладожского озера и часть полуострова Рыбачий на Севере.

Отрицательные последствия войны оказались для СССР куда более тяжёлыми – стремление военно-политического руководства и общественного мнения Финляндии к реваншу. Иными словами, условия Московского мирного договора 1940 года обернулись для СССР пирровой победой, сделавшей неотвратимыми в 1941–1944 годах финско-германский военный союз и блокаду Ленинграда с её 1 500 000 жертв от голода, болезней, артобстрелов и бомбардировок.

За 105 суток боевых действий «зимней войны» РККА достаточно убедительно

продемонстрировала свою сущность армии военно-феодальной деспотии, для которой источник победы заключается не в оперативном искусстве или профессионализме и мастерстве её бойцов и командиров, а в неисчерпаемости людских резервов и превосходстве технических ресурсов над ресурсами противника.

Дополнительным доказательством этого стала трагическая судьба кадров командно-начальствующего состава, ставшая таковой в условиях сталинской действительности. 11 января 1940 года на льду озера Васоярви по инициативе армейского комиссара I ранга Л.З. Мехлиса перед строем чудом выживших красноармейцев 44-й стрелковой дивизии были расстреляны командир дивизии полковник А.И. Виноградов, начальник штаба полковник О.И. Волков, начальник политотдела батальонный комиссар И.Т. Пахоменко, командир 662-го стрелкового полка майор Шаров, комиссар полка Подхомутов и командир батальона капитан Чайковский. С 30 ноября 1939-го по 17 февраля 1940 года армейские трибуналы 7, 8, 9, 13 и 14-й армий вынесли 329 смертных приговоров. Коллективным самоубийством после прорыва из северного Приладожья покончили старшие командиры LVI стрелкового корпуса 15-й армии – командир корпуса комдив И.Н. Черепанов, командир 34-й легкотанковой бригады комбриг С.И. Кондратьев, комиссар бригады батальонный комиссар И.А. Гапанюк, комиссар 18-й стрелковой дивизии батальонный комиссар М.И. Израецкий. Командир утратившей знамя 18-й стрелковой дивизии комбриг Г.Ф. Кондрашёв был арестован сотрудниками особого отдела НКВД прямо в госпитале.

Поражения на советско-финляндском фронте привели к всплеску антисоветских и антисталинских настроений в войсках. По знаменитой статье УК РСФСР 58–10 (антисоветская агитация и пропаганда) было осуждено 843 бойца и командира. Из семисот дел, официально рассмотренных военной прокуратурой 9-й армии за время боевых действий более 10 % составляли дела по фактам антисоветской агитации и пропаганды. Из семнадцати красноармейцев, чьи дела по «контрреволюционным преступлениям» рассматривались в особом отделе НКВД 9-й армии, расстреляли девять человек. Тридцать девять рядовых, четыре младших командира и два представителя высшего командного состава 9-й армии предстали по обвинениям в преступлениях по 58-й статье УК РСФСР перед армейским трибуналом: восемь подсудимых расстреляли, тридцать приговорили к десяти годам лишения свободы «без права переписки», шесть приговорили к пяти годам, один получил право «искупить вину кровью на поле боя». Всего в 9-й армии публично расстреляли шестнадцать осуждённых. Особые отделы НКВД фиксировали высказывания типа: «Наконец-то пришло время рассчитаться с коммунистами за троих детей, потерянных в 1933 году» (красноармеец Иванов, 146-й стрелковый полк 44-й стрелковой дивизии).

Русская национальная эмиграция стремилась воспользоваться советско-финляндской войной для формирования Русской Народной Армии из добровольцев и военнопленных. Согласно замыслу, эта армия должна была начать борьбу против сталинского режима. Начальник крупнейшей эмигрантской организации – Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) – генерал-лейтенант А.П. Архангельский задействовал для этого кадры Финляндского подотдела РОВС, возглавляемого капитаном Шульгиным. Эти кадры были предоставлены в распоряжение руководителя операции Бориса Бажанова, бывшего секретаря Сталина, порвавшего с большевизмом и выбравшего для проживания Европу. В феврале-марте 1940 года при помощи чинов РОВС Бажанов сформировал пять отрядов из взятых в плен финнами красноармейцев. В связи с тем, что война вскоре была прекращена, в бою успел побывать лишь один отряд, но ему удалось взять пленных и принять перебежчиков из РККА. 2 апреля 1940 года Архангельский написал письмо генерал-лейтенанту В.К. Витковскому начальнику I Отдела РОВС, объединявшего чинов организации, проживавших во Франции. Архангельский благожелательно охарактеризовал боевую акцию РОВС на советско-финляндском фронте и указал на необходимость её более широкого развития при аналогичных обстоятельствах. В заключение он подчеркнул: «Не исключена возможность, когда ввиду интересов национальной России может понадобиться крупный Русский Отряд... И мы должны быть готовы и к этому случаю...»

Архангельский и не мог предполагать, насколько актуальными окажутся его слова. Ведь именно в период советско-финляндской войны 1939–1940 годов получили боевые награды

многие будущие активные участники Власовского движения, строевые офицеры Вооружённых Сил Комитета Освобождения Народов России (КОНР): орден Ленина с медалью Золотая Звезда и звание Герой Советского Союза – стрелок-радист 21-го дальнебомбардировочного полка Б.Р. Антилевский (в 1945-м – командир 8-й ночной бомбардировочной эскадрильи 1-го полка ВВС КОНР, капитан ВВС КОНР), ордена Красной Звезды – заместитель начальника штаба XXXIV стрелкового корпуса 7-й армии полковник М.А. Меандров (в 1945-м – начальник 1-й Объединённой офицерской школы КОНР, генерал-майор ВС КОНР) и командир 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии майор И.Н. Кононов (в 1945-м – командир Отдельной пластунской бригады XV казачьего кавалерийского корпуса, генерал-майор ВС КОНР), медаль «За отвагу» – командир батареи 86-го артиллерийского полка лейтенант В.Г. Васюхно (в 1945-м – командир взвода батальона охраны штаба ВС КОНР, поручик ВС КОНР) и другие.

Совокупность итогов советско-финляндской войны, развязанной СССР, заставляет сделать вывод о тяжёлом стратегическом поражении агрессора. СССР не достиг основной цели – оккупации Финляндии и преобразования её целиком в Карело-Финскую ССР, а лишь инициировал появление на собственной северо-западной границе опасного противника в лице когда-то нейтрального государства. Артиллерийско-техническая мощь РККА и безудержное использование её командованием неисчерпаемых людских ресурсов оказались в большой степени дезавуированы слабым морально-политическим состоянием бойцов и командиров.

30 ноября 1939 года во многом предвосхитило катастрофу 22 июня 1941-го.

Источники:

Документы фондов Российского Государственного Военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

Солдаты СССР в советско-финляндской войне **А. Гогун**

«Мы не ненавидим многострадальные и всегда угнетённые народы Советского Союза, но после всего случившегося вряд ли можно ожидать от нас, что мы наденем траурные костюмы по поводу того, что господин Молотов и вместе с ним ответственные за политику СССР круги стали сейчас жертвами своей шакальской политики».

Из радиовыступления президента Финляндии Р. Рюти с объявлением состояния войны между Финляндией и СССР, 26 июня 1941 года.

«Посев», 2000, № 3

26 ноября 1939 года взрывы в районе деревни Майнила на советской территории Карельского перешейка возвестили миру об очередной провокации СССР. С неё начиналась кровопролитная советско-финляндская война, стоившая жизни многим десяткам тысяч людей. Советская пропаганда тут же возложила всю ответственность на другую сторону а саму войну изображала как самоотверженный бой единых по духу и преданных партии советских воинов против мирового империализма. Такая трактовка войны сохранялась десятилетиями. Но исторические данные, которые начали вводить в научный оборот с начала 1990-х, позволяют оценить, что происходило в действительности?

Две недели или шесть месяцев?

По первоначальному плану красноезвёздных стратегов удар по Финляндии в трёх местах должен был:

- лишить Суоми выхода к Ледовитому океану;
- рассечь её посередине на две части;

– лишить столицы.

Оккупацию страны решено было провести примерно в две недели¹.

Финны оптимистично смотрели в будущее: по оценкам их Генштаба в одиночку против СССР можно было бы продержаться около полугода, а при благоприятных условиях, по мнению финских военных, Советы вообще не сумели бы захватить Суоми.

Жизнь нарушила планы как той, так и другой стороны.

В самом начале войны в финской армии присутствовала некоторая неуверенность, а у солдат даже пораженческие настроения. И это понятно – маленькая страна почти не имела танков, испытывала недостаток в самолётах и крупнокалиберных орудиях. Стрелковое вооружение тоже оставляло желать лучшего – армия была вооружена разными типами винтовок, что затрудняло снабжение. Вопреки заявлениям советской пропаганды, иностранная помощь Финляндии была совсем незначительной, а закупки вооружения за границей затруднялись пока ещё союзной СССР Германией. Население Финляндии (3,7 миллиона человек) было почти в пятьдесят раз меньше, чем население СССР. Под ружьё можно было поставить максимум четыреста тысяч бойцов.

Против такой страны Сталин двинул армаду из тысяч танков, самолётов, пушек. В ходе войны концентрация советских войск усиливалась, и количество бронетехники в войне против нескольких финских танков достигло семи тысяч единиц². (Для сравнения – Гитлер в сентябре того же года бросил против более мощной Польши всего 2 800 танков.) Перевес по авиации и артиллерии был почти столь же огромен. Численность советской группировки достигла почти миллиона человек.

«Линия Маннергейма»

Война действительно могла бы принять характер очередного «красного блицкрига», но задолго до начала войны на Карельском перешейке (главном направлении боёв) был построен трёхполосный укрепрайон. А. Хренов, который в финляндской кампании был начальником инженеров Северо-Западного фронта, 14 апреля 1940 года подводил итоги:

«В общей сложности на Карельском перешейке нами было захвачено и разрушено 285 железобетонных укреплений и 2 026 деревокаменных и деревоземляных сооружений. Сюда не входит громадное количество окопов и отдельных пулемётных и орудийных гнёзд. В указанных сооружениях насчитывалось 1 443 пулемёта и 186 артиллерийских орудий.

Общая протяжённость Выборгского укрепленного района по фронту составляла 80 км, а в глубину 30 км, не считая полосы предполья...

Всего на Карельском перешейке финны имели следующие основные виды заграждений:

– проволочных препятствий 220 км, или в среднем каждый квадратный километр фронта имел 0,5 километро-проволоко-препятствий;

– лесных завалов 200 км, или в среднем на один квадратный километр фронта 0,5 км завалов;

– минных полей 386 км, или в среднем 0,9 км на один квадратный километр фронта;

– эскарпов и рвов 50 км;

– надолбов, в основном гранитных и частично железобетонных, 80 км.

Достаточно указать, что в полосе наступления наших войск финнами было взорвано 142 моста, виадука и других дорожных сооружений»³.

Помимо того, что по позициям финнов было выпущено огромное количество снарядов и мин, сброшено авиабомб, укрепления преодолевались и следующим способом, о котором рассказывал М. Кирпонос, который в финляндской кампании был комдивом: «Взять 70-ю дивизию, которой я команду. Мы совершали ледовый поход, расчищали острова и выходили на материк. Перед нами был противник, занимающий острова, покрытые хвойным лесом. Этот плохо просматриваемый лес усеян большим количеством гранитных валунов, за которыми лежали белофинны и вели огонь, причём все эти естественные препятствия усилены железобетонными и деревоземляными сооружениями. Следовательно, противник укрыт, его трудно поражать огнём, а он нашу пехоту поражает автоматическим и миномётным огнём, так как мы ничем не укрыты, а наступали по льду с покровом снега до 50 см и больше, что в

сильной степени затрудняло продвижение пехоты»⁴.

Не требуется большого ума, чтобы гнать людей на верную смерть батальонами и дивизиями. Тем более что заградотряды НКВД вполне доходчиво разъясняли солдатам, что приказы надо выполнять. Вопреки распространённому мнению, заград отряды в СССР были воссозданы ещё летом 1939 года, а не летом 1942-го.

Человеческий фактор

Солдаты РККА проявляли себя в этой войне двояко. Как в воспоминаниях финских солдат, так и в отчётах командования РККА отмечался как массовый героизм красноармейцев (особенно стойко они держались в окружении, шли в самоубийственные атаки), так и нежелание воевать, проявление оппозиционного отношения к советской власти.

Например: «За высказывания с осуждением войны, а также направленные против правительства и руководства Красной Армии, было привлечено к суду военного трибунала 843 военнослужащих»⁵.

Всего в ходе войны финнами было захвачено около пяти тысяч пленных, что, впрочем, для тех условий не так уж и много. (Потери убитыми и ранеными составляли более значительную цифру, в отличие от начального периода войны с Германией, когда количество военнопленных существенно превышало количество убитых.) Сдача в плен советских солдат подсказала идею создания русских батальонов, которые смогли бы воевать против сталинского режима, не только усиливая финскую армию, но и способствуя моральному разложению РККА. Были предложения о заброске десантников на советскую территорию для организации восстаний в тылу Красной Армии.

Также в ответ на организацию Советами марионеточного правительства О. Куусинена в высших кругах Финляндии рассматривался вопрос о создании правительства во главе с А. Керенским или Л. Троцким, альтернативного сталинскому правительству. Этот проект осуществлён не был. Вероятно, финны опасались, что Сталин при таком развитии событий может отдать приказ стереть с лица земли всю Финляндию, не считаясь уже с мнением мирового сообщества. Трудно судить, насколько перспективной была идея использования финнами оппозиционных настроений в Красной Армии, но каков был её боевой настрой, показывает, например, диалог Сталина с комиссаром А. Запорожцем:

«ЗАПОРОЖЕЦ. Много было самострелов, дезертирства.

СТАЛИН. Были дезертиры?

ЗАПОРОЖЕЦ. Много.

СТАЛИН. К себе в деревню уходили или в тылу сидели?

ЗАПОРОЖЕЦ. Было две категории. Одна – бежала в деревню, потом оттуда письма писала. Я считаю, что здесь местные органы плохо боролись, вторая – бежала не дальше обоза, землянок, до кухни. Таких несколько человек расстреляли. Сидят в землянке 3–5 человек, к обеду выходят на дорогу, видят – идёт кухня, возьмут обед и опять в землянку. Когда появился заградительный отряд НКВД, он нам очень помог навести порядок в тылу (sic! – АГ.), до этого с тылом было тяжёлое положение. Вот был такой случай в 143-м полку. В течение дня полк вёл бой, а к вечеру в этом полку оказалось 105 человек самострелов. В одном полку 105 самострелов.

СТАЛИН. В левую руку стреляют?

ЗАПОРОЖЕЦ. Стреляют или в левую руку или в палец, или в мякоть ноги, и ни один себя не изувечит.

СТАЛИН. Дураков нет. (Смех)»⁶.

Надо полагать, что на самом деле Сталину было не до смеха. Укомплектованный советский полк тогда – 3–4 тысячи человек, и в нём за день 105 «самострелов».

Вот одна из независимых оценок происходившего, данная непосредственным очевидцем событий (запись в дневнике, датированная 10 декабря 1939 года): «Мы, несомненно, пролили (и ещё прольём) уйму крови. Во имя чего? Посадить Народное правительство и ратифицировать заключённый с ним договор? Если только это, то это будет дорого окупленной роскошью... Сами финны, несомненно, повели против нас партизанскую войну, хотя газеты пишут, что

“лесные разбойники” вербуются из кулаков. Да иначе и быть не может. Вековая ненависть к москалям, сгущённая агитацией правительства и страхом крестьянства перед колхозным чудовищем, пришествие которого ожидается вслед за нашими войсками, национальная упрямость – всё это потребует много лишних жертв на потребу гнусной затеи»⁷.

Майор Пискунов из Ленинградского артиллерийского училища говорил своим сослуживцам: «Создали какое-то правительство во главе с членом исполкома Коминтерна и договариваются. Какая тут, в сущности, разница между нами и Японией, ведь она поступает так же: не присоединяя завоёванные области Китая, насаждает там китайские правительства, а всем управляет сама. Нужен лозунг, что ведём войну не для захвата, а для освобождения, и его создали, но пойдут ли сами финны за новым правительством, это ещё вопрос»⁸.

Одной из причин отчаянного сопротивления попадавших в окружение красноармейцев было то, что советская пропаганда усиленно твердила: финская армия поголовно состоит из садистов и маньяков.

Общий вывод о морально-политическом состоянии Красной Армии во время «зимней войны» делает Владимир

Невежин, специализирующийся на анализе эффективности советской пропаганды периода II мировой войны: «Среди красноармейцев и командиров, несмотря на угрозу наказания в судебном порядке по законам военного времени, были распространены разговоры о несправедливом характере действий СССР в отношении Финляндии, о нежелании народа и армии воевать против неё. Различными инстанциями отмечались многочисленные случаи невыполнения приказов, самовольного ухода с передовой»⁹.

Однако война была прекращена не из-за этого. Решение свернуть боевые действия Сталин принял, учитывая совокупность внешнеполитических обстоятельств.

Примечания

1. Мельтюхов М. «Народный фронт» для Финляндии?: К вопросу о целях советского руководства в войне с Финляндией 1939–1940 гг. // Отечественная история. – 1993. – № 3-
2. Речь генерала Д. Павлова 17 апреля 1940 г. // Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)). – М., 1998.
3. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая... – С. 12, 13.
4. Там же. – С. 32.
5. Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. – М., 1998. – С. 224.
6. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая... – С. 242.
7. Маньков А. Из дневника 1938–1941 гг. // Звезда. – 1995. – № 11.
8. Романичев Н. Советско-финляндская война – новые аспекты // Вторая мировая война, Великая Отечественная война: Тезисы конференции (Москва, 28 февраля – 2 марта 1995 г.) – М., 1995.
- 9– Невежин В. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боёв», 1939–1941 гг. – М., 1997.

Блок рушится

Тайны войны Р. Картье

«Посев», 1985, № 4

От редакции (1985)

Ниже мы печатаем выдержки из книги известного французского журналиста Раймонда Картье. Будучи корреспондентом на Нюрнбергском процессе, он, изучая документы и присутствуя на суде, в собранном материале отразил важнейшие черты политики

национал-социалистической Германии. Книга эта вышла в издательстве «Файар», которое предоставило русские права на книгу издательству «Посев». Под названием «Тайны войны» она была опубликована нами в 1948 году.

Для данной публикации мы отобрали те фрагменты книги, которые касаются нацистско-советских отношений 1939–1940 годов. Начиная от подписания пакта между Гитлером и Сталиным в августе 1939 года и заканчивая решением Гитлера начать войну против Советского Союза, принятым в декабре 1940 года, после ноябрьского приезда Молотова в Берлин. Фактически на этом действие договора кончилось, хотя Сталин продолжал до последнего момента выполнять обязательства по снабжению Германии сырьём и хлебом, в то время как Гитлер вёл военные приготовления к началу войны на Востоке.

Мы печатаем эти выдержки для того, чтобы в шуме празднования сорокалетия победы над национал-социалистической Германией не было забыто начало этой войны. Фактически она началась 22 июня 1941 года, но была предопределена пактом Гитлер – Сталин, развязавшим мировую войну в сентябре 1939 года. Гитлеру союз со Сталиным был нужен, чтобы вести войну на одном фронте и затем заняться вместе со Сталиным «перераспределением мира». Сталину союз с Гитлером нужен был для того, чтобы захватить новые территории и выжидать, когда «союзник» завяжет на Западном фронте, чтобы нанести решающий удар.

Первый просчёт в этих планах был сталинский. Летом 1940 года Западный фронт перестал существовать. Длительной войны, в которой Гитлер должен был «завязнуть», не получилось. Второй просчёт был гитлеровский. В предложениях, привезённых Молотовым в ноябре 1940 года, говорилось о всей Финляндии, Болгарии, Дарданеллах, Восточной Турции и Персии как о территориях, на которые претендовал Сталин. Это никак не соответствовало гитлеровскому представлению о «перераспределении мира». Это и был конец союза.

Остаётся открытым вопрос: почему Сталин и после этого продолжал выполнять обязательства по договору, вплоть до июньского нападения, в то время как Гитлер прекратил их выполнять, готовясь к войне? Была ли это надежда на «оживление» союза? Была ли это вера в собственную концепцию Западного фронта, вера в то, что Гитлер совершит высадку в Англии?

На эти вопросы, может быть, удастся получить ответ, когда станут доступны секретные советские документы того времени.

Необходимо ещё сказать, что десятки миллионов жертв, разорение, море горя и слёз, принесённых нашей стране этой войной, не должны быть заслонены торжеством победы. Нужно говорить о героизме и заслугах, но и не умалчивать о виновниках этой трагедии. А из списка виновников Сталина не вычеркнуть.

Миллионы жертв коллективизации, массовый террор, преступный союз с Гитлером – вот причины того, что наша страна пострадала от этой войны больше, чем какая-либо из воевавших стран, включая побеждённую Германию. А это – «заслуги» Сталина и его приспешников.

«Впервые за последние пятьдесят лет Германия спокойна за свои восточные границы и может вести войну на одном фронте».

Германское коммюнике 23 ноября 1939 года.

12 августа 1939 года во время разговора Гитлера с министром иностранных дел Италии Чиано в присутствии Риббентропа принесли телеграмму из Москвы. Протокол гласит следующее:

«Разговор был на короткое время прерван, потом текст телеграммы сообщён Чиано. Русские соглашались на приезд германского уполномоченного для переговоров в Москву. Риббентроп добавил, что русские были вполне в курсе германских намерений относительно Польши. Он сам, по поручению фюрера, информировал советского уполномоченного. Фюрер заявил, что по его мнению СССР не намерен “таскать из огня каштаны” для западных держав... СССР хотел прежде всего расширить свои выходы к Балтийскому морю, и Германия не возражала против этого. Кроме того, Россия вряд ли бы выступила на стороне Польши, между

ними была глубокая взаимная ненависть...»

23 августа был подписан германо-советский протокол о разделе Польши. По вполне понятным причинам документ этот, столь важный для разъяснения причин войны, не был принят во внимание на Нюрнбергском процессе.

24 августа Гитлер собрал в Оберзальцберге высших германских генералов. Их собралось, по словам Кейтеля, пятнадцать или двадцать – все командующие армиями и соединениями авиации и танков.

На этом совещании Гитлер произнёс речь, содержание которой было восстановлено на Нюрнбергском процессе. Её основные тезисы таковы:

– С осени 1938 года, – зная, что Япония не вмешается и что Муссолини связан своим безрассудным королём и бесчестным наследным принцем, – я решил договориться со Сталиным.

– В конце концов на свете есть только три государственных человека: Сталин, Муссолини и я. Муссолини самый слабый из трёх, так как он не был в состоянии сломить оппозицию Королевского Дома и Церкви. Вот почему я решил столкнуться со Сталиным. Через несколько недель я протяну руку Сталину на новой, общей русско-германской границе, и мы совместно займёмся перераспределением мира.

Я мог оценить в Мюнхене этих жалких болтунов – Даладьё и Чемберлена. Они слишком трусливы, чтобы напасть на кого-либо. Они ограничатся блокадой, но с помощью сырья, которое нам доставит Россия, мы её выдержим.

* * *

Когда германская армия в сентябре 1939 года обрушилась на Польшу, на французской границе было оставлено всего лишь пять немецких дивизий. Ровно столько же было оставлено на всей территории завоёванной Польши в октябре того же года, когда германская армия перегруппировалась, чтобы обернуться на запад.

Побеждённая Польша была разделена. Германские и советские войска заняли позиции вдоль демаркационной линии, начертанной за месяц до того Риббентропом и Молотовым. В нескольких местах немцы, увлекшись преследованием неприятеля, перешли демаркационную черту. Но они спокойно вернулись назад. Ни с одной стороны не было инцидентов.

Не прошло и двух лет со дня заключения пакта между СССР и Германией, как эти государства оказались в состоянии войны. Об этих двух годах в Нюрнберге скопилось 185 документов как политического, так и военного характера, найденных в архивах германского адмиралтейства. Данные документы позволяют проследить почти день за днём развитие советско-германских отношений. Первый из документов датирован 23 августа 1939 года, последний – 22 июня 1941-го. Начинается с союза, а кончается борьбой не на жизнь, а на смерть.

23 сентября 1939 года адмирал Редер совещается с фюрером по поводу использования советских подводных лодок и Мурманска как базы для германских вспомогательных крейсеров, для стоянки, а также для ремонта и убежища.

10 октября адмирал Редер сообщает фюреру, что германский вспомогательный крейсер вооружается в Мурманске и что советская сторона предлагает удобно расположенную базу вблизи этого порта. Редер надеется, что при помощи СССР удастся создать базу в Норвегии, быть может, это будет Трондхейм.

24 октября германский посол сообщает из Москвы, что советское правительство выполнит свои обязательства по отношению к Германии и что оно не допустит ни прохода англо-французской эскадры через Дарданеллы, ни антигерманской позиции Турции.

Начальник Оперативного отдела морских сил высказывает следующее суждение (26 октября): «Экономическая помощь со стороны России имеет для нас решающее значение. Нам сделаны такие щедрые предложения, что мы можем не бояться блокады Германии британским флотом».

31 октября – речь Молотова: он заявляет, что дружба Германии и СССР будет длительной, при этом он сурово критикует Англию, которая проводит морскую блокаду «с нарушением

международного права».

12 декабря крейсер «Бремен», нашедший убежище в Мурманске, неожиданно появился в устье Эльбы. Это было упущение британского флота, который проглядел возвращение гигантского судна. «Русские, – заявило по этому поводу германское адмиралтейство, – оказали ценное содействие этому предприятию».

Ещё 23 ноября обзор общего положения привёл немцев к заключению, что «поведение СССР продолжает быть вполне удовлетворительным... Впервые за последние пятьдесят лет Германия спокойна за свои восточные границы и может вести войну на одном фронте».

Экспедиция немцев в Норвегии могла вызвать кризис в германо-советских отношениях. Германия отрезала Советскому Союзу путь к Северной Скандинавии, на которую тот имел виды. Тем не менее, СССР заявил, что он не заинтересован в конфликте, и германские документы показывают, что Советский Союз проявил «понятливость».

* * *

10 мая 1940 года началось наступление на Францию. Первый отклик Молотова на германские победы пришёл в Берлин 21 мая, в тот самый день, когда танки Гудериана достигли Аббевиля. Германский посол Шуленбург сообщил, что успехи немцев «не вызвали в Москве никакого неприятного чувства».

29 мая советское правительство отказалось принять уполномоченного Великобритании, прибывшего для переговоров о торговом соглашении. Наоборот, Риббентроп едет в следующем месяце в Москву для дополнения экономических пунктов пакта 23 августа 1939 года. Он возвращается довольный успехом и привозит договор на сумму в один миллиард марок.

* * *

На небосклоне появились тучи. СССР захватил страны Балтии, Бессарабию и Буковину. Нацисты находили, что «русские уж слишком поспешно стремятся использовать победы при Седане и Дюнкирхене, в которых они не принимали участия».

23 июля 1940 года просоветски настроенный английский дипломат Стаффорд Криппс прибыл в Москву и был принят Сталиным. Это вызвало беспокойство в Берлине, но вскоре последовал комментарий: «Попытка Англии отделить Германию от России потерпела полную неудачу. По мнению

Сталина, успехи Германии не представляют угрозы для СССР. Отношения между обеими странами по-прежнему основаны на их взаимных интересах».

В августе продолжилось сотрудничество СССР и Германии на море. Таинственное германское судно, «Корабль 45», прошло на Дальний Восток вдоль берегов Сибири и через Берингов пролив.

Вместе с тем, 20 августа германский Главный Морской Штаб следующим образом определил цели советской политики: «Приобретение незамерзающего порта в Северной Атлантике. Продвижение на Балканах с целью оккупации Дарданелл и господства в Чёрном море. Движение через Иран к Персидскому заливу. Сильный натиск на Финляндию. Панславянская пропаганда в Болгарии, Румынии и Югославии. Агитация в Греции».

В первом томе документов Верховного Командования Вермахта (ОКВ) – [Oberkommando der Wehrmacht] [OKW] содержится приказ, датированный 27 августа 1940 года: «Переброска десяти пехотных дивизий и двух танковых в Генерал-Губернаторство (оккупированная Гитлером часть Польши – РК) ввиду возможной в близком времени операции по охране румынских нефтяных промыслов». Промыслы, о которых шла речь, могли испытывать угрозу только со стороны СССР, который приблизился к ним по занятии Буковины и Бессарабии.

Пакт трёх держав – Германии, Японии и Италии – был подписан 27 сентября 1940 года. Этот союз трёх могущественных антикоммунистических держав должен был серьёзно обеспокоить СССР, однако тот не проявил, по крайней мере внешне, никакого беспокойства.

11 октября немцы вошли в Румынию. Это повлекло за собой, – как выразился германский посол в Москве, – «лёгкое охлаждение германо-советских отношений». Риббентроп,

чувствительный к этому охлаждению, старался поправить дело. Он предложил фюреру свидание со Сталиным. «Вы бредите, – ответил Гитлер, – вы отлично знаете, что Сталин никогда не согласится приехать в Берлин; не захотите же вы, чтобы я ехал к нему в Москву». «Я получил лишь разрешение, – показал Риббентроп, – сообщить Сталину просьбу о командировке Молотова в Берлин».

Молотов приехал 10 ноября. Официально Германия и СССР были ещё добрыми друзьями. Приём советского наркома был обставлен военной показной пышностью и несколько грубоватым радушием, которое так характерно для церемоний тоталитарных держав. Сохранилась фотография: Риббентроп весело смеётся, а Молотов со своим непроницаемо лукавым лицом протягивает ладони, как будто говоря: вы видите, я ничего не взял. Германские дипломатические документы констатируют, что результат поездки Молотова был удовлетворительный: «СССР, по-видимому, склонен примкнуть к тройственному пакту после улаживания нескольких вопросов, перечень которых следует».

Вот эти вопросы:

В отношении Финляндии Молотов осторожно нащупывал почву. Германия отказалась допустить простую аннексию всей страны Советским Союзом, но выразила готовность сделать кое-какие уступки.

Молотов был посвящён в проект действий против Греции для поддержания Италии, и дал согласие на это. Со своей стороны, он потребовал признания советских интересов в Болгарии, аналогичных немецким интересам в Румынии. Немцы согласились.

По поводу проливов Босфор и Дарданеллы немцы заявили, что они вполне понимают стремление СССР «стать там твёрдой ногой» и они вовсе не отстаивают господства Турции над проливами; равным образом они поддерживают советские притязания на район Карса и соглашаются оказать общее давление на Турцию.

Наконец, немцы заявили, что они не заинтересованы в Персии, а СССР выразил готовность уладить свои недоразумения с японцами.

В общем, это было почти соглашение. Две агрессивные державы ещё находили достаточное поле для «мирных» захватов, откладывая схватку между собой на будущее. Тот, кто воспринял бы эти договорённости буквально, нашёл бы в них больше шансов на мир, чем на войну.

Однако это была лишь поверхностная линия. Иным было впечатление, которое приезд Молотова произвёл на Адольфа Гитлера. Вот, что сказал Кейтель: «Требования Молотова встревожили фюрера. Молотов имел в виду возобновление войны с Финляндией для того, чтобы захватить всю страну; он стремился к экспансии на Балканах и в Дарданеллах. Фюрер видел в этих планах контуры большого манёвра с целью охвата Германии».

Три недели спустя, 18 декабря 1940 года, Гитлер составил то, что представляет собой один из самых значимых документов войны – Директиву № 21, известную под именем «план Барбаросса» и фигурировавшую в Нюрнберге под № 446 П. С.

Эта директива начинается так:

«Необходимо, чтобы Вооружённые Силы Германии были в состоянии сокрушить Россию в течение короткой кампании. Если обстоятельства позволят, я отдам приказ о сосредоточении войск, по крайней мере, за восемь недель до начала операций».

Большой покер 1941 года. Загадка и гипотезы

А. Горянин

Журнал «Грани» (изд-во «Посев»), 2000, № 193

По этой обжигающей дате, 22 июня, не скользнёшь равнодушным взглядом. Ощущение так и не раскрытой тайны не оставляет в покое. За последние годы стали видны многие скрытые пружины, но явно не все.

Историки в тупике: как мог германский удар 22 июня оказаться внезапным несмотря на десятки предупреждений? Ведь считается, что в Кремле был известен (то ли в общих чертах, то ли полностью) и план «Барбаросса». Почему же Сталин оставался так спокоен вплоть до 22

июня? Он был в чём-то твёрдо уверен. В чём? Кто-то абсолютно мастерски ввёл его в заблуждение. Кто? Немцы? Англичане?

Эти вопросы задавались так часто, что превратились почти в риторические. Стало казаться, что ответов не будет никогда. Но тут важный шаг к истине сделал Виктор Суворов. Даже несогласные с ним не могут отрицать, что его книги высветили немало тёмных углов, согласовали массу противоречивых фактов. Главный вывод Суворова таков: за привычной версией застигнутого врасплох СССР скрывалось нечто совершенно иное. Ещё в 1930-х, в предвидении европейского похода нацизма, Сталин решил дождаться пока немцы увязнут в войне на Западе, нанести им удар в тыл, сломить внезапно и перевесом мощи и дойти без остановок до Атлантики по уже разгромленным Гитлером странам, советизируя их. Любой иной сценарий мировой революции на штыках Красной Армии привёл бы к соединению всех стран Европы против СССР, этот – нет. Во исполнение сталинского замысла была осуществлена полная милитаризация народного хозяйства, налажен массовый выпуск наступательного оружия, часто лучшего в мире, создана огромная армия. Весной 1941-го был начат её скрытый вывод к западным границам.

У читателей Суворова кружится голова при мысли, что история могла пойти по сталинскому плану, 6 июля 1941 года начался бы второй этап мировой революции и мы ныне жили бы, чего доброго, в каком-нибудь Союзе Советских Республик Трёх Материков. Но тогда не погибли бы 20 (или даже 27) миллионов наших сограждан, не задымили бы печи концлагерей. Трудный, признаемся, выбор – даже на уровне умственной задачи.

И всё же. Пусть кремлёвский диктатор готовил удар (для нашего дальнейшего расследования принимать версию Суворова, строго говоря, не обязательно), но почему он был уверен, что гарантированно нападёт первым? Ведь он знал о сосредоточении германских войск у наших границ, знал и о сроках. Что вселяло в него уверенность, что Гитлер отменит свой июньский удар, как отменил предыдущий, намеченный на 15 мая? У Суворова нет ответа на этот вопрос. Правда, одна гипотеза на сей счёт у него есть, но он и сам не считает её исчерпывающей. Он допускает, что Сталин мог считать немецкую угрозу блефом потому что, по данным разведки, в Германии не велось решительно никаких приготовлений к войне в зимних условиях. Так ли это было? Читаю в записках Василия Сухомлина: «15 мая 1941. Товарищ, приехавший из Гарб (департамент Верхние Пиренеи) рассказал, что в Пиренеях и в Испании немцы закупают у скотоводов десятки тысяч бараньих шкур для армии. Ясно, что эти овчины нужны им не для похода в Северную Африку»¹.

Но, возможно, разведка и впрямь упустила эти и подобные приготовления и докладывала начальству, что подготовку к зимней войне немцы не ведут. Однако и в этом случае кремлёвские аналитики должны были допускать, что у Гитлера хватит наивности надеяться покончить с СССР до холодов. Однако в Кремле, похоже, и не углублялись так далеко, не веря прежде всего в сами наступательные намерения нацистского вождя. Тут что-то не так.

Ещё один шаг к решению головоломки сделали публикаторы сборника «Секреты Гитлера на столе у Сталина» (Москва, 1995), хотя книгу стоило бы назвать «Дезинформация Гитлера на столе у Сталина». В книге помещены донесения агента-провокатора «Лицеиста» (латыш Орест Берлинке, 1913–1978), подкинувшего советской разведке версию, что в конце июня Германия внезапно предъявит Советскому Союзу экономико-политические требования, подкреплённые дивизиями на его границах – требования на грани неприемлемых, но могущие стать предметом переговоров. В эту «дезу» вписывалось всё: она не только «объясняла многочисленные данные о военных приготовлениях у границ СССР, но и вносила некоторую долю логики в казалось бы абсурдные действия немцев – не закончив войну против Англии, готовить фронт против СССР». Составители считают, что Сталин заглотнул наживку. Отсюда его «железное спокойствие».

Конечно, в столь важном деле никто не поставит на единственного агента. Но немцы устраивали «утечки» в самых разных местах (и тут сборник дополняют работы ряда российских историков последних лет), «позволяя» Москве сложить из осколков такую картину: Германия подтягивает силы к советской границе ради придания веса своему ультиматуму. Её цель: сделать так, чтобы СССР присоединился к странам «Оси» или хотя бы прервал отношения с их врагами, резко увеличил поставки нефти, сырья, продовольствия, пропустил части Вермахта через свою территорию в Иран (эти части двинутся затем в Ирак и Индию). Для гарантии выполнения

своих требований немцы потребуют передачи им до конца войны «в залог» (вариант: на 40 лет в аренду) всей Прибалтики и (или) пшеничного пояса Украины. Вывод публикаторов ЦА ФСБ таков: «Дезинформация немцев оказалась результативной», поскольку «Сталин, видимо, был психологически расположен к таким сообщениям».

Если донесения «Лицеиста» и впрямь были взяты на веру, тогда стратегический пейзаж мая-июня 1941-го должен был видеться советскому руководству, уверовавшему в эту «дезу», иным, чем мы привыкли думать. Оно могло заключить, что слухи о неминуемом внезапном немецком ударе по СССР выгодны Берлину как элемент войны нервов в преддверии ультиматума. А раз выгодны, значит Берлин их, скорее всего, сеет сам. Впечатляло устрашающее правдоподобие всех частей картины, включая требование залога (напомню, в 1914-м немцы, как условие необъявления войны, требовали от Франции в залог её крепости за Рейном), но это же и успокаивало: без демарша и дипломатических движений война не начнётся. Просачивалась информация, что Германия вот-вот предложит встречу Гитлера, Сталина и Муссолини в Вене (и для такого случая уже шьются советские флаги), но в случае её провала немцы точно нападут на СССР – уже в июле-августе или осенью.

Под прикрытием этой активности СССР закончит подготовку и нанесёт внезапный опережающий удар. Советские командиры по радиосигналу «Гроза» вскроют красные пакеты – и тогда ничто в мире не остановит Красную Армию в её ураганном рывке на запад.

А тем временем Геббельс записал в дневник: «В курсе истинных причин всего двое. Я вынужден направлять по ложному пути собственное министерство» (31 мая), «Поток слухов растёт, непосвящённому не разобраться в них никогда» (17 июня).

И всё же версия «Лицеиста» могла лишь подкрепить какое-то собственное убеждение Сталина. Простой здравый смысл мешает объяснить уверенность подозрительного кремлёвского диктатора тем, что он положился по сути дела на гипотезу. Положился настолько, что вовсе сбросил со счетов возможность внезапного немецкого удара. Да и гипотеза была достаточно обоюдоострой, не настраивала на благодушие. И тем не менее, Сталин не предпринимает никаких срочных мер на случай неприятного сюрприза. Былые объяснения – опасался, видите ли, провоцировать Гитлера – просто смехотворны. Искушать это и есть провоцировать. Объяснение Суворова (Сталин продолжал готовиться к нападению – точно также, как это делали нацисты по ту сторону границы, хотя и с 2-3-недельным опережением) не даёт нам ответа на законный и неизбежный вопрос: почему не перестраховался? Всё поведение Сталина говорит о том, что угрозу германского удара он считал полным блефом. Или громадным отвлекающим манёвром немцев для маскировки их приготовлений к высадке десанта на британском берегу. Или тем и другим сразу. Или чем-то ещё, но всё равно блефом. К этому мы ещё вернемся в главке «Удача отворачивается от фюрера?»

Вероятный расклад карт

Руководители США и Великобритании должны были разгадать наступательные замыслы Сталина, а разгадав, скорее всего придти к такому выводу: Германия Гитлера и СССР Сталина смертельно опасны миру; соединив свои силы, они (да ещё с Японией, да ещё с Италией) стали бы непобедимыми – это наихудший вариант; наоборот, схватка двух тоталитарных хищников между собой будет для человечества прекрасным подарком; чем она окажется опустошительней, тем больше возвысится после войны демократический блок государств. Но схватка схватке рознь. Если Сталин нападёт первым, он имеет шанс, благодаря внезапности и перевесу в силах, быстро захватить и Германию, и значительную часть Европы. У Гитлера шанса нет ни при каком раскладе, но если он сумеет первым нанести по СССР внезапный сокрушительный удар, тогда обеспечено несколько лет как раз той войны, какая нужна – на взаимоуничтожение врагов демократии. Именно к этому и следует подталкивать события, делая всё, чтобы Германия и СССР не оказались, пусть невольно, в одном лагере. Ради этого можно даже прикидываться дурачками.

Что и делалось. 1 сентября 1939 года Польша подверглась германскому нападению – Германии, как агрессору, объявлена война. Через несколько дней на Польшу нападает СССР – и ничего. Десять недель спустя жертвой советского нападения становится Финляндия – и

получает лишь показную поддержку. Лишь бы у СССР и Германии формально не оказалось общего врага.

Москва всё это, за очевидностью, понимает и цинично использует, без опаски действуя в Польше, Финляндии, Латвии, Литве, Эстонии, Бессарабии и Буковине. Зная, что Великобритания мечтает стравить Германию с СССР, Сталин не верит письмам Черчилля, как явно заинтересованного лица, о гитлеровской угрозе. Черчиллю ясно, что ему не верят, и ясно, почему. Стало быть, посылая Сталину предупреждения о скором немецком нападении, он дезавуирует в глазах адресата сходные предупреждения других источников, наводит его на мысль, что немецкого нападения не будет. Письма Черчилля рассчитаны на то, чтобы быть воспринятыми с обратным знаком.

Разведки поставляют горы материалов – о передвижении войск, о совещаниях лидеров, о росте или снижении выпуска зимних смазок – но редко бывает ясно, чему можно верить, а что подсунуто врагом или сочинено агентом-дармоедом. Информационные каналы забиты «шумом», и никто ни в чём до конца не уверен. План «Барбаросса» (в общих чертах, конечно) быстро становится известным основным разведкам мира, что уже подозрительно. Да и что это за план! Только неуч мог придумать одновременный удар по трём расходящимся направлениям. Уж не английская ли это фальшивка? Именно на такую реакцию надеялись в Вашингтоне и Лондоне, дружески сообщая чистую правду о содержании плана в Москву. Под подозрение попадают в Москве и свои источники, добывшие те же сведения.

Когда скопление немецких войск у советских границ уже не скрыть, Берлин конфиденциально поясняет Москве, что слухи о скором нападении Германии на СССР он сеет сам – в рамках величайшего в истории дезинформационного манёвра, направленного против Великобритании: пусть англичане думают, будто мы собираемся напасть на вас, а мы тем временем в Польше, вдали от английских глаз и налётов, готовимся к высадке на их остров. Англичане давно поняли, что Гитлеру высадка не по силам, но... тонко поддерживают немецкую игру против СССР.

Это – на уровне официальной (хотя и тайной) дипломатической переписки, на уровне же дезинформации немцы активно внедряют версию «Лицеиста» об ультиматуме (см. выше).

Не менее сложную сеть плетут и советские дезинформаторы, маскируя приготовления Красной Армии. Гитлер, не сомневаясь в принципе, что Советы не преминут нанести ему удар, если он «повернётся к ним спиной», не понимает масштабов угрозы.

Первоначально война против СССР намечается Гитлером на 15 мая, но в конце марта он ввязывается в незапланированный конфликт на Балканах и 3 апреля решает перенести её на месяц. Москва как бы обо всём знает – и как бы ничему не верит. Но некоторый страх есть. А вдруг правда? Но 15 мая миновало – и ничего! Это расслабило Сталина. И 22-го ничего не будет, – похоже, говорил он себе через месяц. А ещё его расслабил захват немецким десантом Крита и разгром английского гарнизона. Сочтя это репетицией высадки в Англию, он уверился, что высадка близка.

Б. Соколов² извлёк из старых газет сообщения о конфискации (как теперь понятно, показательной) номера «Фелькишер Беобахтер» от 13 июня 1941 года со статьёй Геббельса «Крит как пример», из чего можно было заключить, что успешный захват Крита рассматривается немецким руководством как репетиция высадки в Англию, причём оно не хочет, чтобы это стало очевидным для всех.

Балканские авантюры Гитлера едва не сгубили его уже в 1941 – м: увязни он в Греции, он мог бы снова отложить удар по СССР. Тут бы ему и конец, но это высчитали англичане. Имея в Греции прекрасные позиции для обороны, они вдруг эвакуируют свои войска: ничто не должно отвлекать Гитлера от опережающего нападения на СССР.

Тем временем в Москве из добытой ГРУ и НКВД мозаики логичнее всего складывается именно та картина, что люба вождю: он опередит Гитлера. Можно, правда, сложить и совсем другую картину, и некоторые (например, подполковник Новобранец) её складывают, но шефы двух советских разведок не хотят выглядеть распространителями английских провокаций. Они слишком хорошо помнят, за что устранили их предшественников. Сталин конечно не забывает о сосредоточении немецких сил, но видит, что их всё ещё недостаточно для нападения – ГРУ ещё и занижает оценки – и потому спокоен. (Вот в чём заключалась пресловутая «неготовность к

войне»).) Ко всему, Сталин состоит в переписке с Гитлером и никому её не показывает, а стало быть знает такое, что не оставляет у него сомнений в успехе своего замысла. Кстати, эти письма сохранились, но по сей день засекречены. Почему?

Привыкнув воспринимать «фашизм» (нацизм) как абсолютное зло, мало кто задумывается сегодня о возможности разных вариантов реакции США на успешный советский удар по Германии. Остались ли бы они нейтральными перед лицом перспективы установления большевицкого господства в Европе? В Кремле должны были допускать и такую возможность: в качестве первого шага США подталкивают Великобританию к немедленному перемирию с Гитлером, в качестве второго – вступают с ним в срочный союз дабы остановить большевизацию Старого Света.

Может быть поэтому Сталин так боялся какой-нибудь дьявольской провокации, особенно английской. Чем же на самом деле руководствовались творцы политики тех дней и месяцев? Что планировали и к чему готовились участники игры?

В любом случае, изначально СССР имел фору во времени: Гитлер утвердил план «Барбаросса» 18 декабря 1940 года, а окончательное решение о войне с Германией принято Кремлём девятью неделями раньше, 14 октября³. Процесс подготовки шёл параллельно и с начала 1941-го вступил в обеих государствах в завершающую стадию. Но в СССР этот процесс шёл не с максимально возможной быстротой. Да, в Европе расстояния короче, а дорожная сеть гуще. Но почему Германия ещё 25 мая 1941 года перевела железные дороги на режим максимального движения, а советские продолжали работать в обычном⁴?

Через много лет после войны Молотов рассказал писателю Ивану Стаднюку, что в связи с бегством Рудольфа Гесса в Великобританию вопрос об ударе по немцам выносился в мае 1941 года на заседание ЦК и что решено было с ударом «повременить», так как не исключалось, что Гесс по заданию Гитлера привёз англичанам проект сепаратного мира. Советские историки много потешались над таким предположением, но было оно не таким уж глупым. В 1997 году издательская группа «Прогресс» выпустила компакт-диск «Документы тайных архивов КГБ. Гитлер. Неизвестные страницы Второй мировой войны». Диск готовился группой под руководством академика ИД. Ковальченко. По признанию разработчиков, на диске уместился лишь 1 % архивных материалов, касающихся Гитлера. Но и одного процента хватило, чтобы обнаружить важнейший факт. Показания Фриче, заместителя Геббельса, не оставляют сомнения в том, что «бегство» Гесса в Англию было организовано по прямому поручению фюрера. Заявления о его безумии, как и версии о личном порыве были дымовой завесой. (Правда, содержание переговоров Гесса с британским руководством станет известно лишь после 1 января 2017 года, по истечении 75 лет после события – если только англичане не продлят срок секретности.) И в случае советского нападения на Германию Лондон пойдёт на сепаратный мир с Гитлером, мало того – может объединить с ним силы против СССР. Что значит «повременить»? Почему Сталин считал, что имеет время на прояснение обстановки, почему не боялся, что Гитлер его попросту опередит?

Поскольку ни «Барбаросса», ни намеченные немцами сроки не были для Сталина тайной, он мог бы утверждать (нанеси он удар первым), что Гитлер не оставил ему выбора. Заявление же Гитлера в речи 22 июня о том, что он сорвал советское нападение, было чисто пропагандным. К такому утверждению нас подводит исключительной важности вывод профессора Р.-Д. Мюллера из Центра изучения военной истории Бундесвера ФРГ. Многолетнее изучение им архивов германской разведки показало следующее: Гитлер был убеждён, что Красная Армия первой не нападёт на Германию ни в 1941 году, ни в ближайшие годы. Значит, как бы фюрер ни заверял немецкий народ в том, что лишь упредил «русский удар», на самом деле ничего подобного он со стороны СССР не ждал. Стало быть, не двигал Гитлером и страх, что бесценный для Германии румынский источник нефти настолько неодолимо искушает Советы, что они вот-вот могут подвергнуть Рейх топливной кастрации, предприняв двухсоткилометровый танковый бросок на Плоешти (по предположению В. Суворова, к роковому шагу Гитлера мог подтолкнуть именно страх за нефть).

Что же двигало нацистским диктатором? Что заставило, например, обречь на неуспех свою африканскую кампанию? Он решился на эту кампанию совсем недавно, 11 января 1941 года, осознав наконец, что закупорка Суэцкого канала есть для Германии (коль скоро ей не грозит удар со стороны СССР) приоритет № 1. Гросс-адмирал Эрих Редер объяснил своему фюреру, что овладение Суэцом «окажется для Британской империи более жестоким ударом, чем захват Лондона». Канал был теми воротами, через которые противники Гитлера сохраняли надёжный доступ к мягким частям нацистской «новой Европы». По каналу шла доставка в Средиземное море войск, вооружений и боеприпасов со всех концов Британской империи – из Австралии, Индии, Новой Зеландии, Южной Африки, Канады. Каналом пользовались все враги стран «Оси», по нему доставлялось военные грузы из третьих стран, прежде всего из США.

Действия контингента, первоначально отправленного Гитлером в Африку, выявили к маю, что для гарантированного решения задачи здесь необходимо около тридцати дивизий. Но у фюрера уже сменились приоритеты. Он всецело увлёкся идеей разгрома СССР (хотя в угрозу с его стороны не верил). По словам британского историка Уильяма Ширера, «в конце мая 1941 года Гитлер, используя только часть своих сил, мог нанести сокрушительный, вероятно, даже роковой удар по Британской империи. Никто не понимал этого лучше, чем оказавшийся в тяжелейшем положении Черчилль»⁵. Был ли тогда на земле человек, который бы более пылко, чем Черчилль мечтал о том, чтобы внимание Гитлера переключилось с Ближнего Востока на СССР? Мечта Черчилля едва ли была большой загадкой для Кремля. Вот о чём следует помнить историкам, которые называют абсурдным страх Сталина перед «английскими провокациями», якобы нацеленными на столкновение Германии с СССР, и его «психопатическую мнительность», особенно возросшую после загадочного перелёта Гесса в Англию.

Гитлер же переключил своё внимание на «государство рабочих и крестьян» не для того, чтобы сделать приятное Черчиллю, а по какому-то необоримому внутреннему императиву. С конца весны немецкие подкрепления в Африку идут уже по остаточному принципу, то есть их всегда меньше, чем нужно. В результате все дальнейшие африканские усилия Роммеля можно описать как попытку с негодными средствами. Шестнадцать месяцев здесь длятся скромные, по сравнению с Восточным фронтом, перемещения и бои. За это время англичане наращивают свою группировку (Суэц открыт) до 230 тысяч человек, 1 440 танков, 1 500 самолётов, 2 311 орудий, после чего танковой армии Роммеля «Африка» приходит конец. Что можно было прогнозировать прямо с 22 июня 1941 года. Ничем иным дело здесь кончиться не могло.

Но не могло и ограничиться. Смена приоритетов фюрера имела в данном регионе дальнейшие последствия для его Рейха. 8 ноября 1942 года началась высадка американцев и англичан под командованием Эйзенхауера в Алжире, Оране и Касабланке. Через полгода уже вся Северная Африка в руках союзников, в июле 1943-го они высаживаются на Сицилии, затем – на Апеннинском полуострове и в Греции. Если бы по каким-то причинам высадка в Нормандии оказалась невозможной, союзники с тем же успехом высадились бы на Лазурном берегу.

Так отомстило за себя пренебрежение средиземноморским Подбрюшьем. А ведь неизбежность подобного хода событий читалась в 1941-м яснее, чем читается простая шахматная задача. Что же заставило его игнорировать очевидные угрозы? Что побудило отказаться от логичных и осуществимых планов «Феликс» (захват Гибралтара), «Геркулес» (высадка на Мальте) в пользу «Барбароссы», что гнало на восток?

Легко говорить теперь: он надеялся на быструю победу над СССР, на блицкриг. Вот именно, надеялся. Понимая при этом – как бы низко он ни оценивал Красную Армию – что идёт на огромный риск. При всей своей удачливости, мог ли он твёрдо рассчитывать на абсолютную внезапность удара, рассчитывать на уничтожение авиации Красной Армии ещё на аэродромах, на захват складов топлива и боеприпасов – то есть на то, что, вопреки вероятности, затем случилось в жизни?

Если бы твёрдо рассчитывал, не повторял бы: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». А в чём, собственно, состоял «ужас без конца», если он не ждал, что его большевицкий партнёр нападёт первым?

Обоснование восточного похода, выдвинутое им для своих генералов: «Мы не можем окончательно разбить Англию с помощью десанта. Поэтому необходимо в 1941 году настолько укрепить свои позиции на континенте, чтобы в дальнейшем мы оказались в состоянии вести

войну с Англией (и Америкой)... Решение: как можно скорее свалить Россию, через два года Англия будет иметь 40 дивизий. Это может побудить Россию к сближению с Англией» (дневник начальника Генерального Штаба генерала Франца Гальдера, 16 января 1941 года)⁶. Заметьте, ни слова о том, что СССР собирается напасть на Германию и его надо опередить. Видите ли, через два года, в 1943-м, может начаться русско-английское сближение, какой ужас. Но к тому времени немцы уже решили бы проблемы Ближнего Востока и морского периметра Европы.

А вот оценка, данная самим Гальдером (запись 28 января): «Операция “Барбаросса”. Смысл операции неясен. Англию мы этим нисколько не затрагиваем. Наша экономическая база от этого существенно не улучшится. Рискованность нашего положения на западе не следует недооценивать»⁷. Поскольку Гальдер заметно осторожничает в своём дневнике, такой отзыв означает только одно: он находит план фюрера попросту дурацким. Правда, через два месяца Гальдер, сломленный 2,5-часовой (!) речью Гитлера, уже с восторгом пишет, что «Россия будет разгромлена и расчленена», причём «новые государства должны быть социалистическими, но без собственной интеллигенции... здесь достаточно будет лишь примитивной социалистической интеллигенции» (запись 30 марта)⁸.

Возразить Гитлеру тогда не посмел никто. Вопрос о начале вторжения в СССР был, таким образом, окончательно решён. Будучи человеком последовательным, нацистский диктатор ушёл в могилу вместе со своим порождением. Его беспримерная удачливость выразилась в том, что это произошло лишь через три года, десять месяцев и неделю после 22 июня 1941 года.

Один из возможных мотивов Гитлера

В «Моей борьбе» Гитлер осуждал кайзера Вильгельма за безумие одновременной войны на востоке и на западе, подчёркивая, что для Германии это было – и будет – самоубийством. Уже стоя на пороге войны с Великобританией и Францией, Гитлер продолжает следовать этому принципу. Лучшее тому доказательство – договор с СССР о ненападении 23 августа 1939 года. Необыкновенно дорогой ценой, отдавая большевикам Прибалтику, почти пол-Польши и куски дружеской Румынии, своей единственной поставщицы нефти, Гитлер откупался от войны на два фронта. И вдруг, полтора года спустя он изменяет столь разумному принципу. За непоследовательными и нелогичными действиями германского вождя ощущается тщательно скрываемая цель и какое-то невротическое нетерпение. Своему окружению он даёт резоны, специально приспособленные к менталитету этого окружения, но, возможно, не те, которые сам имеет в виду.

Человек, который единолично принимал тогда все решения от имени Германии, имел собственную шкалу ценностей и предпочтений. Среди его важнейших побудительных мотивов была жажда переделки неправильного мира, где слишком много некрасивых, неарийских лиц и некрасивых, не во вкусе фюрера, зданий.

Согласно воспоминаниям Альберта Шпеера, обер-архитектора Гитлера (а в конце войны – министра вооружений), фюрер до дрожи обожал архитектуру, в 1920-е годы в ущерб партийным делам чертил альбом «архитектурных фантазий», позже утерянный. Он считал себя великим зодчим, бредил исполинскими постройками. В Нюрнберге он задумал стадион на 400 тысяч мест (объёмом в 3,3 раза больше пирамиды Хеопса) и центр для партсъездов на 160 тысяч. Главным его детищем был проект перестройки Берлина. Здесь должна была вырасти триумфальная арка в память I мировой войны, по объёму превосходящая парижскую в 49 раз. Гитлер замыслил её ещё в 1920-х. Он и к власти-то рвался во многом ради воплощения своих архитектурных грёз.

«Для чего делать всё максимально большим? – задаёт он риторический вопрос в речи 9 января 1939 года. – Я делаю это, чтобы восстановить в каждом немце самоуважение. В сотнях мест я говорю каждой личности: мы не являемся неполноценными; напротив, мы во всём равны любой другой нации». Красноречивое объяснение!

Но ни с чем Гитлер так не носился, как с Grosse Halle, «Дворцом общественных форумов» на 180 тысяч стоящих человек. Здание должно было иметь высоту 293 метра, а его купол патинированной меди – диаметр 250 метров. Здесь вождь собирался выступать с речами и докладами. Дворец был обращён к площади (имени Гитлера) для первомайских празднеств

вместимостью в миллион человек. На собственноручной акварели Гитлера 1925 года перед купольным зданием видны парадирующие со знамёнами люди. Он был способен бесконечно наслаждаться трёхметровой деревянной моделью своего детища, у которой вынимался пол, так что, просунув голову, можно было рассматривать модель изнутри. Дворец должен был быть закончен к 1950 году, были уже заказаны гранитные колонны в Швеции. Шпеер утверждает, что Гитлер «был одержим своим купольным зданием». Гитлер даже сделал своему «наследнику» Герингу такое распоряжение на случай своей внезапной смерти. Он, Геринг, волен руководить всеми прочими делами так, как найдёт нужным, но в одном должен поклясться: что оставит Шпеера во главе строительства, и будет отпускать столько денег, сколько тот запросит. Геринг поклялся.

Выходит, для Гитлера «все прочие дела» (а он их затеял, мы помним, немало, и одно интереснее другого – установить «новый порядок» в Европе, переkreить карту мира, разобраться с большевизмом, мировым еврейством, плутократией, олигархией, масонами, произвести социальную революцию, сделать расовую теорию расовой практикой и так далее) были важны меньше, чем его «архитектурные фантазии»?!

А почему, собственно, это должно нас удивлять? Сверхценные идеи – это то, что отличает параноиков, а параноидальность Гитлера не оспаривается уже давно. Этот диагноз согласуется не только с его многочасовой говорливостью, но и практически с любыми действиями, с его системой ценностей и целей, во многом объясняет весь его путь. Непокколебимая и высокоупорядоченная бредовая система параноика, его презрение к чужому мнению в сочетании с отсутствием жалости и личным бескорыстием воспринимаются окружающими чаще не как безумие, а как сильно выраженная целеустремлённость. Стальная воля, спутница параноидного сознания, завораживающе действует на окружающих и помогает её обладателям одолевать такие преграды, перед которыми обычный человек неминуемо спасовал бы. Сочетаясь с везением, подобная воля не раз в истории приводила параноиков к власти.

Особо одарённые параноики прекрасно отдают себе отчёт в том, что некоторые из своих заветных предпочтений им лучше держать при себе, не заявлять о них во всеуслышанье. Этим они делают поправку на умственную, по их мнению, ограниченность своего окружения, на его бескрылость и филистёрскую мелкотравчатость. Истинные масштабы той страсти, которую Гитлер питал к зодчеству могли приоткрыться – и приоткрылись – только Альберту Шпееру.

Неомрачённое архитектурное счастье фюрера длилось до того дня в 1940 году (ужасно жаль, но Шпеер не называет точную дату), когда «он узнал, что в СССР также запланировано огромное здание для ассамблей». Речь шла о Дворце Советов на месте уничтоженного Храма Христа Спасителя. Эта Вавилонская башня большевизма должна была иметь высоту 415 метров, а украшавший её Ленин стоял бы в 14-метровых ботинках и указывал вдаль 6-метровым пальцем⁹. Новость сразила Гитлера. «Он был глубоко уязвлён, ощущал, что у него обманом похитили славу возведения самого большого монументального здания в мире. Рука об руку с этим шла крайняя досада, что он не может приказать Сталину остановиться».

А вот и самое важное свидетельство. «После начала войны с СССР я время от времени становился свидетелем того, что идея московского здания-соперника терзала Гитлера больше, чем он хотел признавать.

– Теперь, – сказал он однажды, – это будет конец их зданию раз и навсегда».

Поразительное признание!

Углубляясь в те или иные события прошлого, исследователь ставит себя на место изучаемых персонажей, мыслит за них категориями политики, первоочерёдной экономической необходимости, государственной стратегии. Удивляясь порой нелогичности их поступков, он просто забывает, что объекты его исследований не обязательно мыслили теми же категориями, хотя, наверное, всегда делали вид.

Могла ли архитектурная ревность стать для Гитлера дополнительной (хоть и тайной) причиной его решения напасть на СССР? Вопрос, собственно, излишний. Свидетельство Шпеера не оставляет сомнений: и могла, и стала. Там, где все решения в руках одного лица, войны затевали, случалось, и по более нелепым поводам. Причин для рокового нападения у нацистского диктатора было в любом случае несколько – доктринальная, романтическая, политическая, продовольственно-сырьевая – кто вычислит главную? Каждая причина главная,

если она наличествует. Ведь ничуть не менее вескими и многочисленными были у него причины в русский капкан не лезть. Его решение было трудным, и мы никогда не узнаем, какая соломинка перевесила.

Удача отворачивается от фюрера?

Изыян всех доселе предлагавшихся объяснений загадки поведения Сталина состоит в том, что эту загадку пытались решать отдельно от мирового контекста. А он не мог его не учитывать. Если мы изучим расстановку сил и динамику событий на мировой сцене первой половины 1941 года, то придём к удивительному выводу: положение немцев, несмотря на все их завоевания, крайне шатко, и Сталин со своим Генштабом, разумеется, это видели.

Для начала взглянем на вещи с точки зрения нацистской Германии. Её целью было безраздельно и окончательно утвердиться в Старом Свете, обезопасив себя от любых сюрпризов с запада, через Атлантику, и с юга, через Средиземное море, а на востоке – отодвинуть свою границу до Волги и Архангельска, а может быть и до Урала. Достичь этой цели Гитлер мог лишь в несколько этапов, каждый из которых достаточно рискован, но не безнадёжен. Первый, очень важный этап уже позади – континентальные враги Германии в Западной Европе повержены. Второй этап – победа над последним, но самым сильным европейским врагом, Англией – никак не удавался. Только что, в мае 1941 года, немцы окончательно проиграли воздушную «Битву за Англию», длившуюся с августа 1940-го. Допустимо ли было для них, ввиду патовой ситуации с упрямым островом, перейти к следующему этапу – походу на восток против СССР?

В принципе, да. Однако это вело к резкому росту всех рисков и поэтому, прежде чем хотя бы подумать о восточном походе (при условии, что с востока нет прямой и немедленной угрозы), немцы были просто обязаны:

а) Обезопасить (о чём уже шла речь выше) своё открытое для вторжений с юга средиземноморское «мягкое подбрюшье». Для этого требовалось, ни много, ни мало, сделать Средиземное море, на котором господствовали англичане, итало-немецким озером. Следовало отбить у англичан Суэц и Гибралтар; вытеснить их с таких вероятных трамплинов вторжения на юг материковой Европы, как Крит (занятый англичанами в ноябре 1940 года, причём повод для этого им подарил Муссолини), Мальта и Египет; лишить английский флот всех баз, раз нет сил победить его на море; надёжно утвердиться на Ближнем Востоке и в ключевых узлах Северной Африки; овладеть Кипром; перетянуть на свою сторону нейтральную, но проанглийскую Турцию;

б) Сделать морскую блокаду Англии эффективной и обезопасить себя от вторжений из-за Атлантики, захватив, как минимум, Фаррерские острова и Исландию, а как максимум, также Азорские и Мадейру;

в) Достичь согласованности действий со странами «Оси» и попутчиками, добиться дипломатического обеспечения русской кампании.

Лишь при выполнении этих условий можно было оставить у себя в тылу непобеждённую, но в разумных пределах нейтрализованную Англию и рискнуть на удар по СССР.

Всё это – не какие-то там «тайны Третьего Рейха», только теперь ставшие доступными. Это очевидности сорок первого года. Однако из всего перечня немцами был осуществлён лишь захват Крита (что стоило Рейху почти всех его тогдашних авиадесантных сил).

Но, может быть, в Берлине царилла какая-то особая эндемичная тупость, и там всего этого не понимали? Да нет же, понимали. Вот немцы пытаются разместить свои авиабазы в Сирии и 12 мая туда прибывают самолёты Люфтваффе. (Сирия находилась под властью нового французского правительства, созданного с разрешения немцев, находившегося в городе Виши, контролировавшего неоккупированный юг Франции.) Вот они устраивают пронемецкий переворот аль-Галайни в Ираке (1 апреля). Вот под бомбёжками на альпийских перевалах и в порту Генуи они перебрасывают свои дивизии в Ливию, чтобы остановить там бегство итальянцев и вместе двинуться на Египет, к вождьленному Суэцу.

Однако все их попытки на этих направлениях были обречены с самого начала по простой причине: у немцев мало кораблей, мало вооружения, мало топлива, мало сырья, мало сил.

Ничего, кроме неудач, на долю стран «Оси» в Средиземноморском регионе (исключая, повторяю, Крит) за предшествовавший нападению на СССР год, не выпало.

Вот факты. На Ближнем Востоке англичане и сторонники главы французского правительства в изгнании, руководителя движения Сопротивления генерала де Голля между 3 апреля и 30 мая 1941-го оккупируют Ирак, подавив пронемецкий мятеж, а в июне ими заняты также Сирия и Ливан. У немцев больше нет авиабаз на Ближнем Востоке. В Африке итальянцы выбиты из Сомали, Судана, Эритреи и Эфиопии (Аддис-Абеба взята англичанами 6 апреля). Это очень важное событие: пути из Индийского океана к Суэцкому каналу для противников Гитлера более не угрожаемы, военные суда, войска и грузы союзников поступают на средиземноморский театр беспрепятственно. Немецкие войска в Ливии (об этом уже шла речь в предыдущей главке), правда, начинают 30 марта свой «египетский поход» и к началу третьей декады июня имеют местные успехи, но достижение ими конечной цели уже тогда представлялось неправдоподобным, что и оправдалось затем.

Чтобы запретить Средиземное море, странам «Оси» надо было иметь вдвое, а то и втрое более сильный флот. А тут ещё гордость Германии, линкор «Бисмарк», потоплен англичанами 27 мая. Перед тем был надолго выведен из строя линкор «Гнейзенау», а итальянский флот вообще потерял половину своего состава в сражениях у Калабрии, при Таранто и у мыса Матапан. Вдобавок итальянцев крепко побили на суше, в Греции.

Может показаться, правда, что за все неудачи «Ось» была вознаграждена немецким успехами на Балканах. Однако одержанные там победы были хуже поражений, ибо породили ещё один, совершенно ненужный фронт и чудовищные проблемы в Греции, Югославии и Албании.

Но возможно Гитлер сумел возвести вокруг своих планов восточного похода мощную дипломатическую стену, обеспечил себе поддержку друзей и пассивность недоброжелателей? Ничуть не бывало. По этой части у фюрера и его любимца Риббентропа успехов было менее всего. Они не смогли (хоть и пытались) склонить к выступлению против Англии не только Испанию генерала Франко, но и разбитую (!) вишистскую Францию маршала Петэна. Они даже не сумели настоять на передаче Германии уцелевшей части французского флота (включавшей самый мощный в мире линкор «Ришелье», линкоры «Жан Барт», «Прованс», «Страсбург» и много другой бесценной с точки зрения битвы за Средиземноморье боевой техники). Историк Дж. Батлер считает, что эти линкоры в руках немцев могли изменить весь ход войны¹⁰.

Германия проявила дипломатическое бессилие в таких стратегически ключевых нейтральных странах как Ирландия, Португалия и Иран, не помешала заключению архиважного для СССР японо-советского пакта о ненападении. Высшее достижение Риббентропа – мало к чему обязывающий договор с Турцией.

Зато все совместные действия Великобритании и США уже тогда содержали такой обращённый к Гитлеру и не оставлявший места для манёвра подтекст: мы тебя удавим, рано или поздно. США не оставили сомнений относительно своих планов, приняв (впервые в истории) закон о воинской повинности и доведя военные расходы до 62 % бюджета. Американские войска высаживаются в Гренландии и Исландии, строят там аэродромы. 27 мая 1941 года Рузвельт вводит в стране «неограниченное» чрезвычайное положение. Не объявляя войны, он делает рассчитанно-оскорбительные жесты: конфискует немецкие и итальянские суда в портах США, замораживает авуары стран «Оси» в американских банках, односторонне расширяет «зону безопасности» США в Атлантике до 25 градуса западной долготы, почти до Африки. И всё это – ещё до 22 июня 1941 года.

Сегодня мало кто осознаёт, насколько плохим было положение Германии к этой дате, но Сталин не мог не видеть это. Вот откуда его спокойствие. Он должен был исходить из убеждения, что Гитлер кто угодно, но не самоубийца и не безумец. Что бы ни писал Сталину Черчилль (верить которому, повторяюсь, у Сталина особых причин не было, а не верить – были), стоило большевицкому вождю перевести взгляд на карту, как убеждение: «Гитлер блефует!» должно было возвращаться к нему с новой силой. И в самом деле, кто, имея уязвимые тылы, дрянных союзников, полный набор самых суровых проблем, посмеет напасть на противника, чьё стратегическое положение подобно скале, а вооружение превосходно? Но именно тут и мог крыться роковой сталинский просчёт.

Все страны борются с чужеземными разведками, но при этом хотят, чтобы вероятный враг не сомневался в их мощи. Ставя себя на место Сталина, понимаешь, что он был заинтересован в июне 1941 года в двух малосовместимых вещах: чтобы Гитлер ясно представлял силу Красной Армии и количество накопленного ею оружия, но совсем не представлял, что замышляет его кремлёвский друг. То есть идеально, если разведка у Германии хорошая, но не слишком.

На деле же, по оценке ряда историков, стратегическая разведка у Гитлера в СССР была никудышная. Как видно, предвоенная шпиономания в СССР, выкашивая двадцать невинных, захватывала и одного шпиона. Уровень немецкой разведки сквозит в таком анекдотическом пассаже из «Мемуаров» шефа нацистской политической разведки В. Шелленберга: «Канарис утверждал, что у него есть безупречные документы, согласно которым Москва связана с Уралом всего лишь одной однопутной железной дорогой»¹¹. Едва ли Сталин мог предположить, что потенциал СССР оценивается немцами столь низко.

Но и тут не всё так просто. Помимо хрестоматийных шпионов, поставляющих сведения прямо из вражеских штабов, всегда действует армейская разведка, и когда в мае 1941-го будущие противники максимально сблизилась, каждый не мог не раскусить, чем занят его партнёр. Патрулировавшие вдоль границы (а часто и нарушавшие её) самолёты-разведчики забирались на высоту до восьми километров. В ясную погоду с этой высоты можно снимать объекты на сорок километров вглубь чужой территории. Ясно, что немецкие разведчики докладывали своему командованию как о строительстве аэродромов и сосредоточении пехоты, конницы и бронетехники Красной Армии у самой границы, так и об имитации возведения оборонительных сооружений. В советском Генштабе в Москве должны были понимать, что и снимают, и докладывают.

Но там же могли логично говорить себе – эту логику реконструировал современный исследователь: Сталин «видел, что с такими мизерными силами, что были у Гитлера, говорить о нападении смешно (3,5 тысяч устаревших, ни на что не годных танков против по крайней мере 15 тысяч танков, в среднем гораздо лучших)»¹² и поэтому полагал, что может себе позволить сильно не беспокоиться.

При этом Сталин должен был допускать, что противной стороне могли стать известны его военные планы. Никто в мире не вправе считать себя полностью застрахованным от утечек информации. Он не только получал гитлеровские письма, но и отвечал на них. Когда они будут рассекречены, мы узнаем, как он объяснял своему коллеге стягивание Красной Армии к западной границе. Видимо, объяснял не менее убедительно, чем Гитлер ему (помните: величайший в истории дезинформационный манёвр, отдых войск вне досягаемости английских бомбардировщиков?). Делая обратный – от известного – расчёт действий советского военного руководства, трудно не прийти к такому выводу: оно рассчитывало, что Гитлер, скорее всего, не понял плана «Гроза», а если понял, то из-за неравенства сил не решится на упреждающий удар, а предпримет некую срочную дипломатическую инициативу.

Ясно видя уязвимость положения Германии начала лета 1941 года и её экономические трудности, Сталин был абсолютно вправе ждать, что Гитлер будет искать его союза. Без такого союза Гитлеру не решить свои проблемы на западе, юге и юго-востоке, а раз так, все дальнейшие перспективы гитлеровской глобальной авантюры оказывались попросту безнадежными. В рамки такой гипотезы вполне вписывались и «утечки» о предстоящем немецком ультиматуме. Ведь каждый хочет прийти на решающие переговоры максимально сильным и страшным.

Во всей этой логике отсутствует, правда, одно, очень простое допущение: что Гитлер попросту не принимает мощь СССР всерьёз. При переборе вариантов Сталину такое, видимо, просто не пришло в голову. Он не допускал «возможности любительской реакции». Которая, на самом деле, бывает порой вернее самой тонко-профессиональной.

Реальный ход грянувшей советско-германской войны, а особенно ошеломляющий успех первых четырёх месяцев блицкрига, создали впечатление, что у Гитлера был в этой войне шанс на успех, тогда как никакого шанса, трезво взвешивая все факторы, у него не было. Правда, этот шанс он, вопреки всему, всё же получил. Получил в качестве подарка из рук тов. Сталина, ничего не сделавшего, чтобы подстраховать своё государство на случай совсем уж нелогичных, полностью идиотских или совершенно гениальных решений своего оппонента.

Не на штабных играх; а в жизни

Историк Михаил Мельтюхов, рассмотрев стратегическое сосредоточение и развертывание Красной Армии, скрытый призыв 802 тысяч человек под видом учебных сборов, выдвижение к границе семи армий под видом выхода в лагеря и так далее, предполагает, что «День-М» – день начала мобилизации – намечался на 10 июля, а начало боевых действий против Германии – на 15–16 июля¹³. В том, что Красная Армия создавала наступательную группировку не оставляют сомнений и работы военных историков В. Киселёва и Б. Петрова¹⁴: 4 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) предписало сформировать к 1 июля в составе Красной Армии 238-ю дивизию из поляков. Это нарушало тайный пакт с Гитлером, могло обнаружиться и имело смысл лишь если собрались вот-вот идти «освободить Польшу». Архивные находки кандидата исторических наук полковника В. Данилова¹⁵ подсказывают более раннюю дату: уже между 21 и 25 июня фронтовые управления Красной Армии должны были переводиться на полевые командные пункты. Вывод Данилова: «Наиболее убедительным подтверждением того, что Красная Армия готовилась не к обороне, а к наступлению, является трагедия 22 июня 1941 года... Войска развертывались для нападения. На деле пришлось начинать войну неорганизованными оборонительными действиями» застигнутых врасплох войск.

Советские военачальники не раз говорили, что немцы опередили их на три недели в развёртывании. Хельмдах, бывший начальник разведки одной из германских армий, ставший после войны историком, пришёл к выводу, что Сталин собирался напасть на Германию в августе 1941-го. Но возможно, мы уже не узнаем, на какой день Сталин наметил свой удар. В жизни, как известно, всё вышло иначе.

В детстве я видел, как это бывает. Маленький шибздик ударил огромного дядьку ногой в промежность, тот сложился пополам от боли, а шибздик продолжал его молотить руками и ногами и мог, наверное, совсем забить, но дядька, неловко махая руками, задел шибздика по челюсти, чем сразу и закончил бой.

Но остаются законные вопросы: почему потеря в первые дни войны 1 200 самолётов (уничтожены на аэродромах) и 600 танков – катастрофа? Их же было 11 000 и 15 000 соответственно; как могли немцы с их чуть не вдвое меньшими силами пробиться сквозь такую массу войск и боевой техники, пусть даже не готовых к обороне? При всей тактической внезапности удара они должны были быть остановлены к 1 июля, а вырвавшиеся вперёд немецкие танковые группы, сильно опережавшие пехоту, отрезаны, окружены и смяты. Почему вопреки огромному эшелонированному скоплению войск Красной Армии на границе гитлеровские войска меньше чем за четыре месяца дошли до Москвы?

Стойко усвоенный послевоенным поколением образ Красной Армии, застигнутой без оружия (что-то типа: «одна трёхлинейка на семерых») и чуть ли не без сапог совершенно не соответствует истинному размаху подготовки СССР к войне, масштабу мобилизации людей и вооружений, сосредоточению войск в западных районах страны.

В книге Игоря Бунича «Операция “Гроза”» содержатся такие утверждения: Красная Армия по сути не оказала сопротивления Вермахту (кроме общеизвестных примеров) – за июнь-сентябрь 1,5 миллиона человек перешли к немцам с оружием в руках, даже под звуки дивизионных оркестров; 2 миллиона сдались в плен, бросив оружие; 0,5 миллиона пленено при различных обстоятельствах; 1 миллион дезертировали, из них треть исчезли без следа; 0,8 миллиона убиты или ранены; 1 миллион рассеялись по лесам; собственно отступавших на сентябрь оставалось 980 тысяч¹⁶. Отсюда и фраза Сталина: «У нас нет военнопленных, есть изменники Родины». Всё это поразительно перекликается с тем, о чём говорил Солженицын: «Масса населения радостно, когда началась война, вздрогнула: “Ну, конец вам теперь пришёл там, наверху. Теперь-то вас свалят”»¹⁷. Не жившим в то время, боюсь, трудно себе представить степень ненависти людей к большевикам и силу мечты об избавлении от них, кто бы это избавление ни нёс – хотя бы и немцы.

Находится и подтверждение правоты Виктора Суворова. Вот выдержки из дневника немецкого лётчика Ганса-Ульриха Руделя: «4 часа утра 22 июня я слышу по радио: только что объявлено о войне с Россией... К вечеру первого дня я совершил четыре вылета к линии фронта

между Гродно и Волковыском. Русские пригнали сюда огромные массы танков и грузовых автомашин. Мы видим в основном танки “КВ-1”, “КВ-2” и “Т-34”. Во время вылетов я замечаю бесчисленные укрепления, построенные вдоль границы. Они тянутся на многие сотни километров. Частично они ещё недостроены. Мы летим над незаконченными аэродромами: там – только что построенная бетонная взлётная полоса, здесь уже стоят самолеты. Например, вдоль дороги на Витебск, по которой наступают наши войска, находится один из таких почти законченных аэродромов со множеством бомбардировщиков “Мартин”. Им не хватает либо горючего, либо экипажей. Пролетая над этими аэродромами и укреплениями, каждый понимает: *мы ударили вовремя... Если бы русские завершили свою подготовку; не было бы почти никакой надежды их остановить...*

Шоссе Смоленск-Москва – цель многих вылетов, оно запружено огромным количеством русской военной техники и имущества. Грузовики и танки стоят друг за другом почти без интервалов, часто тремя параллельными колоннами. Если бы всё это двинулось на нас... Теперь же всего за несколько дней всё это превратится в море обломков. Мы бомбим танки, зенитную артиллерию и склады боеприпасов, предназначенных для снабжения танков и пехоты»¹⁸.

Заключение

В чудовищном покере 1941 года приняло участие множество игроков. Что планировал и к чему готовился каждый из них?

Почему удар по Гитлеру не был нанесён в конце мая – начале июня 1940 года, когда Вермахт прорывал линию Мажино у Седана и Соммы, обходил её через Бельгию, целя на Париж, когда перед Красной Армией вплоть до самого Берлина практически не было немецких войск?

Что стоит за арестами в СССР перед самой войной начальника ГРУ Ивана Проскурова, командующего Военно-Воздушными Силами Павла Рычагова, начальника Генштаба Кирилла Мерецкова и других?

Что за загадочный самолёт прилетал, с нарушением всех правил воздушного сообщения, 15 мая 1941 года в Москву из Берлина? Что за послание он доставил Сталину? И от кого?

Студентам-физикам приходится решать задачу о «чёрном ящике»: имея набор неких «параметров на входе» и «параметров на выходе», требуется разгадать внутреннее устройство прибора. Обсуждение событий кануна войны ещё долго будет напоминать попытку решить такую задачу. Беда лишь в том, что многие важнейшие параметры тщательно скрыты или намеренно искажены. У историков накопились взаимоисключающие гипотезы, которые ещё долго нельзя будет ни доказать, ни опровергнуть: ведь доступ к самым важным документам откроется не раньше, чем нас сменят люди, способные воспринимать роковые события ушедшего века уже без закипания крови.

Примечания

1. Сухомлин В. Гитлеровцы в Париже // Новый мир. – 1965. – № 12, – С. 135.
2. Соколов Б. Собирался ли Сталин нападать на Гитлера? // Грани. – 1995. -№ 175, -С. 237.
3. Отечественная история. – 1994. – № 4–5, – 282–283.
4. Киселёв В. Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. -1992.-№ 2.
5. Ширер У. Взлёт и падение Третьего Рейха. Т. 2. – М., 1991. – С. 217.
6. Гальдер Ф. Военный дневник, 1940–1941. – М, 2003.
7. Там же.
8. Там же.
9. Атаров Н. Дворец Советов. – М., 1940.
10. Большая стратегия. Сентябрь 1939 – июнь 1941. – М., 1959– С. 216.
11. Шелленберг В. Мемуары. – М., 1991. – С. 151.
12. Копейкин А. // Русская мысль. – 3 июля 1997.
13. Мельтюхов М. Споры вокруг 1941 года // Отечественная история. – 1994. - № 3.

14. Новая и новейшая история. – 1993. – № 2.
15. Данилов В. Готовил ли Генштаб РККА упреждающий удар по Германии? // Сегодня. – 28 сентября 1993.
16. Бунич И. Операция «Гроза». Ошибка Сталина. – М., 2005.
17. Русская мысль. – 25 мая 1995.
18. «Моя цель – остановить орды с востока». Из дневника фашистского лётчика Ганса-Ульриха Руделя // Огонёк. – 2002. – № 25.

Штык в землю!

Партия и армия в 1941-м Н. Рутыч

«Посев», 1981, №6

Незабываемое воскресенье 22 июня 1941 года навсегда осталось в памяти целого поколения. Осталось как главный рубеж в жизни и как начало страшной катастрофы, в итоге которой погибло только по советским данным двадцать миллионов человеческих жизней.

Можно ли было избежать этой небывалой в нашей истории катастрофы? Конечно, – если бы Россия осталась в системе союзов, в которой она вступила в I мировую войну, а не поскользнулась накануне победы на корке в виде Ленина, подкинутой ей Людендорфом.

Если же, оказавшись в изоляции, невозможно было избежать нападения Гитлера, то к нему, по крайней мере, можно и должно было подготовиться. Однако тогдашнее партийное руководство (а теперь вновь признаются «заслуги» Сталина) объективно сделало всё, чтобы это нападение стало не только внезапным, но и началось в наиболее благоприятных для противника условиях.

Партийные объяснения политики, которая привела к этой невиданной катастрофе летом 1941 года, не раз менялись. То мудрый Сталин, восприняв полководческий гений Кутузова и подражая ему изматывал и заманивал немцев в глубь страны. Никто не смел тогда сказать вслух, что вторжение по всему фронту в середине XX века не имеет ничего общего с походом по одной дороге в начале XIX.

То, наоборот, Хрущёв взвалил всю вину на одного Сталина, пытаясь оправдать партийное руководство и самого себя на XX съезде КПСС.

И, наконец, после Хрущёва виновником катастрофы (помимо внезапности нападения) оказалось не столько партийное руководство, сколько военное. В послехрущёвской редакции истории КПСС (третьей, дополненной) говорится: «Значительная доля ответственности за неподготовленность Красной Армии к отражению вражеской агрессии лежит также на руководителях Народного комиссариата обороны и Генерального штаба С.К. Тимошенко и Г.К. Жукове...»¹

А у Сталина теперь наряду с недостатками появились и «заслуги», причём последние будто бы особенно проявились во время войны. Даже покойному маршалу Жукову была навязана эта новая «партийная линия», что и отразилось в его мемуарах.

В итоге история начального периода войны вот уже несколько раз переписывается заново – в зависимости от колебания партийного маятника. Приведём только один из многих примеров такого переписывания. В июне 1978 года в разделе «Воспоминания» «Военно-исторического журнала» появилась статья генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева «Об участии 8-го механизированного корпуса в контрударе Юго-Западного фронта (июнь 1941 г.)»².

Рябышев – едва ли не последний из оставшихся в живых комбригов Первой конной армии Будённого, получивший во время гражданской войны три ордена Красного Знамени, в прошлом был, как и многие другие командиры этой армии, царским унтер-офицером. Как и все будённовцы, благополучно прошёл чистку, достигнув высокой должности командира механизированного корпуса. Описывая, как в конце июня 1941 года он по приказу командующего фронтом впопыхах готовил контрудар по Дубно, генерал Рябышев вспоминает:

«Днём 26 июня в корпус прибыл член Военного совета фронта корпусной комиссар Н.Н. Ватутин и от имени командующего потребовал немедленно приступить к выполнению поставленной задачи».

И больше ни слова. А в то же время этот эпизод подробно описан тогдашним заместителем Рябышева, бригадным комиссаром Н.К. Попелем в его вышедшей во времена Хрущёва книге «В тяжёлую пору». Согласно Попелю, генерал Рябышев начал было рапортовать высшему комиссару фронта:

«– Товарищ член Военного совета фронта...

Хлопали дверцы автомашины. Перед нами появлялись всё новые и новые лица – полковники, подполковники. Некоторых я узнавал – прокурор, председатель Военного трибунала... Из кузова полуторки, замыкавшей колонну, выскакивали бойцы.

Тот, к кому обращался комкор, не стал слушать рапорт, не поднёс ладонь к виску. Он шёл, подминая начищенными сапогами кустарник, прямо на Рябышева. Когда приблизился, посмотрел снизу вверх в морщинистое скуластое лицо командира корпуса и сдавленным от ярости голосом спросил:

– За сколько проданся, Иуда?

Рябышев стоял в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не находивший, что сказать, да и все мы растерянно смотрели на невысокого ладно скроенного корпусного комиссара. Дмитрий Иванович заговорил первым:

– Вы бы выслушали, товарищ корпусной...

– Тебя, изменника, полевой суд слушать будет. Здесь, под сосной, выслушаем и у сосны расстреляем...»³

В результате этого партийного вмешательства, как признает Попель, «...приходится принимать самоубийственное решение – по частям вводить корпус в бой»⁴. В итоге – поражение, окружение, гибель.

Добавим лишь, что в предисловии к своей книге Попель приносит Рябышеву благодарность «за особенно большую помощь» в её написании. Следовательно, через девятнадцать лет после опубликования книги своего комиссара генерал Рябышев, следуя партийным указаниям, вынужден был дать другой вариант этого эпизода, рисующего картину отношений между партийным и военным руководством в начале войны.

Рябышев не один. В воспоминаниях маршала И.Х. Баграмяна, вышедших в 1971 году, говорится, что тот же комиссар Ватутин вызвал его на ночную беседу, когда Баграмян (тогда полковник) был назначен начальником оперативного отдела Штаба Киевского военного округа. О беседе он сообщает кратко, что Ватутина интересовало всё⁵.

А в 1967 году, в № 1 «Военно-исторического журнала», где маршал Баграмян печатал отрывки из своих воспоминаний, он описывал эту встречу несколько иначе. Корпусной комиссар «после довольно продолжительного молчания тяжело вздохнул и сказал: “Да... нелёгкая всё же у Вас биография, товарищ Баграмян... До установления Советской власти в Армении Вы служили офицером в национальной армии при дашнакском правительстве. А ведь дашнаки – это злейшие враги революции, враги народа!”»

После объяснения Баграмяна: «Что ж, по-вашему мы должны были спокойно смотреть, как турецкие янычары вырезают армянских женщин и детей?», Ватутин, видимо, зная дружеское отношение к Баграмяну Жукова, командовавшего тогда Киевским военным округом, ограничился лишь угрозой: «“Внутри не всё ладно: сколько врагов народа выкорчевали, сколько ещё притаилось!”». Долго не выходил у меня из головы этот разговор...»

Такой корпусной комиссар, как Ватутин, был не один. Достаточно напомнить зловещую роль члена Военного совета Западного фронта корпусного комиссара Фоминых и первого секретаря белорусской компартии Пономаренко в деле расстрела командующего Западным фронтом, героя Гвадалахарры генерала Павлова и его начальника штаба генерала Климовских. Ещё в 1938 году, рассказывает генерал Горбатов, по доносу Фоминых, тогда только старшего политрука, генерала Павлова отправили на Колыму. Спрашивается, сколько же этот политрук ещё отправил людей под расстрел и в лагеря, чтобы через три года стать корпусным комиссаром (то есть равным по чину генерал-полковнику) и членом Военного совета фронта? В своё время маршал Бирюзов, будучи уже начальником Генерального штаба Советской Армии, писал:

«Приказ, объявлявший изменниками родины бывшего командующего войсками Западного особого военного округа генерала армии В.Г. Павлова и его ближайших помощников, у меня лично оставил самое тягостное впечатление. Трудно было представить, что боевой генерал, самоотверженно сражавшийся с германскими фашистами во время гражданской войны в Испании, переметнулся на их сторону.

Ещё лучше я знал начальника штаба Западного особого военного округа Климовских, которого судили вместе с Павловым... Беда, а не вина Павлова, – продолжает маршал Бирюзов, – заключалась в том, что он строго выполнял директивы наркома обороны С.К. Тимошенко, написанные по личному указанию И.В. Сталина, и до самой последней минуты не отдавал распоряжений о приведении войск в боевую готовность, хотя был осведомлён о концентрации немецких дивизий у нашей границы»⁶.

Это писал маршал Бирюзов незадолго до своей смерти, тогда, когда ещё допускалась полуправда в связи с разоблачением «культы личности». Партийному руководству показалось недостаточным расстрелять командующего Западным фронтом и его помощника.

Фоминых сыграл, конечно, какую-то роль и в расстреле командующего 4-й армии генерал-майора Коробкова.

Не будем останавливаться на пагубной роли армейского комиссара Диброва на Северо-Западном фронте. Чтобы судить об атмосфере, созданной партийным руководством в армии, приведём лишь рассказ генерала Горбатова, организовавшего импровизированную оборону в начале июля в районе Ярцево и спасшего тем самым Штаб Западного фронта, которым стал командовать Тимошенко. После ранения генерал Горбатов был отправлен в Москву, где встретился с представителем компартии Германии Вильгельмом Пиком, которого он хорошо знал до своего ареста как шефа 2-й кавалерийской дивизии. Честный, но несколько наивный генерал не удержался и рассказал своему высокому партийному гостю о положении на фронте, не допуская и мысли о том, что тогдашний глава германской компартии поспешит в Москве сделать донос. Однако это произошло.

«Через сутки, – пишет Горбатов, – в час ночи в дверь моего номера в гостинице ЦЦКА постучали, а когда я открыл её, в номер вошёл, как в ночь ареста в 1938 году, офицер НКВД и сообщил, что меня вызывает Мехлис... Трудно описать моё состояние, когда я ехал на машине по пустым улицам ночной Москвы».

Проводивший чистку в армии, тогда приближённый к Сталину начальник Главного политического управления Мехлис набросился на Горбатова с руганью, хотя, конечно, генерал не сообщал никаких секретов Вильгельму Пикю. «Не дав мне времени ответить, – вспоминает Горбатов, – присутствовавший здесь армейский комиссар ГЦаденко добавил: “По-видимому, его мало поучили на Колыме”». Естественно, что когда Мехлис «...приказал положить на стол командировочное предписание, в моей голове, – пишет Горбатов, – был уже полный сумбур»⁷.

Генерал армии Горбатов был одним из немногих, кому удалось ещё при Хрущёве сказать в своих воспоминаниях хотя бы часть правды. Даже эта небольшая часть достаточно свидетельствует об условиях, в которых командному составу приходилось начинать войну, расплачиваясь за ошибки, совершённые партийным руководством. Это были условия террора, угроз и расстрелов.

И как бы ни переписывалась ещё и ещё раз история начала войны, события июня 1941 года показали, что от конечной катастрофы партийное руководство спас не кто иной, как Гитлер, ибо только он своей преступной политикой – и по отношению к военнопленным, и по отношению к народу на оккупированной территории – помог партийному руководству и Сталину прибегнуть к последнему для них средству – призывам к патриотизму. И тем самым дал им возможность подготовиться зимой 1941/42 года перелом на фронте.

Правда о войне будет восстановлена, когда кончится партийная монополия на её историю.

Примечания

1. История КПСС. – М., 1969, – С. 479.
2. Военно-исторический журнал. – Июнь 1978. – № 6, – С. 71.
3. Попель И. В тяжёлую пору. – М., 1959– С. 137.

4. Там же. – С. 140.
5. Баграмян А. Так начиналась война. – М., 1971. – С. 43
6. Бирюзов С. Суровые годы. – М., 1966. – С. 18.
7. Горбатов А. Годы войны. – М., 1965. – С. 182–183.

Гитлер спас Сталина. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1974) С. Стеенберг

«Посев», 1975, № 2

Мне иногда задавали вопрос, зачем я, немец, написал книгу о Русском Освободительном Движении? Действительно, я думал, что это следовало бы сделать русскому, что это чисто русское дело. Но оказалось, что объективно обрисовать ситуацию нельзя без видения политического положения глазами немцев.

Я в то время был переводчиком во фронтовой дивизии, а потом при штабе армии, где мне дали задание докладывать обо всём, что происходит в районе, подчиняющемся военной администрации. Это была полоса шириной примерно в двести километров за линией фронта, где в то время и СД, и Гестапо должны были подчиняться приказам генералов. Это был довольно интересный район – Орёл, Брянск, район знаменитых брянских лесов, где действовали партизаны. Там был и известный Бронислав Каминский, который организовал самоуправление, в условиях которого жило свыше полумиллиона русских, и где организовали первые добровольческие батальоны. Я, конечно, выполнить своё задание не мог без помощи русских.

Штаб армии присылал мне важных пленных. До этого они были в тюрьмах СД или ФП (FP – Feldpolizei – военная полиция) и там с ними плохо обращались. Генерал спросил: кто их будет здесь охранять? Я ответил: мои русские сотрудники, конечно. Я выдал сотрудникам немецкую форму, нашёл значок РОА (Русской Освободительной Армии), разъяснил, что они воюют не за немцев, а за освобождение от ига Сталина. Я не мог привести их к присяге, но дело пошло и так. Часть сотрудников была из пленных, высказавших желание остаться при мне. Но приблизительно треть была из бывших засланных агентов и партизан. Я это знал, и всё-таки спал очень спокойно. При мне было всего четверо или пятеро немцев, остальные – русские. И общая, и моя личная охрана была всё время только русская.

Позже я имел аналогичное задание в районе Бобруйск – Минск, потом в Польше под Варшавой, и, наконец, на фронте на Одере. Так я в течение четырёх лет совершил поход от Берлина до Москвы и обратно. Таким образом я имел возможность больше узнать о положении и настроениях людей, чем другие немцы.

Правда, сознаюсь, до 1943 года я не знал, что ошибки, которые были совершены немцами, были не просто ошибками, а принципом. И здесь я остановлюсь на том, как вообще началась эта война.

В июле 1940 года Гитлер впервые сообщил Генштабу, что война против Советского Союза не исключена, а в знаменитом приказе № 21 от 18 декабря 1940 года говорилось, что армия должна быть готова ещё до окончания войны с Англией быстрым ударом победить Советский Союз. Гитлер думал, что война с СССР неизбежна, и лучше провести её не откладывая. Генералы, даже маршал Геринг и многие другие, как мы теперь знаем, сопротивлялись. Вернее, пробовали сопротивляться, говорили, что не следует воевать на два фронта.

Но Гитлер, как всегда, руководствовался не здравыми, а «романтическими» соображениями. Он думал, что его ведёт

Провидение, и когда он решал что-нибудь, то никто не мог изменить его решение.

Гитлер заявил, что это не простая война и к ней нельзя применять рыцарские представления, как, например, к войне с Англией, что это война между двумя мировоззрениями, и потому законы рыцарской войны к ней неприменимы. Был издан приказ расстреливать всех политкомиссаров. Армия его саботировала. Был и другой приказ, что немцев не следует судить, если они издеваются над мирным населением. И в этом отношении всё было иначе, чем,

например, во Франции.

Однако гитлеровская диктатура вовсе не была такой монолитной, как сталинская. За фасадом единства бушевала борьба за власть различных групп. У Ставки фюрера была только одна цель: безжалостное подавление и колонизация занятых земель. В Министерстве оккупированных восточных территорий Розенберг пытался проводить свои идеи о разделении СССР на несвязанные друг с другом единицы – «Остланд» (Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония), Украину, Кавказ, Туркестан и «Руссланд». Но назначенные Гитлером рейсхкомиссары, особенно Кох на Украине, саботировали эти идеи. Геббельс, со своей стороны, очень скоро понял, что политика Розенберга приносит вред, но он или не мог или не хотел противоречить Гитлеру. А Гиммлер мечтал о Великой Германии, в которой славянский «унтерменш» (в буквальном переводе – «подчеловек») будет играть роль рабочего-робота.

Гиммлер издал брошюру «Дер унтерменш», которая была прислана и к нам в штаб армии, но наш генерал сейчас же отдал приказ её уничтожить. Там было написано, что такое «унтерменш»: существо, биологически похожее на человека, но в духовном отношении стоящее ниже, чем иное животное. Эта брошюра была ужасна. А можете себе представить, как она действовала на русских, которые её читали.

Наконец, существовала группа немцев, которая отвергла все эти маниакальные планы. Причём не только по прагматическим соображениям, то есть в интересах достижения военного успеха, но и по моральным. Эта группа боролась против реализации таких планов. Начиная с зимы 1941 года группа пыталась различными путями добиться изменения официальной восточной политики. Полковник граф Штауффенберг (впоследствии руководивший заговором против Гитлера) называл эту группу «Обществом борьбы против опасного для жизни идиотизма».

Многие русские люди вначале поверили немецкой пропаганде, поверили, будто Гитлер – освободитель, и будто мы в самом деле хотим освободить народ. Ведь в течение первых шести месяцев войны было взято в плен более трёх миллионов советских военнослужащих – небывалое число в истории всех войн.

Я хочу рассказать про небольшой случай, участником которого был я сам. Наша дивизия вошла в Полтавскую область и заняла город Пирятин. Там мы соединились с другими дивизиями, которые шли с юга, и замкнули кольцо. Это окружение было самым большим в истории войны: в него попало около 850 тысяч красноармейцев. Но на нашем участке фронта, на протяжении ста километров, была только наша пехотная и ещё одна танковая дивизия. Красноармейцы могли бы перебить нас, как мух. Но они ничего не делали и охотно сдавались в плен.

Наши самолеты разбомбили грузовики Будённого. Будённый улетел, но, между прочим, его личный шофёр сам приехал к нам в штаб и передал нам машину своего начальника. Я собирал тогда сведения об этих разбитых грузовиках. В парке на краю города я неожиданно встретил около двухсот красноармейцев, частично ещё вооружённых. Я испугался. Если, думаю, убежать, будут, возможно, стрелять в спину. И я решился на «флухт нах форн» («бегство вперёд»). Спрашиваю: «Куда вы?» Они говорят: «Сдаваться». Я говорю: «Но бросьте хоть оружие». – «Хорошо, бросим». Я спрашиваю: «Кто здесь командир?» Молчат. Я говорю: «Я знаю большевицкую пропаганду о том, будто мы расстреливаем командиров, но это неверно – командир может спокойно выйти вперёд». Вышли – один майор, один капитан, несколько лейтенантов.

Я подошёл к майору, пожал ему руку, назвал свою фамилию и спросил, откуда они пришли и каково там положение? Он ответил: «В шести километрах отсюда есть деревушка и в ней стоит ещё рота, но там очень строгий комиссар. Он их не пускает, а они тоже собираются перейти». Я говорю: «Майор, берите опять оружие, сколько вам нужно, идите туда, приведите роту, и, если этот комиссар будет сопротивляться, расстреляйте его». Он говорит: «Хорошо, сделаем».

Я доложил генералу. Генерал говорит: «Они больше не вернуться». Отвечаю: «Нет, вернуться, по-моему». Через два часа они явились. Родители этого майора ранее погибли в концлагере, а он долго был у нас при штабе. Потом, к сожалению, и он погиб, наскочив на мину.

Как видите, я один в тех условиях взял в плен двести красноармейцев. Думаете, я награду

какую-нибудь получил за это? Ничего подобного. Генерал по тогдашней обстановке считал, что это вполне нормально, и я тоже так думал. Я и теперь считаю, что это были не пленные, а перебежчики.

Итак, свыше трёх миллионов. Господин Штрик-Штрикфельдт, который сидит здесь рядом, делал в то время доклад, предлагал Генштабу отпустить всех пленных, которые живут в «освобождённых», как мы тогда их называли, то есть занятых нами, районах. Это было бы, конечно, хорошим делом. Там можно было бы организовать милицию, вооружить её, и она сама не допустила бы партизанщины, которой в то время на Украине ещё вовсе и не было, а на среднем участке фронта, в лесах, сидели только некоторые партработники, которые не смогли или не успели бежать. Эти первые партизаны стремились только сохранить свою жизнь, и для нас они были безопасны.

О партизанах следовало бы говорить отдельно и подробно. Но факт, что при каждой немецкой дивизии оставались русские пленные, которых обмундировывали в немецкую форму, и они боролись на стороне немцев. 34-я пехотная дивизия в 1941 году предложила всем взятым ею пленным статус равноправных солдат. И в результате, с 1942 года почти половина этой дивизии состояла из бывших красноармейцев. Это, конечно, исключение, но показывает, какие возможности были в то время. Постепенно на стороне немцев таким образом оказалось до девятисот тысяч так называемых «хиви» (Hiwi [Hilfswilliger] – доброволец, буквально «желающий помогать»), и Гитлер ничего не знал об этом.

Словом, в начале войны немцы имели огромные политические возможности, но, увы, их не использовали. Нужно было, конечно, создавать временное российское правительство и единую, ему подчиняющуюся, Русскую Освободительную Армию, а не разрозненные русские батальоны в составе немецких дивизий под этим названием. А самое главное – указать цель войны. Не только – против чего русские должны бороться, но и за что: не только против Сталина, но и за независимую, в том числе и от немцев, Россию. В том, что это не было сделано, и заключалась страшная ошибка немецкой политики. Война была проиграна именно из-за отсутствия правильной и морально полноценной политики. Власов и его сотрудники не смогли осуществить своих планов только потому, что немцы не позволили им действовать самостоятельно. Власовское движение погибло, но его короткая жизнь была связана с тем редчайшим моментом, когда пульс истории, казалось бы, останавливается на мгновение, с которого может начаться биение нового пульса, если он будет осознан и понят. Не Сталин выиграл эту войну – Гитлер проиграл её.

Война и шахтёры Донбасса. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1974)

С. Кирсанов

«Посев», 1975, № 2

В порядке более или менее непрерывной кочёвки после выхода из концлагеря перед войной меня занесло в Донбасс, где я работал на монтаже крупной районной электростанции. Поэтому мои впечатления будут касаться встречи немецкой армии донецким пролетариатом – шахтёрами, металлургами, ну и, по моей специальности, энергетиками и монтажниками.

Каковы были тогда настроения среди рабочих? Это был период антипролетарских законов: о прогулах, о хищении на производстве. Последний в условиях Донбасса превратился в закон о «шабашках». («Шабашка» – древесные отходы на шахтах. Испокон веков между предпринимателями и рабочими существовало «джентльменское соглашение»: рабочие имели право на работе собирать отходы негодного в дело дерева.) «Шабашка» была подведена под государственное имущество, которое нельзя расхищать. Около проходной нарастали кучи, вызывались автомашины, всё это грузилось, вывозилось в степь, вызывалась пожарная команда и... «шабашка» сжигалась на кострах. Конечно, это вызывало реакцию: «Ни нам, ни людям, – как собаки на сене!»

Чрезвычайно болезненную реакцию среди рабочих вызвало и введение платы за обучение.

И вот, когда началась война, приехали уполномоченные из наркомата из Москвы, был создан штаб демонтажа. Когда незадолго до конца демонтажа понадобилось вызвать ночью рабочих на работу, то в штабе возникла паника – как идти ночью в барак рабочего общежития? Это – опасно. Меня вызвали из моей квартиры и предложили вооружённую охрану. Я выпучил глаза. Говорю: «Это смешно. Я с этими рабочими работал, я никакой охраны и никаких винтовок не буду брать». Но всё-таки мне навязали одного человека с винтовкой, который меня провожал в рабочий барак. Так что, как говорится, знала кошка, чьё сало съела.

В это время широко внедрялась советская пропаганда о зверствах наступающей немецкой армии, о том, что едет в обозе чуть ли не царь. Последнее воспринималось немножко скептически, но не враждебно. В общем, всей этой пропаганде о творимых безобразиях не верили. Среди моих рабочих было несколько евреев, так и они не уехали, остались. «Ну да, – говорят, – может быть, немец там ещё против спекулянтов или кого-нибудь действует, но мы же рабочие, чего он с нас возьмёт?» Это тоже характеризует настроения, степень доверия к партии и правительству.

Примерно за месяц до прихода немцев, где-то в сентябре, было объявлено о формировании Особой стрелковой шахтёрской дивизии имени Сталина. Это была первая дивизия, все бойцы которой были вооружены не простыми винтовками, а автоматами. Дивизию комплектовали отборными кадровыми рабочими. Ушли в неё и несколько моих квалифицированных слесарей – бригадиров-монтажников. А когда уже совсем всё откатывалось, плотина гидростанции была взорвана и вода ушла, то мы увидели следующее: весь напорный склон был усеян автоматами, противогАЗами, шлемами – комплектным вооружением бойцов Особой стрелковой шахтёрской дивизии имени Сталина. Формировалась она в Юзовке (Сталино) и направлялась на фронт через Гришино в направлении Днепропетровска. В Гришино был привал, и там бойцы, очевидно, разбрелись, и ночью по просёлочной дороге через нашу плотину вернулись в шахты.

Когда фронт был уже за нами, встречаю одного из моих рабочих, бойца этой Особой шахтёрской дивизии (Гриша, помню, звали его, прекрасный мастер был). – «Ты откуда?» – «Та я у жинки в темнице пересидел».

Через некоторое время встречаю другого. Та же самая картина. Я думаю, эти факты говорят даже больше, чем настроения колхозников, у которых в памяти ещё были живы годы коллективизации.

На следующий день (после той ночи, когда я ходил в барак к рабочим) в обед мне сказали, что те, в штабе, поскакали на машины и уехали. Так советской власти не стало. Потом выяснилось, что произошло. На нашем участке наступала итальянская дивизия, и какой-то мотоциклист с прицепом, на котором сидел второй солдат в шапочке с помпоном на длинном шнурке, заблудился, проскочил куда-то в сторону Юзовки и там болтался, не зная, как ему выбраться.

По всем каналам связи пошло: прорыв, движутся итальянские части. И все откатились примерно на пятьдесят километров. А был – один мотоциклист.

Миновала неделя, пока, наконец, подошли основные итальянские соединения, а через некоторое время и немцы.

Теперь о реакции тех же рабочих, которые остались на месте. Она (эта реакция) была двоякой. С одной стороны, многие старые кадровики, среди которых много пенсионеров, уже на второй день пришли на свои шахты-заводы разобраться, что ещё можно привести в порядок, что сделать с недовзорванным, недовывезенным... Интересно, что явились в основном старики, которые уже по десять лет не работали: «Ну да, – говорят, – чертежи увезены, пожжены, но мы ж помним, что делали, куда клали, мы всё покажем, всё расскажем. Это ж теперь не на них, это ж теперь для народа».

Другая реакция – обратного характера – наблюдалась, главным образом, у молодых рабочих, случайно не призванных. Может быть потому, что среди них был довольно высокий процент скрывавшихся, избегнувших коллективизации и раскулачивания, ибо в шахтах и на строительстве контроль был меньший и устраиваться было легче, – охотников лезть под землю не так много...

У них первым порывом было взять кувалду, молоток и всё добить, – «чтоб от этой

проклятой власти и последних следов не осталось». Так, в частности, побили несколько не-демонтированных подстанций, что потом затруднило организацию даже минимального энергообеспечения.

Вот примерно та картина, которая, наглядно показывает корни возникновения движения, которое потом получило название Власовского.

Но при этом никакой охоты за партийцами или даже за бывшими энкаведистами со стороны населения не было. «Ну да, что было, то было; они тоже служили. Махнём рукой, и пусть живут». И в общем, как правило, их никто не трогал.

Теперь о сущности Власовского движения. Почему-то большинство людей, борющихся за осуществление прав человека на основании Декларации ООН, отмечает основное право, зафиксированное в преамбуле к этой Декларации, без чего вся она была бы пустым звуком. Вот текст: «...Необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...».

Возникшее из настроений народа Власовское движение явилось предвосхитителем этой преамбулы Всеобщей декларации прав человека ООН, потому что люди взялись тогда за оружие для восстания против правительства, которое не осуществляло, а подавляло неотъемлемые права человека.

Самый длинный день **К. Александров**

«Поняв же, что не „Коммунистический Манифест“, а НКВД плюс анархо-монархо-троцкистский блок это и есть советская власть, мы поняли сразу всё и капитулировали без боя. Вместо светлых вершин коммунизма в нас вошло желание выжить, и не здесь, в немецких шталагах, а под водительством Сталина мы успели твёрдо усвоить, что жизнь – только отпуск у смерти, а свобода – отпуск из лагеря. Каждому из нас хотелось погулять в отпуску подольше, и мы готовы были говорить, что угодно, и работать на любой работе, круглое катать и плоское таскать, вывозить вручную балоны, прославлять великого Сталина переводить брошюры об иудобольшевизме, набивать снаряды для гитлеровской армии, служить в полиции и доносить друг на друга, лишь бы продлить свой отпуск у смерти, а по возможности, и из лагеря».

Роман Николаевич Редлих «Предатель»

«Посев», 2002, № 6

День летнего солнцестояния 1941 года, расколовший XX век на бесконечно далёкие друг от друга состояния до и после, неизбежно превращается в объект сухих исследований. Дата 22 июня постепенно принимает характер события, связанного с жизнью конкретного социума в контексте определённой исторической реальности. И с каждым новым десятилетием, отдаляющим нас от календарного начала германского вторжения, мы убеждаемся в том, насколько радикально меняется общество и его отношение к самой страшной войне в истории человечества. Не будет большим преувеличением заметить, что после распада СССР и формального крушения власти, самоназавшейся советской, необратимо нарушилась преемственность поколений в традиционном восприятии дат 22 июня и 9 мая.

Два десятилетия назад мобилизации сотрудников столичных УВД для пресечения всевозможных акций русских наци казались бы абсурдными, а сегодня каждый апрель отечественные СМИ уделяют больше внимания очередной годовщине со дня рождения лидера НСДАП, чем вождя РСДРП (б). Но это общий фон в чём-то закономерных внешних проявлений, свидетельствующих о безусловной коррозии общепринятых ценностных понятий. На внутреннем уровне мы наблюдаем тенденцию мучительных поисков ответа на вопросы: что же всё-таки произошло 22 июня в общественном сознании и как нам сегодня к этому относиться?

Не менее важен и другой вопрос: соответствуют ли действительности стереотипы о реакции советских людей на известие о начале войны, навязываемые сегодня властью в качестве одной из составляющих «общенациональной идеи»?

Сегодня абсолютно ясно, что «вероломным» и «неожиданным» германское вторжение оказалось лишь для народа, но не для советского военно-политического руководства, достаточно информированного о планах Германии. Другой вопрос, в какой степени Сталин и его окружение были способны адекватно оценить накапливавшиеся достоверные сведения. По меньшей мере высшее командование Красной Армии заранее сделало на их основании почти верные выводы. Более чем за месяц (!) до нападения, 15 мая 1941 года нарком обороны маршал С.К. Тимошенко и начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков в докладной записке на имя Сталина писали как о чём-то, не подлежащим сомнению: «Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 240 дивизий... В настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развёрнутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развёртывании и нанести внезапный удар». В этой связи Тимошенко и Жуков предлагали «упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет ещё организовать фронт и взаимодействие родов войск». Очень вероятно, что все последующие перемещения и развёртывания советских войск, произошедшие до 22 июня, осуществлялись в рамках вышеупомянутых предложений.

В полдень 22 июня 1941 года заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов огорошил покорных сограждан известием о «разбойничьем нападении» Германии. До этого момента А. Гитлер воспринимался, в соответствии с партийной пропагандой, не иначе как «заклятый друг». Уместно процитировать воспоминания киевского подростка: «Перед каждым фильмом непременно шёл киножурнал-боевик “Пребывание В.М. Молотова в Берлине”... Из него явствовало, что у Советского Союза нет большего друга, чем Гитлер. У советского народа есть Сталин, а затем – Гитлер. И вот Молотов едет в Германию, у нас с ней пакт о дружбе и ненападении. Его встречают в Берлине оркестрами, цветами и овациями. Изумительно маршируют гитлеровские войска. Захватывающая военная музыка. Гитлер по-братски радушно встречает Молотова, долго-долго трясёт ему руку, они о чём-то увлечённо говорят, а вокруг толпа фотографов, вспышки. И опять сногшибательно маршируют немецкие войска с развёрнутыми знамёнами, на которых – такая мужественная, дружественная нам свастика». Из речи 22 июня слушатели узнали, что Гитлер и его «старые партийные товарищи», каких называли ещё недавно, отныне просто «клика кровожадных фашистских правителей, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы». О неопределимой помощи в деле порабощения вышеупомянутых народов, оказанной Германии СССР, Молотов промолчал.

Немцы и союзники ввели в действие силы гораздо более скромные, чем изначально допускало высшее командование Красной Армии, завывсившее потенциальные возможности будущего врага на 20 %. В нападении участвовали силы противника, равные не 240, а 191 дивизии, из них в I наступающем эшелоне оперировали лишь 153, следовали во II – 13 и находились в резерве Главного командования Сухопутных сил – 25. СССР мог противопоставить агрессору на Западе сразу же около 250 дивизий: в I эшелоне – 108, во II – 62 и в резерве Главного командования – до 77 соединений, не считая серьёзного количественного превосходства в технике и других потенциальных возможностей. С учётом общей оценки состояния сил противоборствующих сторон как в целом, так и на отдельных направлениях, Вермахт мог рассчитывать лишь на временный успех, вероятно, не более чем на протяжении первых недель. В действительности же состоялся подлинный разгром Красной Армии. Окончательное политическое крушение СССР не состоялось благодаря совокупности многих причин, анализ которых выходит за рамки нашего повествования. Среди важнейших из них стоит назвать готовность высшей номенклатуры ВКП(б) пожертвовать любым количеством жизней бойцов и командиров ради сохранения собственной власти. 22 июня сталинское окружение было готово оплатить не только бесчисленными человеческими жизнями.

В кошмарные недели лета 1941 года генеральный комиссар госбезопасности Л.П. Берия в строго доверительной форме предложил старшему майору госбезопасности П.А. Судоплатову

встретиться в московском ресторане «Арагви» с болгарским дипломатом И. Стаменовым для того, чтобы согласно решению советского правительства в «процессе беседы на тему о создавшейся военно-политической обстановке» неофициальным путём выяснить: «на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск». В частности, Берия поручил Судоплатову довести до сведения собеседника готовность сталинского руководства в обмен на заключение мира рассмотреть вопрос о передаче Германии «таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек» или рассмотреть другие территориальные претензии. Сталин был готов передать партнёрам по Московскому пакту 1939 года как минимум все территории, аннексированные СССР в 1939–1940 годах. Встреча Судоплатова и Стаменова в «Арагви» за «заранее подготовленным» столиком состоялась, но осталось неизвестным, уведомили ли болгарские дипломаты германскую сторону о советских инициативах.

Историки, социологи, публицисты разных возрастов и взглядов ожесточённо спорят: как в действительности реагировал народ на известие о начале войны? Цитируются самые неожиданные документы и мемуары, публикуются неизвестные свидетельства и делаются многозначительные обобщения. Одна из дневниковых записей, сделанных 22 июня: «Речь Молотова звучала с заминками, торопливо, как будто ему не хватало дыхания. Его ободряющий призыв звучал совсем не уместно. Сразу же возникло чувство, будто угрожающе, медленно приближалось чудовище и приводило всех в ужас... Город был в панике. Люди поспешно перебрасывались парой слов, бросались в магазины и скупали всё, что попадалось под руку. Будто вне себя металась она по улицам, многие отправились в сберкассы, чтобы забрать свои сбережения... Лишь под вечер стало странно тихо. Казалось, что все куда-то забились от ужаса».

Самозабвенный патриотический порыв комсомольской молодёжи столиц и крупных городов перемежался с настроениями, зафиксированными в воспоминаниях женщины – инженера из Ростова. Речь Молотова застала её на городском рынке: «Первая мысль, которая пришла мне в голову, была: вот оно, начало конца советской власти! Я как-то не подумала, что война – это бедствие, что в войну будут втянуты мой муж и братья; всё загородила одна мысль: война выбьет большевиков из седла власти. Вероятно, так чувствовала не только я одна; на всех лицах было видно как бы радостное возбуждение, но расходились без громких замечаний».

Но не то и не другое превалировало в общественном настроении после знаменитого радиовыступления Молотова. Доминировала растерянность от услышанного. После Польши, Финляндии, Румынии, Латвии, Эстонии, Литвы казалось странным и неправильным, что СССР оказался в положении страны, подвергшейся нападению, в то время как вся пропаганда неустанно подчеркивала: «Красная Армия была, есть и будет самой наступающей из всех наступающих армий». Безжалостно истребив национальную элиту и хозяйственное крестьянство, оболгав на инквизиционных судилищах ленинскую партийную гвардию, вершителей революции и гражданской войны, обескровив для профилактики преданные кадры ВКП(б) и НКВД, сделав обязательным участие всех и каждого в преступлениях, сталинская номенклатура добилась необратимого превращения народа в безвольное, духовно опустошённое, разобщённое население. Истина, жизненные ценности, норма поведения, понятия добра и зла на текущий момент принимались им в соответствии с последними постановлениями ЦК

Справедливо рассуждал ленинградский профессор: «Советский человек легко и свободно говорит на политические темы... У него в высшей степени развит талант забвения вчерашнего дня и смены своих фиктивных убеждений по команде. Никогда не коснётся он по ошибке ни одного из многочисленных советских табу. Всегда сумеет поддержать разговор на любую тему: возмутиться вредительством, одобрительно отозваться о качествах партийного руководителя, сочувственно отнестись к поощрению индивидуального огородничества, сурово осудить разбазаривание колхозного имущества, загореться гневом, слушая о фашистских зверствах... Свои настоящие чувства он прячет так глубоко, что подчас даже и сам их не знает. Свою роль рядового советского труженика он играет так виртуозно, что и сам не всегда различает, что в нём привычная, годами исполняемая роль, а что он сам, его подлинная душа, его подлинное лицо... От советского человека требуется не только работа, но и сознательность, ясно

очерченное партией политическое лицо. За отсутствие правильного лица грозит Лубянка».

Очерченные партией и правительством в августе 1939 года контуры новой роли были ясны и понятны среднестатистическому советскому человеку. С «воодушевлением» он воспринял пакт Молотова – Риббентропа, названный в «Правде» 24 августа 1939-го «инструментом мира», соучастие собственной страны в агрессии против Польши, нападение на Финляндию, аннексию части Румынии и оккупацию государств Балтии... Интуитивно почувствовав неуверенность власти 22 июня 1941 года и быстро осознав, что «вероломное» нападение Германии на СССР почему-то не предусматривалось планами великого Сталина, советский человек растерялся, оставшись без привычной роли. Впервые обнаружилось существование каких-то внешних обстоятельств, оказавшихся более сильными, чем воля вождя или директивы ЦК ВКП(б), в данном случае – воля вождя другой партии, воплотившаяся в неожиданном грохоте дивизий Вермахта. Подобное открытие могло зародить сомнение во всеисильности и проницательности партии Сталина, поэтому сталинская номенклатура стала лихорадочно набрасывать очертания новой роли для растерявшегося населения – защитников отечества. Добросовестное выполнение предложенной роли позволяло выглядеть лояльным, обеспечивало уважение в собственных глазах, делало простыми жизнь и поступки, даже отчасти гарантировало безопасность от карательных органов.

Эта роль, которую власть принудительно предложила играть населению, проживавшему на территории некогда уникальной страны, была наиболее горькой из всех сыгранных советским человеком. Самый длинный день растянулся ещё на 1 417 похожих и непохожих на него дней. В каждый из них исполнение ролей всё более совершенствовалось, порой превосходя жизнь по трагизму переживаемого. Когда бездарный и кровавый спектакль всё-таки завершился, выжившие участники труппы даже заслужили нескольких милостивых хлопков главного режиссера, усидевшего в собственном кресле лишь благодаря их самоотверженной игре. Правда, последние актеры даже боялись предположить. Поэтому многие до сих пор наивно верят в величие и счастливый конец ослепительной трагедии, начавшейся в день летнего солнцестояния 1941 года.

Источники:

Документы фондов Российского Государственного Военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ), Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

Народ и режим в 1941-м Ю.Цурганов

«Посев», 1999, № 10

Сегодня новому поколению внушается мысль: «Поразительные успехи немецких войск и пугающие неудачи Красной Армии в первые недели войны сблизили всех советских людей, понимавших, что именно сейчас решается судьба Отечества: с победой Германии рухнет не просто советская власть или сталинский режим, будет уничтожена Россия... Общее настроение сблизило советских людей, сделало их похожими на единую семью»¹.

Какие социологические опросы, какие исследования общественного мнения позволили делать заявления о том, что чувствовали и что понимали «все» советские люди? Таких опросов и таких исследований не было и быть не могло. Но есть доказанные факты, которые свидетельствуют об отсутствии единомыслия в советском обществе. Любимое слово постсоветских историков – «неоднозначное» – действительно уместно, когда речь идёт об отношении граждан СССР к германскому вторжению.

Допустим: «общее настроение сблизило советских людей, сделало их похожими на единую семью». Что же дальше? «Это почувствовал и Сталин. 3 июля 1941 года он обратился к народу со словами “Братья и сёстры...”, возложив на себя тем самым, в глазах большинства людей, нелёгкую долю главы огромной семьи – Отечества, попавшего в смертельную

опасность»². Даже если «общее настроение» действительно сблизило советских людей в ходе войны, то это, во всяком случае, не могло проявиться в течение первых двух недель – к 3 июля. Даже в советской литературе писали об атмосфере всеобщей растерянности. Что мог «почувствовать» Сталин? Его знаменитая речь, начинающаяся словами «Братья и сёстры» – это не стремление следовать сложившимся в обществе настроениям, а попытка создать выгодные Сталину настроения.

Первым к населению СССР в связи с начавшейся войной обратился не Сталин, а Молотов. Это было 22 июня. Он охарактеризовал войну как «отечественную». Так называли и называют войну 1812 года, в которой, помимо регулярной армии, активное участие принимало гражданское население. Такой характер войны проявился не сразу, и только когда участие в ней гражданских лиц стало очевидным фактом, это дало основание властям и историкам говорить о её «отечественном» характере. В отношении же 1941 года «телега поставлена впереди лошади».

Зарубежные историки много писали о том, что у части военнослужащих Красной Армии проявилась тенденция связывать с германским вторжением возможность освободиться от сталинских порядков. Много писали о добровольной сдаче в плен, о переходе на сторону германских войск³.

Советские критики утверждали, что все эти истории придумали себе в оправдание «гитлеровские недобитки» и их пособники.

Цифры и факты, приводимые зарубежными учёными, также полагали сомнительными, так как они взяты не из документов, хранящихся в архивах СССР. Расчёт был прост – правда только в наших архивах, а вы до них всё равно никогда не доберётесь.

Но после краха КПСС архивы стали открываться, документы публиковаться⁴. И выяснилось, что они в принципе подтверждают данные зарубежных исследований.

Стимулирование героизма

По определению советских энциклопедических изданий, любой героизм имеет классовое содержание. Его высшей формой считается социалистический (советский) героизм. Можно, однако, добавить, что это явление в годы войны имело целую систему стимулов.

21 октября 1941 года Военный совет Западного фронта внёс на рассмотрение Сталина предложение: «Первое – Боец или командир за уничтоженный танк противника... награждается 1 000 рублями. За уничтожение 3-х танков противника, кроме того, представляется к награждению орденом Красной Звезды...»⁵

И так далее, вплоть до представления к званию героя Советского Союза за уничтожение десяти и более танков. Этот документ был подписан командующим Западным фронтом генералом армии Г.К. Жуковым. Аналогичную систему поощрений Военный Совет установил для санитаров-носильщиков.

Не только поощрения

Разумеется, использовались не только поощрения. Среди первых законодательных актов периода войны – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По этому указу предусматривалось тюремное заключение от двух до пяти лет для гражданских лиц. Применительно к Вооружённым Силам Указ имел более жёсткий характер. Наравне с паническими слухами под его действие попадали антисоветские высказывания, пораженческие и антикомандирские настроения. Политические, особые и карательные органы относили их к разряду «контрреволюционных деяний»⁶.

16 июля 1941 года появился приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0019, который признавал наличие многочисленных элементов, добровольно сдающихся противнику, в то время как число стойких командиров оценивалось как не слишком большое.

Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 года ещё раз подтверждал наличие в Красной Армии «неустойчивых элементов», в том числе и среди начальствующего состава. Сообщалось о сдаче в плен командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Понеделина и командира XIII

стрелкового корпуса генерал-майора Кириллова⁷.

Трофейный бюллетень германской армии от 14 января 1942 года в разделе «Опыт войны на Востоке» давал такую характеристику морально-политическому состоянию солдат РККА: «Как правило они борются не за какой-нибудь идеал, не за свою Родину, а из страха перед начальством, в особенности перед комиссаром... Наступающая пехота компактными группами покидает свои пехотные позиции и с большого расстояния устремляется в атаку с криком “Ура”. Офицеры и комиссары следуют сзади и стреляют по отступающим»⁸. Следует отметить, что это не передовица из нацистского официоза «Фёлькишер беобахтер», а специальное издание, предназначенное для внутреннего пользования. В таких документах, как правило, не остаётся места агитации и пропаганде.

«Неблагодёжная прослойка»

Случаи дезертирства, добровольной сдачи в плен наиболее часто встречались среди лиц, призванных с территорий, насильственно присоединённых к СССР в 1939–1940 годах.

26 июня 1941 года Управление политической пропаганды Юго-Западного фронта сообщало начальнику Главного Управления политической пропаганды (ГУПП) РККА армейскому комиссару I ранга Мехлису: «Не прекращаются факты паники среди отдельных командиров и красноармейцев... Из частей поступают сведения о том, что отдельные красноармейцы приписного состава, особенно из западных областей УССР, панически настроены, пытаются уклониться от службы в Красной Армии, дезертируют...»⁹

3 июля 1941 года последовало очередное сообщение: «За период с 29 июня по 1 июля с.г. 3-м отделом ЮЗФ (Особым отделом НКВД при Управлении Юго-Западного фронта – Ю.Ц.) задержано дезертиров – 697 человек, в том числе 6 человек начсостава. В частях 6-го стрелкового корпуса во время военных действий задержано дезертиров... до 5 000 человек. В 99-й стрелковой дивизии из числа приписников Западных областей УССР во время боя 80 человек отказались стрелять... Командир роты 895-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии... во время боя самовольно снял роту с фронта и пытался отходить...»¹⁰.

Красноармейцам, которые были уроженцами «западных областей БССР и УССР», было посвящено специальное донесение. Его составил начальник Политуправления Западного фронта для Военного совета фронта. Он сообщал, что среди этой части военнослужащих «с первых дней боёв вскрыты довольно значительно распространённые пораженческие и антисоветские настроения»: «...нарисовали на одежде свастику...»; «...открыто заявил, что стрелять в немецких фашистов не будет...»; «...восхваляли Гитлера...»¹¹.

Автор донесения делает попытку социального анализа этих явлений: «В 220-й мотострелковой дивизии (Орловский округ) перед началом боевых действий было 3 400 человек, из них – 300 поляков и немцев, 800 человек имели родственников за границей и 600 человек имели репрессированных НКВД родственников. Из этих красноармейцев 1 600 человек отчислены в запасные части. В 232-й стрелковой дивизии изъято 130 таких красноармейцев. В 187-й стрелковой дивизии под особым наблюдением находятся 230 человек»¹².

В конце донесения сделан обобщающий вывод: «Все эти факты требуют, чтобы по отношению к этой неблагодёжной прослойке красноармейцев принимались организационные меры заранее, не выводя таких красноармейцев на Западный фронт. Правильным решением этого вопроса будет: отправка их на службу в глубокий тыл, а по отношению к наиболее активной части – решительные репрессивные меры»¹³.

Не только «неблагодёжные»

Впрочем, подобные явления наблюдались не только среди лиц, призванных в армию с недавно присоединённых к СССР территорий. Командование 15-й железнодорожной бригады предоставило данные о том, что бригада во время эвакуации складов из города Ровно потеряла от бомбардировки 40 % личного состава. Проверкой было установлено, что бригада потеряла всего десять человек, а остальные разбежались. «Сейчас всё внимание нач. состава и политработников направлено на ликвидацию паники, повышение бдительности, наведение

строгости порядка и организованности на дорогах, воспитание в войсках мужества, героизма и наступательного порыва...»¹⁴.

Если все перечисленные случаи, несмотря на внушительность цифр, и можно представить как «отдельные минусы», то последняя фраза не оставляет сомнения в истинных масштабах явления. Она даёт понять, куда было направлено «всё внимание» командиров и комиссаров. Автор документа приводит четыре положения, каждое из которых относится к наведению порядка в собственных рядах. Организация сопротивления наступающему противнику здесь даже не упоминается.

В очередном сообщении Мехлису от 6 июля 1941 года говорилось, что в период с 22 июня по 1 июля (за восемь дней) из частей 26-й армии разбежалось до четырёх тысяч человек¹⁵. А 17 июля сообщалось, что в расположении только одного (VI стрелкового) корпуса за первые десять дней войны задержано пять тысяч дезертиров¹⁶.

«Коммунисты, вперёд?»

15 июля 1941 года появилась директива № 080 ГУПП «О повышении авангардной роли коммунистов и членов ВЛКСМ в бою». В документе говорилось, что «во многих случаях коммунисты и комсомольцы не только не дают отпора подлым трусам и паникёрам, но и сами являются инициаторами позорного оставления поля боя»¹⁷. Приводились конкретные примеры. «Многие политорганы, – сказано далее, – во время боевых операций потеряли связь с коммунистами и комсомольцами, перестали быть организующей силой и потому оказались неспособными дать сокрушительный отпор трусам и паникёрам»¹⁸.

Эта же директива предписывала всему политическому аппарату, партийным и комсомольским организациям «повести решительную борьбу с паникёрами, трусами, шкурниками и пораженцами, невзирая на лица». Таковых предстояло «немедленно изгонять из партии и комсомола и предавать суду Военного трибунала»¹⁹. С содержанием этой директивы предписывалось ознакомить всех коммунистов и комсомольцев. Автор документа – Мехлис – требовал доносить ему о ходе работы и достигнутых результатах каждые три дня.

«Паникёрство», «трусость» и «шкурничество» – свойства природы, имеющие мало общего с политикой. «Пораженчество» – понятие совершенно иного плана, это сознательно занятая политическая позиция. Словосочетание «невзирая на лица» свидетельствует о том, что жертвы кампании могут быть выше по рангу, чем преследователи. И если охоту предстояло вести всему политическому аппарату, партийным и комсомольским организациям, то это явно указывает на высокий уровень людей, дерзнувших искать нестандартные политические решения в ходе начавшейся войны.

15 июля 1941 года вышла ещё одна директива ГУПП (№ 081). В ней анализировались итоги партийно-политической работы за три недели войны: «Многие работники политорганов и заместители командиров по политчасти предпочитают отсиживаться в штабах, мало бывают в частях, плохо борются с явлениями неорганизованности, растерянности, паники, недисциплинированности и преступной потери бдительности. Коммунисты и комсомольцы нередко не являются примером стойкости и упорства в бою, плохо поднимают ярость всех бойцов и командиров против паникёров, трусов и дезертиров...»²⁰ О наступающем противнике речь не ведётся. Всё внимание опять же направлено на то, чтобы навести порядок в собственных рядах.

Обращает на себя внимание ещё один тезис: «Армейская печать увлекается односторонним освещением фактов героизма и мужества, забывая о политическом и воинском воспитании личного состава»²¹. Не будем уподобляться советским агитаторам, которые просто отрицали факт существования тех явлений, которые противоречили их концепции. Признаем, что армейской печати РККА явно было что освещать в плане героизма и мужества рядовых и командиров. В конце концов, именно большие потери немцев, вызванные ожесточённым сопротивлением частей Красной Армии, заставили командование Вермахта пойти на создание Восточных войск, то есть пополнять свои ряды добровольцами из числа советских граждан. Важно другое. Советским пропагандистам было недостаточно одного только мужества и героизма, если за этим не стояла политика партии. Мало того, что боец Красной Армии,

руководствуясь своими представлениями о долге и целесообразности, защищает страну. Он должен защищать ещё и режим, хочет он того или нет. И об этом должны были позаботиться политические органы в войсках.

Директива ГУПП № 081 содержала похожие предписания: «Глубоко разъяснить всему личному составу вероломный разбойничий характер войны со стороны Германии, показать, что нападение фашистов – это иноземное нашествие, против которого, как и в 1918 году, на Отечественную войну поднялся весь советский народ»²².

Как это понимать? Один только факт германского вторжения ещё не достаточное основание для сопротивления? Необходим разговор о характере этого вторжения, то есть о том, что перемен к лучшему он не несёт?

Невольно сказанная правда

Ссылка на 1918 год заслуживает отдельного рассмотрения. Официальный день рождения Рабоче-Крестьянской Красной Армии – 23 февраля 1918 года. В этот день, согласно большевицкой мифологии, сложившейся позже, были одержаны первые «победы» под Псковом и Нарвой над кайзеровскими войсками. Однако 25 февраля 1918 года в «Правде» появилась статья Ленина «Тяжёлый, но необходимый урок». Основная тема публикации – «гигантское разложение быстро демобилизуемой армии, уходящей с фронта»²³. Большевицкий лидер пишет о получаемых им «мучительно-позорных сообщениях об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать всё и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве»²⁴.

3 марта 1918 года большевики подписали с немцами «похабный», по выражению самого же Ленина, сепаратный мир в Брест-Литовске. Без боя было сдано 750 тысяч квадратных километров (территория, вдвое превышающая размеры Германской Империи), где проживало 26 % населения России, производилось 37 % сельскохозяйственной продукции, было сосредоточено 28 % промышленных предприятий. Договор был дезавуирован большевиками только в ноябре 1918 года после окончательного разгрома Антантой германских Вооружённых Сил. Таковы обстоятельства «борьбы против иноземного нашествия» в 1918 году. Большевицкие агитаторы периода II мировой, сами того не желая, сказали правду о 1941-м годе, сравнив его с 1918-м. Повторялось очень многое, включая намерение советской стороны добиться прекращения военных действий путём территориальных уступок.

И, опять же, «Отечественная война». Мехлис обязывает своих подчинённых довести до сведения народа, что он (народ) в едином порыве поднялся на борьбу.

Как это имело место в период гражданской ...

Ещё больше поражает откровенностью Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в РККА»²⁵. Новые военные условия, – говорилось в документе, – требуют того, чтобы была повышена роль и ответственность политработников – «подобно тому, как это имело место в период гражданской войны против иностранной интервенции».

Институт комиссаров действительно сыграл огромную цементирующую роль в Красной Армии в период гражданской войны. Комиссары были приставлены к военачальникам и следили: во-первых, чтобы «военспецы» – бывшие царские офицеры – не начали подыгрывать белым; во-вторых, чтобы командиры «из народа» не заболели «бонапартизмом», не превратились в самостийников, которым уже нет дела до ленинского Совнаркома и ЦК партии. Иными словами, комиссары следили за тем, чтобы Красная Армия не развалилась.

И очень примечательно, что в 1941 году снова вспомнили про комиссаров. Историческая параллель, приводимая в указе от 16 июля, вполне уместна. II мировая война действительно включала для Советского Союза элемент войны гражданской.

Переходящие на немецкую сторону группы красноармейцев и представители комсостава объясняли свой выбор в том числе и политическими мотивами – неприятием советской власти.

Тем, кто был взят или сдался в плен, тоже не были чужды антисоветские настроения. В лагерях военнопленных составлялись петиции на имя первых лиц Рейха. В них выражалось стремление включиться в борьбу против сталинского режима. Такие послания скреплялись тысячами подписей, в том числе и генеральскими. Составлялись проекты создания русского национального правительства и его вооружённых сил.

Подобные проекты возникали независимо друг от друга в разных местах на всём протяжении советско-германского фронта, практически повсеместно в оккупированных немецкими войсками районах СССР.

Советская пропаганда отстаивала тезис: «В годы Великой Отечественной войны проявилось небывалое единство народов Советского Союза, его преданность социалистической Родине, партии, правительству и лично товарищу Сталину». Но это для торжественных митингов и газетных передовиц. Сами партийные пропагандисты понимали, что произошёл рецидив гражданской войны. Потому они и призывали к использованию в боевых условиях методов, «подобно тому, как это было в период гражданской...»

ВКП(б) не доверяла армейским командирам

Директива № 206 от 19 августа 1941 года в тревожном тоне сообщала, что за последнее время участились случаи отдачи письменных приказов и распоряжений за единоличными подписями командиров. Членам Военных советов, военным комиссарам и представителям политорганов впредь предписывалось следить за тем, чтобы «строжайшим образом» соблюдалось положение о военных комиссарах.

Оно обязывало все приказы по полку, дивизии, управлению и учреждению подписывать не только командиру, но и военному комиссару²⁶.

Директива Сталина и Мехлиса № 090 от 20 июля 1941 года о задачах военных комиссаров и политработников в Красной Армии предписывала: «...Быть на деле глазами и ушами большевистской партии и Советского правительства, самыми бдительными и осведомленными людьми в частях... Помогать командиру разрабатывать боевой приказ, строго контролировать проведение в жизнь всех приказов высшего командования. Своевременно сигнализировать Верховному Командованию и правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника... Никакое событие или явление не должно быть для комиссара случайным и неожиданным... Железной рукой насаждать революционный порядок...»²⁷

Приказ напоминал, что военные комиссары, наряду с командирами, несут всю полноту ответственности за случаи «измены и предательства в части». Комиссарам предписывалось взять «под неослабный контроль» тыловые службы всех уровней: штабы, связь, склады, органы снабжения, обозы; объединить и координировать работу военных трибуналов, военной прокуратуры и особых отделов, «проникать во все закоулки»²⁸.

Далее: «Очистить все части от сомнительных людей, учтя при этом, что среди призванных с западных областей Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников... Выходящих из окружения в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтики... тщательно проверять совместно с особыми отделами...»²⁹

Этому документу вторила директива ГлавПУ № 012 от 17 сентября 1942 года, где сообщалось: «Многие политработники не сумели организовать разъяснительной работы по вопросам дружбы народов СССР и роли великого русского народа как старшего брата народов Советского Союза... Слабостью партийно-политической и воспитательной работы в значительной степени объясняется рост чрезвычайных происшествий, наличие фактов невыполнения боевых приказов, членовредительств, дезертирств и измены Родине со стороны некоторой части красноармейцев нерусской национальности»³⁰. В процессе ликвидации данных «упущений» предписывалось обратить особое внимание на бойцов и командиров «закавказских и среднеазиатских национальностей».

Донесение № ВС/0069 Военного совета 30-й армии Военному совету Западного фронта от 6 сентября 1941 года сообщало уже не просто о случаях дезертирства и о наличии

пораженческих и антисоветских настроений. Речь шла о переходе к немцам: «В армии имеют место факты переходов к немцам... не только отдельных лиц, но за последнее время есть случаи, когда этот переход совершали организованно целые даже группы, так, например: 27 августа в 903-м стрелковом полку из 8-й роты... 31 августа – тоже, с оружием... из 3-го взвода разведроты штадива 242...»³¹.

Особый интерес представляет объяснение, которое дали этим фактам авторы документа – командующий 30-й армией генерал-майор Хоменко и член Военного совета бригадный комиссар Абрамов: «Все эти позорные для нашей армии факты объясняются потерей бдительности и политической беспечностью командно-политического состава и работников Особых органов НКВД...»³². Это довольно откровенное указание авторитетных лиц на то, что именно обеспечивало боеспособность Красной Армии или служило причиной отсутствия боеспособности. Военный совет 30-й армии просил Военный совет фронта обязать соответствующие органы производить дальнейшее комплектование действующих армий людьми, тщательно проверенными в политическом отношении.

23 сентября 1941 года появилась директива Штаба Орловского Военного округа № 006901, касающаяся отсева определённых групп личного состава при формировании воинских подразделений. О выполнении этой директивы политотдел 323-й стрелковой дивизии докладывал 12 декабря 1941 года в политотдел 10-й армии Западного фронта.

Указывалось на семь категорий отсеянных при формировании дивизии: «участники банд Антонова (участники антибольшевицкого крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1921 году – Ю1(.); судимые; раскулаченные; из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики; отказавшиеся от отправки на фронт; проявившие антисоветские настроения; по состоянию здоровья»³³. Как видно, только последняя категория не имеет социально-политического подтекста.

2 ноября 1941 года начальник Можайского сектора НКВД докладывал члену Военного совета Западного фронта Н. Булганину, что 9 октября под Вязьмой двадцать немецких автоматчиков взяли в плен до четырёхсот красноармейцев³⁴.

21 ноября тот же источник сообщал, что из пленных красноармейцев, содержащихся в Добрино, 20 % в плен попали случайно, а остальные сдались, имея на руках немецкие листовки³⁵.

Весьма показательным в данной связи представляется приказ начальника Главного политического управления РККА Мехлиса от 10 декабря 1941 года. В документе сказано: «Лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” может неправильно ориентировать некоторые прослойки военнослужащих... Со всех без исключения военных газет снять в шпигеле лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” и заменить его лозунгом “Смерть немецким оккупантам!”. Лозунг “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” ставить только на литературе, издающейся для войск противника»³⁶.

Директива № 303 от 20 декабря 1941 года предписывала начальникам политуправлений фронтов, округов и армий заменить на знамёнах воинских частей словосочетание «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» лозунгом «Смерть немецким оккупантам!»³⁷.

В условиях войны сталинское руководство меняло привычные лозунги. «Пролетарские» призывы использовались во время тщетных попыток разжечь мировую революцию. Теперь большевики оказались в ситуации, когда привычные лозунги оказались опасны для них же самих.

Начиная с 1917 года большевики целенаправленно уничтожали историческую память русского народа. История страны «начиналась» у них с I съезда РСДРП. Древнерусские князья рассматривались только как феодалы, знаменитые российские полководцы – как «пособники царизма». В качестве «прогрессивных деятелей» прошлого преподносились организаторы революций и основоположники марксизма.

Определённые перемены начались в середине 1930-х годов. Идеология претерпевала трансформацию. Произошла «реабилитация» Александра Невского, мощи которого в своё время были выброшены из Лавры, некоторые цари стали преподноситься как прогрессивные исторические деятели. К середине 1930-х Сталин уже вполне сложился как диктатор и ему, конечно, было желательно иметь соответствующую политическую родословную. Он хотел

восприниматься как продолжатель дела создателей империи, а не социалистов-утопистов.

Отсюда интерес к Ивану Грозному и Петру I (к Петру отношение было более осмотрительным – западник всё-таки). В XIX веке «достойных» царей не нашлось, и в ход пошли полководцы и флотоводцы: Суворов, Кутузов, Ушаков, Нахимов. Адмиралу Корнилову «не повезло» с фамилией. Школа историков-марксистов, возглавлявшаяся М. Покровским, была разгромлена. Они недооценивали значение личности в истории и всё внимание уделяли социально-экономическим процессам и народным массам. Новый историк № 1 Е. Тарле демонстрировал иной подход, он прославился благодаря монографиям «Наполеон» и «Талейран». Чем дальше, тем больше вождь входил во вкус. Вводились всё новые и новые символы, напоминающие о дореволюционной России.

Готовясь к большой войне, Сталин реабилитировал патриотизм. Одною марксизма-ленинизма было бы явно недостаточно для поднятия боевого духа. Началась частичная реконструкция памяти о прошлом.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона даёт следующее определение патриотизма: «Любовь к отечеству, вытекающая из сознания солидарности интересов граждан данного государства или членов данной нации. Чувства привязанности к родине и родному народу проникнутые просвещённым пониманием умственных и нравственных потребностей народа...» Проблема российского патриотизма в XX веке обретала особую остроту дважды: в период революции и гражданской войны и в период II мировой войны. Причём в последнем случае в стране господствовал политический режим, который в период своего становления имел ярко выраженную антинациональную окраску. Достаточно сказать, что в документах ЧК можно встретить фразу: «расстрелян как явный белогвардеец и патриот».

С учётом этого сталинская ставка на использование образов и символов русского дореволюционного прошлого выглядит как идеологическое мародёрство.

После 22 июня эта тенденция усилилась. Директива № 0178 от 14 ноября 1941 года содержала тематику лекций для личного состава Вооружённых Сил: «Героическое прошлое русского народа»; «Александр Невский. Ледовое побоище»; «Дмитрий Донской. Куликовская битва»; «Минин и Пожарский»; «Александр Суворов»; «Разгром Наполеона. Михаил Кутузов». Ну и конечно: «Под победоносным знаменем великого Ленина – на полный разгром немецких захватчиков»; «Товарищ Сталин – организатор и вождь борьбы Красной Армии с немецкими захватчиками»³⁸.

Идейные враги

Специальное сообщение особого отдела НКВД 10-й армии Западного фронта от 5 января 1942 года давало информацию о случаях отказа от принятия присяги. В документе даже приводятся высказывания, которыми отказавшиеся присягать мотивировали своё решение: «У меня нет врагов. Стрелять мне не в кого. Если попадётся даже сам Гитлер – я всё равно стрелять не буду». «Присягу принимать не буду. Убивать гитлеровцев также не буду, потому что колхоз сделал меня пастухом»³⁹.

Следует отметить, что это происходило уже после того, как немцы были остановлены под Москвой, и шок от

внезапности нападения прошёл. Побудительным мотивом к отказу от присяги не может считаться и трусость, которой можно было бы объяснить, например, массовое дезертирство первых недель войны. Люди, о которых сообщается в документе, должны были понимать, что их ждёт после такого шага. В данном случае мы имеем дело с идейными врагами советского режима.

Распоряжение начальника политуправления Юго-Западного фронта дивизионного комиссара Галаджева от 9 декабря 1941 года касалось подбора добровольцев для выполнения заданий в тылу противника. В документе сообщалось, что этот предлог используется для перехода на сторону немцев. Галаджев предлагал перед отправкой на задание всесторонне изучать всех добровольцев. Из их состава было предложено отчислять тех, кто не внушал политического доверия⁴⁰.

Выполнению той же задачи должна была способствовать директива № 287 от 16 декабря

1941 года. Она посвящалась усилению воспитательной работы в разведывательных подразделениях. Документ сообщал об инцидентах, которые были подразделены на несколько категорий:

1) переходы разведгрупп на сторону немцев. Это, в частности, касалось красноармейцев, семьи которых проживали на оккупированной территории (920-й стрелковый полк Калининского фронта);

2) отказ открывать огонь по сослуживцам, которые переходят к немцам (529-й полк 163-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта);

3) переходы к немцам, сопровождающиеся убийством политработников (312-й полк 26-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта)⁴¹.

В связи с этим последовал приказ: «Комиссарам соединений, частей, начальникам политотделов совместно с работниками штаба в 10-дневный срок проверить весь личный состав разведывательных подразделений. Работу провести без всякой шумихи и всех политически сомнительных и не отвечающих требованиям разведывательной службы лиц из разведывательных подразделений изъять.

Разведывательные подразделения укрепить проявившими себя в боях коммунистами, комсомольцами, беспредельно преданными нашей Родине. Создать в разведывательных подразделениях крепкие партийные и комсомольские организации. Во все разведывательные взводы полков назначить политруков... Добиться, чтобы все разведчики знали хорошо приказ Ставки Верховного Главного Командования № 270 и применяли бы его на деле в отношении изменников Родины... Перед отправлением разведывательных подразделений... комиссарам... лично беседовать с разведчиками... обеспечивать политическим руководством. В каждую разведывательную группу обязательно выделять одного из лучших политруков или заместителей политруков. Следить за тем, чтобы в разведку не посылались бойцы, семьи которых находятся на занятой противником территории...»⁴²

Подобные распоряжения исходили не только от главного органа политического управления. Аналогичные документы создавались и местными начальниками: «...Всесторонне изучать всех добровольцев. Отчислять из состава добровольцев лиц, не внушающих политического доверия»⁴³.

Особого комментария заслуживает упомянутый приказ № 270 от 16 августа 1941 года. В документе говорилось:

Во-первых, семьи командиров и политработников, сдающихся в плен, дезертирующих в тыл, срывающих знаки различия, подлежат аресту. (Это означало коллективную ответственность членов семьи. Отныне каждый командир и политработник знал, что его ближайшие родственники – заложники в руках советской власти. Их судьба будет зависеть от того, как он будет себя вести. Проявит нелояльность – погубит семью. Сегодня пишут о том, что боевой порыв Красной Армии обеспечивался советским патриотизмом. Факты говорят о другом.)

Во-вторых, сдающиеся части Красной Армии подлежат уничтожению всеми средствами, как наземными, так и воздушными. (То есть бить по своим, лишь бы они не оказались в немецком плену. Это вообще в комментариях не нуждается.)

В-третьих, семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишаются государственного пособия и помощи. (Это, конечно, ещё не арест, как в случаях с семьями командиров и политработников. Но уровень жизни в СССР был крайне низким. Семья, из которой взрослые мужчины ушли на фронт, не могла обеспечить себе даже биологическое существование, не говоря уже о большем. Существование обеспечивалось за счёт государственного пособия за ушедших на фронт членов семьи. При этом в СССР государственным было всё, никаких иных источников заработка. И если семью лишить пособия, то это означало обречь её на медленную голодную смерть. Каждый красноармеец это понимал и должен был делать выводы.)

Приказ № 270 зачитывали в войсках, но он не предназначался для печати. Он был настолько одиозен, что и после войны его не решилось опубликовать ни одно из поколений советских историков. Это произошло лишь в 1990-е годы. Приказ № 270 не был единственным в своём роде. Были и другие «драконовские» постановления схожего содержания, например, приказ № 0019 от 16 июля 1941 года.

Количество людей, которые подлежали репрессиям в связи с новыми постановлениями, было, по всей видимости, очень велико. Преследуя военнослужащих, можно было нанести ощутимый урон всей армии. Очевидно, именно это соображение заставило Сталина и Шапошникова подписать 4 октября 1941 года приказ «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями». Какое-либо другое объяснение появлению такого документа дать сложно. Обычно вождь на репрессии не скупился и действовал по принципу: лучше по ошибке уничтожить невинного, чем пропустить виновного.

Указание Главного политуправления по отбору танковых экипажей, последовавшее 12 августа 1941 года, начинается без всяких предисловий: «В экипаж отбирать военнослужащих, беспредельно преданных нашей Родине, большевистской партии и Советскому правительству... которые никогда и ни при каких обстоятельствах не сдадут танк врагу...»⁴⁴

Экипаж предписывалось составлять из коммунистов, комсомольцев и «непартийных большевиков». В состав экипажей запрещалось включать лиц, относящихся к следующим категориям:

а) призванных из «западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины» (то есть насильственно присоединённых к СССР в 1939–1940 годах);

б) вернувшихся с территории, занятой немцами, а также военнослужащих, вышедших из окружения одиночками или группой, «но внушающих сомнения» (то есть тех, кто временно выбывал из-под неусыпного контроля советской власти и теоретически мог выходить на контакт с немцами);

в) отбывавших наказания по суду и лиц, имеющих репрессированных родственников.

Отбору членов экипажей должна была предшествовать «массовая политическая работа, имеющая целью создать патриотический подъём». Работу по отбору предписывалось проводить путём беседы с каждым бойцом⁴⁵.

В состав комиссий по отбору танковых экипажей предстояло включить представителей ГлавПУ, особого отдела НКВД и комиссара части. Весь состав комиссии наравне с командованием части нес ответственность перед наркомом обороны за людей, отобранных в состав экипажа. О проделанной работе комиссия должна была составлять отчёт по каждому экипажу в отдельности, с краткой характеристикой на каждого человека.

Очевидно, политически благонадёжных и одновременно профессионально подготовленных водителей не хватало. Директива № 208 от 19 августа 1941 года предписывала начальникам политуправлений округов выявлять руководящих комсомольских работников, служивших ранее танкистами и шофёрами. Таковых предполагалось сводить в отдельные подразделения и «не отправлять ни одного человека без указаний ГлавПУ РККА»⁴⁶. Каждый такой человек был на вес золота, такие кадры нельзя было разбазаривать. Однако и здесь: доверяй, но проверяй. Директива № 0112 от 19 августа 1941 года о порядке мобилизации в РККА «коммунистов-шофёров» предписывала проводить её через обкомы ВКП(б) «с участием прокуроров» (!)⁴⁷.

Какие же свидетельства дают советские документы о поведении бойцов и командиров РККА на немецкой стороне? В Войцевичах (Западная Белоруссия) немцы обучали пленных красноармейцев строевой подготовке, перебежкам и самоокапыванию. Часть пленных использовалась в качестве подносчиков патронов, связных и сапёров. 1 января 1942 года разведка 330-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного фронта донесла: «В районе деревень Мокрая, Шиловка, Хумы, Высокая располагается немецкий полк (пехотный), состав которого на 75 % украинцы, прошедшие подготовку и принявшие присягу врага. Полк одет в обмундирование Красной Армии, за исключением шинелей и винтовок»⁴⁸.

Численность компартии – управляемый рост

Для поднятия боевого духа и демонстрации роста советского патриотизма Центральный Комитет ВКП(б) изменил 19 августа 1941 года условия приёма в партию красноармейцев и командиров действующей армии. Раньше по уставу ВКП(б) для того, чтобы стать кандидатом в члены ВКП(б), требовались рекомендации трёх коммунистов с трёхлетним стажем, причём они должны были знать товарища по совместной работе не менее года. Теперь разрешалось при

вступлении в партию представлять рекомендации трёх коммунистов с годичным стажем, и они могли знать рекомендуемого менее одного года. В воинские парторганизации начался приток коммунистов. ВКП(б) с гордостью называла миллионные цифры. Увеличение её рядов пропаганда связывала с высоким чувством долга и сознательностью людей.

Процесс роста численности компартии за счёт военнослужащих РККА был управляемым. Например, 16 ноября 1941 года начальник политуправления Юго-Западного фронта специальным распоряжением потребовал от начальников политотделов 3, 6, 13, 21, 38 и 40-й армий донести, как выполняется директива Главного политуправления РККА № 142 о росте партии. Дивизионный комиссар требовал от своих подчинённых показать рост притока заявлений после ознакомления личного состава с докладом Сталина по поводу 24-й годовщины октябрьской революции⁴⁹.

Параллельно шёл процесс исключения из ВКП(б). 10 марта 1942 года начальнику Политуправления Юго-Западного фронта была подана докладная записка о работе партийной комиссии при политуправлении фронта. За период с 22 июня 1941 года по 10 марта 1942-го комиссия приняла в члены и кандидаты в члены ВКП(б) 127 человек, исключила 215 человек. К докладной записке прилагалась сводка – сколько человек и за какие проступки было лишено звания коммунистов:

- «1) Трусость в бою и невыполнение приказа – 36 человек;
- 2) Осуждено военным трибуналом – 50;
- 3) Уничтожение партийных документов и личного оружия – 75;
- 4) Сдача в плен с оружием – 23;
- 5) Нарушение воинской дисциплины и самовольные отлучки – 4;
- 6) Скрытие судимости, бегство из-под стражи – 1;
- 7) Контрреволюционные высказывания – 1;
- 8) Дезертирство с поля боя – 4;
- 9) Халатное отношение к служебным обязанностям – 2;
- 10) Неискренность – 9;
- 11) Пьянство и бытовое разложение – 8;
- 12) Притупление бдительности, беспечность – 2»50.

Даже если из перечисленных двенадцати статей считать политическими только четыре – 2, 3, 4 и 7-ю, то получается, что «за политику» было исключено 149 человек. Это составляет 69,3 % от общего числа исключённых. Таким образом, за означенный период было принято в члены и кандидаты в члены ВКП(б) 127 человек, исключено за бытовые преступления и нарушение воинской дисциплины 66 человек, исключено по политическим причинам 149 человек.

В этом же документе приводится статистика дел о проступках коммунистов, по которым объявлены партвзыскания без исключения из ВКП(б):

- «1) Утеря, уничтожение и порча документов и личного орудия – 1 214 человек;
- 2) Захвачены в плен с оружием, будучи ранеными – 10;
- 3) Нарушение воинской дисциплины и самовольные отлучки – 9;
- 4) Пьянство и бытовое разложение – 6;
- 5) Халатное отношение к служебным обязанностям – 9;
- 6) Рукоприкладство – 1»51.

Из этих статей только первая имеет явный политический подтекст, и по ней взысканий наложено в 35 раз больше, чем по всем остальным статьям вместе взятым.

Сдача в плен

Сталин, считавший сдачу в плен военнослужащих своей армии проявлением нелояльности, был в данном случае не так уж не прав. По современным данным, в течение войны в плен немцам сдалось 5,2 миллиона военнослужащих РККА. Из них 3,8 миллиона – в первые несколько месяцев войны, когда надежды на то, что Гитлер несёт освобождение от тирании, были особенно сильны. Надежды таяли, но стремление использовать ситуацию для борьбы против Сталина сохранялось у значительного количества людей вплоть до весны

1945-го. Кроме того, было распространено суждение, опять-таки, наибольшим образом в первые месяцы, что выжить можно только в плену.

Сталин вёл борьбу со сдачей в плен, равно как и с самими военнопленными. Число погибших в плену оценивается в 2 миллиона человек. Через Международный Красный Крест (МКК) воюющие страны помогали своим военнослужащим, оказавшимся в плену: присылали медикаменты, продовольствие, одежду, поддерживали морально. Это не распространялось только на советских военнослужащих. СССР предусмотрительно не подписал Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными и, конечно, не присоединился к ней в 1941-м. В отличие от правительств других стран, в том числе и Германии, советское правительство объявило попавших в плен солдат и командиров своей армии не военнопленными, а предателями, преступниками, вследствие чего МКК не получал от советского правительства средств на их содержание.

Судьбу тех, кто вырвался из плена или из окружения, определял приказ Государственного Комитета Оборона СССР № 0521 от 29 декабря 1941 года. Все они направлялись в «проверочно-фильтрационные» лагеря НКВД52. Эти лагеря ничем не отличались от «исправительно-трудовых», кроме того, что помещённые в них ещё не имели срока и должны были получить его уже в лагере. Судьбу людей, побывавших в немецком плену, определяли органы контрразведки – особые отделы НКВД. До июля 1941 года они находились в системе Наркоматов Оборона и Военно-Морского Флота. В апреле 1943-го особые отделы были возвращены в систему Наркоматов, но уже под новым названием «СМЕРШ» («Смерть шпионам»).

Большинство бывших военнопленных (и окруженцев) подвергалось репрессиям с высылкой в лагеря ГУЛага. Из тех, кто «выдержал проверку», формировали штурмовые батальоны, процент гибели в которых был чрезвычайно высок.

Общая численность заключённых, осуждённых к различным срокам за «государственные, военные и гражданские преступления», составляла на 1 января 1942 года 1 777 043 человека. Количество расстрелянных за те же «деяния» точно не установлено53.

Сталину удалось сократить количество людей (его явных или потенциальных противников), находившихся в немецком плену. Но выжившие становились, соответственно, ещё большими его противниками. Они стали мощным резервом для развития антисталинского (и шире – антибольшевицкого, или антисоветского) движения. Возможность выступить против большевизма нацисты предоставили очень немногим. Однако Сталин не мог не испытывать опасений, что в высших кругах Вермахта здравый смысл возьмёт верх над партийными догмами, и ситуация изменится. Он делал всё, чтобы удержать бойцов и командиров от сдачи в плен. Директива ГУПП № 277 от 10 декабря 1941 года предписывала: «Передовую статью “Красной звезды” от 10 декабря “Расстрелы немцами пленных красноармейцев” опубликуйте во фронтовой и армейских газетах, издайте отдельной листовкой, сделайте достоянием всего личного состава, проведите по передовой беседы с красноармейцами. Доложите»54.

Гражданское население

Зарубежные историки писали, что надежда на освобождение от сталинских порядков в связи с германским вторжением возникла не только среди военнослужащих Красной Армии, но и у части гражданского населения СССР. Сообщалось, что уже в первые дни войны в приграничных городах и деревнях представители местного населения организовывали торжественную встречу наступающей немецкой армии с цветами, хлебом и солью55.

И опять же, советские авторы называли это клеветой на советских людей и советский строй. Открытие архивов и в этом случае позволило определить, кто прав в этом споре.

Отступающая в 1941 году Красная Армия проводила тотальное уничтожение всего, что только можно было уничтожить. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября 1941 года за № 0428 предписывал: «Разрушать и сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог... При вынужденном отходе наших частей... обязательно уничтожать все без исключения населённые пункты, чтобы противник не мог их использовать»56.

Мирные жители после уничтожения их домов подлежали выселению. Приказ был подписан Сталиным и начальником Генштаба Шапошниковым.

Приказом Военного совета Западного фронта от 12 августа 1941 года за № 017 была установлена пятикилометровая полоса боевых действий, из которой население удалялось в обязательном порядке. Позже эта полоса была расширена до 25 километров. В дополнительном распоряжении Военного совета Западного фронта от 9 ноября 1941 года за № 0507 говорилось, что многие командиры и комиссары частей и соединений, допуская «оставление населения» в полосе боевых действий, по существу, способствуют «проникновению в среду местного населения шпионов и диверсантов, вербовке шпионов из части местного населения, враждебно настроенного к советской власти»⁵⁷.

Таким образом, Военный совет признавал наличие врагов системы, а главное, их активизацию, вызванную войной. В документе приведены конкретные примеры: «...в ближайших к расположению 31 б стрелковой дивизии деревнях во время налёта вражеской авиации часть населения вышла с белыми флагами и полотнищами... В районе 4-й танковой бригады найдены контрреволюционные листовки, написанные от руки и разбрасываемые среди частей Красной Армии»⁵⁸.

Совершенно ясно, что если бы это были немецкие листовки, то они были бы отпечатаны типографским способом. От руки их могли писать только в СССР и только граждане СССР.

В завершение Военный совет предписывал арестовывать и передавать органам НКВД всех граждан, оказывающих сопротивление выселению. Очевидно, что такое сопротивление было массовым, о единичных случаях такой орган, как Военный совет фронта, писать бы не стал. Логика людей, сопротивляющихся выселению, понятна. С какой стати и ради каких идеалов нужно бросить свой дом и отправиться куда-то вглубь страны?

Логика Сталина тоже понятна – в тех районах, куда, увы, немцы неизбежно придут, они должны найти выжженную пустыню. Поэтому: заводы взорвать, продовольственные запасы отравить, жилые дома сжечь и так далее. Короче говоря: уничтожить всю инфраструктуру, если только её нельзя эвакуировать.

Человек же, который не собирается эвакуироваться, будет защищать не только свой дом, но и инфраструктуру – большевики уходят, а ему здесь оставаться. Так он оказывается в состоянии конфликта с режимом.

«Распоясавшаяся антисоветчина»

В докладной записке начальника Штаба партизанского движения на Брянском фронте сообщается о том, что в первые месяцы войны в Брасовский, а также в другие соседние районы Брянской области вернулись несколько десятков раскулаченных и высланных в период проведения коллективизации. В расчёте на близкий конец советской власти они «уже присматривались к бывшей своей собственности, прикидывая, во что обойдётся ремонт жилого дома, каким образом использовать “свою” землю, выгодно ли восстановить мельницу и т. д.», – нисколько не скрывая своих настроений от окружающих⁵⁹. (Обратим внимание на слова «ремонт» и «восстановить». Они недвусмысленно указывают на последствия превращения частной собственности во «всенародную».)

Далее сообщалось, что накануне прихода немцев «эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала под различными предлогами эвакуации»⁶⁰.

Тот же источник сообщал, что в покидаемых Красной Армией районах крестьяне начинали делить колхозную землю. Они вооружались брошенным войсками оружием и создавали отряды самообороны с тем, чтобы защитить свои деревни от грабежей со стороны голодных солдат-окруженцев и уже начавших разворачивать свою деятельность партизанских отрядов. Эти отряды не могли существовать, не обкладывая данью местное население, итак испытывавшее нужду буквально во всём.

Антисоветские настроения были вызваны в том числе и разочарованием в способности советского руководства организовать отпор немцам. То, что происходило с Красной Армией в

первые недели войны, совершенно не вязалось с популярной песней «Если завтра война, если завтра в поход, если грозная сила нагрянет...»

В состоянии апатии бойцы и командиры Красной Армии тысячами скитались по лесам после окружения. Вместо того, чтобы переходить к партизанской борьбе, как того требовали приказы свыше, многие уходили в окрестные деревни и нанимались на работу. Другие переходили на сторону противника и шли на службу во вспомогательные части германской армии или в отряды местной самообороны. Именно окруженцы составляли наибольшую прослойку в организованной немецкими властями полиции⁶¹.

Согласно справке Украинского штаба партизанского движения, «в первые дни оккупации в селах Орловской области всплыл на поверхность весь антисоветски настроенный элемент – кулаки, подкулачники, люди в той или иной степени чувствовавшие себя обиженными. Среди них была и часть сельской интеллигенции – учителя, врачи. Этот народ по-своему воспринял пришествие немцев, подбивал и остальной неустойчивый элемент села принять новый порядок как истинно народный, свободный от притеснений коммунистов»⁶².

В сельских местностях немцы обычно назначали бургомистров. Иногда кандидатуру предлагало само население. В донесении начальника политотдела 9-й армии бригадного комиссара Спиридонова оргинструкторскому отделу Главного политуправления РККА от 19 марта 1942 года говорилось: «Фашистские захватчики, в поисках опоры себе в оккупированных районах, начали заигрывать с отдельными активистами, а иногда и коммунистами, оставшимися на захваченной ими территории. Политотделом армии выявлен ряд фактов, когда в освобожденных сёлах “коммунисты” и “комсомольцы” по тем или другим причинам не эвакуировались из захваченной немцами территории и, примирившись с положением, остались жить дома»⁶³.

Далее документ сообщал, что в первой половине декабря 1941 года в селе Приволье староста и начальник полиции созвали собрание коммунистов и комсомольцев и призвали их принять участие в организации хозяйства, сберечь бывшее колхозное имущество, инвентарь, лошадей и готовиться к весеннему севу.

Как видно, в данном случае стремление сохранить систему жизнеобеспечения взяло верх над сталинской формулой «выжженной земли».

Происходившее в селе Приволье не было единственным опытом такого рода. В оккупированных районах страны, где это позволяли немецкие власти, начало развиваться местное самоуправление. При органах самоуправления создавались отряды самообороны для защиты от партизан. Наиболее яркий пример – Локотской район Орловской (ныне Брянской) области, где роль организаторов новой власти взяли на себя ссыльнопоселенцы Константин Воскобойник и Бронислав Каминский. Со временем Локотской район был преобразован в уезд, а затем в округ, в состав которого вошло восемь районов с общей численностью населения 581 тысяча человек. Состав Бригады Каминского, борющейся с партизанами, достиг двадцати тысяч человек⁶⁴.

Подобные явления стали возникать буквально сразу же после начала войны с Германией. Партийное и советское руководство сбежало («эвакуировалось»). Кто-то из местных жителей считал, что к счастью, кто-то так не считал. Но в любом случае, образовался вакуум власти. И его надо было заполнять. Немцы далеко не сразу приступали к созданию своих административных структур на местах. А многие местные жители сознательно хотели их опередить. Поставить немцев перед свершившимся фактом – у нас уже есть собственные структуры. При органах самоуправления создавались отряды самообороны.

26 июля 1941 года вышла директива № 161 ГУПП, которая предписывала членам Военного совета Юго-Западного фронта создать газету «За Советскую Украину» для населения оккупированных областей этой республики. Газета была обязана:

«1. Систематически разъяснять населению оккупированных областей кровавые замыслы Гитлера против украинского и русского народов. 2. Разъяснять отечественный характер войны советского народа против гитлеровского фашизма...»⁶⁵

Появление такого документа (и такой газеты) может свидетельствовать только об одном – часть населения Украины, и, судя по всему значительная, хотела видеть в немцах освободителей от большевизма.

Л.Н. Толстой в «Войне и мире» размышлял о том, что не было в 1812 году для русского человека вопроса: худо или хорошо будет жить под французами, под ними просто не должно было жить. Я верю классику, вполне возможно, что в 1812 году такой образ мыслей действительно господствовал. Но я категорически не соглашаюсь с теми современными авторами, которые этот образ мыслей переносят на год 1941-й.

За 129 лет изменилось очень многое. Прежде всего, люди стали прагматиками. 1917 год показал, что, оказывается, допустимо жить без царя (в данном случае не важно, кто его заменяет – Керенский, Ленин или Колчак). Потом оказалось, что допустимо вынести из здания приходского храма иконостас, соорудить из него уборную, а само здание использовать как склад. На этом фоне вопрос о том, можно ли жить при немцах, отпадал сам собой. Конечно можно, можно по крайней мере попробовать.

Это относится к тем, кто советскую власть принял и кто проводил в жизнь её мероприятия. Были и те, кто её не принял, но был вынужден с ней сосуществовать. Такие люди ждали избавления. Мне возразят: нельзя же было надежду на избавление связывать с гитлеровским вторжением.

Но наши современные представления о Гитлере и его режиме основаны на тех фактах, которые были вскрыты на Нюрнбергском процессе и затем многократно популяризированы. В 1941 году таких представлений о Гитлере у «советского человека» не было, да и ни у кого не было. Скорее так: у советского человека были наиболее неадекватные представления о Гитлере, чем у кого-либо в мире.

Неадекватные представления о Гитлере

До заключения договора о ненападении с Германией большевицкая пропаганда не скупилась на описания бесчинств нацистов (после подписания договора советская пропаганда начнёт усиленно создавать позитивный образ Германии, что также повлияло на отношение советских граждан к войне с этим государством), но она не жалела чёрной краски и для любых других политических сил на земном шаре, кроме откровенно просталинских. Средства массовой информации СССР никогда не проводили принципиального различия между политикой Гитлера и, например, Черчилля или Леона Блюма. Их правительства преподносились как единый враждебный социализму лагерь. И если однажды некий гражданин Советского Союза делал для себя вывод, что красная пропаганда лжёт, то ему уже было трудно отделять зёрна от плевел. Газета «Правда» сообщает, что в Германии сжигают книги из университетских библиотек. Экая чушь, совсем заврались, – подумает гражданин СССР. Но ведь это происходило на самом деле. (Большевицкая пропаганда сослужила Сталину плохую службу.)

Тема сжигания книг могла привлечь внимание советской интеллигенции. Рабочий класс эта тема скорее всего интересовала меньше, но почти ровно за год до начала советско-германской войны – 26 июня 1940 года – правительство одарило его постановлением о запрете самовольного перехода с одного предприятия на другое. Отныне аббревиатуру ВКП(б) могли расшифровывать как «второе крепостное право (большевиков)» не только не имевшие паспортов и, как следствие того, не имевшие возможности покинуть колхоз крестьяне, но и рабочие. И это было постановление правительства, всегда клявшегося и продолжающего клясться, что служит интересам пролетариата. Кто будет впредь такому правительству верить?

У коллективизированных крестьян свои «резоны». Старшее поколение (в западных районах страны) помнило немецкую оккупацию образца 1918 года. Не сахар, конечно. Но жить можно, особенно если сравнивать с коллективизацией.

И кто мог предположить, что «эти» немцы будут так разительно отличаться от «тех».

Примечания

1. Волобуев О.В., Журавлёв В.В., Ненароков А.П., Степанищев А.Т. История России. XX век. Учеб. для 9 кл. – М.: Дрофа, 2001. – С. 216–217.

2. Там же.

3. Хоффманн Й. История Власовской армии. – Париж, 1990; Андреева Е. Генерал Власов и

Русское Освободительное Движение. – Лондон, 1990; Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. – London & N.Y., 1957; Thorwald J. The Illusion. Soviet Soldiers in Hitler's Armies. – N.Y. & London, 1975; Hoffmann J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. – Freiburg, 1986; Hoffmann J. Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. -Freiburg, 1986; Hoffmann J. Kaukasien 1942/43. Das Deutsche Heer und die Orientvolker der Sowjetunion. – Freiburg, 1990.

4. Великая Отечественная: Главные политические органы Вооружённых Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Сост.: Н.И. Бородин, Н.В. Усенко. – М.: Терра, 1996; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост., вступ. статья и коммент. П.Н. Кнышевского, О.Ю. Васильевой, В.В. Высоцкого, С.А. Соломатина. – М., 1992; Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 1–2,4 / Под общ. ред. А.В. Окорокова. – М., 1997–1999.

5. Скрытая правда войны: 1941 год. – С. 249.

6. Там же. – С. 272.

7. Там же.-С. 254–258.

8. Там же. – С. 226–227.

9. Там же. – С. 263–264.

Ю.Там же. – С. 264–265.

11. Там же. – С. 266.

12. Там же.

13. Там же. – С. 267.

14. Там же.-С. 264–265.

15. Там же. – С. 265.

16. Там же. – С. 304.

17. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 40–41.

18. Там же.

19– Там же.

20. Там же. – С. 42–44.

21. Там же.

22. Там же.

23. Ленин В.И. Тяжёлый, но необходимый урок // Полное собр. соч. Изд. V – М., 1962.-С. 394.

24. Там же.

25. КПСС о Вооружённых Силах Советского Союза: Документы 1917–1981. -М, 1981.-С. 304.

26. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 70.

27. Там же.-С. 48–51.

28. Там же.

29. Там же.

30. Там же.-С. 173–174.

31. Скрытая правда войны: 1941 год. – С. 267–268.

32. Там же. – С. 268.

33. Там же. – С. 269-

34. Там же. – С. 322.

35. Там же. – С. 324.

36. Родина. – 1991. – № 6–7, – С. 75.

37. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 96.

38. Там же. – С. 83 – 84.

39– Скрытая правда войны: 1941 год. – С. 270.

40. Там же. – С. 272.

41. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 92–93.

42. Там же.

43. Распоряжение начальника политуправления Юго-Западного фронта дивизионного комиссара Галаджева от 9 декабря 1941 г. // Скрытая правда войны: 1941 год. – С. 272.

44. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 61.
45. Там же.
46. Там же. – С. 71.
47. Там же. – С. 68.
48. Скрытая правда войны: 1941 год. – С. 271.
49. Там же. – С. 276–277.
50. Там же. – С. 281–282.
51. Там же. – С. 283.
52. Там же. – С. 314–315.
53. Там же.
54. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 91.
55. См. сноску 3.
56. Скрытая правда войны: 1941 год. – С. 211.
57. Там же. – С. 210.
58. Там же.
- 59– Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): Сб. статей, документов и воспоминаний. Вып. 2. – М.: Архив РОА. -1998,-С. 169.
60. Там же.
61. Там же.
62. Там же. – С. 170.
63. Родина. – 1991. – № 6–7, – С. 48.
64. Дробязко С. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения... Вып. 2.-С. 179
65. Великая Отечественная: Главные политические органы... – С. 54.

Агитпроп, Главлит, советское общество А Блюм

«Посев», 2003, № 11,12

23 августа 1939 года – одна из наиболее драматических дат в истории XX века: в этот день в Москве был подписан «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом» («пакт Молотова-Риббентропа»).

24 августа советские люди увидели один из самых поразительных номеров «Правды»: в нём были опубликованы большие фотографии Сталина, Молотова и вчерашнего врага – Риббентропа, сообщение о встрече в Кремле и текст «Договора». Позднее (31 августа) в том же «центральной органе» они смогли прочитать слова Молотова о «некоторых близоруких людях в нашей стране, которые, увлекшись упрощённой антифашистской агитацией, забыли о провокаторской роли наших врагов». Под ними подразумевались, конечно, «англо-французские империалисты».

25 декабря в той же «Правде» появилась ответная телеграмма Сталина Риббентропу, поздравившему его с 60-летием: «Благодарю Вас, господин министр, за поздравление. Дружба народов Германии и Советского Союза, скреплённая кровью, имеет все основания быть длительной и прочной». Особое впечатление должен был произвести на читателей тост Сталина за Гитлера: «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера. Я хочу выпить за его здоровье, он этого заслуживает».

Заключение пакта вызвало далеко идущие трагические последствия, прежде всего нападение с двух сторон на Польшу. (Ошеломляющее впечатление на современных поляков произвёл протест МИД РФ 14 сентября 1999 года против «попыток определённых кругов Польши поставить знак равенства между фашистской агрессией против этого государства и действиями Красной Армии 17 сентября 1939 г.» Утверждения о том, – говорилось далее в документе, – что «в сентябре 1939 г. произошла агрессия СССР против Польши, не находят подтверждения в международных документах»¹.)

Какое же впечатление произвело на «советских людей» заключение договора с нацистской

Германией и последовавший за этим раздел Польши? И каковы были конкретные действия Агитпропа и подчинённых ему органов советской цензуры в новых условиях?

Наиболее полный ответ на первый вопрос дан в книге Вольфганга Леонгарда «Шок от пакта между Гитлером и Сталиным», основанной частично на личных впечатлениях – автор жил тогда в СССР. В его книге также содержится очень обстоятельный обзор восприятия пакта в различных кругах Германии, Франции и других европейских стран².

Значительное внимание этой проблеме уделил В.А. Невежин³. На основе фронтального изучения архивных документов, относящихся к деятельности Оргбюро ЦК ВКП(б) и Управления пропаганды и агитации, автор подробно исследовал действия советской идеологической машины на рубеже 1930-1940-х. Он также привлёк дневники В.И. Вернадского, М.М. Пришвина, Вс. Вишневского и других писателей и учёных, зафиксировавших разноречивые оценки событий 1939 года. В монографии приведены и некоторые, большей частью анонимные, письма трудящихся в редакции газет. В этих посланиях звучат мотивы страха за будущее, вскоре оказавшиеся оправданными. Один из вопросов, заданных в письме, звучит особенно впечатляюще: «Почему наши газеты теперь не ругают Геббельса, или он стал большевиком?» (С. 57).

Непосредственное отношение к нашей теме имеют акции советской цензуры, призванной «перековать» сознание советских людей в свете последних партийных установок⁴.

После 23 августа по приказу свыше советская пропаганда совершила поворот на 180° – совсем по Оруэллу, если вспомнить его знаменитый роман «1984». «Министерство правды», в котором служит главный герой, при малейшем изменении политической ситуации мгновенно уничтожает память о прошлом, любые его следы, оставленные в письменных и печатных документах: «...Проследить историю тех лет, определить, кто с кем сражался, было совершенно невозможно: ни единого письменного документа, ни единого устного слова об иной расстановке сил, чем нынешняя. Нынче, к примеру, в 1984 году (если год – 1984-й), Океания воевала с Евразией и состояла в союзе с Остзией. Ни публично, ни с глазу на глаз никто не упоминал о том, что в прошлом отношения трёх держав могли быть другими...»

Большевицкий Агитпроп вполне мог бы взять на вооружение чеканные формулы лозунгов, провозглашённых Старшим братом в этом романе: «Незнание – это сила» и «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, управляет прошлым».

«Если партия, – размышляет главный герой романа, – может запустить руку в прошлое и сказать о том или ином событии, что его не было, – это страшнее, чем пытка или смерть».

Советский Главлит также бросился исправлять прошлое, подвергнув уничтожению массу антифашистских книг.

Уже в конце августа резко изменилась тональность советской пропаганды. В прессе появились статьи, с большим одобрением отзывавшиеся о политике нацистов. Можно предположить, какие чувства испытали, например, советские евреи, прочитав в газете «Безбожник» от 5 мая 1940 года статью корреспондента, который незадолго до этого посетил Германию. В ней доказывалось, что наступление нацистов на еврейскую религию было главным достижением III Рейха, и поэтому долг советских атеистов – помогать «новым политическим союзникам в их борьбе против религии».

В годы «оттепели» некоторым писателям, современникам и свидетелям событий того времени, позволено было коснуться, хотя и в ограниченных пределах, этой «скользкой» темы.

О «странных, непонятных для нашего поколения 22 месяцах между заключением с Гитлером договора о ненападении и началом войны» писал тогда заслуженный летчик-испытатель, герой Советского Союза и литератор

Марк Галлай в повести «Первый бой мы выиграли»: «Многое представлялось нам необъяснимым, диким, противоестественным... Фашистов перестали называть фашистами – ни в печати, ни в мало-мальски официальных докладах и речах найти это слово стало невозможным. То, в чем мы с комсомольского, даже пионерского возраста привыкли видеть враждебное, злое, опасное, – вдруг оказалось как бы нейтральным... Да, нелегко было понять, что к чему!»⁵

Эти же мотивы звучат в повести Григория Бакланова «Июль 1941 года», особенно в сцене, описывающей происходящее в предвоенном московском ресторане, когда два вылощенных

немецких офицера демонстративно покидают ресторан с возгласом: «Постой, Курт! Здесь сидит еврей. Пойдём отсюда».

В дальнейшем, в эпоху «застоя», когда официальная пропаганда неоднократно предпринимала попытки ресталинизации, опасная тема была табуирована. Евгения Гинзбург в мемуарах «Крутой маршрут», впервые вышедших за рубежом, описала реакцию политзэков на «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией» (подписан 28 сентября 1939 года). Узнали о нём спустя несколько месяцев, да и то случайно – благодаря попавшему к ним старому номеру «Правды». Её сокамерница, Катя Ротмистровская, увидев в газете фотографию Молотова, снятого вместе с Риббентропом, бросила всего лишь одну фразу: «Чудесный семейный портрет».

«Катя неосторожна, – пишет Гинзбург. – Ей уже много раз говорили товарищи, что, к несчастью, среди нас появились люди, чересчур внимательно прислушивающиеся, о чём говорят в бараке по вечерам. Пройдёт полгода, и эта неосторожность будет искуплена Катей ценой собственной жизни. Катю расстреляли за “антисоветскую агитацию” в бараке»⁶.

Весьма двусмысленно звучит пассаж, касающийся 1939 года, в мемуарах Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь», впервые печатавшихся в «Новом мире» в начале 1960-х. Живший в предвоенные годы в Париже, Эренбург теперь писал: «Я аккуратно читал московские газеты, но не могу сказать, что всё понимал... Фашизм оставался для меня главным врагом. Меня потрясла телеграмма Сталина, где говорилось о дружбе, “скреплённой кровью”. Раз десять я перечитал эту телеграмму, и, хотя верил в гений Сталина, всё во мне кипело. Это ли не кощунство? Можно ли сопоставлять кровь красноармейцев с кровью гитлеровцев?»⁷

То, что сразу поняла оторванная от какой бы то ни было информации лагерница, не совсем было «понятно» находившемуся в центре европейских событий писателю (чего только стоят его слова о вере «в гений Сталина»). Замечу, впрочем, что мемуары Эренбурга подвергались тогда жесточайшей цензуре, и эти слова были, возможно, вставлены по настоянию редакторов или цензоров. Но суть дела от этого всё же не меняется.

Пакт 23 августа, как и заключённый в сентябре пакт о дружбе и границе, породил «смешанные», мягко говоря, чувства у советских людей. У многих же – настоящий шок: вчерашние заклятые враги превратились в лучших друзей.

В мемуарной литературе не раз говорится об атмосфере тотального страха, порождённой годами Большого террора, которая приводила к тому, что даже ближайшие друзья, опасаясь друг друга, не рисковали высказываться откровенно.

Помимо более или менее известных литературных источников особую ценность представляют сохранившиеся в архивах донесения органов госбезопасности, очень интересовавшихся реакцией населения на заключение пакта и начало II мировой войны.

Приводимые далее документы в какой-то мере корректируют устоявшееся мнение насчёт всеобщего испуга и воцарившегося молчания. Удивительно, что в многострадальном Ленинграде нашлось тогда немало людей, – и не только в элитарных кругах научной и художественной интеллигенции, но и среди так называемого «простого народа», – проявивших в разговорах абсолютное бесстрашие. И это после событий, терроризировавших город – «кировского призыва», как стали называть массовые аресты и высылку «бывших» в результате убийства Кирова в декабре 1934 года, и, разумеется, известных акций 1936–1938 годов.

Предчувствие войны витало тогда в воздухе, но оно не базировалось на независимых источниках информации за полным отсутствием таковых.

Тем не менее, диапазон оценок деятельности руководства СССР очень велик – от полного неприятия до успокаивающих (самих себя, прежде всего) заявлений в том духе, что партия знает нечто такое, что делает августовский договор и сентябрьское вторжение в Польшу вполне логичными и оправданными. Встречаются, хотя и редко, мнения, перекликающиеся с черносотенными и евразийско-сменовеховскими (как сейчас бы сказали – «державническими») воззрениями.

Большинство учёных, артистов, музыкантов и других деятелей культуры крайне негативно откликнулось на действия советского правительства. Делался даже обобщающий вывод о схожести, сродстве двух режимов – нацистского и коммунистического.

«Спецсводки» и «спецсообщения» составлялись на основе перлюстрации почтовой

корреспонденции и донесений «н/источников» («наших источников») – штатных осведомителей госбезопасности и добровольцев-стукачей. В их поле зрения попал не только крупнейший музыковед, профессор консерватории и популярнейший лектор Ленинградской филармонии И.И. Соллертинский, но и «рядовые» граждане, которые неосмотрительно позволили себе неодобрительные высказывания насчёт пакта в очередях и в бане.

«Спецсообщения» обнаружены в делах так называемого «Особого сектора» Ленинградского обкома ВКП(б) и имеют общую «шапку»:

«“Сов. секретно” УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.

Управление Государственной безопасности.

Смольный. Товарищам Жданову, Кузнецову

Нач. УНКВД ЛО – комиссар госбезопасности 2 ранга Гоглидзе»8.

Можно предположить, что подобные «спецсводки» НКВД составлялись и в других городах, но закрытость и засекреченность архивов госбезопасности (по прошествии 1990-х – особенно) затрудняет использование этих материалов.

Отклики на заключение пакта Молотова-Риббентропа

«Об откликах на заключение советско-германского договора о ненападении.

Смольный. 29 августа 1939 г.

Товарищам Жданову и Кузнецову

Заключение договора о ненападении между СССР и Германией вызвало среди служащих и интеллигенции города Ленинграда весьма оживлённое и широкое обсуждение вопросов политики ВКП(б) и Советской власти. В основном реагирование подавляющего большинства зафиксированных нами откликов носит положительный характер. Художественный руководитель Ленинградской Филармонии БРИК заявил: “Пакт о ненападении с Германией – большая победа Советского Союза. Я глубоко верю, что пока жив Сталин, он войны не допустит”.

Со стороны отдельных лиц заключение договора вызвало явное недоумение, непонимание причин, предшествовавших этому факту и поэтому неправильное толкование данного мероприятия Советского правительства.

Нами зафиксированы высказывания, извращённо истолковывающие политику Советского правительства и факт заключения договора с Германией. Отдельные из этих высказываний имеют явно антисоветский характер. Приведём факты.

Директор Библиотеки Академии наук ЯКОВКИН говорил: “События последнего времени вызвали удивление и разные толки, в то время как этот пакт всех сбил с толку и вообще ничего не понять. Я считаю этот пакт излишним, так как Гитлер не пошёл бы войной на СССР, ибо он идёт вперед только до тех пор, пока можно брать голосом, а так как с Советским Союзом надо было бы и воевать, то он этого делать не стал бы”.

Имеют место явно извращённые, клеветнические и антисоветские высказывания со стороны отдельных лиц, расценивающих заключение советско-германского договора о ненападении как осуществление планов Гитлера по захвату СССР и как беспринципность политики СССР.

Писатель ВАЙСЕНБЕРГ заявил: “Никто ещё не осознал того, что произошло в связи с заключением советско-германского соглашения. Перевертываются все понятия. Это исключительно смелый трюк, народ не одобрит перемены политики. Наш народ не любит немцев и дружбу вести с ними не будет”.

Театр им. Кирова. Оркестрант СТЕЛИЧЕК говорил: “Если бы год назад сказали, что Сталин и Молотов будут сниматься вместе с Риббентропом, то за это выслали бы на 15 лет, а теперь посмотрите на снимки – два арийца и два партийца”.

Характерными являются высказывания, связанные с вопросом антифашистской пропаганды, положениями отдельных художественных и литературных произведений, кинокартин, театральных постановок и т. п., направленных против Германии.

Академик СТРУВЕ сказал: “Мне очень интересно, что теперь будет говорить ТАРЛЕ. У него так много было резких высказываний и статей против Германии. Я ему хотел позвонить по телефону и спросить об этом, но взаимоотношения между нами очень хорошие и поэтому боюсь, что он обидится. Поговорю с ним лично, но я понимаю весь ужас его положения сейчас”.

Истфак ЛГУ. Студент СТЕЦКЕВИЧ говорил: “В странном положении очутились наши учёные – Тарле, Фрайман и другие, которые систематически в своих работах выступали против фашистской Германии, пропагандировали вопросы борьбы русского народа против немцев и т. д., а теперь в <Правде> говорят о дружбе, которую хотели раздуть во вражду”.

Русский Музей. Сотрудница ЛЕВИЦКАЯ в беседе заявила, что её интересует: “1. Будет ли изъята из библиотек книга Фейхтвангера <Семья Оппенгейм> и каково будет теперь отношение к автору 2. Будут ли сняты с экрана картины <Доктор Мамлок>, <Александр Невский> и др., а также пьеса <Суворов>. 3. Как теперь будет выступать академик Тарле и каково будет к нему отношение со стороны правительства”.

В Ленинградской консерватории, по данным агентуры, профессор СОЛЛЕРТИНСКИЙ ведёт критику внешней политики Советского Правительства. Говоря о предстоящем праздновании, Соллертинский заявляет: “Первая годовщина без фашистской опасности, но с испорченной репутацией в глазах мировой общественности. Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Томас Манн прислали Сталину письмо, в котором выразили протест против измены антифашистскому фронту”.

По ул. Газа 3 ноября стоявшая в очереди женщина до открытия магазина вела среди присутствовавших открытую антисоветскую агитацию, заявляя: “Будь она проклята, такая жизнь. То испанцев, то китайцев, а теперь Гитлера кормим, одеваем. Народ душится в очередях. Над народом прямое издевательство. Я помню, что в 1916 году также над народом издевались, вот и получилась революция”.

4 ноября задержан ВИНОГРАДОВ Н.М., который вёл антисоветскую агитацию среди посетителей бани. ВИНОГРАДОВ с негодованием отзывается по поводу заключённого договора о дружбе СССР с Германией, резко осуждая внешнюю политику Советского правительства».

Отклики на раздел Польши

«Спецсообщения об откликах населения города Ленинграда и Ленинградской области в связи с выступлением главы Советского Правительства Молотова и переходом Красной Армией польской границы.

Выступление по радио главы Советского Правительства тов. Молотова и переход Красной Армией польской границы и защиты украинского и белорусского народов, проживающих в Польше, – со стороны трудящихся гор. Ленинграда и области вызвали бурю восторженных откликов. Приводим отдельные из них. Например, прораб МАСЛЕННИКОВ 18 сентября с.г. говорил: “Это очень хорошо, что Западная Украина и Белоруссия будут находиться под защитой Советского государства. Там будет жизнь...”

Из прочитанных документов “ПК” (т. е. Политконтролем госбезопасности, занимавшимся, в числе прочего, и перлюстрацией почтовой корреспонденции – АБ.) видно, что высказывания носят исключительно положительный характер. Характерный приводим: “гор. Харьков. Малыкиной Н.И.

Золотко моё, я думаю, что и у вас тоже были митинги. Иначе быть не может. Ведь это историческое мудрое решение Советского Правительства так было неожиданно и с такой радостью и подъёмом, что просто слов не хватает выразить...”

Наряду с многими положительными отзывами, всё же со стороны целого ряда лиц продолжает возникать много недоумённых вопросов, кривотолков и недопонимания происходящих событий. Руководитель Новгородской бригады строителей ТИХОНОВ Н.С. заявил: “Несомненно, войны никакой не будет, пакт заключён с тем, чтобы обмануть Англию и Францию. В отношении Польши вопрос решён значительно раньше – её поделят пополам Германия и СССР”.

Артист Театра Коммуны КУДРЯШОВ Б.С. в беседе с сотрудниками театра выразился так:

“Два гениальных человека – Гитлер и Сталин – в кратчайший срок смогли договориться, так как, независимо от противоположности политических доктрин, у них единство методов и сила армии”.

Заведующий оперучетом ЗУБКОВ: “Надоело всё это, уж один бы конец! Мы маленькие люди. Нам ни то, ни другое не страшно”.

Профессор Института Мозга ВАСИЛЬЕВ Л.Л. об участии СССР в польских событиях говорил: “Пакт был не для мира, а для того, чтобы развязать войну между другими державами и самим воспользоваться. Германия разбила Польшу, она лежит на лопатках и тут вдруг победителем является СССР и захватывает Польшу. Перестаёшь понимать – какой же наш строй, если мы выпускаем совместно с немцами-фашистами коммунистическую и пользуемся популярной фашистской фразеологией. Я уверен, что большинство коммунистов дезориентировано и не знает, что думать о внешней политике. Особенно неприятно чувствуют себя еврей-коммунисты, видя, какая у нас дружба с антисемитами”.

Профессор ЛГУ ПУМПИАНСКИЙ Л.В. с большим огорчением реагировал на пакт с Германией. Он говорил, что “...мы предали французскую и английскую демократии, пойдя на сговор с фашизмом, что мы поставили братские компартии Франции и Англии в невыносимое положение, что 3-й Интернационал потерпел поражение, и что идея Народного фронта нанесён нами смертельный удар. Западная демократия нам никогда этого не простит. Мы 6 лет вливали целыми бочками ненависть к фашизму, а теперь заставляют чуть ли не брататься с фашизмом”.

Профессор Консерватории ТЮЛИН Н.Ю., будучи недоволен успехами Красной Армии, заявил: “Мы нанесли удар в спину израненной и окровавленной Польши и напрасно говорят о том, что Красная Армия покроет себя славой. Польше не с кем воевать. Наша внешняя политика исполнена вероломства относительно западных демократий, которые этого Советскому Союзу не простят, и впоследствии нам придётся за это поплатиться”.

Народный артист СССР АНДРЕЕВ П.З. говорил: “Наконец-то наши вожди взялись за ум. Хотят вернуть Россию к границам царского времени и захватить также прибалтийские страны и Финляндию. Хорошо, что большевики бросили свои интернациональные бредни и взялись за реальную политику”.

Работник Филармонии ХЕЙС Б.Э. в беседе с сотрудником заявил: “Литвинов – это мир, а Молотов – это война. В Германии притесняют и мучают евреев, а мы продаём в Германию муку. Как бы мы все не погибли”.

Артистка театра им. Пушкина БИБИКОВА О.Н., возмущаясь решением правительства, заявила: “Это очередное бряцание оружием с нашей стороны, ввязываться было совсем не за чем. Надо заботиться о своих согражданах и не заставлять их мучиться”.

Присутствовавший здесь же артист ЦАРЁВ С.Д. солидаризировался с ней и добавил: “Это красивый жест перед всем миром. И больше ничего: показать нашу справедливость, а какой ценой, – не всё ли равно”.

Артисты ОРАНСКИЙ АЗ, и КРУПЧАК КД. считают, что это “...агрессивный акт с нашей стороны и захват чужой земли, когда своё-то зря пропадает”. Далее заявляют: “Теперь мы поделили Польшу и стали такими же агрессорами, как они”.

Профессор Пушкинского сельскохозяйственного института КРИЧЕВСКИЙ Н.Н. в беседе с сослуживцами о продвижении частей Красной Армии заявил: “Советский Союз, заключая договор с Германией о ненападении, предусмотрел свои дальнейшие действия и согласовал их с Германией”.

Профессор литературы КОГАН Л.Р. о создавшемся положении на Западе говорит: “Всё-таки Советский Союз к войне не подготовлен, во всем чувствуется какая-то неразбериха, даже среди руководящих работников какая-то растерянность. Железнодорожный транспорт работает плохо, подтверждением чему может служить отсутствие пассажирских поездов и крушение воинского состава около станции Павловск, в котором погибло около 60 человек”.

На вопрос студентки университета ДЕЙНЕН о событиях в Польше к писателю ПАНТЕЛЕЕВУ, последний ответил: “Только с Германией наша страна и могла заключить договор, так как и Германия и СССР страны тиранические и имеют сходство в системе управления. А с другими странами договориться было невозможно, так как там в основе управления демократия. Ужасно! если теперь будет война, так не знаешь, для чего и за что

воевать”.

Академик ЛЯПУНОВ Б.М. в беседе источнику заявил: “Ну, наконец-то они образумились. Теперь как будто наше правительство начинает понимать основные задачи России. Раньше – еврей Литвинов всё гнул свою еврейскую линию и обижался на Гитлера за то, что он несколько обуздал его еврейских родственников в Германии. Между тем, Гитлер – единственный умный человек в Европе, не заражённый еврейскими бреднями.

Существование Польши, как самостоятельного государства, – оскорбительно для России, которая всегда была и будет бить поляков. Теперь поляков вернут в то состояние, в котором они должны быть по своим моральным и культурным качествам. Жаль лишь, что наши правители действуют слишком осторожно. Нужно немедленно ликвидировать румынских братушек и всякие там Эстонии и Финляндии на севере, а после этого заявить о наших интересах на Балканах”.

Академик МЕЩАНИНОВ о переходе Красной Армией советско-польской границы говорил: “Политика России всегда была построена на использовании разногласий между Германией и Францией. На этот раз мы перехитрили и совершили, если не совсем чистоплотный в моральном отношении, но зато безупречный в отношении политическом шаг и без всяких затруднений приобрели порядочный и нужный для нас кусок Польши. Однако если Германия будет разгромлена англо-французами – а это вполне возможно – то нам будет очень не сладко от этого. Не знаю, сумеют ли наши руководители вовремя изменить свою политику, да и согласятся ли союзники.

Как не важен нам сейчас политический союз с Германией, с точки зрения культуры нельзя не пожалеть об охлаждении советско-французских отношений. На науке такое охлаждение отзовется очень тягостно, тем более что поправить упущенное и залечить произведённую нашей политикой травму у французов будет очень не легко. Они ведь самолюбивый народ”.

Сотрудница архива ЛАППО-СТАРЖЕНЕЦКАЯ Е.А. в беседе с источником крайне иронически отозвалась о коммюнике советского и германского правительства, заявляя: “Россия опять принимает на себя роль жандарма в Европе, как и прежде совместно с Германией”.

Академик ГРЕБЕНЩИКОВ И.В. о переходе польской границы высказал такую мысль: “Переход границы нашими войсками означает, конечно, не освобождение родственников нам народов, а желание иметь чужую территорию для сражения на случай войны”.

По этому же вопросу проф. ОКОТОВ заявил: “Мы сейчас будем брать исконные русские земли, в частности должны оккупировать Эстонию, так как ещё Петр I говорил, что Ленинград (! – АБ .) – это окно в Европу, а Революция – это дверь туда же!”

Проф. РАВДОНИКАС В.И. источнику говорил: “Раздел (Польши – АБ .) между Германией и СССР предрешён, так как Гитлер заявил по радио о необходимости передать земли, населённые белорусами и украинцами. Гитлер понял теперь необходимость тесного сотрудничества с СССР, и это доказывает гениальность и мудрость Гитлера”. Далее он утверждал, что “...СССР многому научился от политики Гитлера”. В качестве особенно ярких примеров этой “науки” РАВДОНИКАС называл усиление пропаганды патриотизма, будто бы граничащее с национализмом, и второе – пропаганда “военизации”.

Студент КРЫЛОВ Евгений Александрович по этому поводу говорил: “Я и отец (отец его профессор) удивлены наглостью политики СССР по отношению к Польше. Так, если я буду кого-либо убивать, то на суде я должен буду говорить, что я оказываю ему помощь, избавляя его от гнёта жизни. Участь Польши ожидают и другие государства, как Латвия и Эстония”.

Слушатель Пушкинского сельскохозяйственного института ШАЦИЛОФ Д. (поляк), обсуждая с источником оперативную сводку Штаба РККА, сказал: “Войска Советского Союза перешли польскую границу не с целью освобождения, а с целью порабощения населения Польши. Навязать колхозы и разрушить хозяйство Польши – вот цель советского правительства”.

Научный сотрудник Института Востоковедения МОЛЧАНОВ, выражая недовольство по адресу советской печати, заявил: “В советской печати не освещается ход прений на сессии Верховного Совета, поэтому до массы населения доходит только “ура” и “да здравствует”. Так было с заключением пакта о ненападении СССР с Германией. Печать наша подвергается большей цензуре, чем информация англичан. Например, ничего не пишут об откликах за

границей, а ведь здесь есть что почитать – в заграничной прессе. Вторжение советских войск на территорию Польши по существу ничем не отличается от вторжения германских войск. Вот, мол, “ни пяди чужой земли не хотим”.

Профессор Ленинградского Ветеринарного института КОНГЕ Вл. Вл. в беседе с сотрудником института о событиях заявил: “Война с Германией и Францией и Англией (так в тексте – АБ.) ведётся для отвода глаз общественного мнения мира. Смысл войны надо искать в том, что Германия после разгрома Польши, вместе с Францией и Англией, или без двух последних, пойдёт войной на СССР”».

Советская цензура

Заправлявший цензурой советский Главлит, созданный 6 июня 1922 года по специальному постановлению Совнаркома, поразительно, вплоть до деталей, напоминая оруэлловское «Министерство правды», сразу же после подписания пакта 23 августа 1939 года предпринимает решительные меры по «своей линии». Вольфганг Леонгард вспоминает: «Особенно бросались в глаза изменения, уже на следующее утро после заключения пакта последовавшие в кинопрограммах, а вскоре за тем – и в репертуаре театров. Сразу со всех экранов были сняты известные антифашистские кинофильмы “Профессор Мамлок” (по театральной пьесе Фридриха Вольфа) и “Семья Оппенгейм” (по роману Лиона Фейхтвангера). Исчезли из театрального репертуара все спектакли антифашистского содержания»⁹.

Цензурной вивисекции стали подвергаться сочинения, не имевшие, казалось бы, отношения к «текущему моменту» и касающиеся русско-германских отношений вообще. Они, по утвердившемуся мнению, всегда были дружественными и вполне безоблачными. Велено было под этим углом зрения пересмотреть обстоятельства оккупации Украины немецкой армией в 1918 году, а ещё лучше – вообще не касаться

этой «неудобной» темы. «Сам» А.Я. Вышинский, в то время заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и первый заместитель наркома иностранных дел, 11 июня 1940 года обратил внимание своего шефа В.М. Молотова на такой «нежелательный» факт: «Я прослушал в театре им. КС. Станиславского (в закрытом спектакле) оперу С.С. Прокофьева “Семён Котко”. Считаю целесообразным внести в либретто изменения, устранив эпизоды с австро-германскими оккупантами... Тов. Прокофьев с этим предложением согласен»¹⁰.

Такая установка привела к изъятию и «купюризации» произведений, посвящённых исторической тематике. Оказывается, в «дружественных» странах не было никаких революционных выступлений. В пылу рвения один московский цензор запретил даже пьесу «Матросы из Катарро», сюжетом которой было восстание 1918 года против Австро-Венгерской империи¹¹.

Россия, как оказалось, никогда и не воевала с Германией, даже в далеёком XVIII в. Редакции начали отвергать произведения, посвящённые русско-прусской войне. Например, критик Ан. Тарасенков, работавший долгое время в ленинградской цензуре, а в 1939 году – одним из редакторов московского журнала «Знамя», ответил Е.Я. Хазину, приславшему произведение на эту тему, что оно не может быть принято «по внелитературным причинам», поскольку «это сейчас совсем неуместная тема». Им же отвергнут ряд рукописей, авторы которых в художественной форме «необдуманно» затрагивали тему гипотетической войны между СССР и Германией¹².

Ясно, что такое негативное отношение цензуры к историческому или футурологическому материалу продиктовано было боязнью появления так называемых «неконтролируемых ассоциаций» и аллюзий в сознании отечественного читателя, прекрасно овладевшего расшифровкой подтекста.

Если до августа 1939 года в СССР постоянно выходили книги и печатались статьи, направленные против нацизма и лично Гитлера, то теперь запрещено было публиковать что-либо подобное. Любые негативные оценки нацизма и гитлеризма беспощадно вычёркивались.

Примечательный факт: в октябре 1933-го, через полгода после прихода Гитлера к власти, была предпринята попытка издания «закрытым тиражом» книги самого Гитлера «Моя борьба».

Было соответствующее «совсекретное» распоряжение Главлита, направленное 27 октября начальнику ленинградской цензуры: «По указанию директивных органов книга Гитлера “Моя борьба”, подготовленная Ленсоцэкгизом к изданию, может быть напечатана лишь в количестве 200 экземпляров для закрытого распределения. Обеспечьте контроль за точным исполнением этой директивы непосредственно в типографии, ни в коем случае не допуская превышения указанного тиража и порядка её распределения»¹³.

Очевидно, издание было предпринято, как говорилось тогда, для «перенимания опыта», хотя кто у кого учился – ещё неясно: скорее, учитывая хронологию, всё же нацисты у большевиков.

Книга Гитлера находилась в спецхранах закрытых библиотек, и после августа 1939 года стала «мирно» соседствовать там с десятками книг совершенно противоположного содержания, вплоть до «Избранных статей и речей» и «Боевых речей и статей» Эрнста Тельмана (Москва, 1935), вождя немецких коммунистов, который сидел в это время в берлинской тюрьме Моабит. Рядом с ними – книга Л. Варшавского «Вопреки всему», изданная Ленинградским комитетом МО-ПРа в 1935 году, так как она «посвящена борьбе германских коммунистов в условиях подполья». И здесь же брошюра «Георгий Димитров» (Ленинград, 1934), «освещающая Лейпцигский процесс» (по поводу поджога Рейхстага)¹⁴.

Публицисты и историки буквально не успевали переписывать книги и статьи, сданные ими в печать до августа. Десятки текстов, получивших разрешительную визу цензуры, уже набранных и даже частично отпечатанных, уничтожались непосредственно в типографиях. В «лучшем» случае из них удалялись в последний момент «неудобные места». Например, цензор Ленгорлита, подписавший к печати 3 сентября 1939 года книгу «Экономика судостроительной промышленности», получил выговор за «утерю бдительности», поскольку «пропустил в ней выражения, не соответствующие духу взаимоотношений с Германией. На стр. 66, например: “Капиталистические хищники – фашистские агрессоры, в первую очередь Германия, Япония и Италия, готовясь к новой империалистической войне, ведут неслыханную по своим размерам гонку вооружений”»¹⁵. Указанные страницы книги были перепечатаны.

Купюры (на цензорском жаргоне – «вычерки») спешно сделаны в сугубо специальных изданиях, в частности, в малотиражных «Трудах Ленинградской конференции по типизации технологических процессов», готовившихся в 1939 году издательством «Машгиз». Как доносили цензоры, «сняты выдержки с резкими возражениями против фашизма, как, например: “В то время, когда разъярённый фашизм уничтожает достижения науки и техники и ведёт свои страны к ужасам средневековья...”».

В программах по экономической географии и новейшей истории, готовившихся к изданию Ленинградским университетом, цензоры нашли «много неверных ошибочных положений», причём под защиту взята даже политика Германии в годы I мировой войны: «Например: Германия рассматривается как главный виновник войны 1914 г. Она выступает как агрессор против стран “демократий” Западной Европы, а Англия и Франция показаны как страны-защитницы демократических свобод. Бывшее польское государство рассматривается неправильно, нет ни слова о его несостоятельности и распаде. Предложено программы изъять».

Под защиту была взята текущая внешняя политика не только Германии, но и других «стран оси», например, фашистской Италии: в связи с этим запрещена и переведена в спецхран книга Е. Сно «Итало-Абиссинская война (Ленинград, 1936), поскольку она «рассказывает о захвате Абиссинии Италией»¹⁶.

В на редкость откровенном дневнике (многие тогда опасались вести их) академик В.И. Вернадский в записях конца 1939 года резко отзывается о том идеологическом курбете, который совершила советская пропаганда и, соответственно, цензура после заключения пакта Молотова-Риббентропа:

«18 октября. Не было “Times” или решили не давать? Но ни одного английского журнала не получил – только американские. Удивительно много для понимания окружающего даёт чтение надцензурных (изданий – ЛБ.) (газеты типа “Times” и “Weekly”, “Manchester Guardian”). Сегодня получил и “Manchester Guardian” (вырезана статья о Сталине и Гитлере – вероятно, лакеи из Главлита побоялись?)».

«12 декабря. Вчера прочёл-просмотрел – против “Фашистской фальсификации истории”;

выпущена 11.7.1939 г. Сейчас, очевидно, (и я об этом слышал), все эти книги изымаются. Тарле пересолил».

Речь идёт о сборнике статей «Против фашистской фальсификации истории» (Москва, 1939), в котором участвовали крупнейшие советские историки – С.Д. Сказкин, Е.А. Косминский, Е.В. Тарле и другие. Статья Тарле «Восточное пространство и фашистская геополитика» имела наиболее антифашистский характер.

«Трудно учесть вред цензуры – вполне бездарной, невежественной и, возможно, сознательно мешающей научной работе в нашей стране», – подытоживающий вывод Вернадского¹⁷.

Предположения Вернадского насчёт «лакеев из Главлита», которых он неизменно называл «гоголевскими типами», документально подтверждаются архивными документами. Так, неудачной оказалась попытка Тарле опубликовать в журнале «Литературный современник» (№ 7–8) статью «Фашистская фальсификация исторической науки в Германии». К справке Ленгорлита, посланной в обком партии в октябре 1939 года, приложен оттиск «снятой с печати» статьи под таким названием. В ней подчёркнуты красным карандашом «криминальные места», касающиеся экспансии Германии, завоевания ею в прошлом земель на Востоке, негативные оценки Гитлера, Геббельса и других нацистских руководителей. Подчёркнуты, в частности, такие фразы: «Шкурный, животный националистический эгоизм, который сейчас возведён фашистами в перл создания, уже успел сделать совсем невозможным существование у них не только исторической науки, но и всех вообще гуманитарных, общественных наук»; «Где же конец морального разложения?».

«Сообщено в редакцию журнала, чтобы статья не печаталась», – такова окончательная цензурная резолюция¹⁸.

В январе 1940 года начальник Главлита Н. Садчиков обратил внимание Агитпропа ЦК на «слишком большую засорённость отдельных томов Большой Советской Энциклопедии» и даже «поставил вопрос» о необходимости изъятия и переиздания отдельных томов. В частности, его внимание привлёк вышедший в 1938 году 36-й том, в котором «...статья “Лейпцигский процесс” (стр. 266) начинается фразой “Чудовищный провокационный процесс, инсценированный германскими фашистами в конце 1933 г. против коммунистической партии и рабочего движения в Германии”». Кроме того, он отметил, что на странице 8 в тексте, поясняющем кто такой Эммануил Ласкер, напечатано: «После установления в Германии фашистской диктатуры Л. приехал в 1935 г. на постоянное жительство в Москву»¹⁹.

Лишь начало войны с «дружественной страной» и резкая смена курса предотвратили перепечатку целых томов энциклопедии. Прежде власти шли на такую акцию, дабы изъять из энциклопедий имена «разоблачённых врагов народа». Поэт-сатирик Русского Зарубежья Дон Аминадо в цикле афоризмов «Похвала глупости» писал: «Министр Геббельс исключил Генриха Гейне из энциклопедического словаря. Одному дана власть над словом, другому – над словарём».

По приказу Агитпропа цензурное ведомство подвергло уничтожению массу других книг антифашистского содержания, в изобилии издававшихся в СССР в 1933–1939 годах (по нашим подсчётам, около полусотни наименований). По заведённому правилу, для этого требовалась санкция Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). К нему и обратился 10 февраля 1940 года начальник Главлита: «Препровождая список из 171 названий книг и брошюр, прошу Вашего согласия на изъятие их из книготорговой сети и библиотек общественного пользования».

Согласие было, конечно, получено. В число изъятых попала книга Н. Корнева «Третья империя в лицах» (Москва, 1933) в связи с тем, что «автор очень остро говорит об изуверстве германского фашизма и непрочности той базы, на которой держится фашизм. В условиях настоящего времени описываемое содержание книги не соответствует нашей внешней политике».

В книге говорилось, в частности, о погромах в Германии, зоологическом антисемитизме Геббельса, Розенберга и других идеологов нацизма, распространении в Германии «Протоколов сионских мудрецов» и другой литературы подобного рода. Книга Э. Отвальта «Путь Гитлера к власти», также вышедшая в 1933 году, попала в проскрипционный список, «поскольку в ней

имеется ряд мест, которые сейчас, после заключения СССР договора о дружбе с Германией, нежелательны». В качестве доказательства цензор приводит такие фразы Отвальта: «Теперь фашизм торжествует. Он справляет кровавые оргии по всей стране, истребляя коммунизм», а также указывает на фрагменты текста, где «плохо» говорится о Гитлере. Такая же участь постигла книгу С. Вешнева «Как вооружались фашистские поджигатели войны», вышедшую накануне заключения пакта 1939 года²⁰

Упомянутый выше В. Леонгард, проведший юность в Москве, регулярно посещал Всесоюзную библиотеку иностранной литературы. В основном он читал книги немецких писателей-антифашистов, живших в эмиграции (в том числе и в Советском Союзе). Леонгард заметил, что в сентябре 1939 года многие их произведения были сняты с полок²¹. Его свидетельство подтверждается документальными источниками. В спецхраны крупнейших библиотек попали не только советские, но и зарубежные издания: нельзя было «бросать тень» на «дружбу» между СССР и Германией. Во всех других библиотеках книги подлежали уничтожению.

И, напротив, до 1939 года наибольшую подозрительность цензура проявляла к немецким изданиям 1930-х, сплошь объявляемых «фашистскими». Но после заключения пакта и до 22 июня 1941 года те же самые издания воспринимались уже более благосклонно.

Крайне показательны, что буквально накануне прихода Гитлера к власти, в 1932 году, Главлиту было велено проявить «бдительность» и «сосредоточить борьбу на наиболее угрожаемых участках». Таким участком объявлялась, прежде всего, немецкая социал-демократическая пресса, «ввиду того, что социал-демократия является главным оплотом капиталистической системы в международном масштабе»²².

Немецкое социал-демократическое движение было предано тогда Сталиным, что немало способствовало приходу Гитлера к власти в 1933 году.

Накануне советско-германской войны фонды спецхрана выглядели вполне абсурдистски: рядом, на одних и тех же полках, стояли фашистские и антифашистские издания. В ходе войны последние забыли вернуть в так называемые «общие фонды», и некоторые антифашистские книги продолжали оставаться под запретом. Да и что тут удивительного: известны случаи, когда люди, посаженные накануне войны «за антигерманские настроения», продолжали сидеть в лагерях до конца 1941 года и даже дольше.

Заодно подвергся цензурным репрессиям «аудиовизуальный», как сказали бы сейчас, материал. Изъят диафильм «Фашизм – это война». Приказано «списать в макулатуру книготорговой сети сборник песен В.И. Лебедева-Кумача “Москва майская” (Музгиз, 1937) в связи с наличием в песне “Нас не трогай” нескольких абзацев антигерманского характера»²³. В еженедельной «Сводке важнейших запрещений и конфискации» за 20–31 августа 1939 года, доставленной в Смольный, начальник Ленгорлита сообщает: «В Парке им. 1 – й пятилетки (бывш. Таврический) в галерее политической сатиры сняты щиты с изображениями политических карикатур как не соответствующие международной политике в данный момент». Он перечисляет девять таких «щитов», и среди них: «Щит № 3. Название “Фашистский самодур”. Текст: “Выехал на коричневом коне (у Щедрина – белом: здесь подчеркнут “официальный” цвет нацизма. – АЗ?), сжёг гимназию и упрямил науки”. Внизу валяются разбитые бюсты учёных, разорванные книги мировых классиков. Горит костёр, на котором сжигаются книги»²⁴.

Не менее показательны манипуляции с текстом рассказа Аркадия Гайдара «Голубая чашка», производившиеся цензурой накануне войны. Хотя самих документов обнаружить не удалось, сравнение текстов первого издания рассказа, вышедшего в 1936 году, с переизданием его в 1940-м отчётливо демонстрирует смену ориентиров. Вот некоторые примеры. Издание 1936 года: «Есть в Германии город Дрезден, и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей». 1940-й: «Есть за границей какой-то город, и вот из этого города убежал от буржуев один рабочий».

1936 год: «“Дура, жидовка! – орёт Пашка. – Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!” А Берта (дочь рабочего-еврея, бежавшего от фашистских погромов в СССР. – ЛК) дуру по-русски хорошо понимает, а жидовку ещё не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: “Это что такое “жидовка”? А мне и сказать совестно. Подождал – и вижу: на

глазах у неё слезы. Значит, сама догадалась... Я и думаю: “Ну, погоди, приятель, это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!”». 1940-й: «“Дура, обманщица! Чтоб ты в свою границу обратно провалилась!” А Берта по-русски хорошо понимает, а дуру и обманщицу ещё не понимает никак. Подходит ко мне и спрашивает: “Это что такое дура?” А мне и сказать совестно... Я и думаю: “Ну, погоди, приятель, с твоим-то буржуизмом мы и сами справимся!”».

Примерно через полгода, к лету 1940-го, когда возникает напряжённость в советско-германских отношениях, закрытые циркулярные материалы Агитпропа предписывают усилить антифашистские мотивы. Цензурные органы в полной растерянности: они не знают, как и куда повернётся колесо. В печати возникает какая-то двусмысленная, межеумочная ситуация: и ругать фашизм вроде бы нельзя, а хвалить или, по крайней мере, относиться к нему лояльно, – опасно... На всякий случай, все изъятые антифашистские книги остаются под спудом.

Примечания

1. См.: Кучкин С. Споры вокруг сентября 1939 г. // Русская мысль. – 7-13 сентября 1999. – № 1487, – С. 10.

2. Леонгард В. Шок от пакта между Гитлером и Сталиным. Воспоминания современников из СССР, Западной Европы и США. – Лондон, 1889– С. 73.

3. Невежин В. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии священных боёв. 1939–1941. – М.: АИРО-XX, 1997.

5. См: Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. -СПб.: Академический проект, 2000.

6. Новый мир. – № 9– 1966, – С. 24.

7. Гинзбург Е. Крутой маршрут. Книга первая. – Нью-Йорк, 1975. – С. 379-

8. Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 204.

9. Центральное Государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД) (бывший Ленинградский партийный архив). Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 3564. ЛЛ. 220–227, 286, 306–310. «О ходе подготовки к празднованию 22-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции по Ленинграду и области и настроениях населения в связи с празднованием». Спецсообщения Ленинградского НКВД. Далее: Д. 3569. ЛЛ. 113, 116, 128. Д. 3562. ЛЛ. 245–259, 273–275, 286, 324–344.

10. Леонгард В. Указ. соч. – С. 73.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 24. Д. 464. Л. 206. См. также: Цензура в СССР. Документы. 1917–1991. Сост. А. Блюм. Коммент. В. Воловников и А. Блюм. – Бохум: Proekt verlag, 1999– С. 286.

12. Леонгард В. Указ. соч. – С. 73.

13. Невежин В. Указ. соч. – С. 61.

14. Центральный государственный архив литературы и искусства СПб (ЦГА ЛИ СПб). Ф. 281. Оп. 1. Д. 43. Л. 418.

15. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 19– Л. 122.

16. ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 4393. Л. 76.

17. Там же. Д. 3379– Л. 187; Д. 4393. Л. 8.

18. Вернадский В. Дневник 1939 г. // Дружба народов. – 1992. – № 11–12, – С. 8–9,16,31,38.

19– ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 3936. Л. 2. (Статья написана на основе доклада, прочитанного Е.В. Тарле. Тезисы доклада опубликованы в сборнике «120 лет Ленинградского Государственного Университета. Научная сессия 16 апреля 1939 г.». – Л., 1939– С. 13–14. Другая статья академика на эту тему всё же успела «проскочить» до рокового дня. См.: Фашистские фальсификаторы истории // Вестник знания. – 1939– № 7 – 8, – С. 2 – 7).

20. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 199– Л. 155.

21. Там же. Д. 19. Л. 115, 117, 121.

22. Леонгард В. Указ. соч. – С. 37.

23. ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1.42. Л. 6.

24. ГА РФ. Ф. 9425. Оп. 2. Д. 20. Л. 84.

25. ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 3379– Л. 179-

Тайное оружие Вермахта К Александров

«...И намучившись, и настрадавшись, и согласившись все в том, что наше начальство – дерьмо, сперва шёпотом и с оглядкой; а потом с отчаянной смелостью заводили разговор про немцев: – Колхозов у немцев нет. Это точно. А фашизм у них – это порядок, а не наш советский бедлам. Немец, он любит порядок. – Дай Бог и у нас наведёт. Людей на свободу повыпустит. Будем жить как нормальные люди. – Пусть приходит. Чего нам с ним воевать. Сталина, что ль защищать, на чёрта он сдался! – У меня брат сидит, а я за это воевать должен? – А у меня отца раскулачили, хоть мы никого и не нанимали. – А у меня дядю вздрючили в органах так, что на всю жизнь инвалид. – У меня..- У меня... – За что ж воевать-то? За Сталина, за усатого сатану? – Что немцы, не люди? Подойдём, аккуратненько ручки подыдем, скажем «Сталин капут!» и всё. И кончилась вся война. – Ну, ладно, пошли. Дай прикурить и потопали. Вон в той деревне фашисты. Запомни: – Сталин капут!..»

Роман Николаевич Редлих «Предатель»

«Посев», 2001, № 6

Невиданный дотоле разгром

Масштаб сокрушительного разгрома РККА за первые четыре месяца войны вплоть до сегодняшнего дня не осознан и в большинстве публикаций и учебных материалов о войне стыдливо именуется «периодом временных неудач». В действительности Вермахт практически разгромил 26 советских армий, из которых 16 имеет смысл считать кадровыми армиями мирного времени. Имея лишь в западных областях почти шестикратное количественное преимущество по бронетехнике, почти шестикратное количественное по авиации и полоторное по артиллерии (а преимущество было и качественным), РККА уступала отобилизованному противнику лишь по численности личного состава, однако располагала большими возможностями внутренних округов.

Тем не менее, за июнь-октябрь 1941 года Вермахт добился ошеломляющих успехов, сокрушив три стратегических эшелона советских войск, захватив Белоруссию, Латвию, Литву, Эстонию, Украину, Крым, среднюю полосу России и создав непосредственную угрозу Москве.

Конечно, успех первого месяца войны от 22 июня до Смоленского сражения 1941 года можно объяснить стратегическим превосходством врага – внезапным и массированным вторжением на огромном фронте, заставшим 16 советских армий I стратегического эшелона врасплох.

Однако чем объяснить развал Юго-Западного фронта в августе-сентябре 1941 года, блокирование Ленинграда, октябрьский Вяземский «котёл» – только лишь превосходством уровня оперативного мышления немецких командующих группами армий и «роковыми просчётами» Сталина? Русское воинство и представить не могло такого количества военнопленных, положивших оружие в многочисленных «котлах» первых четырёх месяцев войны, объявленной Отечественной.

Вот сведения о количестве пленённых бойцов и командиров РККА в наиболее крупных «котлах» 1941 года:

Белостокско-Минский – к 8 июля – 334 571 человек;

Могилёвский – к 16 июля – 35 тысяч человек;

Смоленский – к 5 августа – 309 ПО;

Уманский – к 9 августа – 103 тысячи;

Кричевско-Гомельский – к 19 августа – 78 тысяч;

Ильменский – к 23 августа – 18 тысяч;
 Днепровский – к 27–31 августа – 84 тысячи;
 Лужский – за сентябрь – 20 тысяч;
 Демянский – к 12–17 сентября – 35 тысяч;
 Киевский – к 26 сентября – 665 212;
 Азовский – к 10 октября – 106 332;
 Брянско-Вяземский – к 15 октября – 675 940;
 В Крыму – к 16 ноября – около 100 тысяч.
 ВСЕГО: более 2,56 миллионов человек.

К концу декабря 1941 года в полосе группы армий «Север» было пленено 438 950 бойцов и командиров РККА, в полосе группы армий «Центр» – 1 912 376, в полосе группы армий «Юг» – около 1,4 миллиона. Всего по суммарным данным, основанным на донесениях в Главное командование сухопутными силами Германии (ОКХ), к концу 1941 года в плену оказалось около 3,8 миллиона советских военнослужащих. Из них не менее 450 тысяч оказались расстреляны на поле боя, скончались от ран и болезней, погибли на пересыльных этапах и при транспортировке. Конечно, в числе пленных оказались и призванные по мобилизации после 22 июня, тем не менее, количество пленённых граждан СССР за первые шесть месяцев войны составило почти 70 % от численности личного состава Вооружённых Сил СССР к моменту нападения Германии.

Сотни тысяч без сознания?

Можно, конечно, утверждать, как это делают О.В. Вишлёв, М.А. Гареев, М.И. Мельтюхов, Л.Е. Решин и другие, что в плен попадали больные, раненые и находившиеся в бессознательном состоянии. По отношению к какой-то, но не определяющей, части военнопленных подобные утверждения справедливы.

Но трудно представить сотни тысяч бессознательно лежащих красноармейцев, подобранных человеколюбивыми германскими санитарями под Киевом и заботливо перенесённых ими в постоянный лагерь № 339 под Дарницей, чтобы предоставить им возможность медленно умереть от вшей, голода и болезней в этом, одном из самых жутких лагерей.

Пора перестать заученно повторять избитые мифологемы о «раненых» и «потерявших сознание». В подавляющем большинстве летом и осенью 1941 года в гибельный плен к противнику добровольно попадали здоровые, молодые люди, независимо от своей принадлежности к категории запасников, приписников или кадровиков, бросавшие вверенное оружие и будучи совершенно равнодушными к судьбам собственных воинских частей, присяге и тому подобному. Далеко не все из них проявили готовность принять участие в боевых действиях на стороне Вермахта, однако эта категория могла составить несколько сот тысяч. В основной массе доминировали безразличие и нежелание воевать ни на чьей стороне – ни за Сталина, ни против него. Хотя антисталинский протест выражался в пассивной форме, тем не менее он изрядно подорвал боеспособность РККА и позволил Вермахту добиться столь ошеломляющих успехов.

Одним из самых мрачных последствий существования номенклатурного большевицкого государства стала полная ликвидация системы личных и общественных ценностей. Среди миллионов военнообязанных были не только пережившие расказачивание, раскулачивание, депортации, ссылки, аресты, обыски, допросы с избиениями, репрессии против родных и близких, но и те, кто повседневно ощущал бытовую ложь, параметры и содержание которой менялись в зависимости от извивов «генеральной линии».

Всепроникающая, тотальная ложь о «врагах народа», «шпионах», «вредителях», «кулаках», «непобедимости Красной Армии», «изобилии социалистической экономики», «исправлении и перековке лагерным трудом», «улучшающейся и веселящей с каждым днём жизни» не способствовала воспитанию подлинного, духовного патриотического чувства.

Отдельные известные примеры ожесточённого сопротивления частей РККА летом и осенью 1941 года не могли компенсировать массового пассивного нежелания воевать, рисковать

собственной жизнью во имя колхозов, партийно-административного аппарата и скрытого страха перед НКВД.

Советский человек, борющийся с 1929-го по 1941 год за элементарное физическое выживание в колхозе, лагере, на предприятии, в институте, в армии и на флоте, летом 1941 года избрал для себя привычную модель поведения, следуя которой, как ему казалось, выжить можно было только в плену.

Расстрелянная дивизия

Командование Вермахта испытывало шок от невиданного наплыва пленных, с которыми многие командующие германскими армиями не знали, как поступать. Начальник Абвера адмирал В. Канарис в письме к генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю от 15 сентября 1941 года в отчаянии констатировал, что лишь для охраны уже захваченных военнопленных потребуется 150 тысяч человек – эквивалент личного состава десяти дивизий, взять которые было неоткуда.

В отечественной историографии практически не нашли отражения статистические сведения, характеризующих один из способов решения проблемы военнопленных. С 25 июля по 13 ноября 1941 года в зоне ответственности ОКХ было освобождено и распущено по домам на оккупированные территории 292 702 военнопленных, в зоне ответственности Верховного командования Вооружёнными Силами (ОКВ) – 26 068 человек, в полосе 3-й танковой группы – около 200 тысяч человек. Таким образом, за первые три с половиной месяца войны немцы освободили, преимущественно как «украинцев», такое количество пленных, которыми бы в РККА можно было укомплектовать 35 стрелковых дивизий по довоенному штату! Трудно поверить, что отпущенные по домам попали в плен «ранеными» или «в бессознательном состоянии».

Советская сторона поддерживала боеспособность армии репрессиями в масштабах, неведомых Русской Императорской Армии. С 22 июня по 10 октября 1941 года особыми отделами и заградотрядами НКВД было задержано 657 364 военнослужащих, из которых арестовано 25 878 человек, в том числе расстреляно – 10 201 (!) человек. Противник не мог помыслить, чтобы за неполные четыре месяца расстрелять дивизию в собственной армии. В каждые из первых 111 суток войны расстреливали около 100 бойцов и командиров, вероятно – в воспитательных целях для укрепления боеспособности.

За весь период войны 1941–1945 годов органами госбезопасности и контрразведки подверглось аресту более 180 представителей командного состава в должностях от командира дивизии. Могла ли полноценно сражаться такая армия летом – осенью 1941 года?

«Долой власть Советов»

Имеет смысл обратиться и к секретным сводкам о морально-политическом состоянии кадровых частей РККА в предвоенный период – трудно представить себе их содержание чем-то из ряда вон выходящим.

Красноармеец 96-го артиллерийского полка Квасюк, беспартийный (сентябрь 1939): «... Если бы я имел патроны я бы застрелил того, кто нас ведёт против Польши».

Красноармеец 89-го артиллерийского полка Гома (июнь 1940): «...Отдали Западной Украине хлеб, а сами сидим голодные. Обождите, откроется фронт, будем стрелять в командиров. Пусть дадут 10 лет или расстреляют, всё равно служить не буду».

Красноармеец 300-го полка 7-й стрелковой дивизии Д.Я. Бойченко (6 июля 1940): «...Я подчиняться командованию полка не буду, а если буду на фронте, майору Ляху первому пушу пулю... Моя семья с голода пропадает, и никто на это не обращает внимания. На... мне сдалась такая Родина».

Красноармеец 305-го пушечно-артиллерийского полка Г.С. Довличёв (6 июля 1940): «...Я еду на четвёртый фронт. И на Финляндском фронте мы политруков расстреливали и здесь будем расстреливать».

Найдена анонимка в штабе 300-го стрелкового полка (22 июня 1940): «Товарищи бойцы! Вы хорошо понимаете, что Вас командиры, комиссары обманывают, над вами издеваются.

Ходите оборванные, голодные и холодные и вы не знаете за что идёте в бой на Румынию. Возьмите оружие против Советов и долой власть Советов. Довольно обманывать бойцов-мужиков, дайте им свободу и волю, дайте крестьянам хлеб...»

Истинные пособники Вермахта

Для того, чтобы убедиться в том, что РККА к лету 1941 года походила на армию восточных деспотий, основой которой, по словам историка Б.В. Соколова, были «бесправные, насильственно загнанные в колхозы крестьяне и столь же бесправные, крепостнически прикрепленные к фабрикам и заводам рабочие», достаточно сопоставить итоги 1914 и 1941 годов.

Кампания 1914 года, начавшаяся для России тоже в условиях смятого и поспешного стратегического развёртывания, тем не менее в целом была выиграна Русской Армией. За первые четыре месяца той войны оказались сорваны германские стратегические планы, разбиты четыре австро-венгерских армии, занята вся сопредельная Галиция, удержаны Варшава и Ивангород. Территориальные потери на левом берегу Вислы выглядели минимальными, тем более они предусматривались в ходе предвоенного планирования.

Спустя всего 27 лет германская армия за четыре месяца перемолола живую силу противника, частично уничтожив, частично пленив, и создала непосредственную угрозу одновременно двум столицам. Армия национальной России не ведала такого позора и таких поражений, которые испытала армия первого в мире социалистического государства.

Однако было бы слишком просто искать причины столь невиданного разгрома в оперативном и качественном превосходстве врага. Советское военно-политическое руководство, номенклатура партийного аппарата и органов госбезопасности по собственной воле предоставили Вермахту тайное оружие, разрушительный потенциал которого многократно превышал все достижения немецкой научно-технической мысли периода II мировой войны. Духовно-нравственная и моральная деградация общества, наступившая в результате многолетнего истребления режимом русского и других народов России по социально-профессиональному признаку, стала таким оружием.

Источники

Документы фондов Российского Государственного Военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ), Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

Оккупция и блокада

Невдалеке от фронта. К истории Народно-Трудового Союза Я. Трушнович

«Посев», 1992, № 1

Где-то в 1938 году группа старшеклассников Русской гимназии в Белграде решила, что «пора начать делать что-то для России», и направила двух «делегатов», Андрея Былинского и автора сих строк, к председателю Народно-Трудового Союза (НТС) В.М. Байдалакову. «Первая работа для входящих в Союз – это учение», – сказал он и добавил, что «Николай Федорович Шиц всё устроит». Н.Ф. Шиц сказал: «Пошли!»

Возле небольшого дома, который сносили и с полуразобранной крыши которого в великой пыли кто-то сбрасывал черепицу и куски досок, он остановился и, набрав полную грудь воздуха, крикнул: «Юра-а-а!» Черепица перестала падать и сверху отозвался высокий тенор: «Да, Николай Федорович?» – «Слезай!»

Сверху спустился светлоглазый, светловолосый, небольшого роста молодой человек. Шиц кивнул в нашу сторону: «Гимназисты. Звено организовали. Звеноводом будешь?»

Молодой человек вытер ладонь о перепачканную штанину и пожал нам руки. «Жедеягин. Для друзей – Юра. В институте окончился семестр, так я немного подрабатываю. Но по вечерам – могу!»

Мы начали «прорабатывать» материалы НТС, недавно вышедшие толстыми брошюрами и за зелёную обложку прозванные «зелёными романами». Шумно спорили, и нередко задачей звеновода было лишь успокоительно махать ладонями и уговаривать: «Ребята, не все сразу!»

После того, как Ю. Жедеягин – вместе с А. Ширинкиной и В. Молчановым – уехал в Германию, чтобы оттуда пробираться в оккупированные области России, руководить звеном стал А. Былинский. Когда уехал и он, назначили меня.

Андрей Былинский пробыл некоторое время в Берлине, затем перебрался в Россию, где поддерживал связь с партизанами в Белоруссии – и пропал без вести. Впоследствии стало известно, что засланные к партизанам особисты получили приказ: членов НТС, налаживавших связь с партизанами, пытаться захватывать живьём и с партизанских аэродромов переправлять на «Большую землю». Ходили непроверенные слухи, что именно такая судьба постигла Андрея.

Приём в НТС в Вязьме

Путь, которым А. Ширинкина, В. Молчанов и Ю. Жедеягин пробирались в Россию, был для того периода работы НТС «классическим». На белградской бирже труда подписали контракт с немецкой фирмой. На фирму не явились, а двинулись в Силезию. В Катовицах члены НТС из Польского отдела переправили их через новообразованную границу «тысячелетнего Рейха» – трамваем, в толпе рабочих – в Сосновицы. Из Сосновиц, с помощью друзей из польского Сопротивления, – в Краков. В Кракове их задержало Гестапо, но те же поляки помогли бежать. В Варшаве А.Э. Вюрглер снабдил их «липой», свидетельствовавшей, что они – жители Белоруссии, бежавшие в 1939 году от большевиков, и теперь возвращающиеся домой. Добрались до Бреста, где как раз в тот день у местной группы НТС был праздник: вернулись два члена Союза, захваченные в 1939 году НКВД; при приближении немцев энкаведисты бежали, не успев их расстрелять, как других.

В Минске В. Молчанов и Н. Кузьменко (член Союза из Югославии) попали в облаву в деревне, куда поехали за продуктами. В гестаповской тюрьме они пробыли полгода. Их допрашивали «с пристрастием»: выводили с другими заключёнными в тюремный двор, где на их глазах несколько заключённых расстреливали, а остальных отправляли назад в камеры – «до следующего раза». Оба вдобавок заболели в тюрьме брюшным тифом и с высокой температурой, в полуобморочном состоянии, притворялись здоровыми: тифозных больных гестаповцы уничтожали.

А. Ширинкина и Ю. Жедеягин двинулись дальше, в Смоленск, в распоряжение Г.С. Околовича, руководившего работой НТС на оккупированной территории. Между Минском и Смоленском проходила (через Борисов) довольно строго охраняемая граница между оккупированной территорией с гражданским немецким управлением и «военной зоной», где власть была в руках армейских комендатур. Первой через границу удачно перебралась Ширинкина. А Жедеягин пересёк её следующим образом. Уборщиком в минском военном управлении был бывший советский офицер, член НТС. Он сообщил, что в Смоленск идёт колонна грузовиков. Шофёры – работающие по найму поляки. К одному из этих поляков и вписали «помощником» Жедеягина.

В Смоленске под руководством Околовича работала группа, в которой были друзья Жедеягина из Югославии. Были также члены НТС из Праги В. Хасапов, О. Лопуховский, братья Кандины и вездесущий С. Тарасов – певец и танцор, он устроился в ансамбль песни и пляски и разъезжал с ним по оккупированным областям, выполняя одновременно поручения Союза. Но совсем неожиданной была встреча со старым другом Иннокентием Хлобыстовым, связь с которым была потеряна. Оказалось, что он в Смоленске уже давно: ещё до войны нелегально перешёл советскую границу. (Хлобыстов участвовал во взятии Берлина, служил в Группе советских оккупационных войск в Германии, связался с руководством НТС через нашу

Берлинскую группу. После демобилизации вернулся в СССР и продолжал вести работу, был схвачен КГБ и умер в заключении.)

Околович намеревался отправить Жедилягина в Могилёв, но тот попросился поближе к фронту, в Вязьму. Он знал адрес члена НТС в Москве и надеялся, что из Вязьмы с ним удастся связаться. Да и Москва в тот момент висела на волоске: немцы готовились её взять, советское командование – оставить.

Через Вязьму только что прошёл фронт, город ещё местами горел. Там уже были члены НТС, и надо было связаться с двумя из них, жившими на Юхновской улице. Дома их не было: незнакомый мужчина сказал, что оба арестованы немцами. К счастью, он оказался их другом, хранившим их вещи и литературу НТС. Он же познакомил Жедилягина с начальником городского управления Н.Я. Шалдыкиным, который пообещал устроить Жедилягина документы.

Шалдыкин был педагогом и приложил много усилий чтобы дети могли продолжать учиться и в оккупированном городе. По вечерам у Шалдыкина собирались друзья якобы для проведения «вечеров поэзии». Говорили и спорили о многом, от вопроса о хлебе насущном до судеб страны, которая переживала один из самых трудных периодов своей истории.

На этих вечерах бывали и местные жители, и москвичи, попавшие в Вязьму в силу обстоятельств. В Москве было сформировано двенадцать дивизий ополченцев, куда забрали студентов, музыкантов, врачей, учёных, – людей, малознакомых с военным делом, да к тому же вооружённых по системе «одна винтовка на троих».

Ополченцы попали в Вяземское окружение, и многие из них пытались осесть здесь под видом местных жителей, чтобы не угодить в лагерь военнопленных. Шалдыкин помог многим окруженцам, превратив их в «коренных вязьмичей». (Сам он стал членом НТС, впоследствии погиб в Белоруссии.)

Вошли в НТС и некоторые из московских ополченцев. Имен их – и подобных им людей – члены НТС в воспоминаниях обычно не приводят: многие из них при отступлении немцев остались. Жедилягин только вскользь отмечает, что среди москвичей был хирург из Кремлёвской больницы и что такого масштаба и возраста людей он, по молодости своей, лично принимать в организацию стеснялся. В таких случаях Вяземская группа приглашала Околовича.

Органы местного самоуправления

Пока не начали активно действовать партизаны, особенно специальные группы, переброшенные с «Большой земли», населению в прифронтовой зоне жилось несколько легче, чем под гражданскими оккупационными властями, где заправляли «гольдфазаны» («золотые фазаны» – так немецкое население вполголоса называло, за жёлтую форму, чиновников розенберговского министерства, занимавшегося оккупированными областями на Востоке). Это не значит, что и там не арестовывали, не расстреливали заложников, что там не умирали от голода военнопленные. Просто среди военных комендантов было не так уж много «железных» партийцев и тупо-высокомерных расистов. В прусской конституции сказано, что «первая обязанность бюргера – сохранять спокойствие». (Занятое совпадение: у нас, хотя и не было записано в конституции, но царило такое же популярно изложенное правило: «не высывайся».) Этого и ожидали коменданты от населения оккупированных областей и неохотно вмешивались в хозяйственную жизнь, доверяя работу органам местного самоуправления. В эти-то структуры и старались включиться члены НТС, выполняя установки организации:

- всемерно помогать на местах населению и пленным;
- проникать в толщу населения и закрепляться там;
- изучать настроения и обстановку и информировать о них Центр;
- распространять идеи Союза и анализировать их доходчивость;
- искать верных и честных друзей, создавать группы «без пяти минут членов НТС», принимая наиболее подготовленных в организацию.

Когда немцы начали массово набирать людей на работы в Германию и широко это пропагандировать, Союз решил по мере сил противодействовать. А. Хохлов и Жедилягин даже

устроились на работу на вяземскую биржу труда, чтобы навести путаницу в документации. Но ни в 1941-м, ни в 1942 годах удержать людей от отъезда в Германию не удавалось.

Добровольный отъезд в Германию резко уменьшился после того, как стало известно, что «восточных» рабочих держат впроголодь, что рабочий день изнурителен и долог. Но больше всего возмущали людей унижения, которым они подвергались. Их метили, как скот, значками «Ost» («Восток»), их барачные общежития были за колючей проволокой и мало чем отличались от концлагеря, им запрещалось пользоваться городским транспортом, укрываться в солидные бомбоубежища, устроенные для людей «высшей расы». Бывало, что и били. Гнев и горечь, несомненно, усугублялись ещё и тем, что задолго до войны и в первый период войны многие из носивших значок «Ost» надеялись, что культурный Запад освободит их от ВКП(б) – «второго крепостного права (большевиков)» – так до войны очень многие советские граждане расшифровывали известную аббревиатуру.

Другая причина уменьшения добровольных отъездов в Германию заключалась в том, что в оккупированных областях деревня, а за ней и город довольно быстро становились на ноги. Естественно, что об этом ни словом не упоминали советские исследователи. Но не писали и западные, очевидно, не желая обижать Сталина, Хрущёва, Брежнева и иже с ними, опасаясь, что их обвинят в симпатиях к нацистам.

А дело было вовсе не в нацистах. Жизнь улучшалась без их одобрения и даже без их ведома. Дело было в отсутствии советской власти. Там, где не было партизан, особенно засланных Москвой, и, следовательно, не свирепствовали карательные отряды, даже вблизи фронта жизнь была сравнительно мирной. Верно, немцы требовали поставок. Но не забирали всё «под метлу», как это делали большевики, платившие колхозникам пустыми трудоднями. И в жизнь колхозников немцы не вмешивались, да из-за языковых различий и не могли бы особенно вмешиваться. Подписываться на какой-нибудь русский «Фёлькишер беобахтер» не принуждали, изучать «Майн Кампф» не заставляли, вступать в нацистские организации не агитировали. Да и колхозниками крестьяне практически быть перестали. Верно – национал-социалистическое руководство запретило распускать колхозы: ему они были нужны для того же, для чего и коммунистическому руководству. Колхоз – удобный инструмент эксплуатации. Однако крестьяне без шума поделили между собой землю, технику использовали артельно. «Подати» поставляли исправно. Немецкие контролёры появлялись редко, а когда появлялись, хитрые старосты старались напоить их до полубессознательного состояния и отправить в обратный путь, уложив замертво в сани, рядом с «подарками» в виде поросят, гусей и первача. «Нам только жить не мешай, а уж хорошую жизнь мы создадим себе сами», – говорили люди.

В городах, как всегда в такие времена, с питанием было хуже, чем в деревнях. Но местное самоуправление пыталось как-то исправить положение, устраивая, например, городские столовые. В Вязме предприимчивый Чикмарёв даже организовал небольшой завод колбасных изделий, главным образом из конины: скупал у немцев раненых лошадей – фронт ведь проходил недалеко от города.

С точки зрения Сталина, все, кто работал при немцах, были преступниками, после войны с ними жестоко расправлялись. Про одного из таких «коллорабационистов», священника, писатель Виктор Астафьев потом сказал: «Да, он при немцах работал, но служил-то людям».

Тут, по-видимому, дело было не столько в том, кому служил и делал ли добро людям. Дело было опять-таки в том, что люди ушли из под денно-нощного надзора диктатуры и тем самым «испортились», начали принимать самостоятельные решения. Через много лет после окончания войны, где-то в 1960-е годы полковник КГБ сформулировал это примерно в таких словах, сказанных задержанным демонстрантам: «Даже если вы завтра устроите демонстрацию под лозунгом “Да здравствует советская власть!” – мы вас арестуем, потому что вы демонстрируете по собственному решению, а не по указанию партийного руководства!»

«Гитлер Россией подавится!»

Идея создания «третьей силы», которая противостояла бы и нацистам, и большевикам, в первый период войны мало воспринималась, впоследствии распространялась все успешнее. Не только под влиянием НТС: членов организации на оккупированной территории было ведь не

так уж много. Где-то в 1942 году эта идея стала витать в воздухе. У НТС она была лишь чётко сформулирована, поскольку организация начала её выдвигать ещё в 1938 году.

В то, что коммунистическая власть не вернётся, не должна вернуться, люди верили, хотели верить. А если она и вернётся, то «по-старому больше не будет». Вскоре и советская пропаганда – устно и вполголоса, но никогда в письменном виде, – вторя настроениям народа, стала пускать слухи, что после войны колхозы будут отменены.

Большинство народа было уверено и в том, что сколько бы противник ни отхватывал нашей территории, России ему не победить, всех немцев, вместе взятых, не хватит на это. «Гитлер Россией подавится» – так формулировали эту мысль.

Всё это тогда было, конечно, недоказуемо, основывалось на желаниях, на интуитивных ощущениях. Но в 1991 году в журнале «Родина» (№ 6/7, посвящённом II мировой войне) об этом говорит человек знающий, генерал-лейтенант в отставке Н.Г. Павленко, немало сделавший для восстановления правды о войне: «Даже если бы немцы взяли Ленинград, Москву и другие центры, отодвинули бы нас до Урала, то для победы им всё равно бы не хватило сил».

Единственной возможностью избежать конечного поражения был для них отказ от намерения превратить Россию в колонию и помочь русскому народу расправиться со сталинской диктатурой. И немало немецких военачальников стояло именно за такое решение, приводя в ярость губителя своего и нашего народов – несгибаемого фанатика Гитлера.

Связь с партизанами. Мельник Прохор

После того как в Вязме появилось отделение торгового Общества «Восток», группа НТС решила туда проникнуть. Оно было создано по примеру английских и французских обществ в африканских и иных колониях, и его задачей было взять под контроль экономику в оккупированных областях Советского Союза. Но замысел – одно, а практика – другое.

Вяземское отделение Общества находилось вблизи фронта и особенно развернуться не могло. Немцев в нём было всего трое, все остальные – русские. Немец Пехе, начальник отделения, не был поклонником Гитлера; предполагали даже, что он был противником национал-социализма. У Пехе была русская подруга, и он всегда, если мог, выполнял её просьбы. А. Супрунов, знавший немецкий язык и имевший шофёрские права, устроился в Общество первым, затем туда поступил Жедилягин.

Интерес для вяземской группы представляли склады Общества – зерно и особенно соль, ценившаяся тогда «на вес золота». А также то, что Общество имело право выдавать проездные документы.

Сговорившись с русским начальником склада, при разгрузке перестали регистрировать часть товаров. Добытое шло в городские столовые и нуждающимся. Судя по всему, кое-что шло и партизанам.

Продукты, особенно соль, отправляли даже в Смоленск, в распоряжение Околовича.

Получив от Общества «Восток» проездные документы, группа НТС создала по деревням опорные пункты, через которые налаживали связь с партизанами, переправляли туда литературу НТС. Одним из наиболее надёжных мест связи была мельница в Золотарёвке, формально перешедшая в Общество «Восток». Мельник Прохор не был членом НТС, но был своим человеком. Партизаны, которых он снабжал мукой и другими продуктами, ему тоже доверяли.

Вначале партизан как таковых не было, а были «окруженцы», остатки разбитых частей Красной Армии. Немцам сдаваться они не хотели, тем более узнав, что делается в лагерях военнопленных. О том, как «встречает Родина» вышедших из окружения, они тоже отлично знали. Словом, деваться было некуда, а есть-пить надо. С добывания еды и началась партизанщина. Само партизанское движение, стремление отомстить немцам за их безобразия – создала со временем безумная политика Гитлера. Сталин же стал осёдлывать партизанские отряды один за другим, снабжая их боеприпасами и засылая в них партийных работников и чекистов. Но был период, когда партизаны ещё не попали в подчинение Москвы, и находившиеся в отрядах люди свободно говорили то, что думали: высказывания эти были одновременно и антисоветскими, и антинацистскими.

Встречались члены Вяземской группы с партизанами чаще всего на мельнице у Прохора.

Встречи проходили под видом дружеских вечеринок. Ужинали, «крутили патефон», затем девушки шли спать и оставалась мужская компания, к которой из лесу выходило два-три связных от партизан. Обсуждали разные возможности, обменивались мнениями. На рассвете связные уходили обратно, забрав заготовленную Прохором муку и другие продукты.

Однажды Прохора арестовали, но поскольку он числился за Обществом «Восток», Пехе за него поручился, и мельника освободили. Впоследствии, перед уходом немцев из Вязьмы, Прохора снова забрали. Пехе в Вязьме уже не было, заступиться было некому, и Прохора расстреляли. У членов НТС в Вязьме были обоснованные подозрения, что донесли на Прохора в Гестапо по заданию НКВД – за его связь с НТС.

Были доносы и на членов НТС. Немецкий переводчик, русский по происхождению, знавший Жедилягина по Белграду, донёс, что тот вовсе не житель Вязьмы, а член НТС из Югославии. Шалдыкин узнал об этом и предупредил. Жедилягин скрылся, но вскоре вернулся, так как сменился гарнизон и немецкое начальство, а вместе с ними уехал и доносчик.

Опасаться надо было больше всего начальника Вяземской русской полиции Скоробогатого, про которого ходили слухи, что он не то крупный член компартии, не то засланный работник НКВД, задача которого создавать напряжение среди населения. Шалдыкин, постоянно встречавшийся со Скоробогатым по делам городского управления, предпринимал всё возможное, чтобы обезопасить Вяземскую группу, членом которой он был сам. Впоследствии двойная игра Скоробогатого была раскрыта немцами: его расстреляли.

Военврач Валентин Андреевич Жданов

Супрунов, Хохлов, Жедилягин и молодой механик из Москвы жили в небольшом доме вблизи моста через речку Бебрю, приток Вязьмы. В этом доме собиралась молодёжь, пели, слушали музыку, шумно проводили время. Мало кто знал, что там центр Вяземской группы НТС. В этом доме было принято в организацию немало людей.

Нередко бывал там и увлёкся идеями НТС Валентин Андреевич Жданов – сын (от первого брака) сталинского заместителя в Ленинграде, секретаря ЦК и Ленинградских обкома и горкома, члена Военного совета А.А. Жданова.

Военврач Жданов попал в Вяземское окружение и бродил в лесах с остатками разбитых воинских частей. Им удалось установить связь с Москвой, и В.А. Жданова переправили на «Большую землю». А в начале 1942 года снова забросили в немецкий тыл. Но неудачно: его захватили. Он попал в лагерь военнопленных под Вязьмой, где его узнали и донесли немцам. Те как-то проверили и, убедившись, что он сын «того самого» Жданова, перевели в лагерь для «знатных военнопленных». Даже, что было редкостью, стали выпускать в город.

О своей матери он ничего не рассказывал, о мачехе отзывался хорошо, отца же явно не любил и говорил о нём мало. Запомнился лишь его рассказ о том, что у старшего Жданова была коллекция часов, которую он хранил в шкатулке.

Члены НТС относились к Валентину по-дружески. Он отвечал тем же. Но однажды он неожиданно-негаданно появился в форме немецкого лейтенанта и сообщил, что его направляют в Берлин, где он должен будет выступить по радио. Прощаясь, он расплакался.

Доехать до Берлина ему было не суждено. Друзья из Ярцева сообщили, что отряд партизан остановил поезд и убил одного-единственного пассажира – Валентина Жданова. Надо думать, что агентура дала знать в Москву, а оттуда пришло соответствующее распоряжение в один из особых отрядов. Убийство это – вероятно, наиболее веское доказательство того, что Валентин действительно был сыном «того самого» Жданова.

Перед отступлением немцев из Вязьмы туда приехал Околович определить, кому из группы можно остаться в Вязьме, а кому нельзя. Жившие в Вязьме москвичи, в том числе и члены НТС, намеревались пробираться домой, в столицу, хотя и понимали, что их там не будут встречать с распростёртыми объятиями. И в самой Вязьме осталась подпольная группа.

Жедилягин работал затем в Мстиславле, в Рославле и в Борисове, вблизи которого члены НТС КВ. Болдырев и Д.В. Шульгин (сын видного политического деятеля дореволюционной России, одного из идеологов Белого движения В.В. Шульгина) налаживали сотрудничество с партизанами.

От Белграда до Орла А. Шыринкина

«Посев», 1990, № 6

Я принадлежу к тому поколению эмиграции, которое «успело» родиться в России: я родилась 3 декабря 1917 года в Харькове, куда мои родители, коренные петербуржцы, бежали от большевиков. Отец, кадровый офицер («синий кирасир»), служил курьером между Деникиным и союзниками. В 1920 году мы эвакуировались из Новороссийска через Лемнос. На пароходе заболела и умерла моя младшая сестра. С острова Лемнос мы переехали в Югославию.

Материально моим родителям, как и многим другим эмигрантам, пришлось очень трудно – отец был офицером и другой профессии не имел, мать подрабатывала тапёром в немоём кино. Я поступила в русско-сербскую гимназию и стала очень много читать. Главным образом – «взрослые» книги. Русская колония в Белграде была довольно большой, все разговоры взрослых о политике и об освобождении России я впитала с детства. Позже я вступила в Народно-Трудовой Союз.

В апреле 1941 года после трёхдневной бомбежки немцы вошли в Белград. Война между Германией и Советским Союзом для нас представлялась неотвратимой. Руководство НТС вынесло решение: после начала войны членам Союза пробираться на оккупированные территории. Такой наказ был оставлен и Белградскому отделению. Так как немцы запретили все ненацистские организации, Союзу пришлось «самораспуститься», и деятельность его с той поры была подпольной.

Гитлер запретил русским эмигрантам появляться на оккупированной немцами территории СССР. Но нами была отстроена система переправки людей в Россию через Берлин, так что для того, чтобы попасть на родину, требовалось сначала приехать в германскую столицу. Первым оказывались в России те члены Союза, которые жили в Польше, потом настала очередь Югославии: в конце 1941 года мы получили визы. Мы выехали в Берлин вполне легально, с визами. Это было 21 января 1942 года.

В Берлине мы прожили не больше недели – вся группа выехала в Варшаву. Путь не был лёгким: нужно было ехать до Катовиц (тогда – немецкий город), откуда добираться до Сосновиц, входивших тогда в «генерал-губернаторство» – оккупированную Польшу. В Сосновицах работала группа польских подпольщиков, которые встречали нас в Катовицах, оттуда на Сосновицы ходил простой трамвай, на котором нас перевозили. В Сосновицах нас «передали» в семью польских подпольщиков, где мы ждали проводника. Он должен был нас провести до Кракова, где нам надо было нелегально сесть в поезд, идущий в Варшаву. Документов, разрешающих нам пребывать на территории «генерал-губернаторства», у нас не имелось.

Был март, мы шли по льду через речку, периодически проваливаясь, потом лесами вышли на какую-то станцию, откуда мы и должны были ехать до Кракова. Приехали ночью, после начала комендантского часа. Проводник сказал, что мы возьмем извозчика, которого немецкие полиция обычно не контролируют.

Ни одного адреса в Кракове у нас не было. Мы знали только, что здесь живёт девушка по фамилии Макарова, член НТС. Мы её нашли по телефонной книге. Она спрятала нас у себя, и, несмотря на то, что была тяжело больна, пошла искать возможности отправить нас в Варшаву. Ухитрилась достать нам билеты и провести нас к поезду, минуя проверку документов. До Варшавы мы доехали благополучно.

В Варшаве мы явились к Александру Эмильевичу Вюрглеру – руководителю Польского отдела НТС, который во время войны возглавлял акцию переброски членов Союза в Россию. Вюрглер распределил нас по квартирам членов организации, где мы оставались месяц, ожидая дальнейших распоряжений. На этот месяц Александру Эмильевичу удалось устроить меня и ещё одну местную девушку из НТС в госпиталь для советских военнопленных медсёстрами. Военнопленных привозили из концлагерей – это были уже форменные доходяги. На каждую из

медсестёр приходилось по сто человек.

Мы проводили там почти весь день. Старались доставать какую-нибудь еду, что было не так просто. Это была моя первая встреча с советскими людьми. Кроме туберкулёзников (по тем временам фактически смертников) и «доходяг» там были два врача, тоже из пленных, и санитары. Один врач был кавказец, второй украинец, по фамилии Иващенко, бывший комиссар. Личность была мерзкая. Как-то раз кто-то из больных, знавший о его прошлом, рассказал об этом другим больным, за что Иващенко моментально выписал его обратно в лагерь как здорового.

После этих встреч я разочарована не была: большинство из лежавших в госпитале людей я воспринимала как своих, отчуждённости от меня, эмигрантки, не чувствовалось.

Примерно через месяц нас вызвал Александр Эмильевич и сказал, что мы должны ехать в Брест, где есть члены НТС, у которых мы сможем остановиться. В Бресте я должна была собрать паспорта всей нашей группы, пойти в немецкую комендатуру, найти там какого-то немца (фамилию не помню), сказать ему пароль, а он должен был поставить необходимые для нас печати, с которыми мы могли бы двигаться дальше, до Смоленска.

Работа НТС в Смоленске велась по личной инициативе каждого, по нескольким направлениям. Прежде всего – помогать населению по мере возможности. Для этого многие из наших работали на гражданских должностях в городской управе. Во многом это было возможно благодаря городскому голове Меньягину. Георгий Сергеевич Околович ведал транспортным отделом, в распоряжении которого находилась единственная машина. На ней нужно было колесить по окрестностям в поисках топлива для города.

Со временем появились базары и толкучки, маленькие ресторанчики. Мы пытались на практике показать населению возможность нормально жить и облегчить условия оккупации. Немцы вмешивались сравнительно мало, но когда это происходило, нам проще чем местным было ругаться с ними. Так как мы были с Запада, отношение к нам было другое, и «всемогущего начальства» мы боялись меньше.

С литературой НТС было сложнее, возможности печатать её на месте не было, приходилось довольствоваться тем, что мы привезли с собой, и устной пропагандой. Позже курьеры начали привозить нам литературу из Европы. В некоторых местах нам удалось установить связи с партизанами, главным образом – с «зелёными», которые боролись против и немцев, и большевиков. Им мы также передавали нашу литературу, в частности программу организации. Такие связи были установлены в Борисове. В других местах связь с партизанами держал Игорь Юнг. На связь он ходил сам, в немецкой форме. Под Могилёвом к партизанам ходил Женя Волновский, молодой парень из местных, его на этом захватили немцы и расстреляли.

С июня по октябрь 1942 года я пробыла в Смоленске. В это время мы (я и Сергей Тарасов) получили от Околовича задание отправиться в Орёл и создать там группу НТС. Как – дело наше, к инициативной работе нас готовили. Что касается документов, то это единственный раз, когда у нас был «маршбфель», немецкое направление, которое как-то раздобыл Околович. Мы должны были сдать его в комендатуру по приезду. Кроме этого у нас не было ничего – ни денег, ни работы, ни жилья.

По дороге мы остановились в Брянске, где была довольно большая группа НТС. Один из членов Союза в Брянске Хасапов (эмигрант, живший до войны в Чехословакии), желая помочь, неожиданно оказал медвежью услугу. У него было знакомство с сотрудником местной газеты в Орле. Неизвестно почему, но Хасапов считал его своим и попросил помочь нам. Этот промах и послужил причиной нашего провала.

Мы приехали в Орёл, отметились в комендатуре и чуть ли не в тот же день пошли в редакцию газеты. Газета была приписана к немецкому отделу пропаганды, и её фактическим заведующим был некто Октан – русский эмигрант из Румынии, но старый кадровый немецкий разведчик. Последнее выяснилось слишком поздно. Когда я пришла устраиваться в газету, «контакт» сказал, что он сам этого решить не может, что со мной должны поговорить более влиятельные люди. Появился Октан, после недолгих расспросов предложил мне написать пробную статью. Он спросил, есть ли у меня продуктовые карточки и место, где жить? Ничего у меня не было. Он тут же выдал мне талоны в местную столовую. Полученные в столовой щи я

принесла Сергею (он в газете не появлялся в целях конспирации, но уже ухитрился найти где-то комнату). Щи мы съели вдвоём, а потом я написала статью на тему «что такое пропаганда», как нас учили в звеньях НТС. Особого труда задание не составило.

На следующий день я принесла статью в редакцию. Меня попросили прийти через некоторое время. Когда я пришла за ответом, мне сказали, что некто майор Волков из отдела пропаганды хочет со мной поговорить. Как потом выяснилось, «Волков» оказался немцем, хотя и неплохо говорящим по-русски. С места в карьер он стал меня спрашивать об НТС. Он сразу же показал осведомлённость, стал меня спрашивать – откуда у меня такие знания о пропаганде? Я отвечала, что знала НТС по Белграду, но организации больше нет, а с пропагандой я знакома по литературе. Из этой беседы я почувствовала, что НТС он не очень любит.

Он попросил написать статью для газеты на какую-нибудь другую тему. Я написала большую статью на историческую тему, легенды о Смоленске, которых я к тому времени немало насобираала. Статью приняли, но сказали, что свободного штатного места в редакции нет.

Серёжа тем временем устроился в театр, в местный ансамбль. Через театр он познакомился с немецким офицером в довольно высоком чине. Сергей начал обрабатывать его на тот счёт, что среди населения нужно вести антикоммунистическую пропаганду. И сказал, что у него есть одна знакомая, которая могла бы этим заняться, например, устроить выставку, посвящённую преступлениям большевизма. Немцу эта идея понравилась.

Сергей пришёл ко мне и велел писать докладную о выставке. Материалы для подобной выставки (которая готовилась в Белграде, но не состоялась) у меня были: диаграммы, сравнение зарплаток в СССР и Западной Европе, материалы о голоде времён коллективизации. Докладную мы составили вместе, он отнёс её этому немецкому офицеру, тот идею одобрил и сказал, что подобную выставку можно было бы сделать передвижной и ездить с ней по всей оккупированной зоне. Мы обрадовались: появилась бы возможность для связи между группами НТС по всему району, что в настоящий момент было очень затруднительно. Пропагандный отдел идею также одобрил.

Я сказала немцам, что материалы для выставки остались в Смоленске и что мне необходимо их оттуда забрать (на самом деле они у меня были с собой, но мне нужно было согласовать это начинание со смоленской группой). На командировку дали добро. Когда я пришла за документами, меня представили немецкому сержанту, сказав, что он художник и поедет со мной, чтобы помогать в оформлении выставки.

«Художник» не отходил от меня ни на шаг до самого Смоленска, там мне удалось его отвлечь и добраться до Георгия Сергевича с докладом. Привезённые мной диаграммы я положила в один чемодан, а второй был набит солью, которой в Орле не было, и поэтому она могла быть для нас ценной валютой. В дороге мой сопровождающий несколько раз переспрашивал – в каком чемодане соль, а в каком документы?

Когда мы приехали в Орёл, немец пошёл вызывать машину. В дороге я задремала, вдруг просыпаюсь – машина останавливается возле патруля, у которого мой сопровождающий начал выяснять дорогу к какому-то зданию. Я поняла, что везут меня совсем не домой. Патруль, из русских полицаев, наконец понял, что ищет немец: «А, так вы это про тюрьму спрашиваете!».

Действительно, меня привезли в тюрьму. Извинился, мол, приказ, и уехал. Тюрьма была большая, старая, ещё царских времен. Меня поначалу даже не обыскали, отобрали документы и отвели в камеру. Затопили печь – уже было холодно – и оставили одну. На моё счастье, не забрали сумку, в которой у меня была привезённая из Смоленска «Схема народно-трудового строя», только что доставленная из-за границы, и несколько НТС-овских значков для приёма в Союз людей в Орле. Я быстро засунула всё, что было в сумке крамольного, в печку.

На следующий день сумку отобрали и меня перевели в другую камеру, набитую женщинами разных возрастов, сидевших по одному делу, сфабрикованному сотрудником Гестапо. Этот провокатор создал фиктивную партизанскую ячейку, куда самыми разными, зачастую отвратительными, методами вербовал людей, а затем выдавал их. Таким образом было арестовано около ста человек. Сокамерниц всё время вызывали на допрос, а меня – нет. Сижу, жду. Наконец меня вдруг вызвали и начали допрашивать по тому же делу, что и остальных! Немец-следователь удивился, узнав, что к этому делу я не имею никакого отношения, начал

выяснить, откуда я и почему здесь? Я сказала, что приехала из Белграда. «Ах, из Белграда! – обрадовался он. – А знаете ресторан “Казбек”?» Оказывается, он сам служил в оккупационных войсках в Белграде. После воспоминаний о югославской столице он отправил меня назад, в камеру. Там я просидела четыре месяца.

Однажды вызывают, я вижу – рядом с немцем стоит наш сосед по дому, где мы жили с Серёжей, некто Птицын.

Его привели из соседней камеры. Он посмотрел на меня с презрением: «Ах вот вы какая!». Он решил, что я в одной компании с этим немцем. Только когда нас вместе посадили в машину и повезли на допрос, он понял: «Так вы тоже арестованы!».

Нас разделили: его повели к одному следователю, меня – к другому. Мне было предъявлено первое обвинение: «Мы вас арестовали за нелегальный въезд в Орёл!». По странному стечению обстоятельств это был единственный раз, когда мы легально въехали в город! Я объяснила полную легальность моего пребывания в Орле. Следователь удивился: «Идите, мы будем проверять». Меня отвели в следственную камеру, там было человек двадцать арестованных, большинство по тому же «партизанскому» делу.

Так я досидела до Пасхи. В камере начались разговоры о Боге, выяснилось, что, кроме одной портнихи, все верующие. Решили попросить разрешения привести священника. Обещали, но не привели. Наизусть даже я знала довольно мало молитв, чтобы подготовиться. Вдруг одна женщина, державшаяся в стороне от всех (она была женой секретаря обкома, и с ней общаться не хотели), достала из кармана молитвослов. Мы начали молиться каждый день. На Воскресение Христово, ночью, мы все дружно грянули: «Христос Воскресе!». Охранники испуганно загремели засовами, открыли двери, но тихо простояли до окончания пения и лишь потом попросили нас не шуметь. Вижу – одна девчонка-комсомолка (её арестовали за то, что она демонстративно носила значок с Лениным) разревелась и говорит: «Я ведь даже креститься не умею!».

Наконец меня вызывают к следователю и говорят: «Нет, всё-таки вы приехали нелегально!». Иногда следователь начинал кричать, я – тоже. В августе, незадолго до ухода немцев из города, меня вызвали к новому следователю, который сказал: «Доказательств у нас нет, но создалось впечатление, что вы – член НТС и приехали сюда по его заданию. Поэтому мы считаем необходимым выслать вас в Германию».

На следующий день меня на легковой машине отправили в Брянск. К этому времени я заболела чесоткой, была вся покрыта ранами. Из Брянска меня повезли в Смоленск, где у меня вдобавок началось воспаление дёсен. Надо мной сжалились и повели в поликлинику. Там я увидела одну знакомую и успела шепнуть, чтобы Георгию Сергеевичу передали, что я в здешней тюрьме. Мне немного подлечили дёсны, но обнаружили чесотку и отправили в городскую больницу: немцы как огня боялись заразных заболеваний. Старик врач, который меня осматривал, сказал, что привели меня вовремя, ещё немного и началось бы общее заражение крови. Вскоре появился Околович, он попросил доктора держать меня в больнице как можно дольше. Чесотку вылечили через две недели, а продержали меня месяц. За это время Георгий Сергеевич устроил меня «под крышу» – в «Зондерштаб Р», столь часто упоминаемый в советской прессе.

Ведомство это в теории должно было вести наблюдение за советскими партизанами, но проникшие в него члены НТС занимались халтурой, лишь используя его проездные документы для своих целей. С помощью «Зондерштаба Р» многим членам Союза удалось на время скрыться от Гестапо. После больницы я пробыла в тюрьме ровно два дня, после чего меня выпустили с обязательством отмечаться каждую неделю и не покидать город. Отметиться мне пришлось раза два, Красная Армия уже приближалась к Смоленску. Но эти две недели были интересны тем, что в городе появились «ходоки» с Украины, которые искали Власова. В это время над некоторыми районами оккупированных областей были сброшены власовские листовки, но где создаётся РОА и где искать Власова, никто не знал. Причём эти ходоки – часть из них пришла в городскую управу – были присланы от некоторых партизанских отрядов! Помочь мы им ничем не могли: Власов был в Германии, и они, разочарованные, пошли обратно.

Пришлось мне побывать и в Катыни, где расстреляли тысячи польских офицеров. Раскопки закончены не были, но вокруг разрытых ям валялось много пуговиц от военной

формы. На этом месте, где до войны стояли дачи сотрудников НКВД, было расстреляно и много русских. Это рассказывал старик-лесник, который упоминается во многих свидетельствах о преступлении в Катыне.

При подходе Красной Армии был приказ немецкого командования: всему населению Смоленска – уходить, оставшихся ожидала кара. Многие дома немцы взрывали, но карать всех оставшихся времени у них уже не было.

В Орше я была проездом, где получила от Георгия Сергеевича направление на Могилёв. Этот город, когда мы туда приехали, был совершенно целенький. Но вскоре начались советские бомбёжки. Я помню одну из них: лунная ночь, самолёты проносились прямо над крышами, зенитной защиты не было. Разбомбили детский дом, много жилых зданий. Почему-то все бежали спасаться на кладбище.

Никаких крупных немецких военных объектов в городе не было.

По мере приближения линии фронта к Могилёву мы двинулись в Минск, где собрались члены Союза из Вязьмы, Смоленска и других городов. Никаких официальных бумаг у нас не было, мы приехали как беженцы, каковых в Минске было немало. КВ. Болдырев к тому времени создал строительную фирму «Эрбауэр», в которую устроились многие члены НТС. С «Зондерштабом Р» уже не связывались, руководивший проникновением туда членов Союза А.Э. Вюртлер был убит в Варшаве агентами Гестапо.

Наша подпольная работа в это время в основном заключалась в распространении листовок. Основная идея, которая в них провозглашалась: «Ни немцев, ни большевиков». Этим в Минске занималось примерно десять человек. Листовки были рукописные или сделанные на шапирографе, подписаны были не НТС, а «Народный сговор» – в целях конспирации. Кроме того, мы вывесили несколько плакатов: «Долой немцев и Сталина, да здравствует свободная Россия!». Следователи потом не верили, что нас было только десять человек, мы «обработали» почти весь город. Но действовали мы недолго: в марте 1944 года нашу группу арестовали, выдал провокатор.

Однажды вечером мы обсуждали возможность выпуска подпольной газеты, я как раз набрасывала план. Потом пошли на чей-то день рождения, сидели, закусывали, поздравляли «новорожденного». Вдруг меня вызывают во двор. Там стоят два гестаповца в форме и говорят, что хотели бы со мной побеседовать. Я сказала, что пойду оденусь, предупредила наших, взяла сумку, пальто и пошла.

Меня привезли в здание Гестапо, посадили в одиночку в подвале: на полу матрас, ходить там было невозможно, только лежать и сидеть. Вскоре меня вызвали на допрос. Допросы потом продолжались около месяца, ежедневно. Мой следователь знал о нас. Моей основной задачей во время допросов было не назвать никого. Следователь был опытный, всё время старался меня поймать на слове. В свою очередь я пыталась выяснить, что именно он знает о нашей организации. Однажды я его перехитрила: он назвал пароль, который помимо меня знал только один человек, таким образом он «засветил» провокатора.

Следователь устроил мне очную ставку с Лёлей, моей подельницей, кивнул на меня и сказал: «А она говорит, что давала вам листовки!». Лёля смотрит на меня удивлёнными глазами: «Нуда, она давала, я просто боялась ей отказать, но листовки я уничтожала». Я не могла при следователе сказать Лёле, что провокатором был её друг. Я сумела шепнуть ей об этом как-то во время прогулки, но много позже.

Мой следователь не менялся, но иногда допрашивал его заместитель, про которого вообще непонятно, как он попал в Гестапо. Он был в прошлом довольно известным в Смоленске поэтом. Когда он вызывал меня на допросы, они сводились к беседам о литературе. Потом он говорил: «Я отвернусь, а вы прячьте». И доставал пачку махорки. Махорку мы в камере делили, бумагу где-то доставали, а зажигали самокрутки чьим-то увеличительным стеклом.

Из следователей помню одну женщину – русская немка из Минска, высокая, представительная, лет сорока. При ней состояло двое помощников: Сенька и Ванька, здоровые парни, которые по её указаниям избивали и пытали допрашиваемых, применяли и электрошок. Интересно, что пытки в тюрьмах, насколько я могу судить, стали применяться ближе к концу войны – сказывалось озлобление и проникновение

НКВД, одной из задач которого было обострять у населения ненависть к немцам. Такие

«Ваньки» и «Сеньки» здорово напоминали опытных сотрудников НКВД. К этой следовательнице попасть на допрос боялись все.

В советской прессе про меня не раз писали, что в тюрьме я служила «наседкой» Гестапо. А появилась эта «утка» так.

В минской тюрьме во время допросов почти всех пытали и избивали, а я, которую Умнов тщетно пытался перевербовать, возвращалась в камеру невредимая, да ещё и с пачкой махорки. Понятно, что ко мне относились с недоверием. Когда мы просидели в камере известное время и присмотрелись друг к другу, мне признавались в этом, и подозрения исчезали. После войны я вела (под другой фамилией) переписку с писателем Василем Быковым в связи с его книгой об оккупационном периоде. Я написала ему, что во время оккупации сидела в тюрьме со множеством людей, о судьбе которых их родные, может быть, не знают, и что я считаю нужным сообщить о них, что возможно. Часть из моей информации он использовал. Но по ходу дела я сообщила ему о подозрениях моих сокамерниц на мой счёт. Мои письма, однако, читал не только Василь Быков, но и КГБ. Так строчка из моего письма насчёт «наседки» стала появляться в советской прессе как «факт».

Когда началось отступление из Минска, Гестапо эвакуировалось, начали «приводить в порядок» тюрьмы. Мы уже готовились к тому, что нас повезут на расстрел. Мы нашли какую-то палку, которая могла бы сойти за оружие, и договорились, что будем прыгать с машины. Это был шанс спастись. Конечно, из этого навряд ли что-нибудь могло получиться.

Вдруг в шесть часов вечера открывается дверь. Меня вызывают с вещами. Я попрощалась с сокамерницами. Когда меня вывели, смотрю – появляется Лёля, Тамара Стельмах, девушки из нашей группы. Нас повезли в тот же гестаповский подвал, но не в одиночку, а в общую камеру. Нас, трёх женщин, взяли на обслуживание остальных заключённых. На этой работе мне удалось увидеть остальных из вывезенных двадцати человек: это наиболее значимые фигуры из политических. Один был крупный партизанский бригадир, некто «Андрей», принимавший участие во взрыве здания минской оперы. С ним мы вступили в контакт (через кого-то из заключённых). «Андрей» не совсем чётко представлял себе, кто я. Один раз ему даже удалось передать в нашу камеру ведро макарон с мясом (в той камере, где он сидел, паёк был совсем другой: там находились те, кого захватили в немецкой форме). Был также один неизвестно как туда попавший английский шпион.

Наше сидение в Гестапо продолжалось два дня, без допросов и объяснений. Сами гестаповцы из города уже ушли, к нам пришёл солдат и просто сказал: «Идите!». «Куда? Где наши документы?». «Какие документы? Идите!».

Мы отправились в НТС-овскую штаб-квартиру. Там уже никого не было. Но перед отъездом родители Лёли оставили для нас незаполненный «маршбефель»: туда нужно было вписать лишь имена. На решение, куда податься – на восток или на запад – у нас была лишь одна ночь: город уже был пустой. У нас была партизанская явка – адрес школьной учительницы в селе под Минском, оставленная мне таинственным «Андреем». Теоретически, мы должны были бы уйти к партизанам. Но мы были настолько измучены...

Большинство проголосовало за отъезд. Мы заполнили «маршбефель» и двинулись на запад. Часть пути проделали на поездах, часть на попутных машинах, часть пешком. Совершенно измотанные добрались до Вильны. На виленском вокзале мы случайно наткнулись на Сергея Тарасова и ещё нескольких членов НТС из разных областей.

Конечной целью нашего путешествия была строительная фирма «Эрбауэр» в городке Берг, под Веной. Там мы и встретили Георгия Сергеевича. Я никогда не забуду, как, несмотря на то, что он был рад, что мы спаслись и благополучно добрались до него, он пристально посмотрел на меня и сказал: «А я думал, что ты осталась...». Мне было так стыдно, что дальше некуда – немало наших осталось там, решив продолжать работать в подполье.

Неизвестная блокада К. Михайлов

Блокада Ленинграда 1941–1944 годов унесла, по разным оценкам, от одного до полутора миллиона человеческих жизней. Правда о вопиющих мучениях и ужасающей смертности от голода рано или поздно должна была вызвать вопрос: каким образом возникла сама возможность блокады противником второго по значимости города страны?

Историческая реконструкция одной из самых чудовищных трагедий войны до сих пор носит идеологизированный характер. Подавляющее большинство современных петербургских историков, занимающихся изучением блокадного периода и связанных с ним боевых действий, ищут в первую очередь подтверждения политической устойчивости сталинского общества. В массовой гибели ленинградцев от голода нас заставляют видеть одно из главных доказательств существования советского патриотизма: «умерли, но не сдались».

Именно с таким отношением к жертвам ленинградской блокады связан и ежегодный общегородской языческий обряд поклонения костям и пеплу, совершенно несвойственный русской религиозной традиции. Всегда чудовищно выглядели языческие «вечные огни» на Пискаревском мемориальном кладбище, к которым трогательно возлагали венки представители партии и государства, виновные в гибели этих самых людей, или Московский парк Победы, разбитый на месте крематория. Ежегодная телерадиоистерика вокруг жертв блокады, с одной стороны, заменяет отсутствующую объединительную национальную идею на уровне второго города России, а с другой – призвана вызывать ностальгию по ушедшей советской общности: вместе с Ленинградом предавался истерии весь СССР. По сегодняшний день в разнообразных петербургских «проблемных советах», «ассоциациях» и прочих структурах всячески избегают касаться многих вопросов, связанных с ленинградской блокадой. Вот лишь самые актуальные из них:

Какую роль в установлении блокады Ленинграда сыграла советско-финская война 1939–1940 годов? Какие события привели к вступлению Финляндии в войну на стороне Германии летом 1941 года?

Каким образом войскам группы армий «Север» и двум финским армиям, уступавшим войскам Ленинградского и Прибалтийского округов по авиации, более чем в три раза по орудиям и миномётам и почти в три раза по единицам бронетехники, удалось блокировать Ленинград всего через 9–10 недель после начала войны? Кто непосредственно несёт ответственность за катастрофическое ведение боевых действий и в чём причины поражений?

Какую ответственность за блокирование Ленинграда несёт партийная номенклатура ВКП(б), а также какова её роль в деле обеспечения города продовольствием и топливом? Кто из представителей партноменклатуры несёт ответственность за блокирование города и массовую смертность горожан? Какой процент эвакуированных семей составляли семьи номенклатурных работников?

Каким образом должен был осуществляться взрыв важнейших зданий, мостов и учреждений города (по образцу взрывов в Киеве в сентябре 1941 года) в случае его оккупации противником? Кто осуществлял минирование, кто должен был стать исполнителем, к какому количеству жертв среди горожан могла привести подобная акция? Какие последствия для жителей города могли иметь такие взрывы?

По каким нормам и каким ассортиментом продуктов во время блокады снабжались разные уровни партийной, военной, хозяйственной и карательной номенклатуры? Как осуществлялся завоз продуктов и их распределение?

Кто несёт ответственность за расстрелы политзаключённых в Ленинградском УНКВД летом 1941 года, сколько было их расстреляно, кем были эти люди?

Сколько горожан в 1941–1944 годах было арестовано органами НКВД по политическим мотивам, в чём они обвинялись, насколько отвечали реалиям предъявленные обвинения?

Насколько широкий размах приобрели во время блокады спекуляция продуктами, обмен продуктов на произведения искусства, людоедство? Кто имел отношения к подобным преступлениям?

Какую роль в удержании города сыграло стратегическое решение Гитлера от 12 сентября 1941 года о переброске из группы армий «Север», штурмовавшей Ленинград, пяти танковых и двух моторизованных дивизий в группу армий «Центр»?

На фоне хитроумного уклонения от ответов на вышепоставленные вопросы, безусловно,

отрядным явлением представляется публикация документального сборника петербургского исследователя НА Ломагина «В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД» (издательство «Европейский дом», Санкт-Петербург, 2000). Этот сборник мы по праву можем назвать уникальным в своём роде. В первом разделе книга содержит 27 аналитических обзоров отдела 1С (военная разведка Вермахта) штаба 18-й армии за период с 21 сентября по 18 декабря 1941 года, а также один обзор от 15 августа 1942 года, посвящённый критике ошибок германской пропаганды при освещении положения в блокированном Ленинграде. Во втором разделе содержится 19 сводок и сообщений, составившихся по линии СД и касавшихся положения как в Ленинграде, так и на оккупированной территории области. Документы первых двух разделов в виде фильмокопий хранятся в Национальном архиве США. Но наибольший интерес, конечно же, вызовут документы третьего раздела – 39 спецсообщений и одна справка УНКВД о морально-политическом состоянии войск и населения, смертности, людоедстве, контрреволюционных и антисоветских выступлениях. Документы представлены к публикации службой регистрации архивных фондов УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Предлагаемые в первом разделе обзоры Абвера подтверждают высокий профессиональный уровень немецкой армейской разведки. Сводки от 21-го и 22 сентября, 2, 6, 9, 31 – го октября, 17 ноября и 4 декабря 1941 года рисуют хорошую осведомлённость офицеров Абвера о происходившем в осажденном городе, о запасах и состоянии продовольствия, расположении и количестве военных средств, мобилизационных ресурсах города. Практическую ценность представляли сообщения от агентуры, перебежчиков и военнопленных о результативности бомбардировок и артобстрелов. Так, из наиболее важных событий в поле зрения Абвера на 16–21 сентября 1941 года оказались: пожар Бадаевских складов, планы по формированию 160 рабочих батальонов внутренней обороны, постоянное снижение норм питания, объекты сосредоточения продовольствия в центре города, сверхактивная партийная пропаганда, крупномасштабное минирование города и подготовка его к взрыву. Ценны сведения о пленных и трофеях 18-й армии с 22 июня по 20 октября 1941 года: пленено 122 447 красноармейцев и командиров, что, по нашим оценкам, составляет около 20 % от численности личного состава войсковых группировок Прибалтийского и Ленинградского округов к 22 июня 1941 года, взято 893 танка (соответственно 25 %) и 874 орудия.

На фоне ведущихся дискуссий о настроениях в советском обществе в связи с начавшейся войной очень интересны оценки офицеров Абвера, касавшиеся настроений жителей осаждённого города. Данные оценки не подтверждают утверждений о повальной оппозиционности сталинскому режиму, но тем более не подтверждают и лубочных картинок советских историков о «всеобщем морально-политическом единстве». Слово источникам: «Петербуржец, который слышал об организаторском таланте немцев, ожидает также пропагандистского воздействия с немецкой стороны. Он ждёт указаний, которые подскажут ему как себя вести. Отсутствие пропагандистского влияния оставит его во власти очень сильной коммунистической пропаганды... Влиянию коммунистов не противостоит никакое другое влияние, рабочие Петербурга, очевидно, будут скорее следовать указаниям коммунистов, нежели им противиться» (21 сентября 1941 года). «Настроение широких слоёв населения можно определить, как подавленное... Население по-прежнему находится под сильным воздействием пропаганды устрашения, оно боится немцев и участвует в обороне города» (2 октября 1941 года). «Среди всех советских институтов власти НКВД является тем органом, который в наибольшей степени вызывает страх и ненависть у населения» (8 октября 1941 года).

Примечательно выглядят и предложения сотрудников разведотдела 18-й армии Вермахта в начале октября 1941 года обратиться к защитникам и населению Ленинграда с политической положительной программой, важнейшими элементами которой могли бы стать: «... Справедливость и работа для всех, возмездие евреям и главным виновникам большевистского режима, подъём жизненного уровня, восстановление частной собственности и личная свобода». Осенью 1941 года аналогичные и ещё более радикальные (хотя далеко не всегда с антисемитской составляющей) предложения высказывались и на других фронтах, например, в Штабе группы армий «Центр» сотрудником разведотдела Штаба капитаном В. Штрик-Штрикфельдом.

В обобщённом виде анализ приведённых Н.А. Ломагиным сообщений отдела 1С 18-й армии Вермахта позволяет сделать следующий вывод. Офицеры Абвера осенью 1941 года выделяли в качестве основного доминирующего настроения жителей Ленинграда и области подавленность, которая позже сменилась равнодушием к собственной судьбе. Подавленность и равнодушие поддерживались страхом и карательными мерами системы. В этом смысле показателен цитируемый трофейный приказ Сталина от 21 сентября 1941 года о беспощадном уничтожении тех представителей гражданского населения («стариков, женщин и детей»), которые посылались с оккупированных территорий на позиции войск Красной Армии с просьбами «сдать Ленинград и заключить мир». Сталин категорически требовал: «Уничтожайте немцев и их посланцев, поскольку они одно и то же, что и немцы... Никакой жалости по отношению к немцам... никакой пощады к их посланцам...» Вряд ли такой приказ добавит что-то новое к облику товарища Сталина, но он заставляет задуматься над вопросом: а откуда такие «посланцы» взялись? Что ими двигало? Почему такую ситуацию немислимо себе представить в I мировую (Великую) войну?

Готовность к сопротивлению и попытки выступлений против сталинского режима отмечались и имели место, но носили кустарный и хаотичный характер, однако уже одни такие факты не позволяют разделять иллюзий о «морально-политическом единстве». Антисталинские выступления – это всплески одиночек и одиночных групп, неспособных преодолеть инертность массы. Постоянно нараставшая коммунистическая пропаганда, которой немцы не пожелали ничего адекватного противопоставить, постепенно переламявала состояние общественной инертности. Возможно, такие выводы близки и к оценке всеобщего состояния советского общества в первый год войны. Это лишний раз подтверждает известный вывод об упущенном в 1941–1942 годах шансе политического ведения войны Германией против СССР.

Сводки, составлявшиеся СД в Берлине по донесениям Айнзатцгрупп, дополняют в определённой степени материалы первого раздела. Но они предлагают и материал для анализа положения населения в оккупированной части Ленинградской области, а также фиксируют распространение пораженческих настроений в Красной Армии. В частности, в сводке от 24 ноября 1941 года указывается: «Настроение солдат 55-й армии, вероятно, очень плохое. По меньшей мере 50 % имеют намерение перейти. Этому препятствует не столько террор политруков, сколько то обстоятельство, что передовая полностью заминирована.» Число жертв голода только первой зимой 1941/42 годов по оценкам СД, сделанным осенью 1942 года, превысило миллион человек. Сотрудники СД на исходе 1941 года оценивали настроение осаждённых горожан примерно также, как и жителей оккупированных территорий в апреле 1942 года – и в том, и в другом случае превалировало равнодушие и апатия: «По сути, русскому гражданскому населению всё равно под чьим оно господством – русских или немцев. Как и прежде, важнейшей заботой оставался вопрос о собственном пропитании». Практически все сообщения СД о положении в Ленинграде в конце 1941 – начале 1942 годов указывают на наличие и пораженцев, и добровольных ракетчиков, указывавших цели для воздушных бомбардировок. Но наиболее полные и интересные сообщения о морально-политическом состоянии ленинградцев и мучительных жизненных обстоятельствах блокады содержатся в третьем разделе, в материалах Ленинградского УНКВД.

Рассматривая спецсообщения УНКВД, мы должны принимать во внимание специфические особенности источника. Нам не известно, какими критериями руководствовались составитель и сотрудники службы регистрации архивных фондов местного УФСБ В.С. Гусев и С.В. Чернов при отборе материалов для публикации. Тем более остаётся неясным общий перечень материалов органов госбезопасности по истории ленинградской блокады, и сегодня содержащийся на секретном ведомственном хранении. Тем не менее, имеет смысл принять определённые статистические сведения, содержащиеся в спецсообщениях, за основу для реконструкции картины событий. А цифры, приводимые в чекистских документах, ужасают. Недаром они были засекречены на протяжении более пятидесяти лет. В соответствии с опубликованными Ломагиным документами НКВД за шестнадцать месяцев блокады (с октября 1941-го по январь 1943-го включительно) только на территории города (без учёта умерших в пригородах, на этапах и в пунктах эвакуации) умерло около 530 тысяч человек (при этом, например, в январе и феврале 1942-го ежемесячно умирало свыше 96 тысяч человек).

Но эти цифры не могут считаться окончательными, так как не учитывают очень многие категории умерших, да и вызывает сомнение возможность регистрации в тех условиях всех до последнего человека. Вероятно, они охватывают подавляющую часть учтённых по домовым книгам, и в таком случае это действительно не более 50 % от подлинного числа умерших голодной смертью ленинградцев. Ужасным подтверждением колоссального размаха смертности стало распространение людоедства. За период с ноября 1941-го по декабрь 1942-го органами НКВД за людоедство и употребление в пищу человеческого мяса оказалось задержано 2 136 жителей города, более половины из которых были расстреляны. Но вряд ли сотрудники органов внутренних дел и госбезопасности сумели выловить всех без исключения, поэтому и здесь окончательная цифра может быть существенно выше. Сухие отчёты воссоздают пронзительные картины убийств собственных маленьких детей и молодых родственников, торговли подозрительными котлетами и пирожками. Изобличались и целые банды людоедов, нападавшие на прохожих.

Перлюстрация цензурой практически всей военной и гражданской корреспонденции, поступавшей из Ленинграда и войск Ленинградского фронта, позволяет делать формальные выводы о распространённости антисоветских и пораженческих настроений. Содержавшие подобные высказывания письма колебались в пределах 3–6% от общей массы корреспонденции в 1941 году, а в начале 1942 года достигли 20 %. Это представляется весьма значительным, особенно с учётом того, что очевидно далеко не все проявляли в письмах опасную откровенность.

Особый интерес вызывают спецсообщения УНКВД о ликвидации возникших антисоветских групп активного сопротивления внутри блокированного города. В сборнике содержится информация о ликвидации тринадцати групп (пяти в ноябре, пяти в декабре 1941 – го и трёх в январе 1942-го), участники которых обвинялись в подготовке к повстанческой деятельности и оказанию помощи оккупационным властям, составлении списков коммунистов и советских активистов, распространении антисоветских листовок, накоплении оружия. Любопытно, что никто из участников подобных групп не обвинялся в связях с противником, инициатива по их созданию, вероятно, была местной. Но, не исследовав конкретных архивно-следственных дел, трудно судить, в какой степени обвинения чекистов отвечали политической реальности. Безусловно, эта проблема требует дальнейшего исследования.

Из цитируемых составителем фрагментов антисоветской корреспонденции и аналогичных высказываний мы приведём лишь наиболее любопытные:

«...Вы, рабочие, должны воевать против советской власти. Только плохо, что у Вас нет оружия. Ну, да ничего – Вы восстаньте без оружия, а мы, военные, Вас поддержим». Из беседы рабочего завода «Красный треугольник» Комарова с двумя командирами Красной Армии (октябрь 1941 года, Комаров арестован НКВД).

«...Нам надо организовано бросить работу, всех не расстреляют. Всё, что говорят про Гитлера – надо понимать наоборот». Работница военного завода № 371 Шазлинская (ноябрь 1941 года).

«...Ни одна страна не доводила своего народа до такого голода, как у нас при советской власти, поэтому я не хочу находиться в рядах партии». Токарь завода им. Ленина член ВКП(б) Соколов (январь 1942 года).

«...Ленинград, когда-то красавец-герой, сейчас превратился в помойную яму, а мы, живущие здесь, превратились в стаю голодных зверей. Идёшь по улице, встречаешь людей, которые шатаются, как пьяные, падают и умирают. Мы уже привыкли к таким картинам и не обращаем внимания, потому что сегодня они умерли, а завтра я». Из письма, не пропущенного цензурой (январь 1942 года).

«...Удивляюсь, что в городе пока обходится дело без голодных бунтов. Очевидно, это объясняется физической слабостью людей. Население потеряло доверие к советской власти». Режиссёр киностудии «Ленфильм» Цехановский (февраль 1942 года).

«...Я не хочу умирать медленной смертью от голода, на которую нас обрекло наше правительство. Это наши руководители виноваты в том, что на Украине погибло от голода 12 миллионов человек. Они виноваты в том, что много людей умерло от голода в Ленинграде. Если немцы не придут в Ленинград, то снова будет не жизнь, а медленная смерть от голода».

Учительница средней школы Макарова (март 1942 года).

В спецсообщениях третьего раздела сборника поражает и размах спекуляции продовольствием в блокадном Ленинграде, хищения товаров первой необходимости, несмотря на угрозу немедленного расстрела. Похищенное продовольствие изымалось из тайников десятками тонн. В обороте незаконных операций на «чёрном рынке», где даже зимой 1941/42 года можно было купить по фантастическим ценам очень многое, находились сотни тысяч рублей и килограммы золота. И эти сюжеты ещё ждут своего беспристрастного исследователя.

Автор ввёл в научный оборот 87 уникальных документов и серьёзно расширил доступный круг источников по истории блокады Ленинграда. Конечно, предложенный сборник не преследует цели максимально полно ответить на наиболее спорные вопросы блокадной трагедии. Но он позволяет делать первые аналитические выводы и обосновывает необходимость дальнейшего тщательного изучения «неудобных» и «непопулярных» сюжетов, само упоминание которых разрушает сталинскую «идиллию» всеобщего городского самоубийства. Н.А. Ломагин вольно или невольно представил историкам и публицистам новые доказательства преступности той партийно-политической системы, которая последовательно довела один из красивейших городов мира и его горожан до мучительной гибели в условиях безжалостной тотальной войны.

Мнимые герои

Кого потопил Маринеско?

Р. Горчаков

«Ребёнок выпал из руки повисшей на скобе трапа женщины, и почти сразу был затоптан обезумевшей толпой внизу. Если бы я наклонилась к нему, меня тоже сразу затоптали бы вместе с ним. Вокруг меня все рвались к трапу. Я споткнулась о невидимое кричащее тельце и едва удержалась на ногах. Толпа понесла меня дальше. Это было ужасно».

Ингеборг Ротенбергер, одна из немногих, переживших трагедию «Густлоффа»

«Посев», 2001, № 8,9

I. Придуманные победы

Нагромождение мифов

Как говорится, не появившись книга Александра Крона «Капитан дальнего плавания», впервые рассказавшая о потоплении советской подлодкой С-13 немецкого лайнера «Вильгельм Густлофф», – её непременно следовало бы выдумать. Потому что как раз в это время на Западе начали публиковать рассекреченные документы военного времени, из которых неопровержимо следовало, что большинство воспетых побед советского подводного флота – не более чем фикция.

Крон пытался доказать, что наша военная история славна не только приписками, но и вполне реальными подвигами подводников, главный из которых – признанное обеими сторонами потопление «Густлоффа». Правда, при описании обстоятельств потопления у Крона наблюдались весьма значительные расхождения с немцами, но советский автор отделался от «неразоружившихся гитлеровцев» просто: «Я рассказал об этих книгах не для того, чтобы с ними полемизировать. Они этого не заслуживают».

Залп С-13 с лёгкой руки Крона был вознесён его многочисленными последователями на недостижимый пьедестал «атаки века», окружённой всевозможными фантастическими

подробностями, вроде гибели на «Густлоффе» несметного числа асов подводников и нацистских бонз, возведения командира подлодки в ранг личного врага фюрера, звона траурных колоколов по всей Германии и тому подобных несуразиц. В 1997 году вышла в свет книга профессионального военного историка капитана I ранга В.Д. Доценко «Мифы и легенды русской морской истории», где всем этим выдумкам был подведён однозначный итог: «Ничего этого не было. Это очередной миф».

Но мифы о той давней трагедии продолжают тиражироваться и поныне. Так, в апрельском номере «Невы» за 1999 год появилась статья П. Рагозина «Имени опального подводника», вновь, как ни в чём не бывало, утверждавшая, что «в числе погибших в результате дерзкой атаки подводной лодки С-13 под командованием А.И. Маринеско было 1 300 офицеров-подводников. Можно себе представить, как взвыл неврастеник Гитлер, узнав о гибели «Густлова».

Ещё более солидные цифры потерь немецкого подводного флота приводятся газетой «Чёрная сотня», опубликовавшей в статье «Гибель “Вильгельма”» (№ 9/10 за 2000 год) следующее: «Из погибших 3 700 были опытными подводниками. Гитлер, придя в неопикуемый гнев, приказал расстрелять командира конвоя. По всей Германии был объявлен трёхдневный траур, а Александр Иванович Маринеско был занесён в специальный журнал, как личный враг Рейха и фюрера».

В 1999 году из печати вышла книга Николая Титоренко «Личный враг Адольфа Гитлера», где чёрным по белому написано: «Лодка С-13 отправила на дно вместе с лайнером “Вильгельм Густлов” несколько тысяч отъявленных нацистов. И в том числе семьдесят отборных экипажей подводных лодок. Гитлер приказал расстрелять оставшегося в живых командира конвоя, объявить в стране ещё один, очередной после Сталинграда траур, заочно приговорить командира советской подводной лодки к смерти, назвать его врагом Рейха и своим врагом лично. Это проверенные факты, а не вымысел. Запад однозначно окрестил тот январский поиск нашей лодки атакой века». Невзирая на столь уверенную заявку, ни единого «проверенного факта», который бы её подтверждал, в книге нет. Нет там и ни одной западной цитаты со словосочетанием «атака века» – таких оценок в зарубежной историографии просто не существует.

Немало страниц «Личного врага» живописуют страшную угрозу для антигитлеровской коалиции, которую представляли эвакуируемые на лайнере подводники, прошедшие курс обучения на «чудо-оружии III Рейха» – непревзойдённых подлодках конструкции профессора Вальтера: «Доберись они до Киля и Гамбурга и займи места по боевым расписаниям в прочных корпусах новейших свежескрашенных субмарин XXI и XXIII серий, Германия обрела бы мощный бронированный кулак такой разрушительной силы, которому ни союзники, ни мы вместе с ними не имели бы альтернативы и через пять лет». Сказано сильно, но цитируемые в труде военного историка Малльманн-Шовелла «Das Buch der deutschen Kriegsmarine» архивы германского флота свидетельствуют, что в действительности подводники для новейших субмарин готовились в Любеке. Готенхафенские же курсанты тренировались только на самых обычных подлодках довоенных серий.

В ещё одной публикации 1999 года – «Май 1945-го: кто мешал Маринеско атаковать?» Олег Стрижак, ознакомившись с «Мифами и легендами русской морской истории», так комментирует их: «Академический учёный Доценко не скрывает, что Маринеско ему очень не нравится. И атаки Маринеско были, по мнению Доценко, неинтересными, и результаты слабыми. Чтобы посрамить Маринеско, Доценко приводит из истории Второй Мировой войны цифры достижений фашистских и американских подводников. Доценко “забывает” указать, что в океанах ходили без прикрытия крупнотоннажные суда, а на Балтике ходили с мощным охранением небольшие транспорты». В заключительном абзаце своего полемика исследования Стрижак откровенно называет профессора Доценко фальсификатором. Правда, скептическое мнение военного историка относительно «атаки века» там прямо не оспаривается, но и правоты оппонента Стрижак тоже не признаёт, молчаливо храня верность собственной формулировке 1996 года: «Маринеско ушёл в поход, где совершил “победу века”, утопил “Густлова” (25 с лишним тысяч тонн, четыре тысячи чинов эсэсовской элиты и сто экипажей подводных лодок)».

Вне зависимости от того, «нравится» кому-то Маринеско или нет, восторженные реплики его поклонников о потопленных на «Густлоффе» тысячах подводных асов и эсэсовцев мало убедительны уже потому, что никогда не сопровождаются ссылками на свидетельства очевидцев описываемых событий. Сомневаюсь, чтобы к таким можно было отнести, скажем, «одного нашего офицера», который «при разборе оставшихся документов в фюрер-бункере поднял с пола тонкую серую папку. Это было досье на личных врагов Гитлера. Маринеско вошёл в список за номером 26». К ни чем не подтверждаемым домыслам явно относится и безапелляционный вывод, сделанный Н. Титоренко: «Сегодня точно известно: лайнер от килля под топ фок-мачты со всеми девятью палубами, был забит карателями и убийцами».

В действительности документы свидетельствуют, что на борту торпедированного лайнера не было ни «карателей и убийц», ни «эсэсовской элиты», а командир подлодки там находился лишь один, да и тот бывший. Корветтен-капитан Вильгельм Цан с апреля 1942 года служил в штабе адмирала фон Фридебурга, откуда в сентябре 1943 года его перевели на учебную работу. Как уже говорилось, отсутствовали на лайнере и подводники, прошедшие обучение на «Вальтерах». Возникает естественный вопрос: кого же потопил торпедный залп С-13?

«Радостный» лайнер

Учитывая редкую толщину напластований «точно известной» лжи, скопившихся в отечественной литературе вокруг той январской ночи, подобный вопрос заслуживает обстоятельного ответа. Начать действительную историю «Вильгельма Густлоффа» есть смысл с «анкетных данных» судна: вместимость: 25 484 брт; скорость: 15,5 узлов; число пассажиров: 1 465; экипаж: 426. Судовладелец: DAF/KdF.

Судовладелец «Густлоффа» весьма необычен. Подобного не знал ни один пассажирский флот мира. Его появлением судовой регистр был обязан запрету на деятельность всех профсоюзов, существовавших на территории Рейха до прихода Гитлера к власти. Вместо них нацисты создали насквозь идеологизированный Германский Трудовой фронт (DAF), руководимый заведующим организационным отделом НСДАП Робертом Леем. При Трудовом фронте вскоре возникла организации «Сила через радость» (KdF). Она была призвана заниматься вопросами отдыха немецких рабочих, причём активной её составной частью стал флот круизных лайнеров. Флагманом «радостной эскадры» Лей провозгласил теплоход «Вильгельм Густлофф», названный так в честь убитого годом раньше лидера швейцарской ячейки НСДАП. Корабелы гамбургской верфи «Бломунд Фосс» спустили новый теплоход на воду 5 мая 1937 года. Его крестной матерью стала вдова Вильгельма Густлоффа, а первым капитаном – ветеран многих трансатлантических плаваний Карл Люббе. Механики и палубная команда сразу признали «Густлофф» надёжным судном с отличной мореходностью.

Первый же рейс «Густлоффа» прославил его не только среди немцев, но и среди англичан: в апреле 1938-го Люббе в тяжелейших штормовых условиях блестяще провёл операцию по спасению экипажа гибнувшего английского парохода «Пегауэй». Моряки «Густлоффа» были готовы следовать этим хорошим традициям и впредь.

Но у партии были иные планы, в соответствии с которыми неделю спустя после спасения «Пегауэя» лайнер был направлен в нейтральные воды у британского побережья, чтобы превратиться в плавучий избирательный участок для проживающих в Англии немцев, которые желали бы проголосовать за воссоединение Австрии с III Рейхом. Дальше – больше. После поражения в Испании республиканских сил «Густлофф» вместе с тремя другими лайнерами флота KdF принял участие в возвращении на родину лётчиков и техников легиона «Кондор». Всего лайнер вывез из бухты Виго 1 405 «отдыхающих» из личного состава легиона. Совершив затем несколько прогулочных рейсов в скандинавские фиорды, «Густлофф», после нападения Германии на Польшу, был переведён судовладельцем в список плавучих лазаретов Кригсмарине.

Первым заданием «Густлоффа» стала эвакуация с полуострова Хела раненых военнопленных из состава героически сопротивлявшихся там гитлеровской агрессии польских частей. Затем плавгоспиталь направился в Осло, чтобы вывезти в Германию немецких солдат и моряков, пострадавших в норвежской кампании. Эта операция завершилась в конце июня 1940

года, после чего судно передали в аренду Главному управлению подводного флота в качестве плавказармы.

22-я флотилия

Разместившаяся на «Густлоффе» 22-я учебная флотилия была организована при 2-м учебном дивизионе подводного плавания в январе 1941 года. Всего таких дивизионов было три. 1-й, с приданной ему 21-й флотилией, расквартировали в Пиллау (ныне – Балтийск), а 3-й, готовивший только механиков, ремонтников и мотористов, обосновался в Нойштадте, на берегу Любекской бухты. Базой 2-го дивизиона стал Готенхафен, ещё недавно звавшийся на польских картах Гдыней. Всего в состав 22-й флотилии за время её существования вошло 46 лодок, принадлежавших к II, VII и IX сериям. В январе 1944-го флотилию возглавил известный ас германского подводного флота – 32-летний Вольфганг Лют, на боевом счету которого были к тому времени потопленный английский эсминец, французская подводная лодка и 44 транспорта союзников общим тоннажем свыше четверти миллиона тонн.

Лют безукоризненно исполнял в Готенхафене все возложенные на него задачи по обучению экипажей, но, едва узнав о формировании нового 4-го учебного дивизиона, начал писать настойчивые рапорта о переводе в Мемель, где расположилась «Четвёрка». Настойчивость автора рапортов объяснялась тем, что новому дивизиону предполагалось придать базирующуюся на Кёнигсберге 32-ю флотилию. Это созданное в апреле 1943-го подразделение было уникальным: в него должны были входить только новейшие лодки XXI и XXIII серий. Их возможности, как полагал Лют, позволили бы ему по-новому проявить талант тактика дерзких подводных атак

Слишком долго возражать кавалеру рыцарского креста с мечами и бриллиантами его непосредственный начальник адмирал фон Фридебург не посмел, и Люта в конце концов перевели. Но не на восток, а на запад. Ибо формирование «Четвёрки» так и не было завершено.

В августе 1944 года английская авиация настолько плотно заминировала Данцигскую бухту, что вместо неё для тренировок будущих экипажей «Вальтеров» пришлось избрать бухту Любека, которая давно считалась вотчиной 3-го дивизиона – он-то и принял на себя все дополнительные функции по подготовке моряков для лодок новых серий. Кёнигсбергская «Вальтер-флотилия» тоже перебазировалась в декабре 1944 года на Запад. Но её реальные шансы на участие в боевых действиях оказались далёкими от намеченных.

Ввод в строй новых лодок был затруднён огромным количеством технических неполадок, а освоение машины экипажами занимало вдвое больше положенных двух-трёх месяцев. Вдобавок самолёты противника буквально засыпали эти экипажи градом бомб при первых же попытках «Вальтеров» выбраться из своих бетонных бункеров на оперативный простор. Итогом стал провал всех надежд, возлагавшихся руководством Рейха на подводное «чудо-оружие». Предполагалось, что к маю 1945 года в полной готовности к боевым действиям будет находиться 95 лодок «прибрежной» XXIII серии и 381 «океанская» лодка XXI серии. На деле же к этому времени в море могли выйти всего лишь 6 «ближних Вальтеров» и единственный «дальний»: U-2511 под командованием Адальберта Шнее. Труды Любекского дивизиона по подготовке экипажей для новых серий так и остались не востребованными.

Вернёмся, однако, в Готенхафен. Люта сменил на посту командира 22-й учебной флотилии другой кавалер рыцарского креста (на сей раз – с дубовыми листьями). На счету корветтен-капитана Хайнриха Бляйхродта было 27 потопленных судов общим тоннажем 159 тысяч тонн, но делиться с курсантами боевым опытом ему почти не пришлось. Мины в заливе воспрепятствовали тренировочным походам не только «Вальтеров» из Кёнигсберга, но и обычных лодок 22-й флотилии. К тому же, августовские налёты Королевских ВВС нанесли флотилии существенный ущерб. Англичане потопили «Вольдемара Копхамеля», разрушили одну из двух находившихся в Готенхафене баз подлодок, а плавказарма «Густлофф» получила серьёзные повреждения из-за взрыва у борта мощного фугаса. Да и сама судьба готенхафенского учебного дивизиона из-за январского продвижения советских войск повисла на волоске.

Гросс-адмирала Деница эта судьба уже не слишком заботила. Протокол совещаний фюрера

по военно-морским вопросам от 22 января 1945 года бесстрастно фиксирует: «Гросс-адмирал предлагает фюреру, чтобы учебный дивизион подлодок, базирующийся в Готенхафене и имеющий в своём составе около 900 унтер-офицеров и 600 рядовых, был бы использован на суше для обороны Данцига. Фюрер отказывается от этого предложения, указывая, что 1 500 ценных специалистов не смогут изменить положения на сухопутном фронте, в то время как каждая отдельная подлодка, действующая на вражеских коммуникациях, представляет собой большую ценность, чем целый этот дивизион, если он используется для борьбы на суше».

Дениц прекрасно знал, что к этому времени большинство «отдельных подлодок» гибло под бомбами, так ни разу и не увидев в перископы противника, но спорить с Гитлером было себе дороже, поэтому в Готенхафен незамедлительно ушёл приказ «Ганнибал» о передислокации в Вильгельмсхафен. Первыми туда ушли лодки, битком набитые личным составом дивизиона и штабом 22-й флотилии во главе с самим Бляйхродтом. Старшекурсники, уже получившие унтер-офицерские звания, отправились на запад поездом, чтобы продолжить практику непосредственно на лодках фронтовых флотилий. Оставшимся в Готенхафене под командой корветтен-капитана Вильгельма Цана 918 курсантам младших групп было предписано догонять свою учебную флотилию на «Густлоффе» вместе со вспомогательным персоналом. Учитывая, что тот состоял из 373 машинисток, поварих и телефонисток женского морского корпуса в возрасте от 18 до 25 лет, курсанты считали, что по части хорошей компании им повезло больше всех.

«Задача для богов»

Срочно подготовить к плаванию огромное судно, три года недвижно простоявшее у стенки, было, что называется, «задачей для богов». Именно такими флотскими богами могли считаться опытные специалисты, срочно откомандированные в Готенхафен из резерва торгового флота. Новый капитан «Густлоффа» 64-летний Фридрих Петерсен только что вернулся из английского плена, будучи обменян на двух британских судоводителей. Великолепная школа морской практики была и у пяти прибывших на «Густлофф» штурманов во главе со старпомом Луисом Ризом. Около тридцати флотских специалистов были переведены в члены экипажа вплоть до завершения перехода. Остальные питомцы

Цана без роздыха трудились на изготовке плотов и подвозе снабжения с береговых складов. Что до девушек из вспомогательного морского корпуса, то они продолжили исполнение своих обычных канцелярских, поварских и прачечных обязанностей.

Первоначально предполагалось, что на «Густлоффе» дополнительно к курсантам разместится около двух тысяч жителей эвакуируемого Готенхафена. Задача принять на судно 3,5 тысячи человек вместо положенных двух осложнялась предписанием пропускать эвакуируемых на лайнер лишь при наличии особого разрешения на право выезда, заверенного местным партийным руководством. Пассажирский помощник отвечал головой за каждого зайца, пробравшегося на судно без соответствующей партийной «визы».

Возможно, как раз из такой процедуры родился позднейший миф о шедших на лайнере «отъявленных нацистах», но подобные эвакуационные документы заверялись, например, и райкомами партии в блокадном Ленинграде, подтверждая вовсе не принадлежность жителя к функционерам ВКП(б), а всего лишь тщательность фильтрации при перемещении населения из прифронтовых районов в глубокий тыл. На «Густлоффе» эту фильтрацию довели почти до абсурда. Даже когда к борту подъехали машины военного госпиталя Готенхафена со 162 тяжелоранеными, стоявшие у трапа фельджандармы не позволили поднимать на судно носилки до тех пор, пока досконально – при 18-градусном морозе! – не проверили документы у всех новоприбывших, от врачей до метавшихся в бреду солдат. Столь же строгой проверке подвергся у трапа судна и городской роддом во главе с одним из лучших гинекологов страны профессором Рихтером – хотя многим из женщин предстояли роды в ближайшие часы (до отхода «Густлоффа» на нём родилось шесть здоровых малышей).

Очередь безмолвно двигавшихся к трапу людей удлинялась изо дня в день. Список пассажиров перевалил сначала за четыре, потом за пять, наконец, за шесть тысяч. В последнюю декаду января морозы не раз уходили за 20-градусную отметку снижаясь лишь при снегопадах,

но ни холод, ни снег, ни многочасовое ожидание не вызывали у беженцев протестов. Соседи тактично отворачивались в сторону от матерей, кормивших грудных младенцев, стоя спали прижавшиеся друг к другу в плотной толпе старики, дети прятали от снега под пальтишки укутанных кошек и канареек. Многотысячная толпа черпала силы для терпения в редких взглядах на затемнённые громады высившихся над нею лайнеров. Они были зримым залогом того, что ад недавнего бегства наконец останется позади.

«Убей немца!»

Слово «ад» не раз встречается в архивных документах, мемуарах и трудах западных историков, касающихся прорыва советских войск в Восточную Пруссию. Вряд ли такую оценку можно отнести к преувеличениям. Сталинское воинство, вдохновлённое эренбургским «Убей немца!», беспрепятственно убивало, грабило и насиловало гражданское население до той поры, пока масштабы творимых армией преступлений не озадачили самого вождя, и 14 апреля в «Правде» появился хозяйский окрик: «Товарищ Эренбург упрощает!».

Чтобы ощутить «колорит» того страшного времени, не надо изучать немецкий. Достаточно вслушаться в честные свидетельства наших фронтовиков, от А.И. Солженицына до Л.З. Копелева. Вот лишь несколько январских отрывков из воспоминаний майора Копелева, озаглавленных «Хранить вечно». Читать их крайне трудно и стыдно, но необходимо. Без них восприятие истинных масштабов трагедии «Густлоффа» будет явно неполным.

«...У пассажирского вагона труп маленькой женщины. Тонкий слой снега и какая-то тряпка едва укрывали застывшее испоганенное тело. Видимо, насиловали скопом и тут же убили, или сама умерла и застыла. Ещё несколько трупов – женских и мужских в штатском – у вагонов на платформах».

«Незадолго до начала зимнего наступления разрешили посылки. Каждому солдату предоставлялось право посылать в месяц одну или две восьмикилограммовых посылки. Офицерам вдвое больше и тяжелее. Это было прямое и недвусмысленное поощрение будущих мародёров, науськивание на грабежи».

«...Молоденький румяный капитан говорит завистливо: “Вам хорошо: языком владеете. Можете потребовать именно то, что вам нужно. Да они на радостях, что поихнему умеете, и сами отдадут. А я вот знаю только “ур” и “фрау, комм”. А вот как сказать, например, “золото”, “серебро”, “шёлк”?»

«...Сзади – неистовый женский вопль. Вбегает девушка: большая светло-русая коса растрёпана, платье разорвано на груди. За ней гонятся два танкиста. Оба в ребристых чёрных шлемах. Один злобно пьян. Хрипит руганью. Куртка распахнута, бренчат медали, звезда ордена “Славы”. Становлюсь перед ним.

– А ну, успокойтесь, товарищи танкисты!

– Ахвицеры, вашу мать, на наших хребтах воюете... Ты где был, мать, перемать, когда я “Тигра” пожёг? Пусти, твою мать. Хочу бабу! Я кровь проливал!

Достаю пистолет. Другие танкисты оттягивают его, но глядят на меня неприязненно. Из темноты голоса: “Вот они, командиры, за немку своего убить хочет”...» (Лев Копелев, «Хранить вечно», издательство «Ардис», 1978 год.)

Нетрудно поэтому понять терпение беженцев, готовых безропотно мёрзнуть в многочасовой очереди, лишь бы очутиться как можно дальше от надвигающегося кошмара массовых надругательств, бесправия и убийств. К исходу четвёртых суток погрузки мороз усилился настолько, что патрули рискнули пропускать стариков, инвалидов и матерей с детьми после простой сверки фотографий на паспортах. Это ускорило движение очереди, но зато резко увеличило последующее расхождение между списками фельджандармерии и окончательным перечнем поставленных на пищевое довольствие людей, который был составлен экипажем уже после выхода в море.

II Трагедия «Густлоффа»

Навстречу гибели

Расконсервированная радиостанция лайнера передала в штаб Деница просьбу о разрешении выйти в море утром 28 января. Но тот хранил молчание, дожидаясь сведений с других судов, которые предполагалось отправить в одном конвое с «Густлоффом» – при дефиците топлива было бы нерационально тратить его на обеспечение военным эскортом перехода одиночного судна с преимущественно гражданскими лицами. Ожидание затягивалось: ни «Ганза», ни «Дойчланд», ни «Гамбург» не смогли справиться с расконсервацией столь оперативно, как гораздо более современный «Густлофф».

Откладываемый рейс ежедневно ставил перед пассажирским помощником «Густлоффа» множество головоломных задач. Где разместить очередные сотни людей, принятых на борт? Как обеспечить всех горячей пищей и хотя бы минимальными удобствами? Проявляя редкостную изобретательность, ассистент пассажирского помощника Гейнц Шён распределил рожениц и раненых по секциям просторного закрытого солярия на верхней палубе, а вспомогательный женский корпус переместил ниже ватерлинии, в обширный плавательный бассейн (после чего за девушками немедленно закрепилось прозвище «русалок»). Судоводители «сгруппировались» в нескольких каютах за ходовой рубкой. Машинная команда тоже переселилась к своим непосредственным рабочим местам у двигателей, генераторов и насосов. Освободившееся пространство было уплотнено до предела, позволив разместить в каютах, кинотеатрах и салонах ещё три тысячи беженцев.

Исключениями из принципа «в тесноте, да не в обиде» стали просторная «фюрер-каюта», приютившая семью обербургомистра Готенхафена, и офицерский салон, где устроилось семейство городского крайсляйтера с двумя слугами (главы обоих семейств разрешения на эвакуацию не получили). Впрочем, и там «просторы» были относительно – семья бургомистра насчитывала тринадцать человек, а жена и пятеро детей крайсляйтера ухитрились втащить в свой салон почти тонну личных вещей. Добиваться соблюдения обязательной для «простых смертных» нормы в тридцать кило на человека в данном случае было бесполезно – на партийную верхушку утверждённые ею самой нормы никогда не распространялись.

Благодаря электрикам из курсантов, наладившим судовую трансляцию, пассажиры, начиная с 29 января, регулярно слушали последние судовые и городские новости, перемежаемые бодрими заверениями прусского гауляйтера Коха: «В этот час все мысли фюрера с нами. Он никогда не сдаст Восточную Пруссию. Наша величайшая безопасность заключена в непоколебимой вере фюреру!» У самого Коха эта вера, очевидно, была не слишком прочной: на случай своего бегства гауляйтер затребовал два ледокола, постоянно находившихся под парами. Во Фленсбург сбежавший «защитник Пруссии» прибыл с подвалом старых вин и персональным лимузином, тут же раздобыв фальшивые документы для поспешной сдачи англичанам. Что, впрочем, не избавило его от позорной смерти на польской виселице. Но до мая ещё было далеко, а пока беженцы на «Густлоффе» пытались понять из слов своего партийного руководителя только одно: успеет их судно выйти в море до прорыва советских войск в город или не успеет?

Утром 30 января от Деница пришло долгожданное разрешение на выход в море теплохода «Вильгельм Густлофф», парохода «Ганза» и беженского судна «Вильгельм Бауэр» (в недавнем прошлом – базы подлодок, однотипной с затонувшим рядом «Копхамелем»). Четыре портовых буксира, не без труда вырвав корпус лайнера из удерживавшего его ила, повели «Густлофф» сквозь битый лёд к середине гавани. С высоты мостика заснеженная набережная Оксхёфт местами казалась совершенно чёрной от колонн беженцев, продолжавших грузиться на остающиеся у причала суда. В том числе и на «Вильгельм Бауэр», который, как надеялся капитан Петерсен, уже должен был дожидаться его у выходного буя. Судя по водолазному боту под кормой плавбазы, там возникли какие-то неполадки с винторулевой группой. На «Ганзе» все трапы были убраны, но с баржи, ошвартованной у правого борта парохода, ещё шла погрузка угля.

Миноносец «Лёве» передал «Густлоффу» флажной сигнал дожидаться на якоре подхода остальных судов. Но первое пополнение подошло к нему не из бухты, а с моря: обледенелый спасательный буксир «Ревель» доставил на борт лайнера ещё пятьсот измученных холодом и

качкой беженцев из Пиллау. Среди них оказалась готовившаяся к родам молодая жительница Эльбинга, которая расплакалась от счастья при виде ярко освещённой тёплой «Густлофф-клиники» профессора Рихтера.

Вскоре к «Густлоффу» присоединилась «Ганза», но ремонт руля на «Вильгельме Бауэре» затягивался, поэтому из штаба поступило распоряжение более никого не дожидаться. Сопровождаемые миноносцем «Лёве», тральщиком «М-35» и торпедоловом учебной флотилии «ТФ-19», оба пассажирских судна двинулись на внешний рейд. Только там капитаны смогли, наконец, узнать свои порты назначения: «Ганзе» предписывалось идти во Фленсбург, «Густлоффу» – в Киль.

Их совместное плавание на запад продолжалось ровно семь минут – рулевая машина «Ганзы» отказала, и тральщик отправился в Готенхафен за буксирами. Вскоре на «Густлофф» пришло распоряжение командира службы мореплавания района Готенхафен корветтен-капитана Леонхардта продолжать плавание под охраной «Лёве» и «ТФ-19». Для огромного лайнера такой эскорт был более чем скромным. Маленький миноносец «Лёве» (бывший норвежский «Гиллер») имел всего лишь два 40-мм орудия и несколько зенитных пулемётов. Трёхсоттонный «ТФ-19» с его двумя 20-мм зенитными автоматами мог считаться и подавно символическим защитником. Радиолокационная и гидроакустическая аппаратура на обоих кораблях отсутствовала. Но выбирать не приходилось – гигантские масштабы эвакуации заставляли Кригсмарине расплывать свои свободные от сопровождения воинских транспортов эскортные силы между десятками беженских и госпитальных судов. Многие «гражданские рейсы» совершались вообще без эскорта.

Погода не благоприятствовала плаванию: шторм и снежные заряды временами сводили видимость почти до нуля, затрудняя следование в кильватерном строю. Особенно трудно приходилось торпед олову: слабая машина не позволяла точно удерживать корабль на курсе, и его то и дело сносило с фарватера. Мин при этом он не потревожил, но резкий удар днищем о каменистую банку вызвал поступление воды в машинное отделение, после чего командиру миноносца пришлось сопровождать аварийный торпедолов назад в Готенхафен.

Оставшийся в одиночестве «Густлофф» вскоре покинул Данцигский залив и вышел из узкого фарватера в открытое море. Практика военных лет требовала немедленно развить там максимальный ход при постоянном выполнении противолодочного зигзага, но «Густлоффу» ни то, ни другое доступно не было. Зигзаг потребовал бы значительного увеличения расхода топлива, которого было на лайнере в обрез, а «старые раны» обросшего корпуса исключали даже 15-узловый ход, не говоря уж о форсированном. Поэтому никем не охраняемый лайнер продолжал идти прежним 12-узловым ходом без выполнения каких бы то ни было противолодочных манёвров, представляя идеальную двухсотметровую мишень для любого, даже бездарного подводника.

Жизнь экипажа шла своим чередом. На мостике штурманскую вахту принял капитан-дублёр Хейнц Веллер, 35-летний потомственный моряк, чей перевозивший войска семитысячник «Мими Хоорн» был месяц назад потоплен советскими бомбардировщиками под Пиллау. Хейнца Шёна сменить было некому, и он до самого ужина продолжал принимать доклады от курсантов, стюардесс и санитаров, уточнявших количество людей, разместившихся на всех восьми палубах «Густлоффа». Позднее эти сведения оказались рассеянными по разным архивам, в том числе и личным, поэтому подвести окончательный итог удалось лишь к концу 1990-х, когда завершился анализ объединённых архивов ФРГ и ГДР. Согласно этим данным, вечером 30 января на лайнере находилось: 8 956 беженцев, эвакуируемых гражданских лиц и медиков, 918 курсантов 2-го учебного дивизиона, 373 девушки из состава вспомогательного морского корпуса, 173 члена экипажа, 162 тяжелораненых. Всего: 10 582 человека.

Это означало, что в случае катастрофы спасательными плавсредствами будет обеспечен лишь каждый второй пассажир. Но с момента отхода на лайнере предпочитали заботиться только о реально разрешимых проблемах элементарной гигиены и питания обитателей «Густлоффа», число которых *внятеро* превышало норму. Вездесущие курсанты и «русалки» бегом разносили по палубам таблетки от качки, подогретое молоко для бесчисленных малышей и пачки бумажных салфеток, находивших среди беженцев самое разнообразное применение. Лишь к половине девятого на судне установилось относительное спокойствие, и девушки,

наскоро подкрепившись эрзац-чаем с бутербродами, гурьбой направились в недра судна к своему «спальному бассейну». Уже минут через двадцать в огромном помещении бассейна, слабо освещённом четырьмя плафонами, воцарилась тишина – смертельно уставшим за день «русалкам» было не до обычных вечерних перешёптываний и смешков.

Примерно в это же время стюард Макс Боннет откупорил в капитанской каюте бутылку итальянского бренди. Петерсен, Риз и Цан сдвинули рюмки с золотистой жидкостью. «За удачный рейс!» – негромко сказал капитан.

Палубой выше профессор Рихтер, завершив вечерний обход своих пациенток, шутливо укорил беженку из Пиллау: «Я вижу, милая, вы твёрдо решили не дать мне поспать! Не позже, чем через час меня опять позовут к вам. Но, думаю, мы быстро управимся, и когда на земле станет одним замечательным пареньком больше, я ещё успею наверстать упущенное. Только не вздумайте родить девчонку – с ними столько хлопот, уж я-то знаю!»

Катастрофа

Выйдя на правое крыло мостика, капитан-наставник Хейнц Веллер поёжился от холода и с удовлетворением отметил, что в небе по-прежнему не видно ни одной звезды, а снег продолжает падать. Атак советских бомбардировщиков можно было не опасаться. Предупреждений о подлодках тоже не поступало – и хотя на «Густлоффе» допускали, что отсутствие оперативных сводок объясняется сильнейшими помехами в эфире, но в любом случае дополнительные запросы с лайнера исключались из-за приказа о соблюдении полного радиомолчания. Перед тем как вернуться в тепло мостика, Веллер посветил фонариком на термометр, укрытый от снега цинковой воронкой. Ртутный столбик застыл на минус шестнадцать.

Тщательно закрыв за собой дверь, капитан-наставник потёр озябшие руки и наклонился к судовому журналу, чтобы внести туда сведения о видимости и температуре, но успел записать только время – «21.08»: в следующую секунду сильнейший толчок чуть не сбил его с ног. «Мина?» – подумал он, однако ещё два почти одновременно сотрясших корпус лайнера мощных взрыва убедили его в том, что его предположение неверно: «Густлофф» торпедирован. Резко оборвавшаяся вибрация палубы и погасшие за стёклами рубки ходовые огни красноречиво свидетельствовали о серьёзности нанесённых судну ран. Взрыв первой торпеды разорвал левый борт лайнера ниже ватерлинии у кормы. Вторая взорвалась точно под бассейном. Из спавших там «русалок» не спасся никто, кроме трёх девушек, лежавших ближе к трапу. Третий взрыв произошёл в машинном отделении, практически мгновенно затопленном водой вместе со всеми находившимися там.

Лишившись половины своего левого борта, теплоход быстро «ложился» на воду. Творившиеся в недрах «Густлоффа» дантовские сцены заставили поседеть почти каждого, сумевшего вырваться наружу. Из кают, уходящих под воду с заклиненными взрывом дверями, иногда доносились хлопки pistolетных выстрелов – это кончали жизнь те немногие, кто имел оружие: военные медики, офицеры-инвалиды, старшины курсантов. Вот отрывок из свидетельства Ингеборг Ротенбергер: «Ребёнок выпал из руки повисшей на скобе трапа женщины, и почти сразу был затоптан обезумевшей толпой внизу. Если бы я наклонилась к нему, меня тоже сразу затоптали бы вместе с ним. Вокруг меня все рвались к трапу. Я споткнулась о невидимое кричащее тельце и едва удержалась на ногах. Толпа понесла меня дальше. Это было ужасно».

В воде плавали сотни соскользнувших с палубы людей, старавшихся достичь шлюпок, плотов или обломков. Это удавалось лишь обладателям пробковых нагрудников – остальных быстро увлекала на дно намокшая тяжёлая зимняя одежда. Пытавшиеся освободиться от неё тут же погибали в ледяной воде от холода. Родители отдавали свои нагрудники детям, а сами почти сразу исчезали в пучине. Плоты не защищали пассажиров от пронизывающего ветра и водяных брызг, – промокшие люди быстро превращались в неподвижные ледяные статуи. Очевидцы вспоминают собаку-поводыря, из последних сил тянущую к борту шлюпки уже мёртвого слепого хозяина.

Из завещания Мильды Бендрих, которое её дочь прочла (в 1980-х) в Австралии: «Моя

родная Инге, тебе было всего два года, когда мы с тобой и с моими родителями очутились в январе 1945-го на «Густлоффе». Самого взрыва я в полудрёме не услышала, помню только, как толпа несла меня по коридору, а я молила Бога о том, чтобы он не дал мне выпустить тебя из рук, и какая-то женщина с двумя плачущими детьми позади меня твердила: «Держитесь, милая, пожалуйста, держитесь, пожалуйста, не упадите!» Наверху я ползла с тобой по заснеженной наклонной палубе к спускаемой шлюпке, но как пальцы моей свободной руки ни вцеплялись в лёд, каждый метр вверх оборачивался для нас двумя метрами вниз. В ужасный момент, когда мои силы уже были совершенно на исходе, офицер, руководивший спуском шлюпки, заметил нас в свете кем-то выстреленной ракеты и вместе с двумя моряками с трудом втянул нас к другим в шлюпку. Я помню, что всё это время ты не издала ни звука, только смотрела на меня широко открытыми глазками, словно понимала всю мою муку и отчаяние и хотела мне помочь. Нам с тобой посчастливилось спастись в этой шлюпке, но моих дорогих родителей я более никогда не видела...»

Судьба замерзающих на плотках и в шлюпках людей зависела только от быстроты подхода спасателей. Начиная с момента взрыва, радисты лайнера не покидали своей рубки, лихорадочно пытались оживить обесточенный передатчик. Но перейти на аварийные аккумуляторы не удалось – после долгого хранения на складах они «садились», едва начав работать. Тогда все аккумуляторы подключили к «последней соломинке» – маломощной УКВ станции, рассчитанной на ближнее действие. И она не подвела. Еле слышный сигнал бедствия с лайнера был принят на тральщике «М-341», который сопровождал пароход «Гёттинген», шедший восточнее с четырьмя тысячами беженцев из Кёнигсберга, а также на вооружённом рыбачьем траулере «В-1703», который сразу отретовал SOS через свой передатчик. К месту катастрофы направились все суда и корабли, находившиеся поблизости. Уже через четверть часа после взрыва на помощь пассажирам «Густлоффа» с разных румбов шли сквозь шторм «Гёттинген» и «М-341», «Лёве» и «ТФ-19», траулер «В-1703» и беженский пароход «Готланд», наконец, тяжёлый крейсер «Адмирал Хиппер» (тоже битком набитый беженцами) под эскортом миноносца «Т-36», сторожевика «ТС-2» и тральщика «М-375».

Когда последние спасатели подоспели к месту катастрофы, сорок пять минут агонии лайнера уже истекли, и его изуродованный корпус двинулся в последний путь на дно Балтики. Зачем-то всё ещё находившаяся поблизости советская подлодка была обнаружена, атакована глубинными бомбами и отогнана. В более тёплых водах разрывы глубинных бомб обрекли бы на смерть всякого, кто находился в воде, но бесчисленные детские головки, подобно тёмным поплавкам пассивно покачивавшиеся на волнах среди шлюпок и плотов, подтверждали, что никакие бомбы им давно уже не страшны.

Обмороженных, потерявших сознание поднимали в сетках или на руках. Из эвакуируемых на «Густлоффе» раненых, инвалидов уцелели считанные единицы. Среди 9 343 погибших треть составили дети, хотя спасательные нагрудники взрослые отдавали в первую очередь им. Всего же за ночь с 30-го на 31 января судам и кораблям удалось спасти 1 239 человек, но дожить до рассвета было суждено не всем. Уцелевших ждали ампутации, психиатрические клиники, утрата всякого интереса к жизни после осознания невосполнимости понесённых потерь, что уже в начале февраля привело к волне самоубийств среди спасённых. Подвижнический напряжённый труд по возвращению пассажирам «Густлоффа» воли к жизни определил весь последующий путь 20-летнего судового фельдшера Гюнтера Хильдебрандта, в будущем – профессора с мировым именем, ректора Марбургского университета, крупнейшего специалиста в области реабилитационной терапии.

Почти до самого утра оставался в районе катастрофы вооружённый траулер «В-1703». Из-за малой скорости он подоспел на место гибели лайнера лишь «к шапочному разбору», когда все, кто имел шанс уцелеть, уже были подняты из воды. Но капитан-лейтенант Гельмут Ханефельд упрямо отказывался уходить в порт, то сжимая, то разжимая спираль поиска, – и около пяти утра его настойчивость была вознаграждена: боцманмат Вернер Финк услышал доносившийся из предрассветной мглы непонятный прерывистый писк. Траулер мгновенно развернулся, и через несколько минут руки моряков уже втаскивали с плясавшего на волнах пустого прогулочного ялика принайтовленный к нему объёмистый куль. Внутри куля, в многослойном коконе из женского пальто, шерстяной шали, пары одеял и пробкового

нагрудника, оказался плачущий, но совершенно сухой полуторагодовалый мальчик – последний спасённый с лайнера. Маленький пароходик, дымя высокой трубой, поспешил со своим уснувшим пассажиром в Готенхафен. Отыскать родителей малыша властям не удалось, и счастливый Финк сообщил своей бездетной жене, что провидение послало им сына.

«Я ... готовлю убийц массового масштаба»

Реакция нацистской верхушки на гибель тысяч беженцев оказалась более чем сдержанной. Официальный отчёт о беседе Гитлера с Деницем 31 января свидетельствует, что «в связи с потоплением “Вильгельма Густлоффа” главнокомандующий ВМС заявляет, что с самого начала было ясно, что при столь активных перевозках должны быть потери. Русские подлодки действуют на Балтике без помех только потому, что им не оказывают противодействия германские самолёты и отсутствуют радиолокационные системы. Фюрер приказывает, чтобы суда, эвакуирующие беженцев, при обратном переходе на Восток брали бы продовольствие для беженцев». Только и всего!

Гибель «Густлоффа» лишила жизни множество людей, но одного человека она спасла. Этим человеком был капитан III ранга Александр Маринеско. В январе 1945 года командующий Балтфлотом принял решение предать командира С-13 военному трибуналу за самовольное оставление корабля в боевой обстановке. Исполнение решения отложили с условием искупления вины в боевом походе. Следует отметить, что предшествовавший «атаке века» загул Маринеско в финском Турку не был в его флотской карьере чем-то выдающимся. Ещё в первые месяцы войны (в октябре 1941-го) его, после ряда дисциплинарных взысканий, исключили из кандидатов в члены партии с формулировкой: «За систематическую пьянку, за развал дисциплины, за отсутствие воспитательной работы среди личного состава, за неискренние признания своих ошибок». Даже в трагический для голодного Ленинграда 1942 год мы снова читаем в боевой характеристике Маринеско: «В походах личная дисциплина хорошая, на берегу склонен к частым выпивкам». Всё то же констатирует раздел его аттестации «Заклучение старших начальников» и в 1944 году: «Необходимо указать на продолжающиеся случаи аморальных явлений, несмотря на указания в прошлой аттестации. Командир бригады подлодок контр-адмирал Верховский».

Нетрудно представить, чем завершился бы трибунал для офицера с такой репутацией, вернись он из «испытательного» похода с пустыми руками – командиров расстреливали и за куда меньшие преступления, нежели оставление подлодки ради пьянки в компании иностранной шлюхи.

Словом, в начавшемся 11 января плавании для Маринеско на карту было поставлено всё. Но проходила неделя за неделей, а шансов избежать трибунала не появлялось – все его попытки атаковать встречные конвои последовательно срывались активным противодействием немцев. Впрочем, что конвои: даже обнаруженный 29 января одинокий транспорт сумел обратить С-13 в бегство огнём из своей автоматической пушки. И вот через двадцать дней похода пути Маринеско, наконец, пересеклись с неохраямой мишенью – «Густлоффом». А ещё десять дней спустя – с госпитальным судном «Генерал фон Штойбен», которое сопровождалось лишь старым учебным миноносцем «Т-196». Причём в своём боевом донесении командир С-13 запечатлел уничтожение двух с половиной тысяч раненых и беженцев со «Штойбена» как потопление лёгкого крейсера, шедшего под эскортом трёх миноносцев, а в книге «Личный враг фюрера штурман Маринеско» Николай Редкобородов доводит перечень противников и вовсе до эпических размеров: «Со всей ответственностью утверждаю, что 10 февраля 1945 года С-13-м потоплен крейсер фашистской Германии в охранении шести эскадренных миноносцев».

Следует отметить, что подобные, мягко говоря, «неточности» были характерны и для более ранних донесений С-13. В сентябрьском походе 1944 года в журнал занесено описание следующей атаки будущего советского «подводника номер один»: «Обнаружен гружённый транспорт идущий ходом 7 узлов. Произведён трёхторпедный залп из носовых ТА. Транспорт застопорил ход. Торпеды прошли по носу транспорта. Выпущена четвёртая торпеда из носовых ТА по стоящему транспорту. Транспорт дал ход. Торпеда прошла по корме транспорта. Открыт огонь из 100-мм пушки. Открыт огонь из 45-мм пушки. Выпущено 39 снарядов из 100-мм

пушки и 15 снарядов из 45-мм пушки. Транспорт загорелся и стал тонуть». По окончании войны историк Ю. Майстер документально установил, что «груженым транспортом», на потопление которого извели четыре торпеды и свыше полусотни снарядов, был невооружённый буксир «Зигфрид».

Но, крейсером ли была жертва атаки С-13 или госпитальным пароходом, а трибунала можно было более не опасаться. Помимо брэнной славы, двенадцать тысяч детских и взрослых трупов обернулись для Маринеско и вполне материальным воздаянием, о котором в том же редкобродовском «Личном враге» говорится так: «...С-13 в составе соединения перешла в Либаву к постоянному месту базирования. Имея на палубе автомобиль “Опель”, приобретённый командиром в Военторге. На призовые деньги за утопленные суда».

Всего через полгода после «атаки века» карьера её героя завершилась следующей аттестацией командира дивизиона подлодок Линденберга: «Будучи в базе и на берегу, Маринеско вёл себя крайне недисциплинированно, проявлял недостаточную требовательность к подчинённым, а к себе никакой требовательности не предъявлял. В результате чрезмерного употребления спиртных напитков Маринеско страдает эпилептическими припадками, которые за последнее время значительно участились. Он разлагал не только личный состав своего корабля, но и разлагающе действовал на офицеров и личный состав других кораблей. Считаю, что в настоящее время капитан 3 ранга Маринеско к службе на флоте непригоден». 14 сентября 1945 года приказом адмирала флота Кузнецова Маринеско был отстранён от занимаемой должности и разжалован до старшего лейтенанта, а 20 ноября ему пришлось навсегда уйти с флота в отставку.

В завершение рассказа о трагедии января 1945 года хочу предложить читателям вдуматься в суть одного примечательного откровения из книги Титоренко «Личный враг Адольфа Гитлера». Рассказывая о своих курсантских годах в Ленинградском высшем училище подплава, он (ныне – отставной капитан I ранга) приводит на странице 30 тираду своего бывшего преподавателя, начальника кафедры использования оружия Леонида Лончиха: «Товарищ курсант, что вы шаркаете ножкой по паркету? Я из вас готовлю убийц массового масштаба. А вы отстали от цели на эпоху. Так, как вы, стреляли в первую мировую войну Вон из рубки. Два балла!» В ответ на возражение двоечника: «Провели бы в науку нам разбор поучительного современного примера! Что вы сами-то знаете об атаках Маринеско?» маститый наставник «массовых убийц» запальчиво отвечает: «Знаю всё! И снимаю шляпу!»

Думаю, что более исчерпывающего комментария к «атаке века» сделать невозможно. Герой Советского Союза Александр Маринеско за какие-то десять дней убил больше грудных младенцев, женщин, стариков, подростков, раненых и инвалидов, чем все подводники всех морских держав за обе мировых войны. И в этом смысле – только в этом и ни в каком другом! – командир С-13 действительно заслуживает звания «Подводника № 1», которым его так любят величать нынешние последователи выдумок Александра Крона.

Кто вы, доктор Зорге? О. Александров

«Посев», 1986, № 1

После того как осенью 1945 года генерал-майор американской армии Чарльз Уиллоуби опубликовал статью о деятельности Рихарда Зорге в качестве резидента советской военной разведки в Токио, у западных историков возник острый интерес к этой загадочной фигуре.

Западные писатели и журналисты, специализирующиеся на проблемах разведки, обратили внимание, что с 1935-го по 1941 год довольно скромный корреспондент газеты «Франк-фуртер цайтунг» в Японии был не только одним из самых влиятельных членов немецкой колонии в Токио, но и негласным руководителем нацистской партийной организации в японской столице. Зорге тесно сдружился и очень скоро стал фактически главным политическим советником германского военного атташе в Японии Ойгена Отта. Не без содействия Зорге Гитлер в 1938 году утвердил Отта послом III Рейха в Японии.

Свидетели, в частности, заведующий протокольным отделом германского посольства в Токио доктор Ганс Отто Мейенер, немало лет проработавший бок о бок с Зорге, отмечает, что во всей немецкой колонии в Японии не было более убеждённого нациста и искреннего почитателя Гитлера, чем Зорге. По словам другого бывшего германского дипломата, советника фон Эбнера, Зорге был непосредственно вовлечён одновременно и в деятельность нацистских разведывательных служб, и в работу тайной политической полиции – Гестапо.

Командированный из Берлина в Японию крупный чин Гестапо Мейзингер считал Рихарда Зорге своей «правой рукой» и безоговорочно полагался на его деловые рекомендации, касавшиеся защиты интересов Гестапо в Японии. Вскоре после появления Мейзингера, видимо, по рекомендации резидента политической полиции Рейха, на Японских островах Рихард Зорге был выдвинут на пост «нацистского фюрера Японии».

Бригаденфюрер Вилли Шелленберг, начальник управления зарубежной разведки и контрразведки СД, неоднократно посещал Японию официальным и частным образом. Во время каждого визита он по многу часов проводил с доктором Зорге, обсуждая так называемую «конкретную политическую ситуацию». Иными словами, занимаясь актуальной разведывательной деятельностью.

Советские публикации о Зорге увидели свет лишь осенью 1964 года, через двадцать лет после его смерти в тюрьме Сугамо. Обстоятельства и подробности, связанные с нацистской активностью Рихарда Зорге, упоминаются в советской прессе как-то мельком. Его деятельность в качестве официального оратора отделения нацистской партии в Токио довольно тщательно «ретушируется». Вся информация о личных взаимоотношениях Зорге с Шелленбергом, Мейзингером и другими сотрудниками СД смазана. Советские авторы настойчиво повторяют одну и ту же версию: получается, что нацистская активность Зорге – лишь неизбежный камуфляж, естественно необходимый советскому агенту чтобы войти в доверие к Гестапо и СД.

Однако на Западе специалисты склонны видеть в советских утверждениях, если можно так выразиться, «облегчённый вариант» исторической реальности. Тем, кто профессионально занимался изучением истории деятельности СД – службы безопасности III Рейха, довольно трудно поверить, что столь активная и эффективная контрразведка с высококвалифицированным персоналом могла в течение стольких лет не замечать деятельности советского агента у себя, как говорится, «под носом». Или, наконец, не попыталась бы использовать столь удобного для разведки человека, каким был Зорге. Кстати, с этим соображением согласуется и ещё одно обстоятельство «дела Зорге». Изучение японской контрразведывательной документации после окончания II мировой войны позволило американским историкам Дикину и Сторри прийти к заключению, что японская высшая государственная полиция к началу 1940 года собрала достаточное количество улик, доказывающих принадлежность Зорге к германской секретной службе.

Французские авторы Шатэль и Герэнн, хорошо знакомые с деталями «дела Зорге», полагают, что Зорге, скорее всего, был именно тем, кем и казался. То есть: убеждённым нацистом, сотрудником имперской политической разведки и, возможно, осведомителем тайной полиции – Гестапо.

Трудно утверждать, что Зорге был двойным агентом, с самого начала своей деятельности работавшим и на советскую, и на германскую разведку одновременно. В начальный период своей разведывательной карьеры, во время работы в Европе и в Шанхае, доктор Зорге явно был на советской стороне. Ряд западных историков указывает, что с середины 1937 года в результате всех чисток и расстрелов советское Разведывательное управление практически утратило контакт с Зорге. И он, предоставленный сам себе, скорее всего просто прекратил свою разведывательную деятельность в пользу СССР.

По словам известного американского автора Фараго, специалиста по вопросам международного шпионажа, Зорге перестал финансироваться Москвой с начала 1938 года, а когда был арестован японской контрразведкой, то советское Разведуправление не проявило желания вести переговоры с японцами о выкупе или обмене Зорге.

В советской прессе часто повторяются утверждения, что Зорге сообщил в Москву точную дату начала советско-германской войны. А затем, если верить советской пропаганде, рискуя головой, сумел передать в Генеральный штаб Красной Армии бесценную информацию о том,

что Япония не собирается в 1941 году воевать с Советским Союзом. Именно это сообщение якобы и позволило советскому военному руководству начать переброску резервных армий с Дальнего Востока под Москву в октябре 1941 года.

Однако исторические факты складываются в другую картину. Американские исследователи Дикин и Сторри в книге «Дело Рихарда Зорге» указывают, что ещё 4 июля 1941 года советский посол в Токио Константин Сметанин послал в Кремль подробное сообщение о концентрации японских Вооружённых Сил не на советском Дальнем Востоке, а в южной части Тихого океана. Кроме того, советская разведка перехватила шифрограмму военно-морского атташе Германии в Токио адмирала Пауля Веннекера, отправленную 22 августа 1941 года, аналогичного содержания.

Смерть Рихарда Зорге подаётся советскими источниками в лучших традициях мифологии. За секунду до гибели, на эшафоте, Зорге будто бы выкрикнул: «Да здравствует СССР! Да здравствует Красная Армия!» По словам советских авторов, чтобы усугубить страдания Рихарда Зорге, японцы решили его повесить в день 27-й годовщины октябрьского переворота – 7 ноября 1941 года.

На самом деле ни точную дату казни, ни даже её способ до сих пор установить не удалось – японские архивы сохранились не полностью.

Впрочем, если бы советские архивы были доступны для историков, то на вопрос: «Кто вы, доктор Зорге?» можно было бы попытаться ответить с большей полнотой, чем это делалось до сих пор.

Сражения и мифы о них

«За Родину, за Сталина!» я впервые услышал после войны П. Пуговкин

«Посев», 2005, № 4

Этот рассказ моего отца, Петра Романовича Пуговкина, был записан на магнитную ленту для «Радио России» и передан в эфир в июле 1997 года, за два месяца до его смерти. Речь шла о 55-летию печально известного приказа № 227 «Ни шагу назад!». Волею фронтовой судьбы летом 1942-го отец оказался в центре событий, которые привели к появлению этого приказа. Понимая, что жить осталось недолго, он очень хотел рассказать о войне.

Андрей Пуговкин

27 марта 1941 года я был зачислен на 4-й курс Военно-воздушной академии им. А.Ф. Можайского, перейдя туда из Института Гражданской авиации. В августе, когда академия уже находилась в эвакуации в городе Йошкар-Ола, было принято решение сделать несколько ускоренных выпусков без защиты дипломных проектов. Диплом я защитил уже после войны.

В марте 1942 года я с несколькими товарищами был направлен в Кировобад, куда поступала американская авиационная техника. Она доставлялась в разобранном виде морскими транспортом в Персию. Там она собиралась. Существовала специальная перегоночная авиагруппа, лётчики которой облётывали машины и через горы «перетягивали» их в Кировобад. Вокруг него, а так же в Агдаме, Аскеране было шесть полевых аэродромов, поскольку авиации поступало много – по ленд-лизу мы получили в общей сложности пятнадцать тысяч машин. Это были бомбардировщики «Бостон», истребители «Эйр Кобра», «Мустанг» и другие.

Американская помощь была как никогда кстати. Их лучшим самолётом был истребитель «Эйр Кобра», на котором Александр Покрышкин сбил 59 самолетов. Лёгкий бомбардировщик А-20 «Бостон» мог нести до семисот килограмм бомб. Двигатели прекрасные, но для штурмовки он был малопригоден, потому что не имел броневой защиты. Зато очень хорош был как морской торпедоносец.

Я был направлен в 860-й БАП – бомбардировочный авиационный полк, в котором

прослужил по 1947 год включительно в должности инженера эскадрильи. Первые полтора года участвовал и в боевых вылетах на месте штурмана. Позднее вышел приказ, который запрещал привлечение к боевым вылетам инженерно-технических специалистов, поскольку в них ощущалась острая нехватка, а ускоренная подготовка лётного состава занимала меньше времени.

Мы получили и освоили самолеты «Бостон», и в начале мая нас направили под Харьков. Приблизительно 15-го мы вылетели на фронт, который к тому времени был прорван немцами.

(В те же дни он узнал, что его родители, две сестры и ещё человек десять родственников умерли от дистрофии в блокированном Ленинграде. Почти все однополчане были родом с Украины. Сочувствуя отцу, они рассказывали о своих родных, умерших от голода в начале 1930-х. Как он говорил позднее, именно тогда возникла первая трещина в убеждениях, привитых ещё с пионерских и комсомольских времён –АЛ.).

Появление приказа № 227 было обусловлено именно событиями на Юго-Западном фронте, провалом действий наших войск. Дело в том, что 12 мая 1942 года войска

Юго-Западного фронта по приказу Сталина, отданному вопреки рекомендациям Генштаба, перешли в наступление на Харьков.

Начало было успешным, и за несколько дней они продвинулись на 25–50 километров. Но уже к 16 мая положение изменилось и обстановка стала критической, а 19 мая, как считалось среди военных, и было известно, в том числе, и мне, разразилась катастрофа. Нам-то это было более понятно, чем другим, потому что, получив американские самолеты, мы были первоначально направлены в район Харькова. Была указана точка посадки. Летели мы туда поэскадрильно и некоторые экипажи успели приземлиться на этот аэродром и даже сделать несколько боевых вылетов, после которых им пришлось со всем фронтом откатываться на восток. Наша эскадрилья садилась уже на другой аэродром. Мы ещё не знали, что в результате неудачного наступления под Харьковом огромная группировка наших войск попала в окружение.

Уже к 23 мая группа фельдмаршала Клейста окружила 6-ю, 57-ю, часть 9-й армии и другие воинские соединения. Так возник «Харьковский котёл», в котором оказалось заперто, как тогда говорили, 670 или 680 тысяч наших солдат и командиров. Это была действительно катастрофа, причём многие высшие наши командиры – например, заместитель командующего фронтом генерал Костенко, – видя бесперспективность сопротивления, покончили жизнь самоубийством. Большие массы войск оставались без управления, но такая масса пленных была не под силу и немцам, поэтому царил полный хаос и экипажи наших сбитых над неприятельской территорией самолётов нередко благополучно пробирались к своим.

Там, впрочем, далеко не всегда встречали их приветливо. Помню возмутительный случай, когда после возвращения экипажа, чудом спасшегося на парашютах из горящей машины, которую они направили на скопление немецких танков, отозвали уже оформленные представления на посмертное присвоение геройских званий. То что они, фактически повторив подвиг капитана Гастелло, всё-таки остались живы, в голове у начальства не укладывалось.

В течение полутора месяцев наш отход на восток происходил настолько быстро, что иначе как паническим его назвать было нельзя. Нужно представить себе превосходство немцев в воздухе. На наш участок фронта Геринг бросил так называемую «Бриллиантовую группу»¹, укомплектованную летчиками исключительно высокого класса. Они охотились буквально за каждым из нас. На моих глазах, прямо над лесополосой, где мы базировались, однажды сбили на взлёте два наших истребителя ЛАГГ, а затем – героический, много раз награждённый экипаж бомбардировщика ТБ-32, который ещё летом 1941 года летал бомбить Берлин.

В литературе обычно вспоминают о налётах на германскую столицу самолётов ДБ-3Ф морской авиации, которые базировались в Эстонии, на острове Эзель. Между тем на Берлин летали и устаревшие ТБ-3. Стрелками в этих самолётах были девушки. На Эзеле они совершали промежуточную посадку, потом летели вдоль кромки моря, обходили Берлин с запада и сбрасывали бомбы уже на обратном курсе.

По действовавшим с довоенных времён наставлениям нельзя было бомбардировщикам летать без сопровождения истребителей. Истребители взлетали со своих аэродромов, в условленном месте происходила встреча, бомбардировщики ложились на курс, а истребители

сопровождали их на большей высоте. В действительности так бывало далеко не всегда, поскольку истребителей не хватало даже несмотря на американскую помощь.

При участии этой самой «Бриллиантовой группы» разбили и нас, и многих других. В противодействие ей в конце концов был выслан полк отборных наших асов под командованием Василия Сталина. Это были герои Советского Союза, которые после получения звания проходили в течение нескольких месяцев стажировку в Подмоскowie, где шлифовали высший пилотаж. Нужно отдать им должное: «Бриллиантовую группу» они с фронта убрали, Геринг отозвал её во избежание больших потерь.

А всё-таки летчики у них великолепные были. У немцев более ста лётчиков-истребителей сбили более сотни самолётов каждый. А один, сбивший 352 самолёта³, – почти в шесть раз больше нашего рекордсмена, трижды героя Советского Союза Ивана Кожедуба – попав после войны к нам в плен, в отместку получил 25 лет и сидел до 1955 года. Непонятно, за что: он был никакой не военный преступник, а самый настоящий герой, хоть и воевал против нас. У него учиться нужно было, а не в лагере гноить.

Последние самолёты наш полк потерял 12 июля 1942 года, в Петров день. Один из них, в котором был и я, после аварийной посадки на кукурузное поле немецкие истребители добивали уже на земле. Единственный оставшийся самолёт улетел на восток со знаменем полка, шифрами и другими документами. Когда мы остались без самолётов и практически в окружении, личный состав по эскадрильям двинулся пешком в сторону Сталинграда.

Колонну даже человек в тридцать-сорок обязательно атаковали бы немецкие самолёты, поэтому нам дали команду рассредоточиться, и мы шли мелкими группами. Мне довелось идти в компании парторга (политрука) и начальника отдела кадров полка.

Стояла жара, воды не было. Заходить в сёла за водой или пищей было опасно – могли и не дать, а могли и винтовку показать, ещё с гражданской войны припасённую. Как-то нас пожалела, накормила и напоила сердобольная старушка, принявшая всерьёз саркастическое замечание: «А всё так плохо оттого, бабка, что Бога забыли». В другой раз повезло встретить по пути огуречное поле – и немного подкрепились, и жажду утолили. Линии фронта не существовало. Мы шли полем, а в паре сотен метров по грейдеру в том же направлении двигались немецкие танки и мотоциклисты – загорелые, с закатанными до локтя рукавами. Мы отлично видели их, но бежать было некуда, а они наверняка видели нас, но имели приказ не отвлекаться по пустякам от главной задачи – развивая успех, как можно быстрее продвигаться на Восток.

Нужно было видеть эту картинку: жара, пыль, беженцы, стада мычащие и люди плачущие. И всё это двигалось к Волге, к Сталинграду. На берегу Волги скопилась огромная масса людей и пригнанных домашних животных, которых чуть ли не в первую очередь переправляли на другой берег. Что касается военных из разбитых частей, то они скапливались в самом городе. Всю эту толпу необходимо было как-то организовать и, для начала, накормить. Всех тянуло к базару, где даже за бумажные рубли можно было купить какую-нибудь еду. В это время там всех и отлавливали – не заградотряд или зондер-команда какая-нибудь, а сотрудники военной комендатуры. Впрочем, от них никто и не пытался скрыться. Они собирали разрозненные остатки воинских формирований и направляли их на стадион трактороремонтного завода, где работники военкоматов формировали из них отделения, взводы и роты для последующего получения оружия и выдвижения на боевые позиции, поскольку все уже знали, что фронт вот-вот подойдёт к Сталинграду. Одновременно с этим формировалось и городское ополчение из заводских рабочих, семьи которых к тому времени в большинстве уже были эвакуированы на другой берег Волги. Гражданского населения в городе уже практически не было, что бы потом про это не выдумывали.

Вероятно, по молодой глупости, но паники я не ощущал, однако мне совсем не хотелось со своими двумя «кубиками» в петлицах получить под начало пехотный взвод. Дело уже было к вечеру, подошла полевая кухня, нас накормили, и я без лишнего шума стал собираться на время отойти куда-нибудь подальше, но в этот момент на стадионе стали появляться люди из нашего полка. Когда наших было уже десятка два-три, стало ясно, что нас не пошлют неизвестно куда поодиночке.

Личный состав полка разделили на две части. Одних отправили вниз по Волге в сторону

Астрахани, чтобы затем самолётами перебросить в Закавказье получать новую технику, а других посадили на баржу, которую буксир потянул вверх по течению, по направлению к Камышину. На барже было имущество всей нашей 221-й дивизии. Один только вид вокруг мог навеять панические настроения: лето, полдень, жара, а солнца в зените не видно и вообще практически темно – выше по течению горит баржа с нефтью примерно на пять тысяч тонн. Сам город немцы ещё не бомбили, но суда на реке уже подвергались атакам отдельных самолётов. Во время одной такой атаки слегка зацепило осколком и меня.

На скромном лейтенантском уровне положение на фронте не могло быть очевидно во всей его тогдашней катастрофичности. Высшим командирам, которые стрелялись в окружении, было понятно, что дело обстоит очень плохо и выхода не видно. Нас же спасала молодость и вера в то, что всё как-то сложится лучшим образом. Видя происходящее, нужно было как-то сконцентрироваться, не позволять самому себе трусости, разгильдяйства и паники.

Всё это вместе, включая полное превосходство неприятеля в воздухе, способствовало появлению приказа № 227.

Взлетает звено – три самолёта – как воздух необходимых пехоте, которая истекает кровью, отступая в беспорядке. Нужно немцев остановить на дороге – вроде тех, что двигались по грейдеру, когда остатки нашего полка уходили по степи на восток. А звено бомбардировщиков делает круг над аэродромом и возвращается. И так два раза. Почему? Якобы связи нет по внутреннему переговорному устройству между штурманом, стрелком и пилотом. Согласно довоенному наставлению по полётам, лететь в такой ситуации нельзя. А отвечал за эту самую связь я.

Нас с командиром полка, майором Леонтьевым (ему за пятьдесят было, сын воевал на соседнем участке фронта истребителем) вызвал командир дивизии генерал-майор Антошин, Герой Советского Союза ещё за финскую войну. Он сказал: «Два боевых вылета по три самолёта, нужных для пехоты, сорвали! Вас, лейтенант (это мне) – расстреляю, а вас, майор – разжалую». Он бы так и сделал, но, на наше счастье, приказа (того самого) тогда ещё не было. Месяцев через семь, когда вместе выпивали, командир звена сказал мне: «Пётр, прости, я тебя подвёл. Связь работала нормально». Он был прекрасный летчик, но трусоват, и все это знали. Фамилию называть не буду, он потом перевёлся в другой полк и там погиб, пытаясь посадить подбитый зенитным огнём самолёт.

О том, как этот приказ приводился в действие, вспоминать тяжело. Выглядело это так в дом, где заседала комиссия, обвиняемого приводили в офицерской форме и кожаном плаще-реглане. После оглашения приговора с него снимали реглан, хромовые сапоги, выдавали хлопчатобумажную гимнастерку, пилотку, солдатские кирзовые сапоги и наружу он выходил уже рядовым-штрафником. Затем его отправляли в такое место, где он должен был не менее семи дней провести на передовой или получить ранение, после чего следовала амнистия.

У нас в полку это коснулось четырёх человек. Один был лётчик – неплохой парень, но трус, и летать в строю с ним было опасно – уклонялся от зенитного огня так, что запросто мог врезаться в кого-нибудь. Не помню, что послужило поводом, но его отправили в штрафбат. Другой «штрафник» – начальник шифровальной службы. Он в штрафбате был ранен, но в полк к нам не пришёл. Третий был механик по вооружению. У него по халатности погиб подчинённый – мальчишка-солдат семнадцати лет. Механика отправили в штрафную роту, он благополучно недели полторы-две провёл на передовой и вернулся в полк. Четвёртый – младший сержант – тоже был отправлен туда за халатность и к нам назад не прибыл, хотя, насколько мне известно, остался жив.

Бывало и хуже: провинившихся расстреливали – как правило, по обвинению в трусости. Они сами копали яму, становились, в них стреляли и закапывали. Просто. Но это бывало нечасто, потому что люди были нужны и скорее их направляли погибать в штрафбат, чем таким вот образом.

Эти ребята, «штрафники» – обречённые и опозоренные, честно отбивали свой номер, получали ранение или погибали. Бросали их действительно в самое пекло, даже когда в этом не было необходимости. Слухи кое-какие ходили, но точно также политруки на занятиях ввали: мы отступаем, но у нас, мол, нет заградотрядов, а немцы наступают, а у них якобы есть прикованные к пулемётам солдаты. Подобную чушь говорили даже перед строем.

Заградительные отряды, если уж на то пошло, следовало бы выставлять против паникеров, трусов и мешочников, которых не могло не быть при отступлении.

Ведь тогда, летом 1942-го, мы не просто отступали, а бежали, хотя на некоторых участках отдельные части оказывали немцам ожесточённое сопротивление. Во всяком случае, пресловутый призыв «За Родину, за Сталина!» я впервые услышал по радио только лет через двадцать после окончания войны.

Война для меня заканчивалась дважды. Первый раз – в разбитом, разрушенном Белграде. С танками на улицах, с переправой, югославскими партизанами и кричащими на подчинённых нашими генералами, где боеприпасы перевозили на подручных плавсредствах и чуть ли не на собственных спинах.

В декабре 1944 года нас вывели из Югославии в Подмоскowie, в Филю, получать и осваивать новую технику – бомбардировщики Ту-2. Там мы и встретили капитуляцию Германии. Наш полк должен был участвовать в параде победы. Как и всем участникам этого события, нам вручили медали «За победу над Германией» с удостоверениями не в коричневой, а в ярко-красной обложке. Однако в день парада авиацию в воздух так и не подняли. Официально объявили, что из-за нелётной погоды, а между собой шёпотом говорили, что Сталин просто боится, что кто-нибудь из лётчиков сведёт с ним старые счёты и спикурует на мавзолей.

Потом нас почти сразу перебросили на Дальний Восток. Лететь на новую войну не хотелось, тем более, что никто не ожидал, что она продлится всего три недели. Настроение – хуже некуда, в частях были случаи «самострела».

Второй раз я возвращался с войны в конце марта 1947 года, когда уезжал из Китая. Я не знал, что уезжаю навсегда. Из-за плохой погоды лететь было невозможно, но удалось договориться с друзьями-моряками из Порт-Артура, что они меня отправят во Владивосток на пароходе «Украина» в каюте третьего штурмана. Это был транспорт испанской постройки примерно в пятнадцать тысяч тонн.

Плыли около недели, поддерживая спасательные средства в постоянной готовности из-за большого количества плавающих мин. Когда ранним утром проходили Корейский пролив, заранее попросил дежурного матроса-телеграфиста разбудить меня возле острова Цусима. В нашей семье часто вспоминали японскую войну, в которой участвовали мой отец и дядя – под Мукденом и на крейсере «Варяг». Только что взошло солнце. Из воды слева поднимался берег Кореи с пальмами и тропической растительностью, а справа за кормой возвышался мрачный скалистый северный берег острова Цусима. Несмотря на полный штиль, был слышен грохот волн, разбивающихся о скалы.

На подходе к Владивостоку, миль за 150, мы повстречали корабли Тихоокеанского флота – два крейсера типа «Киров»⁴. В порту Владивостока работала таможня. Офицеров действующей армии не досматривали, я спокойно вынес на берег и отдал кому нужно плату за своё место в штурманской каюте – тридцать килограмм контрабандного шоколада, после чего отправился на вокзал. Две недели пути в родной город к будущей жене и стали моим окончательным возвращением с войны.

Примечания

1. Так советские лётчики прозвали I группу 53-й немецкой истребительной эскадры «Туз пик» (I./JG53 Jagdgeschwader 53 «Pik As»). Здесь и далее примечания редакции.
2. П.Р. Пуговкин путает ТБ-3, не участвовавший в налётах на Берлин, с ТБ-7 (Пе-8).
3. Майор Эрих Хартман.
4. Они тогда назывались «Калинин» и «Каганович»..

Дубосеково: многолетний миф В. Широков

«Посев», 1992, № 2

28 героев-панфиловцев. О них сложены песни, написаны книги. Их подвигу посвятили

свои произведения Н. Тихонов, М. Светлов, Н. Хикмет и другие известные литераторы. Но первым, кто громогласно заявил о героях, был А. Кривицкий – спецкор газеты «Красная звезда», в которой он 28 ноября 1941 года опубликовал передовую статью «Завещание 28 павших героев».

Основой для статьи послужило якобы найденное тогдашним редактором газеты Д. Ортенбергом в Главпуре политдонесение, содержание которого он позднее приведет в своей книге «Июнь-декабрь сорок первого»:

«16 ноября у разъезда Дубосеково 28 бойцов во главе с политруком Диевым отразили атаку танков противника, наступавшего в два эшелона – 20 и 30. Один боец струсил, поднял руки и был без команды расстрелян своими товарищами. 28 бойцов погибли как герои, задержали на 4 часа танки противника, из которых подбили восемнадцать».

Странно уже то, что если один струсил и был убит своими, то почему «как герои» погибли все 28? Кроме того, в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО), расположенном в городе Подольске, в фондах 316-й (8-й Гвардейской) стрелковой дивизии нет ни одного документа военного времени, который рассказывал бы о бое 28 (или 27) панфиловцев.

Как бы там ни было, но после публикации материала А. Кривицкого в редакцию утром следующего дня позвонил М.И. Калинин:

– Читал статью. Вы поднимаете на щит героев – хорошо. Надо бы разузнать их имена. Нельзя, чтобы герои остались безымянными.

29 ноября 1941 года А. Кривицкий поехал в панфиловскую дивизию, которую якобы отыскал на переформировании на станции Павшино (в действительности дивизия в это время занимала оборону около станции Крюково). Тем не менее он сумел-таки побеседовать с командованием дивизии и командиром 4-й роты капитаном П. Гундиловичем. Вот что он пишет, в частности, в своей книге «Неподвластно времени»:

«Начальник штаба полковник Серебряков твёрдо заявил мне, что слыхом не слыхивал ни о каком политруке Диеве. Комиссар дивизии Егоров тоже не мог припомнить такую фамилию.

К исходу дня случай свёл меня с капитаном Гундиловичем из полка Капрова. Ещё не зная о цели моего приезда и только услышав расспросы о Диеве, он спокойно сказал:

– Ну как же, Диев. Политрук моей роты. Его настоящая фамилия Клочков, а Диевым его прозвал один боец – украинец, от слова “дие” – дескать, всегда-то наш политрук в деле, всегда действует. Ах, Клочков, Клочков! Геройский был парень. Он со своими бойцами остановил полсотни танков у Дубосеково.

Оказалось, в донесении ошибся сам Гундилович. После встречи с ним я получил поимённый список двадцати восьми».

Трудно поверить в правдивость слов А. Кривицкого, что-де командование дивизии ничего не знало о бое группы бойцов у разъезда Дубосеково и что капитан Гундилович написал донесение в Главпур без согласования с тем же комиссаром дивизии Егоровым.

Далее в той же книге Кривицкий пишет о том, как ему удалось разыскать живого участника боя И. Натарова в одном из подмосковных госпиталей:

«Он был плох, перенёс сложные операции, врачи говорили – не выживет. Я робел, расспрашивая его, но узнав, чем интересуется военный корреспондент, он сам попросил записать его рассказ».

И опять приходится сомневаться в правдивости Кривицкого. Дело в том, что он не мог встретиться с И. Натаровым. Согласно политдонесению военкома 1075-го стрелкового полка Мухамедьярова, хранящемуся в фондах того же ЦАМО, Иван Моисеевич Натаров погиб в одном из боёв 14 ноября 1941 года, то есть за два дня до сражения у разъезда.

Как бы итогом журналистского расследования явился очерк Кривицкого, опубликованный в той же «Красной звезде» 21 января 1942 года. В нём, по словам Кривицкого, восстановлена полная картина гибели горстки храбрецов и названы их имена и фамилии.

А вот как им была описана картина боя:

«Полк Капрова занимал оборону по линии высота 251 – деревня Петелено – разъезд Дубосеково.

В тот же день (16 ноября) разведка донесла, что немцы готовятся к новому наступлению. В населённых пунктах Красиково, Жданово, Муромцево они сконцентрировали более 80 танков, 2

полка пехоты, 6 миномётных и 4 артиллерийских батареи, сильные группы автоматчиков и мотоциклистов.

...Прежде чем 28 героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с вражескими автоматчиками. Более 70 вражеских трупов валялось около их окопа.

...Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому 28 гвардейцами. Из противотанковых ружей храбрецы подбивали вражеские машины, зажигали их бутылками с горючим. Уже 14 танков неподвижно застыли на поле боя.

...В сумеречной дымке показался второй эшелон танков, среди них – несколько тяжёлых. Тридцать новых машин насчитал Ключков... Тридцать минут идёт бой, и нетуже боеприпасов у смельчаков. Один за другим они выходят из боя».

(Против полка Капрова, по архивным данным, было сосредоточено около 60 танков и полк пехоты. Нет слов – это огромная мощь. Но дело в том, что такая раскладка сил полностью расходится с данными Кривицкого.)

Шли годы. И стало известно, что несколько человек из 28 панфиловцев остались в живых: Д. Тимофеев, Г. Шемякин, Н. Васильев, И. Шадрин, а в 1988 году в газетах появилась и фамилия И. Добробабина.

(Добробабин в бою был ранен, взят в плен, бежал из концлагеря. Вернулся в родное село Перекоп Харьковской области. Вступил в местную полицию. В 1948 году осужден на пятнадцать лет лишения свободы и лишён звания героя Советского Союза. Позже проживал в Ростовской области.)

Никто из оставшихся в живых никаких изменений в описание боя не вносил. Все их воспоминания были построены на версии, описанной Кривицким. Кому-то было нужно, чтобы подвиг 28 героев-панфиловцев был канонизирован в известной нам форме. Но в связи с рассекречиванием документов ЦАМО, с преданием гласности материалов по делу Добробабина стали известны новые факты.

По сути, первое упоминание о сражении панфиловцев появилось 26 ноября (за два дня до передовой статьи Кривицкого) в «Комсомольской правде». В заметке спецкора Чернышёва «Слава бесстрашным героям» рассказывалось о группе красногвардейцев во главе с политруком Диевым, вступившей в схватку с 54 вражескими танками. Днём позже в «Красной звезде» появилась публикация военкора Коротаева «Гвардейцы-панфиловцы в битве за Москву», также рассказывающая о сражении группы бойцов политрука Диева. И в том, и в другом случае давалась оценка массового героизма воинов панфиловской дивизии, но разговоров о 28 героях не было. Число же «28» появилось в «Завещании» Кривицкого. О том, как вошла эта цифра в историю, можно узнать из показаний корреспондентов Чернышёва и Коротаева («Военно-исторический журнал», 1990, № 8–9, статья А. Катусева «Чужая слава»).

Тот и другой показали, что они вместе выезжали в конце ноября 1941 года на фронт. Чернышёв дал материал в «Комсомолку» со слов дивизионного инструктора-информатора, проверить точность слов которого не мог, как не смог и побеседовать с непосредственными участниками сражения, поскольку к месту событий пробраться не представлялось возможным. Коротаев подтвердил, что на место сражения они не выезжали. С общей обстановкой были ознакомлены в Штабе 1-й армии лично Рокоссовским. А при выходе из здания Штаба встретили комиссара панфиловской дивизии Егорова, который рассказал о том, как, несмотря на чрезвычайно тяжёлую обстановку, героически дерутся панфиловцы на всех участках фронта. В частности, он привёл пример битвы одной роты с немецкими танками.

«По приезде... Ортенберг меня спросил, сколько людей сражалось в этой роте? – рассказывал Коротаев. – Я ответил, что состав был, видимо, неполный, человек 30–40. Я также сказал, что из этих людей двое оказались предателями... Я не знал, что готовилась передовая статья... Ортенберг ещё раз вызвал меня и спросил, сколько было в роте людей, которая сражалась с немецкими танками. Я ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось в передовой количество сражавшихся – 28 человек, так как из 30 двое оказались предателями. Ортенберг говорил, что о двух предателях писать нельзя, и... разрешил... писать только об одном. В дальнейшем я к теме о бое роты с немецкими танками не возвращался, этим занимался Кривицкий...»

А вот что рассказал на следствии участник дубосековского боя, бывший командир 1075-го стрелкового полка И. Капров:

«...В роте к 16 ноября 1941 года было 120–140 человек. Мой командный пункт находился за разьездом Дубосеково, 1,5 км от позиции 4-й роты (2-го батальона). Я не помню сейчас, были ли противотанковые ружья в 4-й роте, но повторяю, что во всём 4-м батальоне было только 4 противотанковых ружья... Всего на участке 2-го батальона было 10–12 танков противника. Сколько танков шло (непосредственно) на участок 4-й роты, я не знаю, вернее, не могу определить...

Средствами полка и усилиями 2-го батальона эта танковая атака была отбита. В бою полк уничтожил 5–6 немецких танков, и немцы отошли. В 14–15 часов немцы открыли сильный артиллерийский огонь... и вновь пошли в атаку танками... На участках полка наступало свыше 50 танков, причём главный удар был направлен на позиции 2-го батальона, в том числе и участок 4-й роты, и один танк вышел даже в расположение командного пункта полка и зажёг сено и будку, так что я случайно смог выбраться из блиндажа: меня спасла насыпь железной дороги, около меня стали собираться люди, уцелевшие после атаки немецких танков. Больше всех пострадала 4-я рота: во главе с командиром роты Гундиловичем уцелели 20–25 человек... Остальные роты пострадали меньше».

(По документам ЦАМО, 1075-й стрелковый полк 16 ноября 1941 года уничтожил 15 танков и около 800 человек личного состава противника. Потери 1075-й роты: 400 – убитыми, ранеными – 100, без вести пропавшими – 600.)

Подтверждением тому может служить и дальнейший рассказ комполка Капрора:

«...4-я рота действительно дралась героически, причём из роты погибло свыше 100 человек, а не 28, как об этом писали в газетах. Никто из корреспондентов ко мне не обращался в этот период, и я никогда и никому не говорил о 28 панфиловцах. В конце декабря (теперь уже действительно недалеко от станции Павшино, а точнее, в Нахабино), когда дивизия была отведена на формирование, ко мне в полк приехал корреспондент “Красной звезды” Кривицкий с представителем политотдела дивизии Глушко (начальник политотдела) и Егоровым (комиссар дивизии). В разговоре со мной Кривицкий заявил, что нужно 28 (!) героев панфиловцев... Я ему заявил, что с немецкими танками дрался весь полк и в особенности 4-я рота 2-го батальона. Фамилии Кривицкому давал по памяти капитан Гундилович, который вёл с ним разговор на эту тему».

Сам же Кривицкий в Дубосеково приезжал лишь *однажды* летом 1942 года, когда советские войска в результате контрнаступления отогнали немцев далеко на запад. Не было у него и особого желания разговаривать с работниками местного военно-патриотического музея, изначально знавшими всю правду о сражении у разьезда. Он коротко заявил: «*Лядов открыл для советских людей Зою Космодемьянскую, а я – 28 героев-панфиловцев!*»

Что ж, в крайне политизированной системе того времени, может быть, и не следовало бы обвинять того же Кривицкого в преднамеренном отступлении от истины: было дано указание «поднять на щит» пример массового героизма советских воинов на фронте, и он выполнил это указание. Но дело в том, что действительный пример массового героизма в данном случае оказался принижен. И вместо подвига многих сотен панфиловцев из «пепла возродилось» надуманное число – 28.

В результате кривда Кривицкого стала обрастать всевозможными кривотолками. Нередко среди экскурсантов, приезжающих на мемориал 28-ми героев-панфиловцев, можно услышать что-то наподобие: «А был ли мальчик? Может, мальчика и не было?!» Готовясь к 50-летию битвы под Москвой, по приказу командования Московского военного округа на мемориале вела благоустроительные и ремонтные работы группа воинов знаменитой Кантемировской дивизии, той самой – не поддержавшей «гекачепистов» в событиях августа 1991 года.

– Что толку? – рассуждали все они при встрече. – Руки не лежат к работе. Кто ни приходит, сразу говорит, что тут никто и никакого подвига не совершал... Едва три танка появилось на горизонте, как эти «панфиловцы» сразу разбежались в разные стороны!

Вот она, цена исторического принижения правды. Можно, конечно, во избежание мнимого кощунства о многом сегодня и умолчать. Но как, если за одной неправдой тянется другая? Так, по заверениям местных жителей, под гранитной стеной с именами 28 панфиловцев захоронены

всего б (!) человек, а прах остальных покоится в других братских могилах, рядом с прахом своих однополчан-товарищей, героев, как и они сами.

Думается, что само время ещё поставит нас перед необходимостью восстановления всей правды о судьбе многих сотен советских людей, сражавшихся здесь – у разъезда Дубосеково.

Сталинградские письма Г. Андреев

«Посев», 1952, № 6

В очередной раз я попал в Сталинград уже во время войны, в начале 1942 года. Я ехал с Урала на Северный Кавказ с заездом в Сталинград. До Саратова добрался благополучно, но в Саратове застрял. Четыре дня ожидал поезда на Ртищево, чтобы там пересесть на Поворино, а оттуда на Сталинград: прямого пути из Саратова на Сталинград, как известно, нет. Ещё до революции решено было вести ветку на линии Саратов – Астрахань, на Царицын, но за время советской власти так до самой войны её и не удосужились построить.

Тысячи военных и гражданских сидели в Саратове на вокзале и не могли выехать на запад: не было поездов. Говорили, что в Ртищево и Поворино ещё хуже: там можно просидеть и по месяцу.

В измученной, голодной толпе пассажиров краем уха я услышал, что ветку Владимировка – Сталинград в связи с войной, спешно провели. И я выехал на Владимировку.

Дорога, верно, была построена. Пассажирского движения, конечно, не было, и ехать можно было только на авось, в товарном поезде. Поздно вечером, в кромешной тьме, мы, пробиравшиеся на Сталинград, разыскали на запасных путях поезд из нескольких крытых вагонов и платформ и разместились кто как мог. На платформах стояли стальные коробки-заготовки для танков, их везли, наверно, на сталинградский тракторный. В одной из таких коробок я ехал до Сталинграда: весной ещё не пахло, а стальные стенки, казалось, ещё усиливали холод до того, что мы промерзали до костей.

Что это была за дорога... По степи разбросали шпалы, к ним прибили рельсы, кое-где сделали выемки, на скорую руку прогибающиеся мостики – поезд шёл, вихляясь из стороны в сторону, как разбитая телега по ухабам. Сто километров мы ехали трое суток. Эта дорога была единственной, по которой потом эвакуировали Сталинград и подвозили к нему подкрепления и боеприпасы во время сталинградской битвы.

Поезд остановился, не доехав до Волги; на паром-переправу не пускали никого: как всегда, властям в каждом мерещился шпион и диверсант. Шесть километров до Тракторного прошли пешком – половину пути, через Волгу, шли по зеленоватому, почти прозрачному метровому льду, кое-где занесённому снеговыми плешинами. Был яркий солнечный день, тянул морозный предвесенний ветерок, покалывавший лицо и лёгкие; почему-то казалось, что воздух пропитан тяжёлой тревогой ожидания. По крутому правому берегу у Чёрного Рынка, перед Тракторным, копошились десятки фигурок: рабочие достраивали железную дорогу.

Город был придавлен тревогой, ожиданием, недоумением, растерянностью. Что делать, кого ждать, за кем идти? Казалось, будто даже в дыме заводских труб таилась настороженность. Ползли трамваи, изредка проезжали автомобили, проходили команды военных, у городской товарной станции сгружали или грузили на платформы, не поймёшь, новенькие тяжёлые американские грузовики, но во всём этом не было обычного городского оживления: словно всё, что видели глаза, проходило замедленно, чем-то пригнетённое. Ещё резче выпятилась бедность, нужда, нищета: даже на главных улицах грязь, запустение, половина магазинов закрыта, у хлебных лавок вытянулись хвосты, прохожие угрюмы, озабочены, измусоленные столовки с вонючей толчей и голодными обедами из пустой ячменной баланды, – казалось, город вернулся во времена военного коммунизма. И, как всюду в тот год, не видно было ни одного радостного, возбуждённого или вдохновлённого, энергичного лица: каждый кое-как лишь подчинялся необходимости и безвольно плыл по течению.

Население поредело – за счёт не только мобилизованных в армию, но и угнанных на оборонные работы. В степях до Дона и за Доном рыли землю тысячи сталинградских женщин –

освобождали только особо ответственных работниц и имевших грудных детей, в том случае, если детей не на кого было оставить. Тысячи женщин погибли на этих работах, тысячи искалечились, оставив после себя тысячи сирот, – только для того, чтобы был выполнен приказ власти, так как возведённые укрепления не задержали немцев ни на один день. Власть знала, что так будет, она не могла об этом не знать, так как всюду такие же оборонительные сооружения точно также ни на день не задерживали немцев, – но власть всё-таки гнала женщин на работы, в любую погоду, невзирая ни на что. Не для того ли только, чтобы показать, что она, власть, всё же существует и что-то делает?

Власть знала то, о чём многие из нас не догадывались. Немцы ещё были под Киевом, а под Сталинградом уже было приказано возводить укрепления. Многие ли могли тогда предполагать, что немцы дойдут до Волги? Власть не предполагала: она знала. Она знала, что защищать её не будут.

Рыть окопы, противотанковые рвы, строить ДОТы и ДЗО-Ты, блиндажи начали под Сталинградом летом 1941 года; работы продолжались зимой, весной и летом 1942 года – для того, чтобы все возведенные линии обороны были брошены почти без задержки и чтобы немцы чуть не триумфальным маршем прошли до самого центра города.

Я тогда был на Северном Кавказе, защищал от немцев дорогу на Баку. И как прежде, издали следил за родным городом, ловил о нём каждый слух; спрашивал и позже. Уже были разрушены сотни городов, тысячи сёл и деревень были превращены в прах, – а каждое слово о своём родном городе ранило всё-таки больнее: казалось, будто ранили меня самого.

Что же это было – битва за Сталинград? Величайшее геройство, покрывавшее нас, народ наш, неуязвимой, на весь мир прогремевшей славой? Или в самом деле Сталинград – свидетельство стратегического гения Сталина, свидетельство правильности партийного руководства, благодаря которому мы будто бы только и победили в прошлую войну, как нас стараются в этом убедить?

Только не последнее: эта версия – для дурачков. Сталин мог присвоить себе победу только потому, что, волею судеб, в прошлую войну Россией правили большевики. Но разве при любом другом правительстве мы не повторили бы Сталинграда, это второе за последние полтора столетия наше Бородино? Кто же может в этом сомневаться. Повторили бы и, верно, даже с меньшими жертвами и с лучшим исходом, чем при жестоком, думающем только о коммунизме и о себе, Сталине. В пользу этого свидетельствует вся наша история, – от Ледового побоища, Куликова поля, Полтавы и Бородино. Мы, народ, побеждали, а не Сталин.

Сталину нет дела до народа. Неизвестно только, почему немцы, даже перейдя Дон, не беспокоили Сталинград налётами. Армия отступала от Дона к Волге, а приказ об эвакуации ещё не был дан. Заводы продолжали работать на полную мощь, рабочие и служащие под страхом расстрела не могли покинуть своих мест и, чувствуя, что надвигается что-то страшное, ждали неизбежного. И только часть начальства и ловчил, как крысы с тонущего корабля, начали разбегаться – за Волгу, в Камышин, в Саратов, в Астрахань. А население было обречено.

Судьба пришла в один из августовских дней. Этого дня ждали давно – но он пришёл неожиданно, зловещим гулом моторов: сотни самолётов, эшелон за эшелон, закрыли небо, и город покрылся чёрными цветами взрывов. На три четверти деревянный, город вспыхнул, как коробок спичек: через час-два после первого налёта пламя полыхало вдоль Волги на двадцать пять километров. Обезумевшее население кинулось спасаться – в пламени сгорели десятки тысяч человек.

Только тогда началась самочинная эвакуация: люди бросились в степь, на север, на юг и к Волге; на пароходах, на баржах, на лодках, на самодельных плотиках пытались перебраться на левый луговой берег. Нацисты методично, беспощадно и безбоязненно продолжали бомбить мирное население, металась над Волгой и, охотясь за баржами, пароходами и лодками, топили и расстреливали ополоумевших людей.

Кто виноват в гибели тысяч и тысяч моих родных сталинградцев, как не «великий стратег» Сталин, не разрешивший населению заблаговременно уйти из города? И что он выиграл этим?

Деморализованные, потерявшие командование войска отходили, бросая позицию за позицией. Войска растянулись на север и на юг от города, только часть их уткнулась в Волгу. Тут их настиг сталинский приказ: ни шагу дальше! Заградительные отряды из войск НКВД за

Волгой расстреливали на месте каждого, кто перебирался на левый берег; на правом берегу тоже расстреливали всех, пытавшихся переправиться через Волгу. Смерть была впереди и позади, позади была ещё и Волга – встав к ней спиной и стиснув зубы, солдаты вынуждены были начать обороняться. Так началась беспримерная по кровопролитию, ожесточённости и бессмысленности сталинградская битва.

Да, и по бессмысленности. Почти беспрепятственно дойдя до центра города, немцы водрузили над универмагом, в котором расположился Штаб Паулюса, свой флаг и заняли Тракторный, Баррикады, Красный Октябрь, посёлки Нефте-синдиката, за Царицу, Ельпанку, но на этом и остановились. Они могли «напоить в Волге коней»: они вышли к Волге. Но на севере они остановились у Чёрного Рынка, на юге – у Букатино: они заняли всего километров двадцать в ширину и не пошли дальше ни на север, ни на юг. Переправиться через Волгу они не могли: попытка их переправы в Затон была тотчас же пресечена. Почему в таком случае нельзя было драться с немцами с севера и с юга, а надо было бессмысленно перемолоть десятки тысяч солдат и командиров на жалкой полоске правого берега, у самой воды? Только разве ради престижа власти, только для того, чтобы Сталин мог сказать, что благодаря его «гениальной стратегии» Сталинград не был немцам сдан? Или потому, что на этой полоске людей легче было заставить драться, так как им некуда было бежать?

Бросив большинство населения и лазареты с тысячами раненых (все раненые погибли: сгорели, задохнулись, были убиты) на волю врага, остатки войск закрепились в домах на узкой прибрежной полосе в несколько километров, от центра города к северу; кое-где эта полоска в глубину равнялась всего сотне метров. Ночами на паромах, зимой по льду, на эту полоску беспрерывно шли и шли подкрепления – и гибли под огнём. А фланги, между тем, молчали, тогда как за ними оставались необозримые ещё пространства, а не воды Волги.

Немцы явно зарвались и выдохлись: ещё до окружения армия Паулюса начала испытывать недостаток в боеприпасах, в бензине, в продовольствии, в людях. Паулюс уже не мог сделать ни шагу ни на север, ни на юг, ни дальше. Но гения Сталина не хватило на то, чтобы мы били в Сталинграде Паулюса с флангов: он предпочёл перемалывать наших людей в ловушке прибрежной полосы.

Мы взяли в Сталинграде в плен девяносто тысяч человек. Наверно, ещё двадцать-тридцать тысяч уничтожили в боях. А сколько Сталин уложил в Сталинграде нас? Двести, триста тысяч, полмиллиона? Или больше? Меньше – не может быть.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем правду о том, во что нам обошёлся Сталинград: власть наша не хочет и не умеет говорить правду; боясь правды, она не хранит даже документов о ней.

Великой, неслыханной крови стоила нам война, – и только потому, что над нами – бесчеловечные, а потому и бездарные правители. Немцам, румынам, итальянцам, венграм, всем вместе взятым «двунадесяти языкам», шедшим в прошлую войну против нас, война в России обошлась миллиона в два жизни, – нам, с гражданским населением, она стоила по меньшей мере миллионов пятнадцать. Почему раньше, от Ледового побоища и до Бородино, мы не несли потерь больше, чем наши враги? Почему так чудовищно возросли наши потери теперь? Ответ может быть только один: наши лишние потери – цена за «гениальную сталинскую стратегию», за большевицкое бесчеловечие, за его предельную жестокость.

Сталинградская битва – свидетельство не нашего геройства и храбрости: их нам не занимать стать, за свою историю мы их доказали не раз. И не свидетельство она «сталинского гения». Сталинградская битва – ещё одно свидетельство нашей долготерпимой муки и большевицкого варварства.

Пять лет прошло с тех пор, как отпраздновали мы «День Победы». Я встретил его в лазарете под Будапештом. Обрубок отнятой левой руки уже заживал, и я мог ходить. Какой это был день! Мы ополоумели тогда от радости. Почти не было пьяных: и на ум не приходило начинать этот день с выпивки, а все были, как пьяные. И все мы чувствовали себя, как одна семья, все были, как братья. Будто умылись мы в великой купели военных страданий, смыли с себя всю нечисть и стали просто людьми, просто народом – опять огромным и великодушным, способным в радости и силе всё забыть, всё простить и всех принять, как братьев. Каждый простил или забыл в этот день все обиды, какие имел за жизнь, от друзей ли, от недругов, хотя бы и от власти самой. Не было злобы даже к немцам: мы победили, и мы прощаем – разве

можно мстить, да ещё в такой день?!

Не хватало воздуха, чтобы наполнить грудь: нас распирали волны захватившего чувства. Не хватало слов, чтобы выразить его: нас захлестнула радость.

Но ведь и было от чего поглупеть. Минутами вспоминалось, как кошмар, только что конченное: сколько же исхожено нами дорог, сколько мы намёрзлись, наголодались, сколько перенесли. Сколько измесили мы, не ногами, а телами своими, родной и чужой земли, обутые в ошметки, в одежонке, заскорузлой от грязи, пота и крови, сколько покормили вшей. Сколько насмотрелись людского горя, пожарищ, сколько попотели от смертного страха. И сколько позарывали, да и просто побросали товарищей, друзей, сколько пролили своей кровушки. Не даром далась победа: великой страды, бездны труда и мук стоила она.

В этот день не хотелось вспоминать, мы отмахивались от испытанного: оно позади. И больше не вернётся.

Мы – победили, теперь ждёт нас заслуженный отдых, теперь всё будет иначе, всё пойдёт по-хорошему, не так, как прежде. Это теперь, вспоминая, можно спрашивать: почему мы вдруг вздумали, что будет иначе? Тогда и на ум не пришло бы спрашивать, каждому казалось само собой понятным: разве после пережитого можно возвращаться к тому, что было до войны? И разве после тяжёлой работы не полагается человеку отдых? А мы такую работу выполнили. И каждый не умом, а сердцем знал: нет, будет по-другому, по старому не может быть. И в радости мог даже за Сталина стакан вина хлопнуть: чёрт с ним, со Сталиным, сейчас наша взяла! Не в нём дело: мы победили и имеем право. Это было, как помрачение рассудка от слишком большой радости: каждый ведь мог знать, что Сталину на наше дело плевать.

И вот через пять лет я опять в Сталинграде. Я опять приехал на пароходе, хожу, смотрю и хочу видеть и никак не вижу: что же мы завоевали, чего добились, где наше право? Этот приезд в родной город – словно итог всему, что перенесено и в войну, и перед ней, всему, чего ждали и что получили. словно завершение той радости, которая заставила нас поглупеть в «День победы» пять лет тому назад, – и черта, рубеж, отделяющий будто всё перенесённое, перечувствованное, от чего-то, что должно ещё быть.

И в этот раз, подъезжая к родному городу, я со страхом ждал, что увижу в нём. Я опять следил за тем, что делается в Сталинграде; газеты трубили, что «город-герой» восстанавливается не по дням, а по часам, в «Огоньке» печатались снимки добротных зданий и красивых улиц, но как ни хотелось всему этому верить, верить я уже не мог. И я ждал лишь, словно с целью проверки: а много ли наврано нам на этот раз?

Оказалось, много. Больше, чем мог даже я ожидать. На Волге, по берегу, всё ещё лежат груды исковерканного металла, остатки сгоревших танков, ещё видны следы укреплений, блиндажей. На той стороне торчат из воды и песка остовы и днища сгоревших пароходов, барж. Кое-где, редко, стоят пристани, речной вокзал: вместе взятые, они называются «мощным механизированным речным портом». А в нём не видно даже лабазов: наверно, нечего складывать. Только кое-где видны жидкие кучки ящиков, кулей – всё, что осталось от сотен тысяч пудов когда-то переваливавшихся тут грузов. Стоит один пароход, две-три баржи, несколько буксиров и моторных лодок, пара речных трамвайчиков. И если бы не гудки паровозов и сдержанный гул заводов с берега, была бы здесь кладбищенская тишина.

Да и город напоминает кладбище. Восстановили заводы, центр – в них ещё оживление, а отойди от них, от главной магистрали – и за Царицей, и на Сибирь-горе, и у бывшего Нефтесиндиката на километры тянется пустое дикое поле. На нём кучи мусора, битого кирпича, холмики, над которыми кое-где ещё возвышаются остатки танков, орудий. Всё это проросло травой, кустиками – я был поздним летом, трава давно побурела, и поле выглядело так, как будто было покрыто ржавчиной. И это – на трёх четвертях площади, которую занимал город до войны.

Но дикое поле обитаемо: среди куч мусора и бурой травы иногда, как из-под земли, вьётся дымок. В подвалах разрушенных зданий, а то и просто в ямах, накрытых железом и кое-где утеплённых, люди живут до сих пор. Иногда попадаются, островками, похожие на прежние деревянные домики, выстроенные, может быть, на ссуды. Таких мало, больше мазанок и пустого места, по которому проторены тропинки и проезжие дороги. Они называются улицами, как будто бы здесь в самом деле не дикое поле, а настоящий город. На некоторых клетушках

есть даже номера – чем не город?

Раньше были птичьи гнёзда, теперь дикое поле – значит, войну мы не выиграли и не проиграли. Но куда же, опять-таки, перемололи мы столько жизней, столько труда?!

Центр восстановлен: он такой же, как прежде. Пожалуй, это единственное место в городе, по которому можно узнать прежний Сталинград. Тот же пустой универмаг, здания работников обкома – «партактив» – и облисполкома, Дом книги, между ними большой, снова насаженный тонкими деревцами, сквер. Отстроили Большую гостиницу, в которой был лазарет и в войну сгорели раненые; конечно, восстановили купеческий особнячок у вокзала: в нём, как и раньше, Музей обороны имени Сталина. А на месте вокзала, среди развалин, стоят деревянные бараки: сталинский музей важнее.

От Красноармейска – старой немецкой колонии, когда-то славившейся на всю Россию своей горчицей, до Тракторного провели через город широкое шоссе – магистраль. Строили шоссе, как и многое в городе, немецкие военнопленные. Почти прямой линией шоссе идёт за Царицу, мимо того места, где стояла Крестовоздвиженская церковь, ещё в 1930-х годах разобранный на кирпич. На углу Рабоче-крестьянской улицы, прежде Княгининской, шоссе сворачивает. Здесь ещё полууцелели старые жилые дома – их восстановили, дальше по шоссе построили новые. Там, где шоссе спускается к Царице, к мосту, который мы раньше называли «бульгиным», на обрыве поставили памятник защитникам Сталинграда: массивное подножие, высокий цоколь красноватого гранита и на нём бронзовая фигура солдата с мечом в правой руке. Грубо и аляповато. Разве такой памятник заслужили тысячи безымянных героев, сложивших в развалинах Сталинграда свои кости?

Перейдёшь мост, поднимешься по крутому взвозу, завернёшь налево – кинотеатр «Победа»: большое здание с колоннами, словно неумело перенесённое из древней Греции. Стиля не получилось, опять вышло ни то, ни сё: претензия большая, а несёт холодом, ложью. И что за манера пошла, обязательно нагородить столько колонн, обязательно у кого-то слязнуть, под кого-то подыграться? Значит, своего не умеем создать? Поэтому и выходит фальшь.

Ещё дальше, пройдя под железнодорожный мост, тоже обязательное: здание областного МГБ и МВД. Понятно, его в первую очередь построили: без него нельзя. И на другом месте: раньше над Волгой было, теперь поставили там, где ему и следует стоять – у тюрьмы, тоже, конечно, восстановленной. Квартал МГБ, огромный многоэтажный уют желтого цвета, такой, словно он способен раздавить город. И давит: много ли от города осталось?

Дальше по шоссе стоят красивые большие, в шесть-восемь этажей жилые дома. А за ними и перед ними – пустыри. Сфотографируют: «улица Мира» или «Советская» – любо поглядеть, но на снимке ведь не видно, что это только десяток зданий среди дикого поля. Какой интерес власти снимать дикое поле? Им не похвастаться и не вотрёшь очки никому.

Между Красным Октябрем и Баррикадами выстроили посёлок стандартных деревянных двухэтажных домов. Судьба таких домов известна ещё по 1930-м годам: лет через пять подгниют и развалятся. А потом опять пустырь до Тракторного, у которого восстановлен почти весь посёлок, кинотеатр «Ударник», площадь перед заводом и снова – обязательный памятник Дзержинскому. Раньше никому бы и в голову не пришло ставить памятники Малюте Скуратову – Дзержинского восстанавливают в первую очередь. Как говорится, по Сеньке шапка, по режиму и памятник.

Не радовали сердце новые дома, не радовало то, что хоть они останутся плодом нашего труда. Ведь они – лишь малая часть того, что было, они – только островки среди дикого поля. Живёт ли в них по-человечески хоть четверть всех сталинградцев? Остальные три четверти – в пустырях. Зимой лезут через сугробы, весной и осенью тонут в невылазной грязи, за километры спеша на трамваи, идущие по обрывкам линий: памятники ставим, а трамвайные мосты не удосужились восстановить. Три четверти не живут, а мучаются, или, как говорят теперь, «борются», – и верно, жизнь нашу власть превратила даже не в борьбу, а в постоянную войну, и мы словно мобилизованы на бессрочную службу, в тягостные казармы, если не взяты в каторгу.

Чему же радоваться? Вся наша жизнь стала ржавым диким полем, в ней тоже – только крохотные островки мелких личных удач, минутные проблески в сплошном тумане вечной спешки, забот, тревоги за завтрашний день, необходимости подчиняться тому, к чему ни у кого не лежит душа.

Ещё у молодых встретишь бездумные весёлые лица, – на пожилых печать придушенности, даже когда они смеются. Старых сталинградцев почти не осталось, я встретил всего двух-трёх знакомых. К одному, старику, рабочему-железнодорожнику, когда-то нашему соседу, зашёл погостить, если применимо это слово: какие там «гости», в такой обстановке. Живёт старик со старухой в крохотной мазанке со слепым оконцем – мне, высокому ростом, приходится нагибаться: макушкой упираешься в потолок.

Старик в этот день отправлял эшелон с немецкими пленными, ехавшими домой. Поезд стоял долго, группа немцев заговорила со стариком, жаловалась, что едет на разорённую родину. Там – безработица, разруха, что их ждёт? Старик рассердился, накричал: домой едете, чего вам? Перебьётесь год-два, опять жизнь для вас будет. Не то, что у нас. Немцы говорят: и вы перебьётесь год-два – тоже заживёте. «Мы тридцать лет перебиваемся и нам до смерти жизни не будет», – заявил старик и ушёл от них.

– Каково, другим завидовать, что домой едут, сам дома сидя? – говорил мне старый рабочий. – Да какой у нас дом? Одно название. Хибара моя, а кругом пустырь? Это тебе – за всю жизнь заработано. Вот и вся родина.

Разговор не клеился: нить – ни к чему, надоело, и так тоска. А что придумаешь? Сказал старику, что надо что-то делать, чтобы из ямы выбираться. Старик нахмурил брови:

– А кому? Мы, старики, отвоевались. Молодым что, ветер в голове. Другого не видели, им одно: чем помянут, голову закружат, за тем и рвутся. А такие, как ты, те трезвыми стали, из опаски всего послушаются, только о себе думают. Из-за послушания пожилых да из неразумения молодых на нас и едут. Кто о народе подумает? Поди, попробуй, втолкуй это людям, поверни молодёжь, подыми пожилых, если ты такой приткий.

Горькая горечь жгла душу, когда тронулся поезд, увозя меня в Ростов. Билет пришлось доставать «по благу», через старика-железнодорожника; в вагоне, даже плацкартном, толчея, проводница кроет забравшихся к нам бесплацкартных пассажиров чуть ли не матом, те огрызаются: лютая злоба, едкая ненависть так густо пропитали воздух, что, кажется, и не продохнёшь. Привыкли уже к этому, к тому, чтобы не людьми, а псами друг на дружку оголтело бросаться: это ведь и есть основа основ большевизма. Ненависть – к ней сам Сталин не устаёт звать и на ней свой режим строит.

Проехали Садовую, Воропоново – те же развалины и на скорую руку состряпанные бараки, мазанки и голое поле вместо богатых плантаций и садов, в которых когда-то мальчишками воровали мы яблоки. А потом пошла широченная волжско-донская степь, опять неоглядная, без конца-края, русская земля, по которой тоже мальчишкой когда-то я любил бродить, впитывая в себя невидимый, но такой ощутимый и терпкий дух родины.

Родина! Испоганили мы тебя, оттого и не жизнь у нас, а одно мытарство. Оттого и нет нам радости, нет утешения, не осталось даже надежд. На что надеяться? На коммунизм? Но из ненависти не вырастает добро. Коммунизм – это то, что мы уже имеем, лишь помноженное во много раз: ещё хуже может быть, лучше – не будет.

Эти мысли не только жгут, а и калят. Мы словно в огне кипим, и огонь этот должен закалить наши души и волю и вырастить протест: нет, так не будет и не должно быть! Нет путей, нет надежд – надо найти пути, создать надежду. Испоганили – надо поправлять. В этом – долг наш, только в этом одном.

Курская битва. Юбилей с привкусом горечи

К. Александров

«...Нацизму противостоит большевизм – фрукт с начинкой новой морали; свежей гуманности; отвергающий нацистский и всякий прочий гуманизм. Странно только, что мораль и гуманизм утверждаются разные, методы же их утверждения одинаковы – во имя лучшей половины нации; худшую по усмотрению немецких и советских специалистов на удобрение, в отвал. Через кровь, через насилие навязывание бредовых взглядов о мировом господстве и во имя этого беспощадная борьба с инакомыслием, хотя в принципе и

инакомыслия-то нет, с одной стороны завоевание мира во имя арийской расы; без марксизма; с другой стороны – завоевание мира ради утверждения идей коммунизма с помощью передовой марксистской науки, учение-то сие, кстати, создано в Германии и завезено в качестве подарка в Россию оголтелой бандой самоэмигрантов, которым ничего, кроме себя, не жалко и чувство родины и родни им совершенно чуждо».

В.П. Астафьев «Прокляты и убиты»

Посев», 2003, № 7

В перечне печальных символов и традиций, которые унаследовала Российская Федерация от советского государства, не последнее место занимают помпезные юбилеи. В ряде случаев подобного рода мероприятия призваны скрыть равнодушие представителей бывшей партийно-чекистской номенклатуры к предмету празднования и в то же время позволяют им как бы сохранять имидж ревнителей исторического прошлого. Но, помимо всего прочего, фальшивый лоск казённых велеречивых торжеств способствует сохранению советской мифологизации когда-то произошедших событий. Адекватное осмысление прошлого совершенно не в интересах власти. Её показной и псевдотрогательный интерес к событиям самой страшной войны обусловлен тем, что нынешняя правящая элита ведёт своё происхождение от сталинских управленцев и выдвиженцев. Победа, которую они оплатили миллионами жизней бесправных и безгласных людей, дала им моральное право («Мы же победили!») властвовать над Россией и дальше, воспроизводить в последующих поколениях себе подобных. Сегодня их воспитанники и потомки гордятся победой своих предшественников из ЦК ВКП(б), парткомов, облисполкомов и райкомов, контрразведки «СМЕРШ» и НКГБ, политотделов, заградотрядов, трибуналов и других вотчин сталинской деспотии.

Конечно, на этом фоне позволительно ритуально помянуть миллионы безымянных проклятых и убитых. Считается уже приличным барственно подать жалкую милостыню тем выжившим, кого прародители нынешней политической элиты оставили к старости без нормальных квартир, возможности путешествий по миру – без всего, чем к стыду всероссийскому благополучно пользуются в ФРГ здравствующие ветераны ежегодно пинаемого у нас Вермахта. На 60-летие Сталинградской битвы власть щедро оделила жалкими копейками каждого её участника, дожившего до знаменательной годовщины: солдатский труд в битве на Волге приравнили к стоимости двух бутылок водки. Кто-то заплакал от умиления, кто-то вздрогнул от возмущения. Но самым мерзким в многодневных сталинградско-юбилейных словопрениях в адрес победителей¹ стало глухое молчание об участии побеждённых. Из попавших в плен в сталинградском «котле» в период с 10 января по 3 февраля 1943 года 107,8 тысячи военнослужащих противника после войны возвратились на родину не более шести тысяч человек. По современным данным, более восьмидесяти тысяч пленённых погибли непосредственно в бывшем районе боевых действий, а вывезти из Сталинграда удалось только 27 295 человек, большинство из которых умерло уже на этапах эвакуации и в лагерях НКВД².

Однако «юбилейное» умолчание о судьбе этих несчастных выглядит уже естественно для нашей культурно-патриотической традиции. Уместнее вспомнить других побеждённых на фоне сталинградской победы. Для операции «Марс», которая проводилась силами Западного и Калининского фронтов под руководством заместителя Верховного Главнокомандующего генерала армии Г.К. Жукова в период с 25 ноября по 16 декабря 1942 года, привлекались силы в 1,5–2 раза превосходящие наступавшие советские войска под Сталинградом³. На центральном участке фронта Жуков должен был добиться столь впечатляющих результатов, по сравнению с которыми окружение 6-й армии Паулюса на юге⁴ представлялось просто отвлекающим действием. Прорыв у Ржева, Сычёвки и Вязьмы предполагалось плавно развить в последующую операцию «Юпитер» с разгромом всей группы армий «Центр». Но в итоге лобовых жуковских атак и интенсивного применения бронетехники на болотисто-лесистой местности два советских фронта потеряли около 250 тысяч человек и восемьсот танков, не добившись поставленной цели. Только капитуляция Паулюса позволила декорировать ржевскую катастрофу и постфактум отнести её в разряд «вспомогательных операций». Сталинград

навсегда затмил собой Ржев, поэтому о жертвах Жуковского полководческого таланта никто не вспомнил и шестьдесят лет спустя. Сегодня невыгодно на казённые деньги поить водкой выживших в ржевской мясорубке, кому из них надо – тот и на свои выпьет, лишь бы праздник не портили.

Вслед за сталинградским неотвратимо пришла очередь курского «юбилея». Курская битва традиционно рассматривается в перечне трёх важнейших сражений войны вкупе с Московским и Сталинградским, которые сделали неотвратимым поражение Германии на Восточном фронте. В этой связи нет сомнений в том, что все административно-финансовые ресурсы высокопоставленных федеральных и курских чиновников будут направлены на организацию очередного помпезного шоу, которое будет адресовано даже не столько ветеранам, сколько людям среднего возраста и молодёжи. Отсутствие национальной идеи и устойчивых ценностных ориентиров будет восполняться культивированием сталинских побед и связанных с ними мифов. Правда, как и в случае с операцией «Марс», власти напрочь забыли о 60-летней годовщине третьего Харьковского сражения – промежуточного между Сталинградом и Курском. В период с 28 февраля по 25 марта 1943 года генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, благодаря излюбленной маневренной обороне, силами 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота провёл успешную контрнаступательную операцию. Гот разгромил 3-ю танковую армию генерал-лейтенанта П.С. Рыбалко, которая потеряла более шестисот танков. Сильные потери понесли и другие войска, действовавшие на левом крыле Воронежского фронта генерал-полковника Ф.И. Голикова⁵. Манштейн вернул Харьков и Белгород, констатировав, что одержанные здесь победы «позволили нам стабилизировать фронт и открыли перед нами перспективу продолжать войну на востоке с целью достижения ничейного результата». Однако группа армий «Центр» не оказала содействия Манштейну в ликвидации дуги в районе Курска, врезавшейся на западе глубоко в немецкий фронт. Существование Курской дуги шириной в 120 километров, которую Манштейн назвал «неприятным выступом», предопределило развитие событий летом 1943 года.

Замысел сторон и общий ход Курской битвы достаточно известны, но нам бы хотелось обратить внимание читателей на ряд обстоятельств, о которых наверняка не вспомнят организаторы очередного юбилейного шоу.

По всей вероятности, сама идея Ставки ВГК предоставить в ходе сражения на Курской дуге наступательную инициативу противнику оказалась ошибочной. Пожалуй, единственным советским генералом, который считал, что Красная Армия должна провести наступательную операцию в кратчайшие сроки, был командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин. Однако Ватутин в 1944 году был смертельно ранен бойцами Украинской Повстанческой Армии и мемуаров не оставил. Соотношение сил и средств на Курском выступе было в пользу Красной Армии уже в середине апреля 1943 года: 958 тысяч личного состава (против 700 тысяч немцев), 11 965 орудий и миномётов (против 6 тысяч), 1,2 тысячи танков и САУ (против 1 тысячи), 1,1 тысячи самолётов (против 1,5 тысячи). Находившиеся близ Курского выступа резервные войска будущего Степного фронта ещё более увеличивали советские силы. Наконец, в тот момент на стороне Красной Армии было и качественное превосходство в танках, так как «Т-34» и «КВ» превосходили немецкие танки PzKpfw III и PzKpfw IV. К моменту начала наступательной операции «Цитадель» 5 июля 1943 года оборонявшиеся советские войска Воронежского, Степного и Центрального фронтов по-прежнему имели превосходство над наступавшим противником в следующих пропорциях: 2,1:1 по личному составу, 3,1:1 по артиллерии, 1,9:1 по танкам и САУ, 1,5:1 по боевым самолётам. Но качественное преимущество за счёт появления на фронте новых танков PzKpfw V («Пантера») и PzKpfw VI («Тигр»), а также самолётов FW-190А и He-129 уже изменилось в пользу немецкой стороны.

Абсолютно не соответствует действительности распространённое утверждение о советской победе в знаменитом сражении под Прохоровкой (севернее Белгорода и юго-восточнее Обояни) 12 июля 1943 года, которое стало одним из самых ярких символов мифологизированной истории войны⁷. На южном фланге операции «Цитадель» в районе

Прохоровки столкнулись части и соединения 5-й гвардейской танковой армии генерала П.А. Ротмистрова, 5-й гвардейской общевойсковой армии генерала А.С. Жадова с дивизиями II танкового корпуса СС обергруппенфюрера СС П. Хауссера. Корпус Хауссера (дивизии

«Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мёртвая голова») входил в состав 4-й танковой армии Гота⁸.

Дивизии корпуса Хауссера имели по роте «Тигров» в каждом полку. Из района западнее Белгорода Гот наносил основной удар по Курскому выступу с юга на северо-восток для овладения Прохоровкой. Затем, повернув на северо-запад, он должен был соединиться в Курске с наступавшими с севера из района Орла войсками 9-й армии генерал-полковника В. Моделя. В итоге в окружении должны были оказаться десять общевойсковых и две танковые советские армии⁹.

К началу операции II танковый корпус СС насчитывал 72 960 военнослужащих, 327 боеготовых танков и штурмовых орудий (преимущественно PzKpfw III и PzKpfw IV), включая 35 «Тигров», но, вопреки утверждениям советских историков, не имел ни одной «Пантеры». Любопытно, что в этом элитном соединении войск СС ревностно служили (конечно, преимущественно в качестве обслуживающего персонала) 4 164 гражданина СССР: в дивизии «Рейх» они составляли 8 % отличного состава, в прочих двух дивизиях – по 5 %. С первых часов наступления 5 июля Хауссер натолкнулся на глубоко эшелонированную оборону, которую занимали части 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова (стрелковые 52-я гвардейская и 375-я дивизии и другие). Во втором эшелоне стояли части 1-й танковой армии генерал-лейтенанта М.Е. Катюкова¹⁰. В первые часы ожесточённых боёв Хауссер прорвал сильные позиции Чистякова в полосе 52-й дивизии и создал угрозу непосредственно командному пункту армии. Неоценимую помощь атакующим оказала штурмовая авиация, особенно отличился знаменитый пилот пикирующего бомбардировщика «Штука» Г.У. Рудель. За первые сутки Хауссер протаранил оборону Чистякова в глубину на тридцать километров. К 11 июля армии Чистякова и Катюкова понесли огромные потери, в 5 часов 25 минут танкисты Хауссера форсировали реку Псёл (3-я танковая дивизия СС «Мёртвая голова»), вышли к Прохорова (1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер») и в целом создали непосредственную угрозу Обояни, несмотря на постоянную угрозу своему флангу. К исходу 11 июля II танковый корпус СС насчитывал 211 боеспособных танков, включая 15 «Тигров», и 57 штурмовых орудий.

Для предотвращения прорыва к Обояни и захвата Прохоровки Ватутин и представитель Ставки маршал А.М. Василевский решили контратаковать Хауссера, используя стратегические резервы, в первую очередь 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова и 5-ю армию Жадова (всего в сумме 130 тысяч военнослужащих). Ещё в апреле 1943 года Ротмистров самонадеянно добился включения в собственную армию сверхштатного IV танкового корпуса, чтобы доказать Сталину на деле, что танкисты могут сделать, «...когда объединены в руках одного начальника. Армия будет вполне способной наносить настолько сильные и сокрушительные удары по войскам противника, которые вполне обеспечат общевойсковым армиям... быстрое продвижение вперёд без значительных боёв и потерь и окончательное закрепление успеха». В действительности армия главного «героя» Прохоровки, насчитывавшая по возможно преуменьшенным данным 750 танков и САУ¹¹, оказалась сверхгромоздкой, плохо управляемой и неповоротливой. Судя по карте, сражение 12 июля 1943 года имело три очага (по числу дивизий Хауссера), причём в первой половине дня немцы парировали советские удары, а во второй половине дня противники поменялись ролями. Суммарно Хауссер ввёл в бой 268 (по другим данным – 273) танков и штурмовых орудий (StuG III), Ротмистров – 537 танков и САУ¹². Пропорционально соотношение складывалось как 2:1 в пользу Ротмистрова.

Непосредственно на центральном участке сражения под Прохоровкой дивизия «Лейбштандарт» бригаденфюрера СС Т. Виша (66 танков и штурмовых орудий) на протяжении дня отразила все атаки советских XVIII и XXIX танковых корпусов (356 танков и САУ), которые поддерживала 9-я воздушно-десантная дивизия. Советское контрнаступление здесь было остановлено. На северном участке дивизия «Мёртвая голова» бригаденфюрера СС Г. Присса (114 танков и штурмовых орудий) вклинилась на пять километров в оборонительные позиции четырёх гвардейских стрелковых дивизий, которые поддерживал ослабленный XXXI танковый корпус (50 танков и САУ) из армии Катюкова. На южном участке дивизия «Рейх» группенфюрера СС В. Крюгера (88 танков и штурмовых орудий) отбила атаки танковых II гвардейского и II корпусов (181 танк и САУ), и затем вклинилась в советские позиции на два

километра. Итоги сражения под Прохоровой 12 июля 1943 года были таковы. Число танков и САУ, введённых в сражение 5-й гвардейской танковой армией – 537; из них потерян 341 (64 %), в том числе безвозвратно – 196. II танковый корпус ввёл в сражение 268 танков и САУ; потерял 31 (5 %), в том числе безвозвратно 5.

Здесь же следует отметить, что суммарные людские потери армий Ротмистрова и Жадова в Прохоровском сражении превысили десять тысяч человек, причём, например, в XXIX танковом корпусе 1333 (67 %!) человека были отнесены к убитым и пропавшим без вести из общей категории потерь в 1 992 человека. II танковый корпус СС 12 июля потерял 842 человека, в том числе 149 убитыми и 3 3 пропавшими без вести. С учётом того обстоятельства, что поле боя осталось за Хауссером, необходимо признать, что сражение у Прохоровки 12 июля 1943 года выиграли немцы. 16–17 июля Ватутин вывел разбитую армию Ротмистрова во 2-й эшелон. В специальном докладе о причинах высоких потерь 5-й гвардейской танковой армии, который был представлен Сталину в августе 1943 года, член ГКО Г.М. Маленков назвал действия командующего «образцом неудачно проведённой операции». Верховный Главнокомандующий до того впал в ярость, что был готов отдать Ротмистрова под суд за то, что «патриот танкового дела» фактически угробил армию, предназначенную для наступления на Харьков. И только прекращение «Цитадели» и переход в наступление войск Брянского, Центрального и части Западного фронтов (операция «Кутузов»), а затем войск Воронежского и Степного фронтов (операция «Румянцев») спасли жизнь Ротмистрову.

На окончательное прекращение операции «Цитадель» 17–18 июля повлияло не только начало советского наступления под Орлом. Манштейн был готов продолжать развивать операции на южном фланге, если бы Модель ограничился хотя бы сковыванием противостоящего ему противника. И тогда ещё неизвестно, чем бы закончился «Кутузов» и состоялся бы вообще «Румянцев». Однако высадка союзников в Сицилии и угроза для всей Италии заставила Гитлера прекратить «Цитадель». 17 июля Манштейн был вынужден отдать II танковый корпус СС для использования на других театрах военных действий, а на следующий день передать ещё две танковые дивизии в распоряжение группы армий «Центр».

Результаты советского наступления во второй половине лета 1943 года оказались намного скромнее, чем об этом твердит пропаганда. Своими наступательными действиями в операции «Цитадель» Гот и Модель заставили обороняющегося противника нести большие потери и вынудили советское командование израсходовать резервы, предназначенные для стратегического наступления. По подсчётам историка Б.В. Соколова на северном фланге «Цитадели» общие советские потери (убитыми, ранеными, больными, пропавшими без вести) составили 90 тысяч, немецкие – 20 тысяч. На южном фланге соотношение оказалось ещё более неблагоприятным для РККА: 227 тысяч – советские потери и до 21 тысячи – немецкие. Войска одного Воронежского фронта за весь период боёв с 5 по 23 июля 1943 года потеряли 1 628 танков и САУ – больше, чем Манштейн ввёл в действие в составе группы армий «Юг». При этом, по признанию германского стратега, «все дивизии, за исключением одной танковой, остались боеспособными, хотя некоторые из них, а именно, некоторые пехотные дивизии, понесли значительные потери».

В итоге операция «Цитадель» оправдала себя хотя бы частично как инструмент, позволивший в значительной степени истощить силы Воронежского, Центрального и Степного фронтов, что в полной мере повлияло на темпы и глубину их последующих наступательных операций. Она не смогла вернуть стратегическую инициативу германскому командованию – уже слишком несоразмерным выглядело летом 1943 года соотношение ресурсов противоборствующих сторон. Однако за счёт превосходства в области военного искусства и применения новых образцов техники, эффективного взаимодействия ВВС и Сухопутных сил немцы сумели ослабить советские военные усилия, оттянув собственное поражение на Восточном фронте и окончание войны. Здесь достаточно упомянуть о том, что уровень подготовки советских танковых экипажей оставался достаточно низким, так как обычно в центрах подготовки гнались за количеством, а не за качеством. При подготовке механики-водители имели среднюю практику вождения 10 часов, в то время как реально для уверенного управления требовалось 25–30 часов. Дефицит горючего заставлял советские истребители барражировать над полем боя не на максимальных, а на более экономичных

скоростях. Несмотря на прошедшие два года войны, управление войсками в Красной Армии и взаимодействие родов войск оставляло желать много лучшего. Весь период немецкого наступления господство в воздухе принадлежало Люфтваффе, хотя к 5 июля 1943 года для участия в операции немцы выделили всего 2 050 самолётов, а в составе трёх советских фронтов их насчитывалось 3,2 тысячи.

Тактический успех «Цитадели» был следствием не только оперативного мастерства немецких военачальников и командиров, но и глубоких пороков сталинской общественно-политической системы, не способной к профессиональному ведению войны. Поэтому любой её успех зиждился на создании грубого преимущества в силе и принесении на алтарь победы бесчисленных солдатских жизней. Возрождённая Россия должна помянуть и помнить павших солдат. Но не юбилеи сталинской деспотии, благодаря которой наши потери в войне оказались невосполнимыми и числом неизвестными.

Литература

- Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы.* – М., 2000.
- Залесский К. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь.* – М., 2000.
- Манштейн фон, Э. Утерянные победы.* – Ростов-на-Дону, 1999 .
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооружённых сил. Статистическое исследование.* – М., 2001.
- Бешанов В. Год 1942 – «учебный».* – Минск, 2002.
- Карель П. Восточный фронт. В 2-х кн.* – М., 2003 .
- Петров Н. Внесудебные репрессии против военнопленных немцев в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. Т.П. – Вологда, 1997 .*
- Прохоровское сражение // Анонимная статья на сайте «Легенды и мифы военной истории». За возможность познакомиться с этим материалом приношу сердечную благодарность АЮ. Штамму (Санкт-Петербург).*
- Самсонов А. Вторая мировая война 1939–1945.* – М., 1990.
- Соколов Б. Разведка. Тайны Второй мировой войны.* – М., 2001.
- Соколов Б. Сражение за Курск, Орёл и Харьков. Стратегические намерения и результаты. Критический обзор советской историографии // Тайны Второй мировой войны.* – М., 2001.
- Уильямсон Г. СС – инструмент террора.* – Смоленск, 1999 .

Примечания

1. Ряд аспектов сталинградской битвы 1942–1943 годов в общественном сознании до сих пор воспринимается неадекватно, а некоторые не заслуживают должного внимания. Так, большинство отечественных и зарубежных специалистов в качестве главной причины сталинградской катастрофы для немцев называют не столько оперативное искусство советского командования, сколько решение Гитлера от 22 ноября 1942 года, в соответствии с которым 6-я армия должна была удерживать город любой ценой. В оборонительной фазе сталинградской битвы с 17 июля по 18 ноября 1942 года общие потери оборонявшихся советских войск составили по официальным данным 643 842 человека, общие потери наступавшего противника колеблются в пределах 170–200 тысяч человек, хотя, вероятно, и эти цифры несколько завышены. В наступательной фазе сталинградской битвы с 19 ноября 1942-го по 2 февраля 1943 года общие потери советских войск составили 485 777 человек, противника – в пределах 300 тысяч (в том числе в сталинградском «котле» – примерно 220 тысяч, включая почти 20 тысяч добровольцев из числа граждан СССР). Длительное сопротивление блокированной 6-й армии и умелые действия немногочисленной группы армий «Дон» генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна позволили спасти от разгрома всё южное крыло (1,2 миллиона) Восточного фронта и благополучно отвести группу армий «А» генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста с Северного Кавказа. В итоге результаты сталинградской битвы оказались для РККА более скромными по

сравнению с теми, какими бы они могли быть, а соотношение потерь не позволяет говорить о безоговорочной советской победе.

2. В лагере НКВД № 127 (Саратовская область), который ближе всех находился к Сталинграду, из поступивших к 13 марта 1943 года 6 481 военнопленных в живых на 1 мая остались всего 1 818 человек. Вообще, к 15 апреля 1943-го из 291 856 учтённых УПВИ НКВД СССР военнопленных с 22 июня 1941 года погибли 171 774 человека (почти 60 %!), в том числе в лагерях – 75, 6 тысячи, в частях Красной Армии – 5 849 и т. д. «Неучтённые» военнопленные становились жертвами самочинных расправ со стороны красноармейцев и внесудебных репрессий со стороны ОСО НКВД и Управлений особых отделов фронтов. Сегодня известны даже факты медицинских опытов над военнопленными в спецлаборатории 5-го отдела 4-го Управления НКГБ.

3. Для наступательной операции «Уран» под Сталинградом привлекались 10 общевойсковых, 1 танковая и 3 воздушных армии. Для наступательной операции «Марс» под Ржевом привлекались 15 общевойсковых, 2 ударных, 1 танковая и 2 воздушных армии, не считая оказывавших поддержку войск Северо-Западного и Брянского фронтов, а также резервных армий.

4. Окружить под Сталинградом планировалось максимум 85–90 тысяч человек!

5. В марте 1943 года Ф.И. Голикова сменил генерал армии Н.Ф. Ватутин. По официальным данным общие потери советских войск в сражении за Харьков с 28 февраля по 25 марта 1943 года составили 100 тысяч человек, в том числе почти 50 % пришлось на категорию безвозвратных потерь. Манштейн считал, что в результате интенсивности боёв на одного убитого должно было приходиться пять раненых, следовательно, опубликованные официальные данные о потерях опять занижены.

6. 13 февраля 1942 года группа армий «Дон» переименована в группу армий «Юг», которой Манштейн командовал до марта 1944 года.

7. Например: «Танковое сражение под Прохоровкой закончилось поражением главной группировки врага, который оставил на поле боя 400 танков, 300 автомашин, свыше 3 500 солдат и офицеров». (Самсонов А. Вторая мировая война. – М., 1990. Издание АН СССР. – С. 341).

8. Из состава группы армий «Юг» Манштейна.

9. Трудно себе представить, каким образом Гитлер предполагал уничтожить столь огромную группировку противника в том случае, даже если Гот и Модель сумели достичь Курска. Ведь в 1941 году немцы не окружали более пяти советских армий.

10. Обе эти советские армии входили в состав Воронежского фронта Ватутина.

11. В составе четырёх танковых и одного механизированного корпусов. Непосредственно в сражении под Прохоровкой не участвовали из состава 5-й гвардейской танковой армии: одна танковая бригада 2-го гвардейского танкового корпуса и 5-й гвардейский механизированный корпус.

12. Кроме того, Ротмистрова поддерживали дивизии 5-й гвардейской армии Жадова: четыре гвардейских стрелковых и одна воздушно-десантная, а также понесший серьёзные потери 31-й танковый корпус из армии Катюкова.

Власовское движение

ИШёнавестные оценки и малоизвестные альтернативы. Что такое Власовеков движение?

Ю. Цурганов

«Посев», 2001, № 6

Нападение Германии 22 июня 1941 года позволило выйти на поверхность крайне неприятному для властных структур Советского Союза явлению. Значительная часть советских

граждан, включая и военнослужащих РККА не продемонстрировала желания противостоять агрессору. Совершенно очевидно, что причиной выбора такой позиции могло быть только категорическое недовольство государственным строем СССР. С германским вторжением связывали возможность свержения этого строя. Уже в первые дни войны в приграничных городах и деревнях были зафиксированы попытки представителей местного населения организовать торжественную встречу наступающей немецкой армии. Многие бойцы и командиры РККА добровольно сдавались в плен.

Кроме того, немалая часть советских граждан, в том числе и военнослужащих Красной Армии, не ограничивалась ролью пассивного наблюдателя, а стремилась принять непосредственное участие в ликвидации государственного строя СССР. Это выразилось в переходе на сторону германских войск. Начиная с 1941 года в составе Вермахта стали создаваться подразделения из представителей народов, проживавших в СССР. С 1942 года – батальоны, полки, бригады, а впоследствии – дивизии и корпуса.

Так возникло и развивалось движение, состоявшее из граждан СССР, направленное на свержение государственного строя СССР.

Большинство участников движения считало гарантией от восстановления коммунистической диктатуры на покидаемых Красной Армией территориях только повсеместное крушение этой диктатуры.

Те участники движения, которые стояли на этой позиции, определяли его как Освободительное Движение Народов России (ОДНР). Они подёркивали тем самым, что борьба с большевизмом должна вестись совместно всеми народами и до всеобщей победы, а не разрозненными национальными силами, каждая за освобождение только своей территории. К этому движению присоединились и многие российские эмигранты. Участники ОДНР признали своим лидером генерал-лейтенанта А.А. Власова. Поэтому ОДНР именуют также Власовским движением. Изначально участники Власовского движения именовали его Русским Освободительным Движением (РОД), но перешли к расширительному – Освободительное Движение Народов России, дабы искусственно не вычленять из него русскую составляющую.

После войны данная терминология была принята многими зарубежными историками, а с начала 1990-х годов и некоторыми российскими коллегами.

В морально-этических оценках принявшие эту терминологию исследователи опираются на концепцию А.И. Солженицына. В «Архипелаге ГУЛАГ» автор безоговорочно признал право граждан СССР поднять оружие для борьбы со Сталиным в условиях советско-германского военного противостояния.

В советской литературе действия генерала Власова и других граждан страны, сотрудничавших с немцами, рассматривались сугубо эмоционально и резко отрицательно. Иногда упоминался юридический аспект. В итоге, все граждане СССР, участвовавшие в войне на стороне Германии, объявлялись «изменниками родины». По вполне понятным причинам советские авторы не задавались целью исследовать истоки сотрудничества с внешним противником, сущность такого сотрудничества и его историческую роль.

Целью Власовского движения было создание организации правительственного типа, которая стала бы альтернативой сталинскому правительству. Власов и его единомышленники планировали создание вооружённых сил нового правительства, в качестве рабочего названия для которых использовался термин «Русская Освободительная Армия» (РОА). Власов надеялся, что новое правительство станет равноправным союзником Германии, которая откажется от планов колонизации территории СССР и будет вести борьбу только с большевизмом. Итогом совместной борьбы Германии и РОА против большевизма виделось создание независимого российского государства. Согласно замыслу, началом формирования РОА должно было стать сведение воедино русских воинских формирований Вермахта и передача их под командование Власова. Немецкая сторона согласилась именовать русские формирования Вермахта Русской Освободительной Армией, но до января 1945 года РОА представляла собой не единое целое, а совокупность разбросанных по всем немецким фронтам русских формирований, подчинявшихся немецкому командованию. Согласие немцев на создание организации правительственного типа – Комитета Освобождения Народов России (КОНР) – Власов получил лишь в сентябре 1944 года.

Причина возникновения Власовского движения

Причина возникновения Власовского движения, как и всего ОДНР, – в политике большевиков с момента захвата ими власти в России:

репрессии ВЧК – ОГПУ – НКВД, проводившиеся с большей или меньшей интенсивностью на протяжении всего периода большевицкого правления, против всех слоёв населения;

форсированная индустриализация, вызвавшая резкий спад уровня жизни в городах, эксплуатация рабочих на государственных предприятиях, законы, направленные против интересов трудящихся – об уголовной ответственности за опоздания, о закреплении рабочих на предприятиях и другие;

насильственная коллективизация и раскулачивание, последовавший за этим голод, а так же тяжёлые реалии советской колхозной системы;

идеологический диктат в науке и культуре, сделавший невозможным полноценное развитие интеллектуальной деятельности;

оккупация Красной Армией национальных государств, сопредельных РСФСР и СССР

Следует отметить, что до германского вторжения населению СССР было трудно адекватно оценить гитлеризм, в том числе и как потенциального союзника по борьбе со сталинским режимом. Причиной этому была переменчивость отношения советской пропаганды к Гитлеру и национал-социализму. До подписания советско-германского договора о ненападении нацистская Германия преподносилась населению СССР как враждебная держава. При этом советские пропагандисты не проводили принципиального различия между политической природой гитлеровской Германии и «буржуазных» стран. После подписания договора о ненападении Германия «превратилась» в державу, дружественную Советскому Союзу.

После 22 июня 1941 года появились новые причины, стимулировавшие антисоветские настроения и, как следствие, сотрудничество граждан СССР с немцами:

разочарование части гражданского населения и военнослужащих в способности большевицкого руководства дать адекватный отпор наступающему противнику;

продиктованная из Кремля тактика «выжженной земли» для территорий, которые неминуемо должны были попасть под немецкую оккупацию, насильственное выселение жителей с этих территорий;

продолжение репрессий в Красной Армии на всех уровнях;

объявление правительством СССР советских военнопленных предателями и отказ от помощи им;

самообеспечение советского партизанского движения за счёт населения оккупированных областей;

партизанские акции, провоцирующие немцев на совершение карательных мер против мирных граждан;

преследование партизанами представителей населения оккупированных областей, занимавшихся какой-либо созидательной деятельностью.

Были люди, которые противостояли системе большевизма как нелегитимной, безотносительно к её качеству

Власовское движение носило стихийно-массовый характер

Конфликт народа и власти в СССР проявился уже в самом начале войны, и зарождающаяся военно-политическая оппозиция изначально не была связана с именем какого-то одного лидера. Переходы военнослужащих РККА на сторону немцев отмечались на всём протяжении советско-германского фронта. В разных регионах под оккупацией предпринимались попытки создания антисоветских политических организаций, структур местного самоуправления, военизированных отрядов для борьбы с партизанами. В лагерях военнопленных и в занятых немцами городах и населённых пунктах составлялись обращения к первым лицам III Рейха с предложением сотрудничества в деле борьбы с большевизмом.

Подобные попытки не были связаны организационно, они предпринимались независимо одна от другой.

К моменту захвата Власова в плен (12 июля 1942 года) в германских Вооружённых Силах уже служило 500 тысяч граждан СССР. Власовское движение не имело основателя в том смысле, в котором, например, Ленин был основателем партии большевиков. Генерал Власов не был и единственным человеком, который мог стать лидером вооружённой оппозиции сталинскому режиму. Нет также оснований полагать, что при иных обстоятельствах, которые могли исключить возможность попадания Власова на немецкую сторону, движение, получившее позже его имя, не имело бы развития. Возникновение движения не зависело от чьей-либо «злой» или «доброй» воли. Среди советских военачальников, пошедших по пути сотрудничества с немцами, Власов был наиболее известным в РККА человеком. Это, в конечном итоге, позволило ему стать главной фигурой в движении, которое получило его имя. Но и после этого Власов был скорее символом, чем организатором.

С немецкой стороны Власовское движение пользовалось поддержкой оппозиционных кругов, выступавших за перемену восточной политики Гитлера, направленной на колонизацию российской территории. Ортодоксальные национал-социалисты и, прежде всего, сам Гитлер всячески тормозили развитие Власовского движения. Численность ОДНР в целом составили по различным оценкам от миллиона до полутора миллионов человек, и оно вышло на этот уровень не благодаря, а вопреки Гитлеру и нацистам. Чтобы оценить масштаб ОДНР, нужно анализировать не столько его фактическую численность, сколько потенциальные возможности развития. Эти возможности были значительными, но были сведены к минимуму нацистской администрацией.

Идеология и программа Власовского движения

В выработке идеологии и программы движение прошло два этапа развития.

Первый связан с мировоззрением майора М.А. Зыкова, идеолога Власовского движения. Он резко критиковал методы сталинского правления, но утверждал при этом, что для преодоления порочной практики следует вернуться к истокам марксизма-ленинизма, которым сталинизм будто бы противоречит. В качестве программы здесь декларировалось только самоочевидное: уничтожение режима террора и насилия, ликвидация колхозов, предоставление интеллигенции права свободного творчества...

Второй этап связан с идеологией Народно-Трудового Союза (НТС), российской эмигрантской организации, члены которой установили контакт с Власовым и его окружением. Для НТС характерно последовательное отрицание теории и практики большевизма, более чёткая и развернутая программа на будущее.

Первый политический документ Власовского движения был составлен 3 августа 1942 года. Это был меморандум германскому Верховному командованию, подписанный Власовым и полковником В.И. Боярским. В нём говорилось, что комсостав РККА и особенно попавшие в плен военачальники стоят перед вопросом – каким путём может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия; к кому именно примкнуть – к Германии, Англии или США? «Главная задача – свержение правительства – говорит за то, что следует примкнуть к Германии... Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединёнными Штатами и Англией, в случае, если Германия не внесёт ясность в этот вопрос».

Эта отчасти наивная, отчасти вызывающая постановка вопроса свидетельствует, однако, о том, что предстоящее сотрудничество Власова и его единомышленников с немцами не было основано на симпатиях к нацизму.

27 декабря 1942 года Власовым и генерал-майором В.Ф. Малышкиным было подписано «Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам», известное как «Смоленская декларация». Это была первая политическая программа на будущее, в которой указывалось не только против чего следует вести борьбу, но и за что. Тринадцать пунктов документа охватывают жизненно важные вопросы будущего России: ликвидация принудительного труда и колхозов, планомерная передача земли в частную собственность крестьянам; предоставление интеллигенции

возможности свободного творчества; уничтожение режима террора и насилия; введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати; гарантия неприкосновенности личности; освобождение узников большевизма из тюрем и лагерей.

3 марта 1943 года Власов подписал открытое письмо «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?» В нём он так обозначил свои позиции: его лично ничем не обидела советская власть, но ничего из того, за что боролся народ в годы гражданской войны, в результате победы большевиков не достигнуто. Власов заявил также, что с начала войны между Германией и СССР он считал себя обязанным честно выполнять свой долг, что он и делал до разгрома 2-й Ударной армии, которой командовал. В то же время наблюдения привели его к выводу, что русский народ не желает защищать большевицкую власть и созданную систему насилия. Генерал сообщал, что именно это позволило ему призвать население на борьбу со Сталиным и большевизмом.

В марте и апреле 1943 года генерал Власов совершил две поездки по оккупированным районам России, выступая перед местным населением. Лейтмотивом его речей был тезис: свергнуть Сталина должны сами русские, а национал-социализм навязан России не будет. Власов ещё раз потребовал от немцев, чтобы они откровенно заявили о своих планах в отношении России. Генерал сказал также, что русских никогда не удастся превратить в колониальный народ.

Наиболее чётко влияние идей НТС прослеживается в тексте Манифеста Комитета Освобождения Народов России (КОНР), принятого 14 ноября 1944 года в Праге. В нём заложена доктрина НТС о национально-трудовом строе. Такой строй должен быть основан на принципах свободы, справедливости и солидарности; личная заинтересованность и хозяйственная инициатива – развиваться на основе конкуренции; государство – обеспечивать справедливое вознаграждение труда, охрану собственности, свободу предпринимательства. Ключевое понятие данной доктрины – «солидаризм» – антитеза идеи классовой борьбы. Общенациональные интересы граждан страны ставятся выше их социальных разногласий.

«Пражский Манифест» стал итоговой программой Власовского движения.

Шансы на успех и причины неудачи

Как только в Ставке Гитлера стало известно о том, какую тональность Власов придал своим выступлениям во время поездок по оккупированным территориям, последовали санкции. Приказ об аресте Власова появился 17 апреля 1943 года. Позже Гитлер принял «окончательное решение» о РОА – разрозненные русские части в единую армию не сводить, вместо этого перебросить их на Запад. Новый этап активной деятельности Власова начнётся после встречи с Гиммлером 16 сентября 1944 года. В условиях, которые сложились к этому времени, уже и ортодоксальные нацисты стали проявлять готовность менять восточную политику, хотя было явно поздно.

Между тем, многие официальные лица Германии, особенно из числа военных, не заражённые нацистскими идеями, изначально осознавали порочность восточной политики Гитлера. Ими предлагалась новая концепция ведения войны на Востоке: освобождение России от большевизма, при этом русский народ должен стать естественным союзником Германии в этой борьбе.

В качестве сторонников изменения восточной политики первыми (ещё в 1941 году) заявили о себе главнокомандующий Сухопутных войск генерал-фельдмаршал В. фон Браухич и командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. фон Бок.

Фон Браухич назвал перемену концепции решающим фактором для исхода войны. Военачальникам было официально заявлено, что политические вопросы принципиально лежат вне их ведения, и, кроме того, высказанные соображения неприемлемы для фюрера. Фон Бок и фон Браухич были смещены со своих постов.

В июле 1942 года сложился подпольный кружок оппозиционно настроенных немецких офицеров. В числе его организаторов был полковник граф Клаус фон Штауффенберг, который называл этот кружок «Обществом борьбы против опасного для жизни идиотизма». Именно члены этого «Общества» организуют покушение на Гитлера 20 июля 1944 года. Но прежде чем перейти к ершовому решению вопроса, оппозиционеры избрали тактику, выражавшуюся так:

политику мы не можем изменить, но мы можем попытаться создать фактор, который, может быть, вынудит политическое руководство к пересмотру его нынешних установок. Этот фактор они видели в организационном оформлении стихийного антисталинского протеста советских граждан. В лице какого-либо генерала РККА планировалось найти руководителя, который мог бы возглавить русское движение сопротивления сталинскому режиму. Таким человеком и суждено было стать генералу А.А. Власову. Именно с подачи немецкой оппозиции Власов принял тактику «малых шагов», заключающуюся в идейно-пропагандистском оформлении движения без санкции высших кругов III Рейха на формирование русского антибольшевицкого правительства и его вооружённых сил.

Предварительные мероприятия Власова, его русских единомышленников и покровительствовавшей им немецкой антигитлеровской оппозиции, направленные на то, чтобы оформить стихийное движение в военно-политическую структуру, продолжались 6 месяцев – с момента пленения Власова (12 июля 1942 года) до обнародования «Смоленской декларации» (15 января 1943 года). Активная фаза, выражавшаяся в интенсивной пропагандистской кампании, длилась 3 месяца – до ареста Власова (17 апреля 1943 года). Период вынужденного бездействия продолжался 17 месяцев – до встречи Власова с Гиммлером (16 сентября 1944 года). После этой встречи стали осуществляться действия, направленные на создание КОНР. Новая, финальная, активная фаза начинается с момента учреждения КОНР (14 ноября 1944 года) и имеет целью формирование Вооружённых Сил КОНР. Она продолжалась 2,5 месяца до окончания войны в Европе. Общая продолжительность активных мероприятий составляет 5,5 месяцев; предварительные мероприятия – 11 месяцев; фаза вынужденного бездействия – 17 месяцев.

Надежды на успех

В развитии надежды на успех историю Власовского движения следует разделить на три этапа. Первый (до июня 1943 года) связан с ожиданием перемен в официальной политике Гитлера по отношению к России. Второй (до июля 1944 года) – с ожиданием перемен в руководстве Рейха. Третий этап (до окончания войны) связан с надеждами на то, что временные союзники Сталина – США и Великобритания – после разгрома Гитлера дадут Власовскому движению продолжиться. Каждая из этих надежд объяснима применительно к условиям своего времени, но ни одной из них не суждено было сбыться.

Некоторые группы, входившие в состав Освободительного Движения Народов России, не дожидаясь перемен приступали к ведению войны на два фронта: и против Сталина, и против Гитлера.

Из истории недавнего безумия. Краткий обзор борьбы вокруг восточной политики гитлеровской Германии **Р. Редлих**

«Считаю решающим для исхода войны»
генерал-фельдмаршал фон Браухич

Журнал «Наши дни» (изд-во «Посев»), 1961, № 5

I. Два взгляда на «Остланд»

Гитлер готовился к походу в бескрайний «Остланд», как Александр Македонский к походу в Индию. Он верил в завоевание России, а после этого рассчитывал сделать российскую территорию тем, «чем были для Англии её колонии».

Как именно это произойдёт, его мало заботило. Бесспорно, он был фантастом, но он был одновременно и практиком и не очень любил заглядывать слишком далеко вперёд. Лишь в конце апреля 1941 года он призвал партийного теоретика Альфреда Розенберга и, назначив его «Министром оккупированных земель на востоке», поручил ему разработать формы германского

господства над Россией.

План Розенберга

И Розенберг создал план. Он наметил разделить завоёванные в России земли на пять крупных областей:

1) на севере «Остланд», состоящий из Литвы, Белоруссии, Латвии и Эстонии, с примыкающими к ним на севере частями Великороссии так, чтобы Смоленск и Новгород оказались в его границах, простирающихся до самого Ленинграда;

2) на юге Украина с включением в неё Галиции на западе, Крыма на юге и ряда земель на востоке с таким расчётом, чтобы немцы Поволжья оказались на украинской территории;

3) на юго-востоке Кавказ, граничащий с Украиной так, чтобы Великороссия была полностью отрезана не только от Чёрного, но и от Каспийского моря;

4) Туркестан, охватывающий всю Среднюю Азию и выходящий К НИЗОВЬЯМ ВОЛГИ;

5) собственно Россия («рейхскомиссариат Ру слайд»), восточная граница которой как на первом докладе Розенберга 9 мая 1941 года, так и потом оставалась неопределённой, Розенберг исходил лишь из представления, что оккупация остановится где-то за Волгой.

Будучи выходцем из России, Розенберг знал страну, и его схема совершенно очевидно основывалась на страхе перед ней, потому он стремился использовать в борьбе с ней сепаратистские силы. Это выразилось и в той дифференциации, которую он намеревался произвести в намеченных им областях, получивших название «имперских комиссариатов».

Лежащий на северо-западе «Остланд» Розенберг предполагал германизировать и непосредственно присоединить к Рейху, для чего намечалось переселение оттуда значительных масс населения (главным образом интеллигенции) на восток в «рейхскомиссариат Русланд», а на их место поселение людей «германской крови»: норвежцев, фламандцев, датчан и, в первую очередь, немцев.

Провести одновременно германизацию других земель Розенберг считал невозможным. Это диктовало ему опору на местные сепаратистские силы.

Розенберг, очевидно, считался с тем, что немецкая оккупация будет временной, и хотел только оттеснить русских как можно дальше на восток, а для Германии приобрести свободные земли на северо-западе и вассальные государства на юге.

Он представил фюреру достаточно фантастический план, который не был принят.

Концепция Гитлера

Тогда же, 9 мая 1941 года, Гитлер заявил Розенбергу, что он не верит в возможности сепаратистов, не желает никакой поддержки с их стороны и что он заинтересован пока лишь в немедленном «замирении» и эксплуатации оккупированных земель. Поэтому высшая полицейская власть на всей оккупированной территории будет осуществляться не Восточным Министерством Розенберга, а службой государственной безопасности во главе с Гиммлером, хозяйственная же эксплуатация – верховным уполномоченным по четырёхлетнему хозяйственному плану Герингом. Непосредственно с этими двумя организациями, причём подчиняясь им, должны работать розенберговские «рейхскомиссары» Лозе, Кох и Ку-бэ. Это решение лишило оккупацию всякого политического смысла, а Министерство Розенберга с самого начала свело к роли некоей надстройки, занимающейся теоретическими вопросами.

Столкновение с реальностью

С такой политической подготовкой Германия вступила в войну. Русские же, включая и бойцов Красной Армии, наивно воображали, что к ним идёт народ Шиллера и Гёте, тем более, что в миллионах листовок немецкая пропаганда определённо утверждала: «Мы боремся не против русского народа, а только против большевизма!»

В мемуарной литературе, описывающей эти первые недели войны, хранится множество потрясающих свидетельств происходившего. Возьмём лишь одно из книги Александра

Казанцева «Третья сила» (издательство «Посев», 1952 год).

«...Вскоре после приезда в Берлин, в русской эмигрантской семье я встретился с профессором-ленинградцем, в начале войны перешедшим со своей семьёй – жена и два сына – на сторону немцев. Ему под каким-то благовидным предлогом удалось выбраться из Ленинграда и в селе около Пскова дожидаться прихода немецких частей. Его рассказ, одно из первых впечатлений о той стороне, запомнился мне почти дословно.

– ...Мы, ленинградцы, народ особый. Наш город, в пределах советских возможностей, считался, знаете ли, этакой негласной оппозицией. Москва – она ведь у нас партийная. Всё время причёсывается партийным гребешком. И писатели, и художники, и артисты, и профессора жили и работали там обласканные. Ну, а не обласканные работали больше в Ленинграде. Так вот там, в семейном кругу, или уже в кругу совсем близких друзей и знакомых, мы частенько говорили, что спасёт нас только война и что воевать с советской властью будет, конечно, только Германия... 22 июня мы и встретили как наше освобождение... Скоро прилетели и первые немецкие самолёты. Весь Ленинград, как снегом, засыпали листовками. С большим риском, помню, охотились мы за ними. Ловили из открытых окон, лазили даже по крышам – вот, она, весточка долгожданная из потустороннего мира, из культурной, гуманной Европы... Достали, читаем и сначала глазам не верим. Сверху крупно написано – “Переходите к нам” и изображён красноармеец с поднятыми руками. Дальше опять картинка. Опять красноармеец, на этот раз с кружкой, вероятно, пива и надпись – “Есть что выпить”. И, наконец, ещё картинка – опять красноармеец, неуклюже держащий в растопыренных пальцах сигарету. Надпись ещё выразительнее – “Курить разрешается” – и три восклицательных знака... Прочли мы это и, помню, долго смеялись над грубостью советской пропаганды.

Ну, Боже мой, совершенно же ясно, самолёты были советские, с накрашенными немецкими крестами на крыльях. Дескать, вот, полюбуйте на ваших освободителей, чем соблазняют они нас – кружкой пива и папиросой... Дня через два прилетели снова. Разбросали те же листовки, но уже в перемежку с бомбами. Поверите – нам стало страшно, страшно и одиноко. Страшнее, чем от бомб, которые рвались в наших жилых квартирах. Неужели двадцать лет веры были самообманом?

...Другой рассказ из тех же первых встреч...

Красный командир, попавший в окружение под Киевом, вспоминает о первых днях плена:

– Вы знаете, таких антисоветских настроений в нашей командирской среде, как в первые дни плена, я не видел, да, боюсь, что больше и не увижу. А на солдат – у нас ополченцы больше были, старичье нестроевое – так просто смотреть противно было: с какой влюблённостью они смотрели на каждого проходившего немецкого солдата. Стоим мы в лагере, 60 тысяч человек. Дождь льёт, укрыться негде. А они, старики наши, слышим, в группах у костров разговаривают: “А что же, немец-то, ждал, что ли, нас, чтобы тёплые хоромы приготовить. У него, брат, всё аккуратно, рассчитано, – не ждал, вот и не приготовил”... Нужно вам сказать, что не кормили нас в этот день совсем. У наших стариков и этому нашлось объяснение: “Только ему и заботы, немцу-то, чтобы нам брюхо набить. Подождём, браток, потерпим...” Когда ни крошки не оказалось и на следующий день, они и тут нашлись – “немец у нас товарищество воспитывает. Знает, что кое у кого сухари остались или там кусок хлеба. Вот и хочет, чтобы не зверьём друг на друга смотрели, как при большевиках, а поделились по-братски...” Когда мимо нас пробежал ефрейтор немец с палкой в руке, в погоне за провинившимся в чём-то пленным, комментарии были такие: “Это, брат, тебе не большевики. Они, немцы-то, научат нас порядку. Сурьёзный народ...” И поверите, так продолжалось четырнадцать дней, то есть я хочу сказать, что не было ни крыши над головой, ни кусочка хлеба. К этому времени из нашего лагеря уже по 200–300 человек в день увозили в братскую могилу. Но даже и тогда люди пытались находить этому какое-то объяснение и оправдание. Через месяц от нашего лагеря осталось спасшихся несколько тысяч полутрупов...

Перелистываю брошюру, изданную в ноябре 1941 года. Начинающий писатель-ленинградец, переведший с собой к немцам восемнадцать человек бойцов, описывает ту же киевскую эпопею:

– Бой затих. Наконец, к нам подошли немецкие солдаты. Боже, до чего это красивые, элегантные и обаятельные люди! Закуривают свои душистые сигаретки, угощают и нас. Я беру

одну и оставляю на память об этом дне – дне моего второго рождения».

к "к"к

«Второе рождение» не состоялось и перебежчик, написавший в 1941 году эти строки, если остался жив, пожалуй, ушёл в партизаны.

В окружении Гитлера развал Красной Армии представлялся, очевидно, как результат немецкого военного превосходства, а восторги населения – как готовность славянских рабов служить своим природным господам – германцам.

В практике же оккупации началась беспощадная разногласица. Ибо многим немецким командирам на местах скоро стало ясно, что всё это не так, что русские идут против Сталина не из любви к фюреру, а потому что думают, что место России советской непременно займёт другая Россия, неизвестно ещё какая, но безусловно Россия, а не «оккупированные области на востоке», что латыши и эстонцы рассчитывают на восстановление своих республик, а вокруг представителей Министерства Розенберга, питаясь надеждами, кипят сепаратистские круги. Советская пропаганда заговорила тогда о том, что Гитлер везёт в своём обозе царя и помещиков; сам Сталин явно считал, что немцы, хотя бы из пропагандистских соображений, создадут какое-нибудь марионеточное русское правительство, и очень боялся этого.

Восточное Министерство должно было принимать каждый свой рейхскомиссариат лишь после того, как он завоёван. Двухсоткилометровая полоса за фронтом оставалась в руках военного управления. Только Гиммлер и Геринг начинали хозяйничать сразу – первый, производя «замирение» с физическим уничтожением всех «жидов и комиссаров», второй – вывозя в Германию всё, что можно было вывезти.

Когда осенью 1941 года фронт остановился под Москвой и Ленинградом, всем уже было всё ясно. Миллионы советских солдат умирали в плену, ни о какой небольшевицкой России не было и речи. Восстановление независимости государств Балтии под рейхскомиссаром Лозе выглядело в высшей степени проблематично и только украинцы и кавказцы ещё хлопотали вокруг Розенберга, не смущаясь тем, что в Ровно уже сидел Эрих Кох, считавший, что украинцами следует управлять с помощью водки, махорки и нагайки. Розенберг протестовал против назначения Коха. Отношения между ними были враждебные. Так начала проводиться в жизнь концепция Гитлера, превращение оккупированных областей в германскую колонию.

II. Борьба за другую концепцию

Русский читатель, мало знакомый со структурой и техникой власти в гитлеровской Германии, порой склонен представлять её себе по образцу большевицкой. Это не верно прежде всего потому, что Национал-Социалистическая Германская Рабочая Партия играла в Германии совершенно иную роль, чем ВКП(б) в Советском Союзе. Гитлеровская диктатура опиралась прежде всего на полицию и государственный аппарат, а партия была расчленена на множество вспомогательных формирований. Ничего аналогичного коммунистическому Политбюро в ней не было. Принимая важнейшие решения, вождь совещался только с теми, кто должен был проводить их в жизнь. Идеология гитлеризма в сравнении с ленинизмом всегда оставалась расплывчатой. Понятия расы и тысячелетнего царства сами по себе, правда, ничуть не туманнее понятий класса и коммунистического общества, но обращение с ними у Гитлера было иным, чем у Сталина. Гитлер не был догматиком и не стремился стандартизировать мысль. Гитлер презирал кабинетных учёных и ещё до прихода к власти уступил место партийного идеолога Розенбергу чья книга «Миф XX века» наряду с книгой самого Гитлера «Моя борьба» считалась венцом партийной премудрости, несмотря на то, что сам Гитлер говорил, что «не может читать эту ерунду».

Положение идеологии в гитлеровской Германии никак не сравнимо с её положением в сталинском СССР. VIII Рейхе даже в самой партии под покровом внешнего единообразия до самого конца существовали глубоко различные направления и течения.

При таком положении вещей борьба за выработку конструктивной политики в русском вопросе была не только возможна, но, казалось, могла привести к успеху, если руководствоваться практическими нуждами войны. Нежелание фюрера связывать себе руки заранее составленными планами основывалось на его расчёте одержать молниеносную военную

победу. Эта победа не состоялась. Следовательно, надо было искать новые средства борьбы, в том числе и политические.

Предложение фельдмаршалов

О необходимости конструктивной политики в отношении России и русских заговорили и русские, и немцы, как только увидели, что её нет, а она возможна.

Осенью 1941 года Смоленское городское управление, созданное местными жителями после взятия города немцами (как, впрочем, и многие другие аналогичные учреждения в разных городах и населённых пунктах) подало командующему группой армий «Центр» фельдмаршалу фон Боку проект создания Российского правительства. Этот проект фон Бок немедленно переслал в Ставку фюрера. Ответа не последовало.

По прямому поручению командующего тылом группы армий «Центр» генерала фон Шенкендорфа, по долгу службы хорошо информированного о настроениях населения и возможностях работы с ним, капитан В. Штрик-Штрикфельдт составил свой проект, предусматривавший создание не только национального Российского правительства, но и двухсоттысячной освободительной армии, готовой бороться с большевиками на стороне Германии. Главнокомандующий Сухопутных войск генерал-фельдмаршал фон Браухич, непосредственный начальник фон Бока и фон Шенкендорфа, поставил на проекте свою резолюцию: «Считаю решающим для исхода войны».

В середине ноября 1941 года этот проект вернулся из Ставки фюрера с короткой запиской Кейтеля: «Политические вопросы принципиально лежат вне ведения командования группой армий. Кроме того, выраженные здесь соображения неприемлемы для фюрера».

В декабре фон Браухич и фон Бок были сняты со своих постов. Их мнение было отброшено Гитлером ещё резче, чем мнение Розенберга. Судьба русского освобождения, а вместе с ней и судьба войны, была решена.

Полковники действуют

Ни среднее немецкое офицерство, ни солдаты, ни население оккупированных областей, однако, ничего не знали об этом и могли только догадываться. Борьба за пересмотр восточной политики фюрера приняла характер широкого, но труднообозримого движения, в котором, порой вовсе не сознавая этого, сотрудничали не только бесчисленные немцы и русские, но даже и различные сепаратисты, причём немцы стремились к победе Германии, русские – к созданию свободной России, сепаратисты же мечтали о великой Украине, великой Чечне, самостоятельной Грузии и так далее.

Начиная с зимы 1941/42 года не было, вероятно, русского оккупированного города, в котором не писались бы меморандумы и доклады, свидетельствующие о тревоге, терзавшей каждого русского антибольшевика, и требовавшие немедленного включения русских в борьбу против большевизма. Эти меморандумы и доклады писались и русскими, и сепаратистами: и те, и другие желали бороться на стороне Германии, но задавали вопрос: что будет дальше с нашей страной? Некоторые даже, с отчаянием предвидя победоносное возвращение большевизма, заканчивали аналогично словам меморандума, составленного в Пскове: «Если германское правительство не найдёт возможным удовлетворить просьбу русских людей и провести предлагаемые мероприятия (т. е. отказаться от проводимой им восточной политики. – *Прим, автора*), то мы просим – обманите нас, обманите русский народ, чтобы только он мог покончить с большевизмом!»

Поток этих меморандумов и докладов, в подавляющем большинстве застревавших в ближайшей немецкой комендатуре, продолжался ещё добрых два года, но достиг только одного: он снабдил аргументами немцев (в том числе и национал-социалистов), в свою очередь писавших доклады и требовавших пересмотра восточной политики.

Добровольцы

Население, между тем, постепенно дифференцировалось. Большая часть заняла выжидательную позицию, активное же меньшинство – либо связывалось с партизанами, либо, наоборот («хоть с чёртом, лишь бы против Сталина!»), шло на немецкую службу. В немецких частях появлялось всё больше и больше добровольцев. Фельдфебели скрывали их от капитанов, капитаны от полковников, полковники от генералов, генералы от Ставки фюрера, не желавшего «иметь с русскими ничего общего». Но число их росло и совершенно скрыть их существование становилось всё труднее.

Немцы назвали их «Hiwi» – «Hilfswillige» («добровольные помощники»). Название звучало официально. Официальность звучания заменяла на первых порах официальное признание, которое вскоре и последовало в форме приказа фюрера № 2-15 от 13 января 1942 года. Этим приказом, во-первых, запрещалось формировать из добровольцев части крупнее батальона, а, во-вторых, запрещалось ставить их под командование «туземных» (einheimisch) офицеров.

Дело и здесь остановилось, и только через год, несмотря на устойчивое нежелание Гитлера даже разговаривать о каком-либо изменении принятой политической концепции превращения земель на востоке в германскую колонию, полковнику Генерального штаба графу Штауффенбергу удалось добиться разрешения учредить специальную инспекцию по делам добровольцев. Во главе её с пышным званием «Генерала Восточных Войск» был поставлен мало к чему способный генерал-лейтенант Гельмих (впоследствии заменённый генералом Кёстрингом) с подполковником фон Фрейтаг-Лорингхофеном в качестве начальника штаба (в мае 1943 года заменён энергичным Герре). Центральная регистрация добровольцев, произведённая этой инспекцией, дала цифру в 800 тысяч человек, сведённых уже частично в отдельные батальоны. Немцы сами были потрясены. Согласись только Гитлер, и Русская Освободительная Армия, о которой писало командование группы армий «Центр» и мечтали сами добровольцы, могла бы быть создана очень быстро.

При учреждении инспекции было, однако, совершенно ясно оговорено, что ей предлагается нести лишь консультативную функцию, формировать же части из добровольцев крупнее батальона ей было по-прежнему запрещено согласно уже упомянутому приказу фюрера от 13 января 1942 года.

Появление Власова

С таким же запозданием, к концу того же 1942 года на стороне немцев появился человек, чьё имя стало и для многих русских и для немцев символом российского освободительного движения того времени. Это было имя попавшего в немецкий плен советского генерал-лейтенанта А.А. Власова.

Начальник Отдела пропаганды Главного Командования (OKW Pr. IV Aktivpropaganda) полковник Мартин, его сотрудники: капитан фон Гроте, лейтенант Дюрксен, гражданский служащий Отдела русский эмигрант А. Казанцев и прикомандированный к Отделу автор Шенкендорфовского проекта капитан Штрик-Штрикфельдт вступили с Власовым в своего рода «заговор душ». Пользуясь разрешением Ставки распространять по ту сторону фронта пропагандистские материалы, они создали так называемый «Смоленский манифест» – «Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему русскому народу и другим народам». Официально – для того, чтобы распространять его как листовку в рядах Красной Армии. На самом же деле, пользуясь попустительством Шенкендорфа, достаточно широко распространили его и в оккупированных областях. Они сознательно строили фикцию (такого Комитета в Смоленске не было) с тем, чтобы пользуясь её результатом, превратить потом в действительность. Успех был огромный. В населении и среди добровольцев поднялась волна новых надежд, а на фронте появились перебежчики из Красной Армии, высказывавшие желание принять участие в борьбе генерала Власова.

Стихийное движение обрело контуры. Имя Власова стало восприниматься как некий, пусть символический, центр объединения русских антибольшевицких сил. Инспекция «Генерала Восточных Войск» имела на своём учёте кадры, а Отдел пропаганды «OKW Pr. IV» потенциального главнокомандующего освободительной армией.

Шенкендорф и офицеры Отдела пропаганды пошли ещё дальше. Они решились на собственный страх и риск попытаться превратить «Русский Комитет» из фикции в действительность. С этой целью они организовали в феврале-марте 1943 года поездку Власова по оккупированным территориям. В результате этой поездки Власовым был написан доклад, отражавший мысли тех, кто добивался перемены немецкой политики. В нём, в частности, сказано:

«Русский народ понёс большие духовные и физические потери, как в своём образованном слое, так и в среде рабочих и крестьян. Поэтому в начале войны масса населения приветствовала немецкие войска. Народ надеялся с помощью этих войск избавиться от гнёта большевицкого управления и получить лучшую жизнь.

С тех пор прошло скоро два года. Настроение населения в результате ряда обстоятельств с тех пор изменилось и со дня на день продолжает меняться.

Масса русского населения – особенно образованная её часть – рассматривает настоящую войну как завоевательный поход, в результате которого завоеванные русские земли будут присоединены к Германии, Россия прекратит своё государственное существование, а русские будут превращены в белых рабов.

Сталин же пытается путём пропаганды и уступок (открытием церквей, отказом от политкомиссаров в Красной Армии, обещанием амнистии для военнопленных) показать народу, что большевицкий режим меняется к лучшему. Общественно-сознательные элементы ещё не верят этой пропаганде, но она уже набирает силу. К этому ведут следующие обстоятельства.

Лучшие представители интеллигенции не стремятся к занятию административных должностей; они потеряли к немцам доверие и не хотят работать во вред собственному народу. Местные полицейские силы включают в свои ряды авантюристов, сталинских агентов и неустойчивый элемент. Эти люди проявляют в отношении немецких управительных органов подхалимство, в населении же вызывают ненависть. Немецкие же коменданты нередко проявляют доверие именно к этим людям.

Особенно вредное влияние на настроение населения оказывает мобилизация на работу в Германию. Местные органы полиции хватают людей нередко ночью в постели или во время киносеанса и ведут их под конвоем на транспорт. Им отказывают в разрешении попрощаться с родными; без смены белья и одежды их запирают в вагоны. Всё это вызывает ненависть, страх, слёзы, уход к партизанам и даже самоубийства. Из Германии возвращаются только больные. Ни один здоровый рабочий ещё ни разу не мог посетить родные места. Население слышит только, что все они должны носить нашивку «ОСТ». Эта нашивка расшифровывается как «Оскорблённый Советский Труженик». Такая политическая практика расшатывает саму веру в возможность сотрудничества немецкого и русского народов.

Крестьянин ещё надеется. Он ненавидит колхозы, превратившие его в раба. Он хочет иметь собственный земельный надел и работать на нём. В настоящее время ещё идёт борьба за симпатии населения. Сталин делает всё возможное, чтобы завоевать эти симпатии. Он рассчитывает добиться этого путём обмана; другая сторона может идти путём правды. Я убеждён, что германское руководство и германское командование способны правильно оценить сложившееся положение вещей и произведут изменение своей восточной политики. Я осмелился заявить населению Смоленска, Могилёва, Бобруйска и других городов, что в этом направлении много делается и кое-что уже достигнуто».

Вскоре после этого доклада Власов был приглашён в аналогичную поездку по северной части России командующим группой армий «Север» фельдмаршалом Кюхлером.

Приказ Кейтеля

Боялись ли в непосредственном окружении Гитлера, что Русское Освободительное Движение, по самой природе своей национальное и антитоталитарное, может оказаться для него опасней, чем большевизм, или там действовали, лишь подхалимски следуя упрямству фюрера, очень трудно судить. Но, как только в Ставке стало известно о Власове и его поездках, последовал датированный 17 апреля 1943 года приказ начальника Штаба Верховного главнокомандования Вермахта генерал-фельдмаршала В. Кейтеля командующим группам

армий:

«Ввиду неправомочных наглых высказываний военнопленного русского генерала Власова во время его поездки в группу армий “Север”, осуществленную без того, чтобы фюреру и без того, чтобы мне было известно об этом, приказываю немедленно перевести русского генерала Власова под особым конвоем обратно в лагерь военнопленных, где и содержать безвыходно. Фюрер не желает слышать имени Власова ни при каких обстоятельствах, разве что в связи с операциями чисто пропагандистского характера, при проведении которых может потребоваться лишь имя Власова, но не его личность. В случае нового личного появления Власова предпринять шаги к передаче его тайной полиции и обезвредить».

После такого приказа, отданного из Ставки диктатора тоталитарного государства, не останавливавшегося перед любой расправой даже над собственными гражданами, не только Власов, но и связанные с ним немецкие капитаны и подполковники, казалось, должны были бы исчезнуть с лица земли. Но в обстановке сложившейся уже к тому времени круговой поруки этого не случилось. Власов продолжал жить в выделенном для него доме в Берлине, а дом этот стал считаться лагерем. Власов продолжал появляться и в городе, и в Школе пропагандистов РОА в Дабендорфе под Берлином. Приказ Кейтеля ничего не уничтожил, но приостановил дальнейшее развитие движения.

Розенберг продолжал создавать при своём Министерстве безвластные и бесперспективные комитеты («Аллах над нами, Гитлер с нами!»), но русского комитета не было и не предвиделось. Создание политического центра Русского Освободительного Движения застопорилось безнадежно. Политика гитлеровской Германии уверенно вела её к гибели.

III. Эпилог

Всё остальное – лишь эпилог, над которым можно написать: «Слишком поздно».

Ибо только летом 1944 года, когда получивший между тем звание генерал-майора граф Штауффенберг готовился к покушению на Гитлера, круги, до того не проявлявшие к русскому народу ничего, кроме презрения и ненависти, схватились за пересмотр восточной политики. Последний раунд борьбы за отказ от грубой колонизации России, вернее, за использование русских сил в борьбе с большевизмом, разыгрался в СС и связан с именами сначала штурмбаннфюрера доктора Артля, а затем штандартенфюрера д'Алкена и рейхсфюрера Гиммлера.

Движение в СС

Сомнения в правильности гитлеровской политики на востоке появились в СС вместе с сомнениями в абсолютной и близкой победе над Сталиным. Но открыто сомневаться было нельзя. Напряжение, существовавшее между армией и СС, изолировало их друг от друга. Армейские офицеры, помогавшие Власову, в подавляющем большинстве даже не предполагали, где они могли бы найти союзников. В июле 1944 года начальником инспекции по делам добровольцев с Востока при Главной Квартире СС был назначен доктор Артль. Отдел Главной Квартиры СС был перестроен коренным образом. В Отделе была создана новая, возглавляемая Артлем, секция «Восток», занимавшаяся вопросами, связанными с Украиной, Белоруссией, Кавказом, Латвией, Литвой и Россией. Артль с самого начала своей работы стал оперировать понятием «Россия», но трактовал его не совсем по-розенберговски: русские – один из восточных народов, который желательно включить в борьбу на общих условиях. Задачей новой секции «Восток» было получить под свою опеку русских добровольцев, находившихся в ведении инспекции «Генерала Восточных Войск» Кёстринга, которых было около 800 тысяч.

Практическая работа в пропаганде показывала совершенно ясно, какой успех мог бы принести союз с российским антикоммунизмом. Д'Алькен имел возможность встречаться и говорить с Гиммлером и чудо случилось: Гиммлер летом 1944 года неожиданно дал согласие на встречу с Власовым, на создание Комитета Освобождения Народов России (КОНР) и Русской Освободительной Армии (РОА).

Результаты

История российского движения и российских идей в период II мировой войны не входит в тему этой статьи. Мы рассматривали здесь только историю восточной политики III Рейха. Превращение Гимmlера из врага в покровителя Русского Освободительного Движения было, конечно, событием большой важности. В результате 14 ноября 1944 года в Праге был выпущен «Манифест Комитета Освобождения Народов России» и началось формирование Русской Освободительной Армии. Но лишь только в начале февраля 1945 года генерал Кёстринг официально «передал» первую дивизию генерала Буныченко под командование Власова. Были ли планы Гимmlера тем, чего добивались генерал-фельдмаршал фон Браухич, фельдмаршал фон Бок, генералы Шенкендорф, Линдеман, полковники Штауфенберг, Гелен, Герре, капитаны Гроте, Штрик-Штрикфельдт, Дюрксен и бесчисленные другие немцы, желавшие освобождённой от сталинской диктатуры дружественной Германии России?

На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Мы не знаем, что и как говорил Гитлеру Гимmlер, не знаем и того, что он сам думал о том, что делал. Никакой декларации о целях войны с Советским Союзом со стороны III Рейха так и не последовало. На торжественном чтении Власовым в Праге «Манифеста Комитета Освобождения Народов России» в качестве представителя германского правительства выступил лишь один из заместителей министра иностранных дел эсэсовский генерал Лоренц, выступление которого носило всего только характер приветствия: «На пути достижения указанных в Манифесте целей вы можете быть уверены в поддержке германского правительства». Ни о каком повороте в германской политике Лоренц не сказал ни слова.

Трудно судить и о том, что было бы, решилось руководство III Рейха на открытый и крутой пересмотр своей восточной политики. В зиму 1944/45 года ход событий уже не зависел от воли верховного руководства. И опубликование Манифеста и формирование РОА происходило под занавес, когда Германия была сжата с запада и востока, когда англо-американская авиация господствовала в германском небе, нарушала систему коммуникаций и не давала возможности чёткого управления страной. Самостоятельная деятельность Власова началась тогда, когда каждый начинал делать что мог и по-своему, и единая политическая линия просто исчезла. Розенберг ещё сидел в своём Восточном

Министерстве, хотя оккупированных территорий на востоке уже не было, и продолжал поддерживать сепаратистов. Артль в подчинённой тому же Гимmlеру системе СС продолжал свою деятельность, нисколько не считаясь с решением Гимmlера поддерживать общероссийскую платформу Власова, а не сепаратистские комитеты. Инспекция «Генерала Восточных Войск» продолжала опекать 800 тысяч добровольцев, в то время как в Мюнзингене и Хойберге формировались власовские дивизии.

Крупные соединения даже не национальных (как Туркестанская или Украинская дивизии), а чисто русских частей, как казачий корпус под командованием генерала фон Панвица, группа казачьих полков Доманова, усиленный полк Семёнова лишь предполагалось соединить с дивизиями Власова.

Военное же командование продолжало считать власовскую первую дивизию составной частью не русской, а германской армии, и отдавала ей приказы через своего связного офицера, уже известного нам полковника Герре, минуя Власова и его начальника Штаба генерал-майора Ф.И. Трухина.

Именно таким образом, «оттуда, сверху», вся дивизия была приказом от 2 марта 1945 года отправлена на фронт в распоряжение сначала командующего группой армий «Висла» генерала Гейнрици, а затем маршала Шернера.

В какой мере это происходило по воле Гимmlера? Можно смело ответить, что ни в какой. Гимmlер ни в коем случае не мог желать вмешательства Розенберга в его дела с Власовым. Не мог он и желать передачи первой дивизии РОА генералу Гейнрици или маршалу Шернеру. Гимmlер, несомненно, был врагом славянства и России и решение искать себе русского союзника было продиктовано ему отчаянием. Отчаяние же пришло, когда власть уже поползла из рук. Гимmlер был достаточно умён, чтобы знать, что эту игру надо вести смело и до конца, что надо отбросить сепаратизм и дать Власову опереться на чаяния народа. Но было поздно. В

Германии уже не было власти, способной обеспечить единую политику.

По велению совести. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1974) В. Штрык-Штрикфельдт

«Посев», 1975, № 5

Я счёл своим долгом опубликовать свои воспоминания о днях войны, так как обещал генералу Андрею Андреевичу Власову свидетельствовать об освободительной борьбе и против Сталина, и против Гитлера, которую вели русские люди. Равнодушие и ложь исказили облик этих борцов за свободу. Но придёт время, когда умы людей освободятся от влияния искажений и начнутся поиски правды.

В Советском Союзе, следуя сталинской версии, генерала Власова и его сторонников заклеили как предателей. На немецких офицеров, помогавших им из соображений человечности и вопреки линии Гитлера, навешены ярлыки агентов Гестапо и «гитлеровских фашистов», хотя многие из них вошли в историю как мученики немецкого народа. Но и на Западе мало известно об Освободительном движении, хотя о нём опубликовано уже несколько трудов.

Немцев, поддерживавших Освободительное движение, упрекают в наивности: зачем было затевать дело, заведомо обречённое на неуспех? Говорят: «Стоило только почитать “Майн кампф” Гитлера, как становилось ясно, что нацисты никогда не изменят своей политики по отношению к России».

Но на вопрос: «А что же мы должны были тогда делать»? – ни один из критиков не дал вразумительного ответа.

Мы же действовали так, как не могли не действовать по своей совести. Мы предприняли попытку освободить мир от врага не менее страшного, чем нацизм, конец которого был нам виден. И кто мог тогда с полной уверенностью утверждать, что эта попытка будет безуспешной? Эти утверждения делаются постфактум.

Кто же эти «мы»?

Это – русские и другие борцы из Советского Союза, стремившиеся к свободе и лучшему будущему; их было много миллионов. Это – члены немецкого Движения сопротивления. Это – немцы балтийского, российского происхождения и бесчисленное множество других простых немцев, которые хотели «устранить существующее зло». (Я воспринял от своего учителя, доктора Эрнста Гельдерблома, принцип: «Кто стремится быть нравственным, тот должен стремиться и устранить существующее зло».)

Наша попытка и описана в моей книге. Она охватывает события между 1941-м и 1945 годами, – события, вызывающие в памяти притчу о смоковнице, которая должна погибнуть, если она не принесла плода.

1941 год был годом, когда история дала Гитлеру последнюю возможность изменить свой курс. Но его ослепление и самонадеянность сделали это неосуществимым.

1942–1943 годы были годами, когда немецкие и русские офицеры из внутренних, идейных побуждений рискнули стать на путь, ведущий к миру и свободе, – вопреки Сталину и вопреки Гитлеру.

В 1944 году Гиммлер обратил внимание на Освободительное движение. Но эта перемена курса была неискренна, и к тому же она слишком запоздала.

1945-й год принёс крушение надежд и конец Движения.

Власов и его единомышленники пытались внести свой вклад в дело раскрепощения, примирения и единения народов. Их вклад был проигнорирован, и не только нацистами. Он игнорируется до сих пор.

Андрей Андреевич Власов не был основателем Освободительного движения. Оно родилось в сердцах угнетённых и униженных задолго до его появления, – в сердцах русских,

украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, народов Кавказа и Средней Азии. Власов лишь возглавил его, пытался внести в уже шедшую борьбу политическую стратегию и дать ей цель (при безусловном отрицании нацистского духа). Он стремился объединить людей и создать силу, способную с успехом для России закончить войну.

Различные народы России, без сомнения, питали различные надежды и вынашивали различные цели. Власов и его советники видели национальную проблему в новом свете и предвидели её разрешение в едином европейском целом. Их точка зрения не встретила понимания в то время, и не только у нацистов. Её не понимают и сейчас.

Власовым не руководили ни честолюбие, ни расчёт. Судьба, обстоятельства, его собственный опыт – всё это вместе привело к тому, что он действовал именно так. Принимая на себя ответственность, он был не одинок. Его идейные сотрудники отлично сознавали, что вторая мировая война открыла возможность (которая может больше никогда не представиться) освободить народы России от большевицкого гнёта.

Можно ли здесь говорить об измене?

Немецкий теолог Дитрих Бонхёффер, участник немецкого Движения сопротивления, казнённый нацистами, говорил, что в известных обстоятельствах измена является патриотизмом, а патриотизм – изменой.

Когда один американец спросил меня, был ли Власов изменником, я задал ему встречный вопрос: были ли Вашингтон и Франклин изменниками?

Если верно, что тот, чья цель служить своей стране, а не вредить ей, – не изменник, то ни немец Клаус граф фон Штауффенберг, ни генерал А.А. Власов – не изменники. Это же относится и к тем, кто был с ними.

Если покойный социал-демократ Юлиус Лебер имел право призывать, чтобы весь мир, включая коммунистов, сплотился на борьбу против Гитлера, то покойный генерал Власов имел право призывать, в свете своего личного опыта, чтобы все народы России, и даже весь мир (включая национал-социалистов) сплотились на борьбу против Сталина.

Русское Освободительное Движение было раздавлено. Власов и его друзья были казнены, как казнены были Штауффенберг и другие заговорщики 20 июля. Но они отдали свою жизнь за свободу и справедливость, и они могут быть примером для тех, кто ценит свободу и справедливость.

Обречённый временем. К 100-летию со дня рождения генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова К. Александров

«Посев», 2001, № 9

Пышные исторические юбилеи стали обыденной чертой нашего времени. К ним привыкают с характерным безразличием. Также равнодушно мы привыкли к ежедневной трансляции музыки сталинского гимна в стране, в которой ранее партия большевиков подвергла физическому уничтожению целые сословия и социальные группы. Юбилеи празднуются всё громче, расходы на проведение торжественных мероприятий растут, и власть уже старается не пропустить ни одного, чтобы лишний раз продемонстрировать пылкую ревность к оклеветанному её прародителями русскому прошлому.

Но один юбилей не обернулся суррогатно-административным празднованием. Даже упоминание о нём в благонамеренных СМИ оказалось табуированным. В противном случае неизбежным становилось обращение к темам слишком опасным для господствующей версии казённого патриотизма. 1 сентября 2001 года исполнилось сто лет со дня рождения Андрея Андреевича Власова – советского генерала, вознесённого и обречённого временем на ненависть одних и скорбное уважение других, лишённого не только соответствующей надгробной эпитафии, но и самой могилы. В безымянном московском рву Донского кладбища нашёл последний приют в августе 1946 года прах генерала и его одиннадцати старших офицеров, которых режим так и не рискнул судить гласно. Что же можно сказать в столетний юбилей

человека, чьё имя навсегда стало символом антисталинского протеста в годы II мировой войны?

Формальные вехи жизненного пути А.А. Власова ныне достаточно хорошо известны и сегодня ощущается потребность в осмыслении личности и в понимании мотивации человеческих поступков. Не претендуя на полноту суждений, мы лишь позволим себе познакомить читателя с некоторыми выводами, к которым автор пришёл в результате исследований разнообразных сюжетов драматической истории антисталинского протеста в 1939–1945 годах.

Андрей Власов – сын крестьянина, отставного гвардейского унтер-офицера, урождённый села Ломакино Покровской волости Сергачёвского уезда Нижегородской губернии – в отечественной истории в первую очередь фигура трагическая. И трагедия генерала заключалась не в том, что в марте 1945 года он «стал свидетелем величия своей родины», будучи на стороне её врагов, как об этом написал в своём дневнике рейхсминистр пропаганды доктор Й. Геббельс, и уж тем более не в том, что он не достиг декларируемых военно-политических целей. Подобно многим полуобразованным крестьянским детям, недоучившийся студент-агроном Нижегородского университета соблазнился в разгар русского апокалипсиса 1917–1920 годов бесовской сказкой о красивом социальном переустройстве России. Мучительный процесс осознания подлинной сущности соблазна растянулся более чем на два десятилетия. При этом Власов и его будущие единомышленники были вынуждены стать деятельными соучастниками режима, методично уничтожавшего с 1929 года всех соблазвившихся им в годы революции и гражданской войны.

Жарким летом 1942 года многолетние ощущения чудовищности происшедшего в стране совпали у бывшего заместителя командующего Волховским фронтом с лично пережитым в болотах близ Мясного Бора. Опустошало ощущение собственного полководческого бессилия перед лицом ежедневной и бессмысленной гибели десятков тысяч бойцов и командиров 2-й Ударной армии, изначально обречённых на смерть преступным командованием Сталина и Мерецкова. Не менее ошеломляющим стало для генерала пленение: его выдача немцам в заброшенной деревеньке Туховежи теми самыми русскими мужиками, которых он был призван защищать от оккупантов. Понимание бесчеловечности большевицкого соблазна и отказ от него пришли уже в лагере военнопленных под Винницей, но за это внутреннее освобождение пришлось заплатить формальным переходом на сторону врага.

В этой беспрецедентной раздвоенности и заключалась трагедия не только самого Власова, но и всех власовцев. В отличие от чинов Белых армий, отстававших, по словам И.А. Бунина, само звание русского человека, участники антисталинского протеста периода II мировой войны отчаянно выступили последним доступным для них способом против истребления партийно-чекистской номенклатурой элементарных основ человеческого общежития. Инстинктивное понимание ими природы сталинщины как явления не только кровавого, но и воспитывающего миллионы равнодушных лжецов и лицемеров, стремящихся выжить в любых условиях, побуждало к деятельному сопротивлению. Однако возможность подобного сопротивления давало лишь сотрудничество с государством, чьи враждебные намерения в отношении России оставались очевидны.

Понятно, почему ненавидят власовцев идейные защитники сталинского государства, истребившие русскую элиту и национально-образующие сословия, Церковь и хозяйство. Но и те, кто «объективно» осуждают Власова за его выбор, делают это, не понимая сути сталинщины, несомненно, более страшной по своему содержанию и последствиям, чем все планы Гитлера и Розенберга. Апологеты нацистской партии, разработав концепцию уничтожения России, не понимали абсурдности и утопичности поставленных целей. Со свойственной ему ограниченностью и патологической фантазией, Гитлер не имел представления о традиционной способности русского народа к скрытому сопротивлению оккупантам и органичному сохранению государственности. «Барабанщик германской революции» понятия не имел о совокупных ресурсах и степени готовности государств мира сопротивляться его внешнеполитическим целям. Наконец, сохранившаяся национальная элита донацистского общества далеко не во всём была готова следовать за ним, ибо её система ценностей должна была рано или поздно вступить в конфликт с нацистской.

Напротив, сталинщина представляла несоизмеримо большую опасность. Её способность к

мимикрии и жонглированию патриотическими лозунгами, равно как и военная победа делали террористический режим неуязвимым ещё на десятилетия. Не режим личной власти одного из соратников Ленина с уголовным прошлым, а господство жадной и беспринципной номенклатуры ВКП(б), затянувшееся ещё на десятилетия, могло сделать необратимой деградацию русского народа и лишало его способности к самовосстановлению. Возможный захват немцами Ленинграда, Москвы, Куйбышева, Сталинграда мог привести к падению режима, но ни в коем случае не означал бы конечности исторического пути русского народа. Пусть в тяжелейших государственных и экономических условиях расчленённой России, но всё-таки в условиях внутренней свободы сопротивление оккупантам могло сплотить народ и открыть путь к национальному возрождению, как это уже состоялось в XIV–XV и в начале XVII веков.

Но отражение агрессора при сохранении сталинщины, несмотря на весь жертвенный патриотический порыв, полностью обесценивало одержанную победу. Подобно раковым метастазам, режим продолжал пожирать духовные, творческие, интеллектуальные и экономические ресурсы народного организма, по-прежнему уничтожая малейшие попытки сопротивления. За неполные 75 лет социалистического эксперимента большевики не только истребили всё накопленное веками положительное наследие русской истории, но и почти весь возможный потенциал для его восстановления. В этом смысле выбор Власова, его предшественников и последователей в пользу вооружённой борьбы со сталинщиной в условиях её военного потрясения был оправдан.

При размышлении о выборе, сделанном в июле 1942 года Власовым, необходимо учитывать отсутствие в его поступке корыстных мотивов и свойственную ему солдатскую порядочность, столь редкую у советских полководцев. Не испытывая ни малейшего беспокойства за собственную жизнь, Власов имел все основания отказаться от сделанных ему предложений представителями офицерских кругов

Вермахта, оппозиционных нацистам. Он сохранил бы себе жизнь и образ благонадёжного, некогда популярного сталинского генерала, что сыграло бы свою роль после окончания войны и его возвращения на родину.

В отличие от побывавших в плену генералов Е.А. Егорова, Е.С. Зыбина, П.Г. Понеделина, подвергшихся в 1945–1950 годах репрессиям по результатам спецпроверок МГБ, на генерал-лейтенанта А.А. Власова компрометирующие материалы отсутствовали. Его пленение было результатом стечения обстоятельств. Поэтому послевоенная реабилитация одного из героев успешной обороны Москвы в 1941–1942 годах вряд ли представлялась такой уж невозможной. Подобное случилось с М.Ф. Лукиным, Л.А. Мазановым и другими. Но Власов согласился возглавить, пусть даже формально, антисталинское сопротивление. Тем самым он избрал в перспективе не генеральскую пенсию и скромный маленький домик, как это сделал по собственному признанию М.Ф. Лукин, а безымянный ров на Донском кладбище.

Как минимум трижды А.А. Власов отказывался бросить своих солдат, демонстрируя готовность разделить их участь. В июне 1942 года командующий 2-й Ударной армией отказался улететь на прилетевшем за ним самолёте. В апреле 1945-го председателю президиума КОНР был предоставлен самолёт, чтобы вывезти его в Испанию, где ему гарантировал убежище Ф. Франко. Но Власов вновь отказался спастись в одиночку. Наконец, уже 10–11 мая 1945 года на зональной границе в Чехии капитан армии США Р. Донахью предлагал вывезти Власова и группу его офицеров вглубь американской оккупационной зоны, снабдив штатской одеждой, пропусками и средствами. Однако, уже не сомневаясь в собственной обречённости, Власов выразил желание отправиться в Штаб 3-й армии США и добиваться для всех чинов ВС КОНР права прохода в американскую зону и политического убежища. По дороге он был захвачен советскими автоматчиками, имевшими приказ в случае необходимости даже выкрасть генерала с территории союзников.

Есть люди, считающие Власова предателем. Зато в названиях улиц, площадей и многотомной исторической литературе мы видим «героические» имена командовавшего в 1942 году Черноморским флотом адмирала Ф.С. Октябрьского и отдельной Приморской армией генерала Петрова. Эти доблестные сталинские полководцы превратили в июне 1942-го Севастополь в смертельную ловушку для тысяч прибывавших по их требованию бойцов

пополнения, а затем за две недели до окончания боёв выпросили себе у Сталина разрешение на эвакуацию и, позорно бросив войска Севастопольского оборонительного района, бежали на специально присланной подводной лодке.

Власов посмертно стал добычей примитивных компиляторов, пристрастных любителей чужого постельного белья и человеческих слабостей вроде Васильева, Квицинского или Конюхова. Смакование, с которыми обсуждаются на страницах бульварной литературы подробности его личной жизни, давно заменило авторам искреннее желание понять истоки и характер трагедии конкретной человеческой судьбы или такого беспрецедентного для отечественной истории феномена, как Власовское движение. Конечно, генерал не был олицетворением добродетелей и безупречным в личных привычках человеком. А кто из сталинских полководцев, многие из которых являлись большими сибаритами, таковым был?

Но в отличие от многих военачальников Красной Армии, жизнь которых преподносят в качестве образцов «патриотического служения», Власов совершил действительно гражданский поступок – он нашёл в себе силы нарушить данную им присягу богоборческой и антинациональной власти и стать знаменем для сотен тысяч людей, увидевших в Сталине большее зло, чем в Гитлере. Поэтому, несмотря на личные слабости, он остался нелицемерно мужественным генералом, способным на большее, чем убого воевать, равнодушно посылая на верную гибель тысячи бойцов и командиров, как это делали Жуков, Мерецков и прочие «выдающиеся» полководцы, неотъемлемо связанные с партийной номенклатурой. Достоинство А.А. Власова и многих его офицеров – В.Ф. Малышкина, В.И. Мальцева, М.А. Меандрова, Ф.И. Трухина – проявилось и в последние месяцы жизни. Будучи в тисках сталинского следствия, они нашли в себе силы не подчиниться предложенному В.С. Абакумовым сценарию публичного и унижительного судилища.

Есть ещё один важный штрих к портрету главнокомандующего ВС КОНР. Власов был человеком верующим, а стало быть, способным к молитве и покаянию. Подтверждением тому следует считать не показания о его «церковных напевах» в бытность командующим 20-й армией в декабре 1941 года и даже не нательный крест, изъятый при личном обыске в мае 1945-го. Гораздо большую ценность представляют воспоминания односельчан и родной племянницы, касающиеся ещё довоенных времён, а также личного духовника митрофорного протоиерея Александра Киселёва. И вот эти отрывочные, порой чудом сохранившиеся на протяжении послевоенного полувека свидетельства выглядят гораздо более убедительными, чем сегодняшние наивные попытки представить маршала Жукова в качестве «христолюбивейшего» полководца страны советов.

Конечно, в судьбе и в нравственном выборе Власова решающую роль сыграл субъективный фактор. Не попади он в плен, его карьере надлежало несомненно успешно состояться и мы бы узнали совсем другого генерала. Однако Бог предоставляет каждому человеку свой выбор. Пленные советские генералы Кириллов, Лукин, Снегов, Понеделин, Потапов и другие предпочли сохранить лояльность сталинщине. Такой шанс предоставлялся и Власову, но он решился возглавить попытку протеста. В результате герой Московской битвы 1941/42 года обрёл на смерть себя, а время обрекло его имя на проклятие, обратив мужество в предательство.

Зачастую Власова и чинов его армии обвиняют в вооружённой борьбе против собственного народа. Однако, во-первых, власовцы сами были составной частью этого народа. Они – более пятидесяти генералов, полковников и подполковников – были детьми крестьян и рабочих, служили в Красной Армии со времён гражданской войны и создали собственные карьеры личным усердием и трудом, начиная со званий рядовых красноармейцев и младших командиров.

Во-вторых, примерно каждый пятнадцатый служивший в германских Вооружённых Силах в 1941–1945 годах имел гражданство СССР. Численность этих людей, достигавшая 1,1 миллиона человек, превышает совокупную численность Белых армий периода гражданской войны. Почему же борьбу красных и белых в 1917-1922 годах мы считаем общественным противостоянием и расколом, а более представительному по масштабу антисталинскому протесту в 1941–1945 годов в подобной характеристике отказываем?

В-третьих, разве заслуживал иной участи, кроме как раскола в самом себе, народ,

равнодушно взиравший на погромы и грабежи, уничтожение лучших представителей России, гибель Царской Семьи и муки своего Патриарха? Чего, кроме как беспощадного и многолетнего братоубийства, заслужил русский народ, отвернувшийся от борьбы Белых армий? Отсюда неумение и нежелание большинства из нас правильно понять и объяснить феномен появления «миллиона предателей» с их стремлением противостоять «сплочённому советскому обществу».

Какие же слова станут эпитафией генералу Власову на его безвестном надгробии? Познав в полной мере ужас большевизма и последствий его владычества, воздав всем жертвам и участникам сопротивления, начиная с 25 октября 1917 года, Россия поймёт трагизм судьбы Освободительного движения периода II мировой войны и оценит по достоинству порыв человека, давшего ему своё имя.

Туховежи – Сиверская: 60 лет назад. Как был взят в плен генерал-лейтенант А.А. Власов К. Александров

«Посев», 2002, № 7

Печальным явлением для исследований новейшей российской истории остаётся марш дилетантов. Применительно к проблеме изучения антисталинского протеста 1939–1945 годов ситуация выглядит особенно удручающей.

Книжный рынок в Москве и Петербурге заполнен низкопробной публицистикой, авторы которой состязаются друг с другом за сомнительное право стать главным преемником А.Н. Васильева – творца бессмертного по степени безумия романа «В час дня, Ваше Превосходительство...» (Москва, 1973). Произведения Ю.А. Квицинского «Генерал Власов: путь предательства» (Москва, 1999), Н.М. Коняева «Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды» (Москва, 2001) и Ю.Е. Финкельштейна «Свидетели обвинения: Тухачевский, Власов и другие... (Проклятые генералы)» (СПб – Нью-Йорк, 2001) отличаются ярко выраженным дилетантизмом, малоинтересными домыслами и особым пристрастием к подробностям интимной жизни А.А. Власова. Аннотации уверяют читателя в том, что книги «содержат множество неведомых фактов». Подобные сентенции оказываются чистой правдой, так как фантазиям и интерпретациям авторов зачастую мог бы позавидовать мастер литературных подделок В.С. Пикуль, тоже, кстати, претендовавший на звание историка.

В очень большой степени по-прежнему фальсифицируются обстоятельства пленения А.А. Власова немцами и показания, которые он дал на допросах в штабе 18-й армии Вермахта. В связи с тем, что публицисты, подобные Ю.Е. Финкельштейну усматривают в событиях, происшедших в 1942 году, истоки «власовского предательства», мы считаем необходимым опровергнуть распространённые в этом отношении домыслы и предложить читателям альтернативную версию, основанную не только на опубликованных источниках, но и на протоколах допросов генерала Власова в немецком плену, а также на протоколах допроса в советском плену офицеров Абвера.

К 22 июня 1942 года подразделения 2-й Ударной армии оказались окончательно рассеяны на отдельные очаги сопротивления. Штаб армии 22–23 июня находился близ реки Глушица в районе Дровяного Поля (по карте южнее железнодорожной станции Чудово), подвергаясь периодическим атакам пехоты противника. В связи с создавшейся обстановкой командующий, Штаб и Военный совет армии приняли решение выходить мелкими группами в расположение войск 59-й армии. А.А. Власов приказал отрядам

Штаба пробиваться к своим в составе заранее предписанных частей прорыва, сформированных из бойцов 46-й и 382-й стрелковых дивизий. В штабной колонне вместе с командующим оказались 100–120 бойцов и командиров, в том числе начальники: Штаба армии – полковник П.С. Виноградов, особого отдела НКВД – майор госбезопасности А.Г. Шашков, связи армии – генерал-майор А.В. Афанасьев, разведотдела – полковник А.С. Рогов.

Около 23 часов 24 июня колонна под прикрытием автоматчиков особого отдела НКВД и бойцов роты охраны двинулась к месторасположению штаба 46-й стрелковой дивизии, но близ

реки Полисть попала под артиллерийско-миномётный обстрел противника и рассыпалась. Рогов к своим вышел чудом, а рота особистов была накрыта миномётным огнем в болотах между реками Глушица и Полисть. Смертельно раненый разрывом мины Шашков застрелился около 2 часов ночи 25 июня. Группа, в которой остался А.А. Власов (40–45 человек), пересидела обстрел в большой воронке, где командующий получил лёгкое ранение в ногу. 25 июня в 9 часов 30 минут немцы окончательно перерезали «коридор» в районе Мясного Бора и плотно блокировали истерзанные подразделения 2-й Ударной армии, окружённые в районе Дровяного Поля. Группа Власова близ бывшего КП 382-й дивизии соединилась с бойцами 46-й дивизии во главе с её командиром полковником Ф.Е. Чёрным, но затем они расстались. Вопреки распространённым представлениям, полковник Чёрный не погиб в бою при прорыве, а попал в плен и осенью 1944 года поступил на службу в ВС КОНР. В ночь на 28 июня из района Мясного Бора вышли последние шесть бойцов 2-й Ударной армии и 29 июня 1942 года генерал-полковник Ф. Гальдер сделал в своём дневнике запись о ликвидации окружённой группировки советских войск на Волхове.

25-26 июня вместе с Власовым искали спасения около пятидесяти человек. Есть сведения, что днём 25 июня командарм, потрясённый бессмысленной гибелью армии, впал в шок и находился в таком состоянии несколько суток. Однако «сенсационные» утверждения Н.М. Коняева, что Власов вместе с поваром М.И. Вороновой в период с 27 июня по 12 июля якобы прятался на безвестном КП с запасом продуктов – не более чем фантазия.

26 июня отряд полковника Виноградова, в котором находился Власов, переправился через реку Кересть близ Ольховских хуторов и взял направление на село Вдицко. Примерно с 27–28 июня отряд бродил в районе деревни Шелковка. Днём отсиживались в старых блиндажах и примитивных укрытиях, ночью высылали разведчиков на поиски продовольствия. В скоротечных стычках силы отряда непрерывно таяли.

О скитаниях Власова на протяжении первой декады июля и обстоятельствах его пленения 12 июля 1942 года нам также дают подробные представления показания М.И. Вороновой, допрошенной 21 сентября 1945 года в Барановичском УНКГБ, а также отчёт переводчика XXXVIII армейского корпуса 18-й армии Вермахта зондерфюрера К. Пельхау. Оба источника совпадают между собой в основных деталях. К концу первой декады июля общим решением командования отряда было решено пересечь железнодорожную линию Батецкая – Ленинград и выдвинуться по направлению к деревне Поддубье. Вероятно, именно при пересечении железнодорожного полотна полковник Виноградов получил ранение. Его постоянно знобило от потери крови, и Власов отдал ему свою шинель с генеральскими знаками различия.

В ночь на 9 или 10 июля сильно поредевший отряд, насчитывавший не более 25–30 человек, остановился в двух километрах от Поддубья. Виноградов предложил дальше пробираться мелкими группами, и отряд окончательно распался.

Судьба Власова могла сложиться иначе. Например, генерал Афанасьев уже 13 июля у деревни Остров встретил партизан И.И. Дмитриева и вскоре эвакуировался самолётом в тыл.

В группе Власова остались еле живой Виноградов, шофёр Погибко, солдат Котов и повариха Воронова. Котов и Погибко, вероятно, повели Виноградова в деревню Ям-Тёсово, надеясь оказать ему помощь, но от потери крови начальник Штаба скончался. Судьба Котова и Погибко осталась неизвестной, а труп Виноградова в шинели Власова был обнаружен 11 июля немецким патрулем из состава XXXVIII армейского корпуса во главе с капитаном фон Швердтнером. Немцы первоначально приняли умершего за командующего армией.

В тот же день вечером Власов и Воронова пришли в деревню Туховежи в поисках продуктов. Дом, в который они обратились, оказался домом местного старосты. Пока Власов и Воронова ели, староста вызвал местную вспомогательную полицию («самоохрану»). Полиция окружила дом и арестовала скитальцев, при этом Власов настойчиво выдавал себя за учителя из числа беженцев. Арестованных посадили под замок в сарай, а на следующий день патруль фон Швердтнера прибыл в Туховежи и опознал Власова по портрету в газете, кстати, подметив его некоторое сходство с умершим Виноградовым. Староста за выдачу Власова получил от командования 18-й армии корову, десять пачек махорки, две бутылки тминной водки и почётную грамоту.

14 июля 1942 года из штаба XXXVIII армейского корпуса А.А. Власова под сильной

охраной доставили в Штаб 18-й армии Вермахта, находившийся на станции Сиверская.

Практически все отечественные историки и публицисты убеждены в том, что поведение бывшего командующего 2-й Ударной армией на допросах 14 июля 1942 года следует квалифицировать как «предательство», непосредственным результатом которого стал прорыв противника к Сталинграду.

По версии Б.И. Гаврилова, Им. Левина, Л.Е. Решина, В.С. Степанова, Власов раскрыл боевые планы Ленинградского и Волховского фронтов, выдал дислокацию советских войск, перечислил фамилии командующих частями и соединениями, доложил об известных ему замыслах Ставки на других направлениях, в том числе на юге страны, сообщил параметры военной промышленности, а также сведения о поставках оружия и продовольствия союзниками. Доложил, что командование Ленинградского и Волховского фронтов, по его мнению, не в состоянии провести новую наступательную операцию под Ленинградом. Прямым следствием «власовского предательства» явилась, якобы, переброска резервных дивизий не под Ленинград, а под Сталинград, и выход соединений Вермахта к Волге.

Все последующие поступки Власова рассматриваются через призму нанесённого им 14 июля 1942 года «ущерба» Красной Армии. Подразумевается, что даже если бы Власов и не возглавил КОНР в 1944 году, а погиб, предположим, при бомбёжке в августе 1942-го – он всё равно бы остался «предателем и изменником Родины», по вине которого под Сталинградом «погибли тысячи русских солдат». Тем самым дискуссия о политических причинах и характере Власовского движения преподносится как изначально бессмысленная. Однако анализ известных нам документов позволяет усомниться в обоснованности подобных суждений. С нашей точки зрения показания, предоставленные А.А. Власовым 14 июля в Штабе 18-й армии Вермахта, не только принципиально не могли повлиять на ход летней кампании 1942 года на советско-германском фронте, но и не представляли никакой ценности для Главного командования Сухопутными силами Германии (ОКХ).

Во-первых, трудно всерьёз предположить, чтобы ОКХ планирование и реализацию летней кампании 1942 года ставило в зависимость от показаний пленного советского генерала, только на перепроверку которых могло уйти немало времени. План летней кампании и необходимые для этого материальные и людские ресурсы были определены ещё директивой Верховного Командования Вермахта (ОКВ) № 55616 от 5 апреля 1942 года, интенсивная подготовка к исполнению которой велась с апреля по июнь.

Во-вторых, уже при подготовке кампании ОКХ столкнулось с катастрофической нехваткой резервов, вынужденно сократив штатную организацию пехотной дивизии на 1/3. В результате подобного «реформирования» боеспособность 69 пехотных дивизий Вермахта снизилась почти на 50 % по сравнению с летом 1941 года. В июле-августе 1942-го на южном крыле Восточного фронта ОКХ распоряжалось только теми материально-техническими ресурсами, которые предусматривались для реализации вышеупомянутой директивы № 55616.

В-третьих, существуют копии протоколов допросов Власова от 14 июля 1942 года. Согласно этим протоколам, Власов дал личные небеспристрастные характеристики К.А. Мерецкову и Г.К. Жукову назвал известные немцам номера армий Волховского фронта и фамилии их командующих по состоянию на 1 июня, охарактеризовал С.К. Тимошенко как «самого способного» (!) командира Красной Армии, сообщил, что II фронт в Европе будет открыт в 1942 году (!), а за Уралом создаётся новый промышленный район. С командующим 18-й армией генерал-полковником Г. фон Линдемманном Власов действительно разобрал ход боёв на Волхове в апреле-июне 1942 года. На вопрос о планах Ставки Власов ответил, что ему о них ничего не известно, так как они составляют военную тайну.

В-четвёртых, существуют протоколы допросов офицеров Абвера, попавших в советский плен, которые в 1942 году в качестве сотрудников отдела «I-Ц» Штаба 18-й армии принимали участие в допросах генерала Власова. В частности, переводчик отдела «I-Ц» зондерфюрер Ф. Тондорф сообщил, что Власов рассказал Линдемманну с демонстрацией на карте о собственных планах прорыва 2-й Ударной армии из «котла», а затем допрашивался начальником отдела «I-Ц» майором Рихтером. Отвечая на вопросы Рихтера, Власов подробно изложил автобиографию и предоставил лишь сведения о численности и вооружении 2-й Ударной армии в апреле-июне 1942 года. Других «показаний» Власова Тондорф на допросе в Ленинградском управлении МГБ

в 1949 году вспомнить не смог. Нам представляется, что если бы Власов сообщил что-то более важное, чем автобиография и сведения о составе разгромленной армии, профессиональный разведчик Ф. Тондорф их бы непременно запомнил.

Если следовать «логике» Левина, Решина и других, после «достоверных» показаний Власова о планах открытия союзного II фронта в Западной Европе в 1942 году ОКХ должно было немедленно прекратить наступление на Сталинград и Северный Кавказ, занявшись переброской сил на запад для отражения «нависшего» союзного вторжения. Ничего подобного не произошло, так как оперативная ценность подобных признаний равнялась нулю. Для наибольшей уверенности мы провели анализ сведений о перемещении войск противника перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов за период с июля по сентябрь 1942 года. За указанный период ОКХ за счёт наступавших на южном крыле Восточного фронта групп армий «А» и «Б» дополнительно перебросило в группу армий «Север» пять пехотных и две танковые дивизии, а также по одной горнострелковой, легкопехотной и моторизованной дивизии. Таким образом, в действительности после разгрома 2-й Ударной армии летом 1942 года произошло не усиление, а ослабление наиболее активных групп армий противника – «А» и «Б».

Служивший в ОКХ генерал-майор Б. Мюллер-Гиллебранд даёт весьма простое объяснение столь парадоксальному явлению. В разгар наступления на Сталинград и Кавказ 17 июля 1942 года Гитлер снял из 68 наступавших дивизий 11 и приказал перебрасывать их на другие, менее важные участки Восточного фронта. Он был уверен, что ему удастся добиться успеха и на Волге, и на Кавказе, и под Ленинградом, и под Ржевом одновременно.

Объяснение Мюллера-Гиллебранда вполне соответствует представлениям об оперативном дилетантизме фюрера, и это не имеет никакого отношения к «показаниям» А.А. Власова. Даже если бы Власов и сообщил, что Ленинградский и Волховский фронты не в состоянии после поражения 2-й Ударной армии предпринимать какие-либо наступательные действия (автор в документах не нашёл подтверждения таким показаниям Власова), вряд ли это могло заинтересовать Абвер.

После цепи тяжёлых поражений, понесённых Красной Армией в марте-июне 1942 года под Ржевом, Харьковом, в Крыму, на Волхове, а также в условиях сложившейся катастрофической ситуации на Юго-Западном фронте, советская Ставка летом 1942-го была не в состоянии осуществлять крупномасштабные наступательные операции под Ленинградом. ОКХ это хорошо себе представляло и «показания» Власова, отрезанного в течение месяца от мало-мальски ценной оперативной информации, не имели никакого практического значения для принятия противником сколь-нибудь серьёзных стратегических решений.

Вернее, вместо того, чтобы «учесть» сообщённые пленным советским генералом «бесценные сведения» и сосредоточить усилия на прорыве к Сталинграду Гитлер сделал всё наоборот и решил за счёт южного крыла Восточного фронта искать счастья сразу на четырёх разных направлениях. Следовательно, любые утверждения о выдаче Власовым «военной тайны» на допросах в Штабе 18-й армии – не более чем поверхностные суждения, не имеющие ничего общего с реальным положением вещей.

Нам пришлось уделить столько внимания поведению Власова на допросах 14 июля, чтобы уяснить, что в лагерь военнопленных он прибыл ещё будучи формально лояльным по отношению к советскому государству. И главные изменения в его мировоззрении произошли именно в лагере военнопленных между 20 и 31 июля 1942 года.

В судьбе Власова сыграла роль цепь субъективных случайностей.

Он случайно попал в плен и случайно оказался единственным известным и значимым советским генералом, пленённым после поражения Вермахта под Москвой зимой 1941/42 года.

Эта случайность объясняет повышенный интерес к Власову со стороны участников антинацистского сопротивления в Вермахте, равно как и со стороны тех ведомств, в которых оппозиционеры служили. 15 июля 1942 года Власов покинул Сиверскую и под № 16901 поступил в особый лагерь военнопленных под Винницей, находившийся под фактическим контролем представителей антигитлеровской оппозиции. Создателем и куратором лагеря, в котором содержались несколько десятков военнопленных, представлявших по каким-либо причинам потенциальный интерес для ОКХ, был начальник II отделения орготдела Генерального штаба Сухопутных сил майор Клаус Филипп Мария фон Штауффенберг.

Последней случайностью, предопределившей дальнейшую судьбу А.А. Власова, стала его личная встреча с капитаном В. Штрик-Штрикфельдтом. Вероятно, эта случайность оказалась наиболее значимой для всех последующих событий, повлиявших на развитие Власовского движения.

Источники

Документы фондов Российского Государственного Военного архива (РГВА), Центрального архива Федеральной Службы Безопасности (ЦА ФСБ), Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

Армия Власова глазами американского журналиста Ю. Лайонс

«Посев», 1948, № 21

Статья Юджина Лайонса переведена нами из известного американского ежемесячника «The American Mercury» на основании специального разрешения, любезно предоставленного нам издательством «Mercury».

Редакция журнала «Посев» (1948)

Среди солдат германской армии, взятых в плен войсками союзников в Средней Европе, оказались сотни тысяч русских, отличавшихся нарукавным знаком с буквами «РОА». Эти буквы – символ одного из самых значительных, в высшей степени знаменательных и незаслуженно забытых эпизодов последней войны, символ исторического явления, о котором до сего дня не сказано ничего, кроме отрывочных мыслей, похожих на разбросанные частицы игры-головоломки. Настоящая статья, по крайней мере в Америке, представляет собой первую попытку собрать воедино эти частицы.

Знак РОА указывал на принадлежность к Русской Освободительной Армии, более широко известной под именем Власовской. Сделано всё, чтобы предать забвению эту армию, и до сего дня она остаётся «неизвестной армией второй мировой войны». Её подлинную численность, причины возникновения и военное значение извратила пропаганда её врагов.

Причины замалчивания существования РОА Кремлём очевидны: осложнения, которые могло вызвать само

существование многочисленной антисоветской армии, образованной из советских граждан, – нельзя назвать безобидными. Русские вожди (автор имеет в виду советских. – *Ред.*) метали громы и молнии против изменников и Квислингов вообще, но они тщательно избегали называть отдельные соединения или их возглавителей. Это молчание не нарушено и до сего дня. Поэтому в СССР Власовское движение известно лишь по слухам, раздуваемым страстным желанием верить в их справедливость, но никогда не высказываемым открыто.

Почему замолчали этот эпизод немцы – менее очевидно. По законам логики нормального человека следовало бы ожидать, что немцы раздуют этот политический триумф над своим русским противником. Но логика наци оказалась далёкой от нормальной. Русский патриотизм, даже в антисоветской форме, нельзя было согласовать с воззрениями Гитлера на «унтерменшей-славян» и с нацистскими планами раздела побежденной России. Как бы то ни было, германская пропаганда тормозила, а то и просто не пропускала сведения о своём собственном детище – РОА. Таким образом, единственное крупное военное соединение, которое Гитлеру удалось создать из солдат покорённых народов, стало армией-тенью, о самом существовании которой во внешнем мире почти ничего не было известно. Судьба этой армии впоследствии оказалась самой трагичной из судеб всех существовавших когда-либо иностранных легионов, самой неудачливой и самой горькой. Командиры и подчинённые с одинаковым отчаянием метались между патриотическим подъёмом и сознанием отсутствия надежды на успех. Они боролись вместе с немцами, которых ненавидели, против демократических сил, на понимание которых рассчитывали. Десятки тысяч офицеров и солдат

этого формирования до сих пор скрываются по всей Западной Европе, и советские агенты заняты беспощадной охотой на этих людей.

1.

Существует версия, что в судьбоносное утро 22 июня 1941 года советское правительство и его подданные были единодушны. Но это – пропагандистский миф. На самом же деле кремлевские властители одинаково опасались и наступавших вражеских армий, и внутренних своих врагов.

Десятилетие насильственной коллективизации, голода и чисток, потребовавшее жестокую дань почти от каждой семьи в стране, породило осадок страха, ненависти и отчаяния. Рассказы о методах и целях наци не могли повлиять на народ, привыкший к явлениям того же порядка у себя дома.

При таких обстоятельствах трудно было ожидать, что русские встанут грудью против агрессора и воспылают священным гневом против него, прежде чем на собственном опыте не убедятся в истинной сущности нацистского зверя. История, вероятно, проявит больше понимания к тем миллионам людей, которые поспешили поверить, что немцы несут России «освобождение» от большевизма, чем его проявили их современники. Только в результате длительного, болезненного процесса, пройдя через кровь, разрушения и множество разочарований, народ Советского Союза превратился в тот гигантский паровой коток, который раздавил агрессора. Но это произошло значительно позже. В начале же русские встретили нападение со смешанным чувством, апатично, с пораженческими настроениями. Это в значительной мере объясняет ту лёгкость, с которой немцы захватили огромную территорию и в первые шесть месяцев взяли почти четыре миллиона пленных.

Целые армии сопротивлялись лишь постольку поскольку, или же вообще не оказывали сопротивления. Дезертирство приняло такие размеры, что Сталину пришлось издать неслыханный приказ, налагающий на всякого пленного красноармейца клеймо изменника родины. Недовольные режимом крестьяне встречали наступающие немецкие части хлебом и солью. Двигаясь дальше на восток, немцы повсеместно встречали действовавшие в советском тылу антисоветские партизанские отряды, во главе которых стояли бывшие офицеры Красной Армии.

Не следует забывать, что «революционное пораженчество» – превращение войны международной в войну гражданскую – не было ничем новым или морально неоправданным для поколения, воспитанного на большевицкой теории и на большевицком изложении истории. Кто видел перед собой возможность осуществить чудо свержения правительства, не мог считать изменой попытку «использования немцев». Кто из них уцелел и находится в эмиграции, считают себя не Квислингами, а верными сынами своей родины, потерпевшими неудачу. Если Сталин для сохранения своего режима протянул руку нацистам, то почему не сделать то же самое тем, кто стремился свергнуть этот режим?

То, что возникло в 1941–1942 годах, было неорганизованным, не связанным между собой антисоветским движением. Вооружённые части его, частично возникшие самочинно, а частично набранные оккупантами, вначале были направлены, главным образом, на борьбу против специальных войск НКВД, оперировавших в немецком тылу.

Идея объединения разрозненных формирований в организованную антисоветскую русскую армию утвердилась летом 1942 года. Её проводником и представителем был генерал-лейтенант с блестящей и до того времени незапятнанной репутацией лояльности по отношению к Сталину – Андрей Власов. Этот человек пользовался такой благосклонностью Кремля, что чиновники союзных разведок вначале отказывались верить сведениям о его сотрудничестве с врагом. Известия о его армии были встречены с недоверием, их считали пропагандистским трюком. Но вскоре Движение заставило с собой считаться.

2.

Когда наступила революция 1917 года, Власову, крестьянину по происхождению, не было

ещё двадцати лет. В рядах Красной Армии он прошёл по полям гражданской войны и в 1920 году участвовал в штурме Перекопа. Он вступил в коммунистическую партию, получил военное образование и вошёл в доверие высших правительственных кругов. Сталин посылал его в Китай с секретными поручениями к Чан Кай-ши. Лишь небольшая часть высшего комсостава уцелела после чисток Красной Армии в 1936–1938 годах, но Власов оказался в числе этих избранных.

Личным приказом Сталина ему была поручена оборона Москвы, и он вне всякого сомнения сыграл значительную роль в операциях, остановивших нацистское наступление на столицу. Советская печать подтвердила это, причислив его вместе с несколькими другими генералами к «спасителям» города. 2 января 1942 года он был награжден орденом Красного знамени.

Несколько американских журналистов (Лезер, Керр, Зульцбергер и другие) 17 декабря 1941 года получили от генерала Власова интервью в его штабе под Москвой. Мисс Ева Кюри получила от него интервью несколькими неделями позже. Все они описывали Власова как крепкого, высокого человека с умным взглядом, в очках в золотой оправе. Все говорили о его вере в конечную победу. На мисс Кюри особое впечатление произвела его преданность Сталину и ненависть к немцам. Во Власове она видела «человека, который в борьбе проявляет нечто большее, чем мужество: он страстно упоён борьбой».

Насколько можно судить по имеющимся неполным сведениям, генерал Власов попал в руки немцев в первые месяцы 1942 года. Его армия была почти полностью уничтожена при попытке отбить нацистское наступление на Ленинградском направлении. С небольшой группой своего окружения он был взят в плен после того, как в течение нескольких недель прятался в замёрзших топях.

Что случилось потом? Что побудило или что заставило его изменить свои убеждения? Чего искал он, примыкая к немцам? Есть много предположений, но нет ясных ответов. Согласно имеющимся данным, можно лишь установить, что Власов через печать в занятых немцами областях обратился с воззванием «ко всему русскому народу», объявляя о начале освободительной борьбы. Размышления о том, что его к этому побудило, интересны, но бесплодны. Превращение убеждённых коммунистов при первой представившейся возможности в открытых врагов кремлёвского режима за последние годы стало почти обычным явлением.

Идея освобождения России от большевицкого ига при помощи Гитлера кажется неумной. Но, очевидно, она была достаточно убедительной для Власова и других красных генералов его штаба – Ф.И. Трухина, В.И. Мальцева, В.Ф. Малышкина, Г.Н. Жиленкова и других, – как и для многих десятков тысяч добровольцев. Власов сам в первых своих выступлениях подчёркивал, что он в советских условиях пользовался всеми благами жизни, но что он разделяет стремление русского народа освободиться от тирании Кремля.

В Дабендорфе, предместье Берлина, была создана школа пропагандистов РОА под руководством генерала Трухина, через которую прошло до конца войны около четырёх тысяч курсантов, главным образом офицеров. В 1943 году Власову было разрешено посетить Ленинградскую и Псковскую области и Белоруссию. Отклик на его первые воззвания был огромный. Десятки тысяч писем от гражданских лиц и от пленных красноармейцев посыпались в Дабендорф по адресу его полевой почты.

Большинство добровольцев были военнопленными, и, как бы то ни было, эти несчастные русские прежде всего были соблазнены возможностью вырваться из нацистского ада с его голодом и ужасом.

Документ, оглашённый в Нюрнберге, говорит о том, что к февралю 1942 года из общего числа советских военнопленных умерло уже полмиллиона и только 1,3 миллиона считались работоспособными. СССР не подписал женеvской конвенции, и поэтому русские военнопленные были лишены всякой защиты от нацистского садизма. Вступление же в ряды власовцев означало спасение от медленной смерти.

Конечно, уцелевшие добровольцы с возмущением отрицают такое объяснение. Они утверждают, что ни при каких условиях не надели бы немецкой формы, если бы не утратили веры в советский строй.

Самое важное, однако, не то, какая численность РОА была на самом деле, а то, какой она

могла стать. Как русские, так и немецкие источники сходятся во мнении, что РОА могла привлечь не менее двух миллионов бойцов, если бы нацисты не совали палок в колёса. Мы не можем установить, вызвало ли (и в какой мере) создание РОА чувство страха у большевиков, но вполне очевидно, что немцы испугались при мысли, что они вызвали духа, с которым могли и не справиться.

Глубокие противоречия между русским национальным чувством власовцев и расовыми предрассудками нацистских вождей существовали уже с самого начала. Развитие РОА тормозилось, её потенциальные возможности урезались в процессе борьбы между Вермахтом, заинтересованном в ней, и нацистскими идеологами, особенно Альфредом Розенбергом, которые заботились о том, чтобы «восточные варвары знали своё место».

В публичных выступлениях и на дабендорфских политических курсах власовские ораторы всегда подчёркивали, что принцип независимости и целостности России является основным принципом их движения. Они объясняли, что сотрудничество с немцами продиктовано лишь необходимостью, что оно временно и не означает ни территориальных, ни политических уступок. В частных беседах эти выражения патриотических настроений развивались ещё шире. Во всяком случае, все они предусматривали возможность военных действий против Германии, если этого потребует честь и безопасность освобождённой России. Таким образом, боязнь нацистов, что вскормленный ими и возродившийся русский национализм ударит по планам германской экспансии и колонизации – не была полностью необоснованной.

К концу 1942 года Розенбергу удалось отстоять свою точку зрения: было решено, что военный и пропагандистский эффект, которого можно добиться при помощи русских формирований, не оправдывает связанных с их развитием доктринальных уступок и риска. Приказом Главного управления печати в издаваемой на русском языке литературе было запрещено освещение вопросов формирования РОА. Допускались бесцветные, ничего не говорящие заметки о ней. Набор добровольцев был прекращён. Руководители РОА были лишены свободы передвижения.

Когда в занятых областях России развилась партизанская война, в немецких кругах ещё более укрепились воззрения Розенберга, что славяне не могут быть перевоспитаны, а могут быть только подавлены террором господствующей расы. Это не могло не отразиться на взаимоотношениях с русскими добровольцами. В антисоветских соединениях всё чаще прорывались антинемецкие чувства. Аресты и казни непокорных командиров РОА стали обыденным явлением. Сфера деятельности Власова была сокращена и покров молчания ещё теснее окутал его движение. Но если эти мероприятия и ограничили его свободу действий, то моральный авторитет Власова среди его последователей благодаря этому только укрепился. Немецкие издевательства снимали с Власовского движения самое тяжелое ярмо-клеймо «made in Germany». В лучшем случае это был неудачный, исполненный взаимного недоверия русско-немецкий брак по расчёту. Напряжённость атмосферы характеризовалась неумолкавшими слухами об аресте или убийстве генерала Власова. Почти доказано, что по крайней мере однажды он был взят под стражу и изолирован. В начале 1944 года новая волна слухов принудила немцев к формальному заявлению, что «генерал Власов жив и в добром здравии», но они не сообщили, однако (сославшись на военную тайну), о его местонахождении.

Неприятнь розенберговского типа к Власову и его последователям чувствуется в прокламации к солдатам СС от 14 октября 1943 года, экземпляр которой дошёл до Англии. В ней Гиммлер говорил так:

«Славянские народы никогда сами не могли справиться со своими проблемами... В связи с этим я хочу открыто назвать имя генерала Власова. На генерала Власова возлагались большие надежды. Как многие и предвидели, эти надежды не были оправданы... С сомнением, характерным для русских и для славян вообще, Негг Власов начал рассказывать небылицы о том, что Германия никогда не была в состоянии покорить Россию и что Россию завоевать могут только русские».

В той же мере, в какой немцы противодействовали РОА, стоявшей на всероссийских позициях, они начали поддерживать движения сепаратистов: группы казаков, украинские армии, грузинский легион, особые формирования крымских татар, карачаевцев, ингушей, таджиков и им подобные. Эти Ostlegionen не таили в себе никакой опасности для немецких

планов владычества над Россией. Естественно, что бойцы Власова были враждебно настроены по отношению к этим формированиям.

История РОА изобилует фактами о двурушничестве нацистов. Они даже запретили пропаганду РОА в занятых областях России. Первоначально они соглашались на создание Русского Комитета с функциями правительства для управления оккупированными областями. Власов неоднократно требовал выполнения обещанного: единой армии под независимым русским командованием с предоставлением ей собственного участка на восточном фронте. Но нацисты нарушали все обещания. До самого конца 1944 года РОА не имела возможности увеличить свой состав и сводить батальоны воедино. Но и после ей позволили сформировать только три плохо снаряжённых дивизии. Власовские войска были рассеяны и одеты в форму немецких частей.

На Власова всё время оказывалось давление, чтобы заставить его признать будущие границы России, которые пролегали бы далеко на востоке от Европы. Он упорно отказывался вести переговоры об этом, заявляя, что не имеет полномочий решать вопросы, подлежащие решению правительства будущей «свободной России». С таким же упорством он отклонял и все требования нацистов сделать антисемитские заявления.

3.

В начале 1944 года основная масса русских освободительных войск, около 800 батальонов, была переброшена на западный фронт и размещена вдоль Атлантической линии укреплений от Голландии до испанской границы. Это было разочарованием для власовцев, причём самым тяжёлым. Они включились в борьбу, чтобы противостоять Красной Армии. При всяком удобном случае они подчёркивали, что им не за что бороться против англо-американцев. Теперь же их нарочно поставили заграждать дорогу англо-американцам.

РОА морально разлагалась. Русские офицеры всё чаще заменялись немцами; всё больше и больше их арестовывали или же они просто исчезали. Власову и другим руководителям движения так и не разрешили побывать на Западе, где находилась большая часть войск, теоретически находившихся под его командованием. Только генерал Малышкин нанёс короткий визит во Францию.

Уцелевшие бойцы РОА в настоящее время единодушно утверждают, что их возглавители тайно приказывали им сдаваться и поворачивать оружие против немцев. Ещё до высадки англо-американских войск в Нормандии многие из них ушли во французское движение Сопротивления гитлеровской оккупации; ещё больше ушло позже. Некоторым удалось примкнуть к итальянскому Сопротивлению в северной Италии. Большую же часть удержали в руках немецкие командиры, и они отступили вместе с частями, к которым были прикомандированы.

Только при приближении полного разгрома нацисты, наконец, позволили Власову начать политическую организационную работу, как он этого требовал с самого начала. Это решение было вынесено на берлинском совещании в октябре 1944 года. 14 ноября состоялся первый власовский съезд в Праге. Был создан Комитет Освобождения Народов России и принят Манифест.

Несмотря на страстные речи и искреннюю преданность «Новой России», это было грустное собрание. Отчаяние и самообман звучали в словах делегатов, обсуждавших детали политического и социального устройства их «освобождённой» родины; Власов, Малышкин, Мальцев и другие генералы говорили о будущем, в глубине своей души зная, что это будущее никогда не наступит.

Что касается самого Манифеста, то это был мёртворождённый документ. Вновь нарушив клятвенные обещания, немцы саботировали его распространение. Пункт о «принятии помощи Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей страны», вероятно, казался нацистам даже в их смертный час проявлением «славянской наглости». Немецкие печать и радио или игнорировали пражский съезд, или отделялись краткими сообщениями. Только смутные отголоски собрания и вынесенных им постановлений достигли тех миллионов русских, которые находились за пределами России. К их соотечественникам в России они не

попали вовсе.

Манифест ставил целью уничтожение сталинской тирании; освобождение народа от большевицкой диктатуры; «восстановление всех прав, завоёванных российским народом в революцию 1917 года». (Очевидно имелась в виду демократическая революция в феврале, а не большевицкий переворот в октябре.) Манифест призывал к возврату к цивилизации, которая базируется на ценности личности, а не на государственных интересах, к прекращению террора, к освобождению всех политических заключённых. Манифест называл эту форму организации будущей России национально-трудовым строем.

На заре Власовского движения такой манифест мог бы поднять миллионы. Теперь же высказанная в нём вера в «освобождение» казалась утопической.

В возвышенных тонах Манифест обращался к «десяткам миллионов» людей, говоря, что «час освобождения пробил». Лишь несколько тысяч услышали этот зов. Немцы продолжали препятствовать набору добровольцев. Русских беженцев, бежавших от приближения красных и стремившихся к Власову, заставляли поступать в части СС, и они, конечно, при первом удобном случае становились дезертирами. Наконец, после длительной борьбы против немецкого саботажа, было создано три дивизии. План создания авиации РОА для сбрасывания листовок рухнул после того, как Власов не согласился уступить в вопросе предоставления ему полного контроля содержания листовок.

В конце концов власовцам дали возможность провести пробную операцию. При приближении Красной Армии к Одере туда были направлены части РОА под командой полковника И.К. Сахарова. Они удачно провели бой, были случаи добровольного перехода красноармейцев на их сторону. Перешедшие говорили, что они это сделали потому, что это власовские войска, а не немецкая армия.

Этот поразительный случай, происшедший в конце войны, когда победа Сталина не подлежала сомнению, подчёркивает безумный романтизм, характерный для предсмертных мук Власовского движения. В атмосфере нарастающего всеобщего смятения Штаб РОА невозмутимо разрабатывал планы вклинения в ряды советских войск и поднятия восстания против коммунистов.

В самом конце войны 1-я дивизия РОА пришла на выручку находившимся в отчаянном положении чешским повстанцам и спасла Прагу от разрушения. Спасённый город был занят Красной Армией. Те власовцы, которые не успели его покинуть, были арестованы и расстреляны. Части РОА в Чехословакии и Австрии сдались войскам США.

Генерал Власов был передан Красной Армией американцами. В течение пятнадцати месяцев о нём ничего не было слышно. Тайна была развеяна сообщением московского радио 1 августа 1946 года, согласно которому «двенадцать изменников», среди них Андрей Власов, были казнены. О характере их измены русскому народу не было сказано ни слова.

Согласно официальной версии, принятой в сфере владычества Сталина, никакой Русской Освободительной Армии не существовало. Но среди русских за пределами России, особенно же среди сотен тысяч новых послевоенных эмигрантов, выросших в советских условиях, Власова помнят, и Движение, возглавленное им, приобретает черты героической легенды. Имя его стало знаменем.

Эти изгнанники, любящие свою родину, склонны забыть квислинговские элементы истории Движения и указывают только на его патриотические цели. Они заявляют, что видят в трагическом, скомканном и неудавшемся Освободительном Движении доказательство того, что существует «другая Россия», глубоко враждебная большевизму и его практике, – Россия, которая только ждёт удобного случая для того, чтобы с оружием в руках подняться на борьбу за освобождение народа.

У истоков «Пражского манифеста» А. Артёмов

«Посев», 1996, № 6

Волею судеб мне довелось принять деятельное участие в двух общественно-политических

движениях двадцатого века. Это – НТС (Народно-Трудовой Союз российских солидаристов) и Власовское движение (Русское Освободительное Движение времён войны, возглавленное генералом А.А. Власовым).

Мне хочется коснуться некоторых подробностей возникновения Манифеста Комитета Освобождения Народов России («Пражского Манифеста»), как основного программного документа Власовского движения, к чему я имел прямое отношение.

Начнём с исторической обстановки. Вопреки всем радужным ожиданиям, XX век оказался веком мировых войн, социальных революций и тоталитарных режимов, доходящих в своей тиранической стадии до кровавых оргий с массовыми истреблениями собственных граждан. Если I мировая война была традиционным столкновением интересов национальных государств, то II мировая война была, по преимуществу, борьбой идеологических систем.

Советско-германскую войну можно рассматривать в двух стадиях, можно даже говорить о двух различных войнах: первая – идеологическая, когда народ надеялся на устранение большевицкой диктатуры, и вторая – патриотическая.

Естественно, лучше всего свергнуть своего поработителя и не допустить иностранного порабощения. Но как это осуществить? Кто враг № 1, а кто – № 2? Отбить врага внешнего и повернуть на внутреннего? Или использовать обстановку для создания «третьей силы», способной при известных предпосылках перенять руководство страной и отстаивать её интересы?

Я не верил в возможность раскрепощения родины после победы над внешним врагом; наоборот, ожидал тогда расширения зоны коммунистического рабства. Но я не верил и в победу Германии вообще и в порабощение ею России; особенно после вступления Америки в войну и окончательного провала немецкой высадки в Англию. Стало быть, оставалась идея «третьей силы».

Жизнь среди крестьян, работа на заводе, военная служба (близ дальневосточных лагерей для раскулаченных), университетская учёба, аспирантура и научно-исследовательская деятельность, участие в польском походе, в начале советско-германской войны лейтенантом (в тесном контакте с солдатской массой) убедили меня в том, что подавляющее большинство моих соотечественников жаждало смены режима, видело реальную возможность этого в неизбежной войне и даже готово было ради свободы примириться с территориальными потерями (суверенизацией союзных республик СССР).

В первый же год войны немцы продвинулись до Москвы, Тихвина, Ростова-на-Дону, взяли в плен 3,8 миллиона человек, а около миллиона просто пошло добровольцами в немецкую армию, считая её освободительной. Чтобы ни писали о войне в советских многотомных трудах – главная причина этих явлений в нежелании народа защищать антинародный режим.

Я попал в плен при разгроме нашей дивизии в Эстонии, потом отобран из лагерей как специалист (биохимик) для школы подготовки кадров Восточного министерства (по управлению оккупированными областями), которая оказалась «осиным гнездом» немецких русофилов-антигитлеровцев (из балтийских немцев), пригласивших в качестве преподавателей молодых русских эмигрантов, а это и были члены НТС. Там я вступил в Союз, изучил русскую философию, социологию, участвовал в разработке «Схемы национально-трудового строя» (проекта программы НТС, тогда «Национально-Трудового Союза»).

В марте 1943 года по каким-то связям группа в десять человек из новых членов НТС (я в их числе) во главе с генералом Ф.И. Трухиным была переведена в Школу пропагандистов Русской Освободительной Армии, в Дабендорф под Берлином.

Генерал Трухин вскоре стал начальником Школы, а старшими преподавателями, лекторами сразу были назначены Н.Г. Штифанов и я, остальные распределились по группам (взводам), где вели семинарские занятия. Не считая первых 20–25 часов, уделяемых общему ознакомлению с Германией, остальное время полуторамесячного курса посвящалось русской истории, критике коммунистической идеологии и большевицкого режима, анализу советской действительности в области экономики, социальной политики, культуры, международной и национальной политики, а всё завершалось «контурными новой России», то есть программными наметками. «Схема» НТС служила ориентиром, но и сама она подвергалась корректировке в свете полученных впечатлений. Пёстрая аудитория отражала широкий диапазон мнений.

Я сосредоточился на идеологической тематике, опираясь в критической части, между

прочим, на те знания, которые получил как участник марксистско-ленинского семинара для аспирантов Академии наук при Институте философии АН, которым руководил академик М.Б. Митин. В позитивной части – на свежие сведения по русской философии, социологии, праву, которыми успел обогатиться в зарубежье с помощью новых друзей из НТС. Штифанов занялся, главным образом, анализом советской действительности, опираясь на личные профессиональные знания как инженер-экономист, и на некоторые книжные фонды Школы (он даже написал изданную Школой книгу «Правда о большевизме» под псевдонимом М. Першин).

Дабендорфская Школа стала идеологическим центром Власовского движения. Через её 15 курсов прошло приблизительно 4–5 тысяч человек – пропагандистов движения. О ней подробно можно узнать из книг: «Третья сила» Александра Казанцева, «Против Сталина и Гитлера» Вильфрида Штрик-Штрикфельдта, «Власов» Свена Стеенберга, «История Власовской армии» Йоахима Хоффманна, «Генерал Власов и Русское Освободительное Движение» Екатерины Андреевой.

Надежды на своевременную перемену немецкой восточной политики не оправдались, попытка антигитлеровски настроенных офицеров физически устранить «фюрера» кончилась неудачей и казнями, но всё же кое-что произошло в «русском вопросе»: с Власовым повидался Гиммлер (немецкий Берия), был создан Комитет Освобождения Народов России (КОНР), началось формирование первых дивизий Вооружённых Сил КОНР. Срочно требовалось оглашение политической декларации, и это я считал исторически важным.

Свидание Гиммлера с Власовым произошло 16 сентября 1944 года, а в конце месяца начальник Управления пропаганды ещё не до конца сформированного КОНР генерал Г.Н. Жиленков собрал у себя трёх человек: редактора газеты «Заря» Н.В. Ковальчука, своего сотрудника по делам печати НА Нарейкиса и меня. Нам было сказано, что нужно составить политический документ, который, пожеланию Власова, должен называться манифестом и содержать в себе некое «историко-философское» введение, программу и призывы.

Жиленков предложил тут же, до обеда, написать тексты трёх разделов документа: Н.В. Ковальчуку – вводную часть, мне – программную, НА Нарейкису – заключительную, призывную. Но мы уговорили его отпустить нас до следующего утра.

Над своей программной частью я сидел долгим вечером со stenotypistкой (моя невеста, впоследствии жена), отыскивая нужные формулировки в накопленных материалах, печатая и перепечатывая варианты. Утром поехал к Жиленкову, думал давать пояснения, но он, чем-то занятый, взял у меня отработанный текст, поблагодарил и отпустил меня. Больше я к этому касательству не имел до обсуждения всего Манифеста на собрании членов КОНР 12 ноября, за два дня до прокламирования его в Праге.

Тогда из окончательного текста Манифеста я увидел, что Жиленков не просто редактировал мой проект, но и подверг его некоторым переработкам. Так, я разбил программу на три раздела, группируя пункты по значимости; он, как опытный пропагандист, упростил всё до 14 пунктов, и это было лучше. Он расширил первый пункт на «государственную самостоятельность» народов (я ограничивался более общим «самоопределением»). Он нашёл удачное слово «действительный», которое вставил в ряд пунктов (1,4, 5,10,11): «действительное право» на национальное самоопределение, на свободный труд, на бесплатное образование... Это било по ложным посулам большевиков. Бесспорно, Манифест был окончательно отработан Жиленковым с привлечением научных сил КОНР или немецких друзей, но я не знаю их.

Ещё задолго до создания КОНР, зимой (или весной) 1943/44 года, наши немецкие друзья провели в Дабендорфе встречу руководства и актива Школы РОА с группой немецких учёных гуманитарного направления. Из русских мне запомнился только что появившийся у нас советский профессор Этерлей (псевдоним?), выступивший почти открыто с позиций исторического материализма (какая воспринял). Из немцев помнятся некий Геринг (родственник рейхсмаршала?) и Николай Гартман, известный философ полурусской судьбы (Рига, Петербург, Берлин, Гёттинген), с которым мне удалось побеседовать (мы обедали вместе), но политические темы он отводил. Таких встреч больше не было.

Кстати, на этой встрече была немецкая журналистка Мелитта Видеманн. После какой-то моей реплики она выразила желание послушать мою лекцию курсантам Школы – о нашем понимании справедливости. Чуть ли не на другой день она пришла, села в первый ряд

аудитории со стенографисткой, нашёптывала ей перевод (хорошо знала русский язык). Вскоре она вызвала меня в Берлин, в редакцию своего журнала (кажется, «Акцион»), показала гранки, уплатила гонорар. Не знаю, прошёл ли материал цензуру, но гонорар мне показался щедрым (около 200 марок). Как-то потом фрау Видеманн пригласила наших генералов к себе на ужин; вскоре после этого она сообщила, что ей «нерекомендовано» повторять такие контакты.

В аппарате КОНР я числился не по ведомству Жиленкова (Управление пропаганды), а у генерала В.Ф. Малышкина (Организационное управление), который учредил у себя Научный совет под руководством профессора Петра Николаевича Иванова. Тот предложил мне заняться идеологическими материалами.

В Берлине, в среде беженцев, я встречался с престарелым русским философом С.А. Аскольдовым (он был очень слаб и вскоре умер), а также с богословом И.М. Андриевским, который позже уехал в США и был при Синоде Русской Церкви (как И. Андреев).

В Карлсбаде или Мариенбаде была встреча с философом В.П. Вышеславцевым; его труд «Философская нищета марксизма», тогда свежий, мы смогли после авторских доработок издать в «Посеве» в 1952 году.

В Научном совете доминировали геологи (группа их была эвакуирована из Ленинграда на Кавказ, а там потом захвачена немцами); к идеологическим проблемам и политической пропаганде они были равнодушны.

Думаю, что основная работа над Манифестом легла на плечи самого Жиленкова (наверное, в сотрудничестве с Ковальчуком); наши материалы служили сырьём.

При составлении и согласовании списка членов КОНР, как мне говорил генерал Трухин, немцы вычеркнули полковника Боярского (резко и открыто порицавшего немецкую политику), профессора Этерлея и меня; но Власов меня отстоял, и я присутствовал на совещании Комитета 12 ноября, где под председательством Жиленкова был рассмотрен и утверждён окончательный текст Манифеста.

Получив текст и ознакомившись с ним, я не сразу понял замысел Жиленкова: одобрить его в целом, без критики, поправок и переделок. Я выступил по пункту 2, который считал основным. У меня в проектном тексте он выглядел так: «Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации, а положение человека в обществе определяется не его происхождением, богатством или партийной принадлежностью, а его моральными и деловыми качествами, его способностями и трудом».

Конечные слова придаточных предложений («нации», «трудом») расшифровывали основное понятие главного («национально-трудового»).

Для меня оно было ключевым, но включение его в Манифест движения наталкивалось на политико-психологические сомнения: словосочетание «национально-трудовой» было характерно для НТС и его программы, и можно было лишь гадать, окажется ли связь движения с Союзом на будущее тактически полезной или вредной для обеих сторон. Руководство НТС сидело в тюрьмах и лагерях Гестапо, и я принял на себя рискованное решение включить термин в проектный текст.

Слово «нация» обозначало всё население страны, оно объединяло все национальности России, но противостояло коммунистическому интернационализму. Это было приемлемо всем, как и трудовой критерий для положения человека в обществе.

Я считал очевидным, что проектный текст пункта надо давать полностью, но он был урезан путём изъятия трудового критерия. Я предложил восстановить полный текст, но Жиленков сказал, что это длинно и не стоит того, поскольку оставлено главное: государство и нация.

Тогда я перешёл ко Введению и предложил сократить его: изъять абзацы 3,4,5 о «плутократах» Англии и США и всё прочее, а просто после конца второго абзаца «Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем» сразу начать абзац 6: «За что же борются в эту войну народы России?»

Жиленков ответил, что сказано о «плутократах», не о народах. Но я стал напирать на непомерную длину Введения, которая занимает половину документа, и тут меня поддержал профессор Ф.П. Богатырчук (врач, известный украинский шахматист), который тоже предложил

сократить Введение. Тогда Жиленков сухим тоном, не допускающим возражений, произнес: «Это должно остаться!» Стало ясно, что всё согласовано и спорить нечего.

У меня было ещё одно соображение, которое я уже не стал излагать. В перечислении гражданских свобод мне всегда казалась идеальной лаконичная формулировка графа С.Ю. Витте в Манифесте 17 октября 1905 года. Это – четыре «С»: свобода совести, слова, собраний и союзов. Под свободой совести юриспруденция понимает свободу религии, вероисповеданий. Свобода слова могла включать в себя свободу печати и радиовещания; свобода собраний – демонстрации, манифестации. Свобода союзов – различные объединения, вплоть до политических.

«Четвёртая свобода» выпала уже в «Смоленском обращении», датированном 27 декабря 1942 года. Говорили, что немецкие друзья не советовали «дразнить гусей» намёком на многопартийность. В лекциях я пользовался «компромиссом»: говорил о свободе союзов «профессиональных, творческих, спортивных и других», но и это не одобрялось (даже без «других»).

Так или иначе, строка о свободах в пункте 11 Манифеста КОНР вышла не полной (без свободы союзов), да к тому же юридически малограмотной: Жиленков по примеру «Смоленского обращения» написал о «введении свободы религии, совести»; у меня было «совести (религии)». Надо было добиться дополнения, исправления, но я уже «спустил пар» и не стал «докучать начальству».

Кстати, в «Схеме» НТС, которой мы руководствовались при чтении лекций, наряду с некоторыми другими противоречиями этого сырого материала не всё было гладко со свободами. Говорилось о «свободе союзов, объединений», а также о «свободе политических убеждений». Но в то же время резко критиковалась многопартийность с её «разнузданной борьбой за власть, разрушающей государственный правопорядок и национальную солидарность».

Вообще, нам, солидаристам из НТС, не удалось тогда найти юридический механизм для оптимального сочетания свободы с государственной консолидацией. Это в значительной мере удалось Аденауэру, который ввёл в ФРГ процентную норму для количества полученных партиями на выборах голосов, которая обеспечивает участие их в управлении страной. Ныне это стало обычным для государственного строительства.

14 ноября 1944 года в Праге Комитет Освобождения Народов России был учреждён. Генерал Власов огласил текст Манифеста:

«Соотечественники! Братья и сёстры!

В час тяжёлых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определённой их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорвать, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней своё счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин ещё мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель её – ещё больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всём мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим – не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, – что эта партия, захватив власть, завоёванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоёванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бесовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свобод у местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять своё место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоёванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетённых.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать её оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Всё это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остаётся при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ – её бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и

государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоёванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почётно мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладёт следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремёсел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вёл ли он её по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния – городов, сёл, фабрик и заводов за счёт государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединённые усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;

- б) наличием растущих и организуемых вооружённых сил – Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;
- в) наличием антибольшевистских вооружённых сил в советском тылу;
- г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооружённую борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестёр, томящихся под гнётом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов – большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сёстры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и несправедливость.

Братья и сёстры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны.

Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!»

Канцелярия КОНР и редакция его центрального органа газеты «Воля народа» были завалены частными и коллективными письмами о готовности вступить в освободительную армию; ежедневно поступало до трёх тысяч писем.

По приблизительным показателям в Германии тогда было около шести миллионов восточных рабочих и 2 миллиона военнопленных (в рабочих командах), около миллиона военнослужащих из числа советских граждан, да ещё пять миллионов беженцев; это составляло почти 10 % населения нашей страны – солидный резервуар кадров...

С Нарейкисом мне довелось снова сотрудничать в 1950-е годы. Он был в числе создателей нового объединения – Совета Освобождения Народов России (СОНР), включавшего представителей пяти российских политических организаций и лидеров I эмиграции А.Ф. Керенского, С.П. Мельгунова, В.М. Зензинова. Совет НТС и наша пресса защищала Власовское движение от нападок левой печати в послевоенные годы. «Основные идеи верны, основные кадры хороши», – писал я в статье «Перед судом истории» в «Посеве» (№ 11, 1948).

Власовское движение и личность генерала А.А. Власова ныне широко обсуждается на страницах внутрироссийской прессы. Остаётся трагическая проблема измены в век

тиранических режимов, когда приходится выбирать между лояльностью к власти и подлинным патриотизмом.

В. Штрик-Штрикфельдт в книге «Против Сталина и Гитлера» писал: «Если верно, что твоя цель – служить своей стране, а не вредить ей, – не изменник, то ни немец Клаус фон Штауфенберг, ни генерал А.А. Власов – не изменники. Это же относится и к тем, кто был с ними».

Ещё о формах сопротивления

Между двумя диктатурами. Выступление на XXVI расширенном совещании «Посева» (1975)

Н. Рутыч

«Посев», 1975, № 2

Как участник последней войны я принадлежу к тому поколению, про которое А.И. Солженицын, заканчивая II часть «Архипелага ГУЛАГ», метко заметил – «Эх, вы, недотёпы...»

И в самом деле, кому-кому, но не нам говорить, что мы не понимали, не видели то катастрофическое во всех отношениях положение, в которое поставил страну Сталин накануне войны. Коллективизация и погром крестьянства были ещё живы в памяти, в том числе у самых молодых. Крепостной режим на заводах, вплоть до отправки в лагерь за двадцатиминутное опоздание, довёл людей до того, что рабочие, оказавшись в армии, не сразу расставались с нервным шоком во время побудки.

Вакханалия террора остановилась только отчасти, по отношению к партии. Ни о какой нормализации, выражаясь на современном партийном жаргоне, не могло быть тогда и речи. Миллионы заключённых продолжали гибнуть в концлагерях.

Вся страна, включая армию, жила в состоянии ожидания войны. Один Сталин слепо верил Гитлеру и – как отметили историк Александр Некрич и генерал Пётр Григоренко – даже в среде высшего военного командования росло недоверие к высшему партийному руководству. Это нетрудно заметить, читая и теперь мемуары маршалов Баграмяна и Бирюзова, генералов Федюнинского, Горбатова и многих других.

Оценивая политическое положение в стране накануне войны, можно сказать, что Сталин не имел опоры не только среди населения или в армии, но даже и в партии, оцепеневшей от страха после 1937 года.

Правда, в предвоенные годы была сделана попытка найти идеологическую опору, создавая противоречивый гибрид из «советского патриотизма» и «пролетарского интернационализма». Но не зная намерений Гитлера, трудно было заставить колхозника стать патриотом, а ещё в финскую войну, как и потом летом 1941 года на немецком фронте, солдаты не раз ставили политруков в тупик, спрашивая, где же финские и немецкие пролетарии.

Сталин находился в полной изоляции не только внутри страны, но и во внешнем мире. Ведь только майское наступление немецкой армии во Франции в 1940 году избавило Советский Союз от угрозы новой высадки войск западных демократий в Норвегии с тем, чтобы защитить Финляндию от попытки ещё раз «внести в неё революцию извне», то есть, иначе говоря, посадить в ней правительство Отто Куусинена. К 1940 году вся политика М. Литвинова в Лиге Наций с грохотом провалилась, и у Сталина не было союзников, кроме Гитлера. Только Гитлер, и он один, спас Сталина, вывел его из политической изоляции. Только благодаря нападению Гитлера на Советский Союз возникли и стали возможны союзнические отношения с Англией и Соединёнными Штатами. Только Гитлер, и никто больше, дал Сталину опору, дал возможность получить некое политическое и идеологическое оправдание его власти, называемое по

сегодняшний день «единством партии и народа» во время войны.

Я не буду останавливаться на гитлеровской доктрине порабощения народов России. Она достаточно хорошо известна, но важно подчеркнуть, что эта гитлеровская доктрина и всё, что было с нею связано, – политика всяких эрихов кохов в тылу, умерщвление голодом военнопленных в лагерях и тому подобное, – стало известно народу и армии не в первые дни войны и даже не в первые месяцы. Тем более, что народ не привык верить партийной пропаганде, неуклюже перестроившейся с «разоблачения англо-французских империалистов» на призывы – «бей фашистов».

И эта неясность, эта скрытая вера в Запад с его культурой, пусть временно извращённой гитлеровскими сатрапами, были главной причиной военной катастрофы 1941 года.

Ни внезапность нападения отобилизованной германской армии, ни отсутствие достаточного количества квалифицированных военных кадров не были и не могли быть главной причиной этой небывалой в истории катастрофы.

Главной причиной было то, что народ и армия в своей массе ждали освобождения и не верили ещё, что Гитлер несёт лишь порабощение и уничтожение.

Весь ход военных операций летом 1941 года подтверждает это. Достаточно напомнить впечатление генерала Горбатова от первого боя севернее Витебска, в котором он участвовал. Полки корпуса, где он был заместителем командира, даже не отступали, они просто уходили в тыл.

Допустим даже, что количество сдавшихся в плен в первые месяцы войны преувеличивается. Но неужели, спросим самих себя, в лесах от Минска до Брянска не решились остаться и вести партизанскую войну хотя бы 10–20 % бойцов и командиров, располагавших достаточным количеством вооружения?

Факты остаются фактами, осенью 1941 года немцы не опасались партизан, лишь через год, в 1942-м, несколько десятков тысяч плохо вооружённых партизан в тех же лесах показали, что с ними ничего сделать нельзя, и оставались в них до самого 1944 года.

Этого примера достаточно, чтобы убедиться, что первостепенной причиной поражений 1941-го был политический кризис в стране, кризис, который был преодолен в какой-то степени лишь благодаря гитлеровской политике по отношению к России. Иначе говоря, Гитлер преподнёс Сталину такой ценный политический подарок, что партийное руководство до сих пор не хочет и не может с ним расстаться. Даже Брежневу тридцать лет спустя понадобилось съездить в Новороссийск, чтобы путём фальсификации истории выдавать себя там за «выдающегося военного деятеля». Партийные руководители – как только им нужно «всерьёз» оправдать свою власть над народом, свою партийную диктатуру – вспоминают не о ленинских идеях и даже не о НЭПе, но непременно о победе над Германией, о так называемом «единстве партии и народа», умалчивая, что это «единство» было результатом бесценного подарка Гитлера.

Период политической неустойчивости и колебаний в той или иной степени охватывал всю армию с июля по октябрь 1941 года. И поэтому естественно поставить вопрос о том, как и что, несмотря на отсутствие всякой подготовки, делалось в этот период для создания независимой силы с целью освобождения России.

Позволю себе сегодня остановиться только на одной из многих попыток, однако весьма характерной для настроений начала войны.

Мне довелось узнать об этой попытке во всех подробностях от генерал-майора пограничных войск НКВД Ивана Георгиевича Бессонова. Судьба свела меня с ним в закрытой тюрьме, в особом внутреннем лагере концлагеря Заксенхаузен, куда я попал летом 1944-го после того, как был вторично захвачен немцами и просидел шесть месяцев в одиночке гестаповской тюрьмы на Альбрехт-штрассе в Берлине.

Генерал Бессонов, как и все другие, находившиеся в этом особом отделении Заксенхаузена, описаны подробно в книге капитана британской армии Питера М. Черчилля («Spirit in the Cage» – «Дух в клетке»), попавшего туда же после того, как он почти в течение трёх лет руководил движением Соппротивления в одном из районов на юге Франции.

Как отмечает Черчилль, ему и всем другим, разделявшим с ним заключение, грозил расстрел, в чём мы убедились, когда нас перевели во внутреннюю тюрьму концлагеря

Флоссен-бург, и поэтому каждый говорил о себе совершенно свободно.

Тем более, что при попытке побега через вырытый под оградой туннель выяснилось, что стукачей среди нас не было.

В этих условиях я был почти единственным собеседником генерала Бессонова, и он много рассказывал мне о своей бурной и страшной карьере. Ещё служа в Средней Азии, он непосредственно участвовал в вероломном захвате Кульджи, в результате чего был установлен советский контроль над Синьцзяном, продолжавшийся свыше десяти лет. Он охранял Жданова на трибуне на Дворцовой площади в Ленинграде, располагая подразделения и пулемётные расчёты 3-го полка НКВД, которым он командовал, на чердаках Зимнего дворца во время парадов и демонстраций трудящихся.

На волне большого террора 1937–1938 годов Бессонов достиг высоких должностей и был даже одно время заместителем Фриновского, когда тот стал помощником Ежова. То командуя Забайкальским пограничным округом, то будучи заместителем генерала Масленникова (заменившего расстрелянного Фриновского), Бессонов великолепно знал весь аппарат НКВД и, в частности, ГУЛАГ.

Во время финских неудач он впал в немилость у Берии. Но ему повезло. Его перевели в армию, и в начале войны Бессонов, став командиром 102 стрелковой дивизии, попал в плен к немцам под Гомелем. Вначале он предпочёл скрыть своё прошлое, но вскоре на допросе у заинтересовавшегося им немецкого офицера военно-воздушных сил показал, что много знает, гораздо больше, чем обыкновенный командир дивизии, и предложил немецкому командованию план, на котором я и хотел бы остановиться подробнее.

Отлично зная расположение сталинских концлагерей и систему их охраны, Бессонов предложил высадить воздушный десант на Воркуте в районе Усть-Печорских лагерей. К этому времени финская армия уже заняла Петрозаводск, вокруг которого было достаточное количество аэродромов, которые могли послужить базой для этой операции.

Бессонову удалось убедить командование немецких воздушных сил начать подготовку для выполнения его плана. В засекреченных лагерях в районе Бреславля было начато формирование бригады из трёх усиленных батальонов.

Добровольцев из военнопленных набирал частично сам Бессонов; ему помогали командиры из разгромленного в Прибалтике советского III танкового корпуса.

Как рассказывал сидевший вместе с нами в особом лагере начальник штаба Бессонова, бывший начальник штаба 8-й стрелковой дивизии полковник Виктор Викторович Бродников (а в его искренности трудно было усомниться, ибо он был весь пропитан традициями старой русской армии), ему вместе с заместителем Бессонова, погибшим к тому времени в Заксенхаузене полковником N., было поручено подготовить воззвания к заключённым на Воркуте.

Ставка Бессонова на заключённых в условиях войны не была фантастической, да и он сам при всём его честолюбии был далеко не фантазёр.

Находившийся в годы войны в заключении в Ветлагге Д.М. Панин в своих «Записках Сологодина» (Изд. «Посев», 1973) пишет:

«Много российских людей жили мечтой о войне, которая даст толчок к освобождению... Первое время заключённые лагерей жили той же мечтой: вступить в ещё не родившуюся тогда российскую освободительную армию и вместе с другими русскими людьми вести борьбу за спасение остальной страны» (с. 167).

В лагерях были не только миллионы таких мужественных людей, как Панин, – готовых взяться за оружие, но и хорошо подготовленные командиры, как, например, один из его друзей по лагерю бывший офицер Николаевский.

«Если бы при иной, новой тактике войны, – пишет Д.М. Панин, – за несколько суток в лагерные центры были бы сброшены десанты, Николаевский оказался бы сразу одним из неповторимых полководцев, за ним пошли бы когорты заключённых, и он был бы на своём месте» (с. 289).

Как свидетельствует не только один Панин, в начале 1942 года в одном из лагунктов на Печоре, куда хотел высадиться со своим десантом Бессонов, заключённым удалось разоружить охрану и поднять восстание, докатившееся до Усть-Усы и подавленное только из-за недостатка

боеприпасов.

Все эти свидетельства показывают, что в условиях первого года войны освободительное движение могло быть успешно начато при координации небольших сил вторжения с многомиллионной массой заключённых.

Нет нужды говорить, что в конечном итоге, когда бригада Бессонова была более или менее сформирована, высшее гитлеровское руководство, узнав об этом плане, перепугалось, ибо Гитлер больше всего боялся иметь дело с независимой русской силой, да ещё где-то под Уралом, то есть вне какого-либо контроля.

В части Бессонова были засланы агенты Гестапо и, хотя они были обнаружены, он был вскоре обвинён в «заговоре», антинемецких высказываниях, арестован и вместе со своим штабом посажен в концлагерь, где мы и встретились в 1944 году.

А бригада, предназначенная для высадки в лагеря, была передана из военно-воздушных сил руководству СС, расформирована и побатальонно использована в борьбе с партизанами.

Замысел и попытка генерала Бессонова осуществить его были лишь одним из многочисленных эпизодов того времени, когда многие пытались создать независимую организованную силу для освобождения страны. В отведённое мне время я вынужден ограничиться этим единственным примером, но в заключение мне хотелось бы сказать, что я, как и многие другие, принадлежу к той части НТС, которая вошла в неё во время войны. Вошла потому, что прежде всего искала независимую русскую силу. В частности, в НТС влилась в 1942 году и та небольшая подпольная организация, которая была создана при моём участии на Севере, ибо наши идеи и стремления оказались созвучны.

Это слияние произошло очень рано для фронтовых условий, но, с точки зрения объективной оценки военной и политической ситуации, оно было запоздалым. Никто в этом не виноват, кроме нас самих. Для каждого поколения наступает свой час. Наш час пробил летом 1941 года, и мы упустили его. Но это далеко не означает, что ничего не делалось. НТС сделал всё, что было в его силах.

Говоря о начальном периоде войны, я не могу обойти молчанием, что в то время, когда было сделано немало попыток создать независимую русскую силу, очень многие и часто лучшие, наиболее активные представители нашего поколения погибли не только в сталинских или гитлеровских лагерях, но и от руки Гестапо или особых отделов.

И это тоже одна из страниц нашей истории, которая рано или поздно найдёт свое освещение, подобное тому, какое дал А.И. Солженицын Архипелагу ГУЛаг.

«Унтерменш» майор граф Ламздорф В.Андрусов

«Посев», 2004, № 5

Граф Григорий Павлович Ламздорф-Галаган родился 19 февраля 1913 года в Петербурге и был вывезен родителями за границу в ноябре 1920-го. Они отбыли вместе с армией генерала П.Н. Врангеля. После Галлиполи и Сербии семья приехала во французскую столицу, где Григорий получил инженерное образование, одновременно активно участвуя в богатейшей культурной жизни русского Парижа.

Когда вспыхнула гражданская война в Испании, он поехал туда добровольцем, естественно, на стороне белых. Воевал исключительно храбро, получил два тяжёлых ранения, множество орденов, и окончил войну в звании лейтенанта «легиона» – испанского «спецназа».

После войны он возвратился в Париж и там узнал, что Франция – единственная страна, призывающая в армию лиц без гражданства. Пришлось Григорию Павловичу воевать снова, на этот раз против немцев. Он и тут навоевал себе высокие ордена, но война окончилась быстро и бесславно. Ему пришлось раненым бежать из немецкого плена.

Зато когда начался поход немцев на восток, он вынул свои спрятанные испанские офицерские бумаги и поехал в Россию.

В ходе II мировой многие представители белой эмиграции стремились возобновить гражданскую войну на территории СССР. Один из проектов был разработан С.Н. Ивановым и

КГ. Кромиади. Они планировали создать из советских военнопленных воинскую структуру в качестве основы будущей русской национальной армии. В марте 1942 года командующий Группой Армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге дал разрешение на формирование русской воинской части в Осинторфе (Белоруссия). Иванов и Кромиади сформулировали принципы:

«Формируемые части должны быть предусмотрены как русская национальная формация с задачей антикоммунистической борьбы...; Все пленные красноармейцы, взятые этими воинскими формированиями, будут входить в них как пополнение, и не будут направляться в лагеря...; Вся акция должна рассматриваться как подготовительная работа для будущего возглавителя русской освободительной борьбы, полагая, что таковым будет один из выдающихся советских генералов, находящихся в плену».

Для осуществления намеченной акции Иванов сформировал группу эмигрантов, в состав которой вошли: И.К. Сахаров, граф С. Пален, граф А. Воронцов-Дашков, И. Юнг, В. Ресслер, В. Соболевский, священник отец Гермоген (Кивачук). Примкнул к ней и граф Григорий Ламздорф.

Формирование получило название «Русская Национальная Народная Армия» (РННА), она именовалась также «Осинторфской бригадой». Приём людей из лагерей военнопленных в РННА производился на добровольных началах. На изъявивших желание поступить в РННА составлялся список, и людей тут же выводили из лагеря. Каждому, записавшемуся добровольцем в РННА, предоставлялось право вернуться обратно в лагерь, но таким правом за всю историю формирования не воспользовался никто.

Руководители бригады никогда не спрашивали у вновь прибывших, состоял ли он в партии или комсомоле, но нередко были случаи, когда люди сами сдавали свои партбилеты. Руководство РННА ориентировало их на то, что они готовятся не к братоубийственной войне, и, тем более, не к борьбе за германские интересы. Культивировалась мысль, что они носят оружие не для нападения, а для обороны, что сила их армии заключается в идее. Бригада выступала под бело-сине-красным флагом.

С регулярными частями Красной Армии РННА столкнулась в бою только один раз. Когда атакуемые красноармейцы обнаружили, что против них стоят русские, то перестали стрелять и началось братание.

Нацистов явно не устраивал политический характер деятельности русских эмигрантов и относительная автономия вверенных им частей. (Иванов разъяснял личному составу РННА: «Москву будут брать не немцы и не японцы, а мы, русские, своими руками будем брать её и восстанавливать свои порядки».)

В августе 1942 года все русские эмигранты были отозваны из Осинторфа немецким командованием. Затем Осинторфская бригада была расформирована. Однако начинание не было напрасным – вскоре «один из выдающихся советских генералов» – А.А. Власов действительно стал руководителем русской освободительной борьбы.

После расформирования РННА Ламздорф был направлен на курсы Генштаба, готовился к возглавлению русской группы при Afrika Korps. Его жена, красавица Нина Андреевна, была певицей в знаменитом кафе «Sheherazade», которое посещали немецкие высокие чины в Париже. И может быть, не было совпадением, что многие из них оказались замешаны в заговоре против Гитлера в 1944 году. Одной из целей заговора было прекратить проведение нацистской «восточной политики», трактовавшей русских как «унтерменшей» («недочеловеков»), дать «зелёную улицу» Русскому Освободительному Движению, к тому времени уже устойчиво ассоциировавшемуся с именем Власова.

Один раз на смотре в Берлине Григорий Павлович представился генералу фон дер Хазе, военному губернатору Берлина, как «унтерменш хауптманн граф фон Ламздорф» («недочеловек капитан граф Ламздорф», тогда он был ещё капитаном). Это выпалил высокий красавец (когда-то начинающий киноактёр), косая сажень в плечах, в прекрасно на нём сидящей немецкой офицерской форме, смотрящий на генерала сверху вниз!

История мгновенно облетела весь русский Берлин. Ламздорф рассчитывал, что его отдадут под полевой суд и тогда он выскажет немецким военным во всеуслышание правду о положении на Востоке.

А случилось то, чего он никак не ожидал: ничего! Генерал Хазе побледнел и прошёл мимо. Никаких взысканий не последовало. Ламздорф недоумевал. У него даже выработалась не очень

уважительная гипотеза, что храбрый генерал вообще ничего не понял. Но когда в 1944 году Хазе оказался одним из казнённых за участие в антигитлеровском заговоре, Григорий Павлович понял всё: он агитировал единомышленника.

К концу войны нацисты всё-таки разрешили собирать воедино разбросанные русские части, и майор Ламздорф был командирован за «своим» батальоном в Данию. И так получилось, что между стреляющимся Гитлером и наступающими советскими частями стояли лишь бельгийские и русские добровольцы.

Стояли русские, правда, недолго. Под командой Ламздорфа все отправились на вокзал и захватили поезд: планировалось добраться до одного из портов, занять пароход и плыть в Испанию. Не удалось – перехватили англичане.

Григорий Павлович с ними ни в какие переговоры не вступил, прекрасно знал, чем они кончатся – выдачей большевикам. Он в первую же ночь организовал массовый побег, и тут-то пригодилось «сверхоружие фау-3»: гражданская одежда и велосипед. Приказ был двигаться малыми группами во французскую оккупационную зону (оттуда «перемещённых лиц» большевикам ещё не выдавали) и там встретиться. Благодаря искусно нарисованным бумагам, по которым не только Ламздорф, но и его подчинённые из числа граждан СССР фигурировали в качестве «старых» эмигрантов, не подлежащих репатриации, выдачи удалось избежать.

Многие впоследствии уехали в Чили (хоть за тридевять земель, от греха подальше!), и когда эту страну посетил Григорий Павлович, с самого севера до крайнего юга зазвенели телефоны: «Господин майор приехал!»

Земля тебе пухом, майор! Пошли, Господи, святых Твоих ангелов, чтобы встретили его, в его белой гимнастёрке, среди остальных отслуживших Тебе воинов, славящих Тебя во веки веков.

Давай подробности! В. Суворов

«Посев», 2005, № 2

Бандеровцев я встречал ещё в детстве. Они за речкой жили. Речка называлась Мангугай – на этой стороне наши, на той – они. Наши жили в посёлке Барабаш, в мощных кирпичных домах и казармах, которые возвёл царь Николай, а может быть, даже и его родитель. Тем домам и казармам веками стоять.

А бандеровцы жили в мазанках: плели из лозы стенки и мазали глиной. Чтобы не дуло. Наших было много: 107-й Укреплённый район, артиллерийский полк, два мотострелковых полка, самоходно-артиллерийский дивизион, разведывательный батальон и много ещё всякого. А у них – старики и старухи. И не дано мне было понять в восемь лет: зачем мы такие добрые? Если у наших столько силищи – почему не ударить? И не мог я согласиться с вопиющим безобразием: они за речкой спокойно картошку копают, а нашим командирам и дела нет! Да разверни артиллерию и ударь! И стесняться нечего, всё одно никто не услышит: Дальний Восток, великий океан с одной стороны, с других сторон – голые сопки.

Объясняли мне, что это не самые лютые враги, а так себе – враженьята да вражьи пособники. Но моё непонимание так и не развеялось, один ведь чёрт – бандеровцы. Все думалось: не доведёт ли нас чрезмерная доброта до чего-нибудь нехорошего?

Через 13 лет я стал офицером и получил назначение в Карпаты в 24-ю Железную дивизию, затем – в 66-ю гвардейскую учебную мотострелковую. А служба в новой дивизии начинается с изучения её боевого пути. Тут мне и поведали, что не только на войне, но и после неё 66-я гвардейская кровь проливалась, родную землю защищала. Вот среди прочего ею разгромлена банда украинско-немецких националистов под командованием некоего Ризуна.

Что-то родное послышалось... и непонятное. Кто же это такие – украинско-немецкие националисты? Украинский националист, в моём понимании, гопака пляшет. И горилку пьёт. С перцем. На нём – широченные красные шаровары. Или синие.

А немецкий националист гопака не пляшет. И горилкой с перцем не балует. И шаровар не носит. У него – короткие, до колена, кожаные штаны на ляпочках с колокольчиками. И шляпа с

пером. А как же наряжен украинско-немецкий националист: штаники на ляпочках поверх шаровар или под ними? Кто же он такой, этот самый украинско-немецкий националист: мать – надменная немка, отец запорожский казак? Если так, то откуда же их столько набралось, с двойным гражданством?

Оказалось, что память о той войне с «немецко-украинскими националистами» хранилась не только в музее дивизии и в полковых комнатах боевой славы. Не стёрлась (по крайней мере, на тот момент) из памяти 66-й гвардейской дивизии та война. В моём 145-м полку командир 1-го батальона подполковник Протасов и заместитель командира полка подполковник Ситников в молодости лейтенантами тут воевали, в стороженецких лесах. И рассказывали в часы полигонного офицерского подпития вещи удивительные и страшные. Самое главное, что я понял в этих рассказах: бандеровцы в плен не сдавались.

Вопросов я в те годы уже не задавал. Отучили. Вернее, задавал, но только самому себе.

Но где ответы?

Почему они хранили верность своему делу до последнего дыхания? И чем объяснить разницу: в 1941 году Красная Армия в этих краях разбежалась, бросив горы оружия, боеприпасов, продовольствия. А потом тут воевали украинские повстанцы. Те же самые мужики, которые разбежались по лесам ещё до появления немцев. Но вот теперь они воевали упорно и грамотно. Они воевали несколько лет. Без танков, без авиации, без артиллерии, без гигантских запасов. Без союзников, и с ничтожной надеждой на успех. Воевали до последнего патрона, до последней капли крови.

Ждать мне пришлось долго. Почти всю жизнь. Пока в руки мне не попала книга Александра Гогуня «Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы» (СПб: Издательский дом «Нева», 2004).

Этот петербургский автор уже известен – в узких кругах историков. В этот раз ему удалось историческое исследование превратить в захватывающий детектив, не теряя и не умаляя при этом чисто научной ценности своей работы. Приведённые цифры потрясают: из семи миллионов западных украинцев в СССР за 1944–1952 годы убито в ходе боёв и карательных операций 152 тысячи человек. Арестовано 134 тысячи. Выслано навечно за пределы Украины более 200 тысяч. А ещё более полумиллиона украинцев выслали в 1944–1947 годах из мест своего постоянного проживания в ПНР. Автор считает, что речь идёт о всенародной борьбе против оккупационного режима коммунистов. И тут любой самый недоверчивый читатель будет вынужден согласиться. Тем более, что автор использует официальную статистику Президиума ЦК КПСС.

Да, это была оккупация. Это была война против народа. Только органы НКВД на земле Западной Украины в 1945 году имели 175 резидентур. Тут меня сразу тянет в сравнения. В самый разгар холодной войны ГРУ имело в США 3 резидентуры под дипломатическим прикрытием и несколько (не больше пяти) нелегальных резидентур. Такое же количество резидентур на территории США имели и «боевые товарищи» из КГБ. Вопрос: кто же был более опасен коммунистическому режиму – «американский империализм» или собственный народ в одной из «братских республик» «нерушимого Союза»?

Так ведь это не всё. Помимо НКВД, войну против украинского народа вёл ещё и НКГБ. А у этих товарищей с холодными сердцами, горячими головами и чистыми (от локтя и выше) руками в каждой из областей было почти столько же резидентур, как у НКВД по всей Западной Украине. Например, в Станиславской области в том же году действовало 142 резидентуры НКГБ, независимо от агентурной сети НКВД. А ещё – Советская Армия. У неё свои разведывательные структуры.

Разведка – это сбор и обработка сведений о противнике. Выходит, что народ Западной Украины рассматривался коммунистическими вождями в десятки раз более опасным противником, чем весь «американский империализм» и все вооружённые силы США, которые в то время уже имели атомную бомбу, стратегические средства её доставки и опыт боевого применения.

Но даже статистика меркнет, когда от цифр автор переходит к примерам. И примеры эти – из тех же источников: из оперативных отчётов НКВД, НКГБ, прокуратуры, органов коммунистической партии, которая и была организатором и вдохновителем истребительной

войны против народа. Нас давно приучили не удивляться подлости и жестокости режима. И к звериному оскалу коммунистической власти мы все давно привыкли. Но книга Гогун поднимает нас на новые высоты понимания. Автор, неуклонно опираясь на документы, описывает такие приёмы и методы чекистов, до которых не доходили самые лютые гитлеровские головорезы. Читатель, хочет он этого или нет, вынужден снять шапку и пальму первенства по части подлости и садизма преподнести чекистам, далеко обогнавшим своих коллег из СС и Гестапо.

Приходится удивляться, как в столь относительно небольшом объёме Александр Гогун сумел осветить столь разные и мало кому известные страницы нашей непредсказуемой истории.

Он доходчиво и чётко описал историю национально-освободительного движения в Западной Украине, биографию вождей, идеологию, внешнюю и внутреннюю политику. Чётко и ясно разъяснил, кем были Банд эра и Боровец, Мельник и Шухевич. По ходу дела он беспощадно и аргументированно разоблачает коммунистические легенды про «бесстрашных советских разведчиков» и «народных мстителей», жестоко мстивших своему народу высмеивает грубую лживость сочинений всевозможных Медведевых и Судоплатовых.

Особой заслугой автора надо считать объективное отношение к предмету исследования. Украинские националисты и повстанцы отнюдь не розовой краской писаны. Элементы тоталитаризма в идеологии и практике, раскол в их рядах, оправданная и неоправданная жестокость, сомнения и колебания вождей, переборы и пережёлты в делах и помыслах – всё это отражено с достойной похвалы откровенностью. Острых углов Гогун не обходил, и называть вещи своими именами не стеснялся.

Чувствуется, что автор собрал огромный материал, но объём книги не позволил ему уместить даже малую толику. Единственное пожелание ему: книгу следует увеличить в объёме в два раза. А то и в три. Тема неисчерпаемая. Тема интересная. Поле российскими историками непаханое. Курс взят верный. И хочется кричать, как на разборе персонального дела в коммунистические времена: «Давай ещё! Подробности давай!»

Нуждаются ли в реабилитации вожди белого движения? Новое «дело генерала Власова» **Г. Кокунько**

«Посев», 2000, № 8

У казачества был особый счёт к большевикам. 24 января 1919 года Центральный Комитет РКП(б) подписал циркулярное письмо «о рассказывании», в котором предписывалось: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в брешь с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». В качестве «мер» назывались конфискация хлеба и всех других сельскохозяйственных продуктов, расстрелы всех, у кого будет найдено оружие, массовое переселение бедноты на казачьи земли.

Начиная с 1921 года репрессии распространились и на тех казаков, которые не оказывали сопротивления советской власти. Член Революционного Военного Совета Кавказского фронта Орджоникидзе предписывал: «Всё мужское население вышеозначенных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север для тяжёлых принудительных работ; стариков, женщин и детей выселить из станиц». В случае сопротивления использовался принцип коллективной ответственности: «Если поднимется против Советской власти хотя бы один казак в одной станице, вся станица будет в ответе вплоть до расстрела, до уничтожения».

Следующая волна репрессий прокатилась по казачьим землям в начале 1930-х во время коллективизации.

Вполне закономерным представляется, что в 1941–1945 годах на немецкой стороне воевали 80 тысяч казаков, значительная часть – в составе XV Казачьего кавалерийского

корпуса под командованием генерала Гельмута фон Паннвица. Среди казачьих руководителей той поры были как белые эмигранты: П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро и др., так и казаки, проживавшие к началу войны в СССР: Т.И. Доманов, И.Н. Кононов и др.

На стороне Германии выступило немало количество представителей народов, проживавших в границах СССР. Они были объединены в Восточные Легионы, политическое представительство которых осуществляли Национальные Комитеты. Так, например, Северо-Кавказский Национальный Комитет возглавлял генерал Султан-Гирей Клыч (Султан Келеч-Гирей).

Редактор-составитель

В конце июня 2000 года несколько столичных газет словно бы вскользь, без особого интереса, сообщили о том, что некое общественное движение «За веру и Отечество» обратилось в генпрокуратуру с ходатайством о реабилитации председателя Комитета Освобождения Народов России Андрея Андреевича Власова. Дальнейшего развития, однако, в средствах массовой информации тема не получила – не в последнюю очередь, думается, из-за отсутствия соответствующих ожиданий и заинтересованности в обществе. В самом деле, для старших поколений, воспитанных на советских идеологических клише, Власов был и останется предателем – и никакие факты или доводы в пользу его выбора этим людям неинтересны. Для молодых фигура Власова – из достаточно далёкого уже прошлого и неинтересна, ибо ничего они про Власовское движение, по существу, не знают. А государство продолжает исчислять свою родословную от октября 1917 года – и также продолжает считать Власова (как и вождей Белого движения) в своих врагах. Даже если не твердит этого по всякому поводу с маниакальным упорством советских времён – считать-то всё равно считает!

Поэтому исход нового «дела Власова», конечно же, предрешён. Тем более что сами авторы обращения признают А.А. Власова «изменником», добываясь, тем самым, лишь частичной реабилитации. Мол, не учли прежде, что возвращение в Красную Армию грозило для Власова расстрелом или 25 годами каторги, не учли его заслуги в спасении Праги и так далее. Тем самым, кстати, движение «За веру и Отечество» ясно определяет свою собственную позицию: формально-юридическая сторона дела для него всё-таки важнее попытки, пусть даже заведомо обречённой, защиты политических позиций генерала и его армии.

Исход дела ясен и потому, что несколькими годами раньше закончилась ничем аналогичная просьба о реабилитации казнённых 16 января 1947 года белых атаманов – а уж она-то имела первоначально куда больше шансов быть удовлетворённой. В самом деле, в отличие от бывшего советского генерала Власова, казачьи атаманы-эмигранты никогда не были гражданами СССР и, следовательно, не нарушали никакой присяги. К тому же 22 апреля 1996 года по тому же самому общему делу казачьих атаманов всё-таки был реабилитирован один из них – немецкий генерал-лейтенант Гельмут фон Паннвиц, командир XV Казачьего кавалерийского корпуса.

Основываясь, в числе прочих, и на указанном событии, весной 1997 года ряд казачьих объединений направил запрос в Главную военную прокуратуру РФ (ГВП) с просьбой начать реабилитационное производство в отношении руководителей казаков, казнённых в СССР как уголовных преступников. Тогда же в ответе ГВП было сообщено, что дело «направлено в Военную коллегия Верховного Суда РФ для рассмотрения по существу».

Привет из 1947 года

Ответ последней о «НЕ реабилитации» был получен поразительно быстро – 25 декабря того же года. Из чего, как и из содержания документа, стало ясно, что никакого «рассмотрения по существу» не получилось. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № СП-001/47 по делу белых атаманов – поистине уникальный (по безграмотности и ненависти к своим всё ещё идеологическим врагам – казакам) документ. Если бы не стояла на нём дата, то легко было бы представить, что это просто точная копия обвинительного заключения 1947 года.

Поразительно, но до сих пор в вину атаманам вменяется их участие в Белом движении, антисоветская деятельность, написание антисоветских брошюр! А какие выражения в этом

официальном документе! Вот П.Н. Краснов – «написал около 30 романов, которые по своему содержанию являлись сгустком его ненависти к СССР, лжи и клеветы на советскую действительность, вождей ВКП(б) и руководителей Советского правительства. Извращённо отражал строительство бесклассового общества, клеветал на колхозный строй».

А как оживляют несколько суховатый в целом стиль определения такие эмоциональные пассажи вроде: «Стонами стонали югославские сёла и деревни от нашествия казачьей дивизии фон Паннвица!»

Но ведь, повторюсь, проходивший как раз по тому же самому делу и обвинявшийся в тех же самых преступлениях генерал-лейтенант Гельмут фон Паннвиц годом раньше был полностью реабилитирован. В заключении ГВП тогда говорилось следующее:

«Установлено, что генерал-лейтенант фон-Панвиц (так в тексте – *ГК*) в период Великой Отечественной войны являлся гражданином Германии, военнослужащим немецкой армии и выполнял свои воинские обязанности. Данных о том, что фон Панвиц или подчинённые ему части допускали зверства и насилия в отношении мирного советского населения и пленных красноармейцев, в деле не имеется.

В связи с этим следует признать, что фон-Панвиц по настоящему делу на основании ст. I Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осуждён необоснованно.

В соответствии с п. «а» ст. 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. фон-Панвиц Гельмута Вильгельмовича следует считать реабилитированным».

А вот годом позже в определении Военной коллегии ВС РФ утверждается, что всё это совершали и престарелый генерал П. Краснов, большую часть войны проведший в Берлине, и отвечавший за казачий резерв А. Шкуро, и атаман Казачьего Стана Т. Доманов, и начальник Штаба Главного Управления Казачьих Войск при Восточном министерстве С. Краснов, и руководитель Северо-Кавказского Национального Комитета Султан-Гирей Клыч (Султан Келеч-Гирей). Непонятно, как и когда они могли совершать все свои злодеяния, если их не совершали непосредственно находившиеся в подчинении генералов казачьи части. И уж вовсе смехотворными можно считать обвинения офицеров Белой армии в «измене» – присяги СССР они не принимали. Более того, в самом же обвинительном заключении от 1947 года про старшего Краснова, Шкуро и Султан-Гирея пишут как о генералах Белой армии, а про Краснова-младшего и Доманова – как о генералах немецкой армии.

Полный текст определения Военной коллегии в составе очень важных генералов от юстиции Уколова А.Т.,

Пархомчука Ю.В. и Хомчика В.В. здесь привести просто невозможно – это всё-таки 31 страница текста, причём наполненного сплошь нудными повторами одних и тех же обвинений в адрес казаков. Вот ещё несколько характерных цитат.

Итак, П.Н. Краснов, кроме «клеветы» на колхозный строй и написания книг, обвиняется «в том, что, начиная с 1917 года, на протяжении 28 лет вёл активную ожесточённую борьбу против Советской власти... обманым путём (?! – *ГК*?) бежал на Дон, где при поддержке иностранных империалистов и внутренних сил контрреволюции повёл широкую работу по сколачиванию военных белогвардейских кадров и организации мятежей в казачьих и кулацких районах... написал ряд книг, брошюр и большое количество листовок злобно-клеветнического антисоветского содержания... являлся изменником и предателем (но как раз присяги своей – Государю и Дону – Пётр Николаевич никогда не нарушал! – *ГК*)... руководимые им войска чинили зверства, массовые расстрелы и расправы как над советскими людьми, так и над партизанами и мирным населением в Италии, Югославии и Польше...».

А.Г. Шкуро, «являясь полковником казачьих войск царской армии, в 1918 году организовал на Кубани казачий белогвардейский отряд для вооружённой борьбы против Советов... его части отличались особыми зверствами, совершали массовые ограбления мирного населения, насиловали женщин, убивали и вешали советских людей, учиняли еврейские погромы и сжигали населённые пункты... от представителей английского командования получил орден «Бани» (ну, это совсем уже мерзко – от «союзников»-то! – *ГК*)...»

Ну, и дальше в том же роде. Тут можно только заметить, что никаких фактов и доказательств по событиям гражданской войны на судебном процессе 1947 года не

предъявлялось. На сегодня обвинения тех же Краснова и Шкуро (не говоря уже о других осуждённых) в военных и уголовных преступлениях, якобы совершённых в тот период, давно опровергнуты историками как чистой воды советская пропаганда.

Точно так же отсутствуют в деле и конкретные документальные свидетельства преступлений казаков в годы II мировой войны. Участие в боевых действиях на фронте или против партизанской армии Тито, согласитесь, это всё же совсем не то. Война она война и есть. В деле – опять одни громкие слова и советские штампы («насилия», «зверства», «расправы» – ну в самом-то деле, что ещё, по мнению нормального, правильно возвращенного советского человека, могли делать в свободное время белые офицеры?).

Вот в определении, например, говорится: «на площади до 4 тысяч квадратных километров всё итальянское население было терроризировано и ограблено казаками». Какими казаками, кем и где именно, каким образом, где даты, факты, состав конкретных преступлений? Обратившись к выявлению таковых при рассмотрении вопроса о реабилитации фон Паннвица, в военной прокуратуре их, во всяком случае, не отыскивали во всех томах следствия. Если, правда, не считать доказательством факт повешения на территории Хорватии осуждённых хорватскими же властями за мародёрство и террор пятнадцати титовских партизан – казаки XV корпуса при этом даже вроде присутствовали.

В следственном деле фон Паннвица (т. 12, л. 99-100) об этом говорится, в частности, следующее: «По личному приказу Панвица зимой 1943–1944 гг. в районе Сунья-Загреб было повешено на телеграфных столбах 15 югославских заложников». В заключении о реабилитации немецкого генерала об этом эпизоде говорится уже несколько иначе:

«На территории Югославии воинские части корпуса постоянно подвергались нападению югославских партизан и вынуждены были вести в отношении их боевые действия. При этом имели место случаи репрессий в отношении поддерживающих партизан местных жителей. В этот период по согласованию с фон-Панвицем были повешены 15 югославских граждан, приговорённых ранее хорватским судом к смертной казни».

Вот и все «преступления».

Однако для Военной коллегии сегодня и этого, видимо, вполне достаточно, чтобы сообщить:

«Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы, приведённые в заключении, Военная коллегия находит, что заключение об отказе в реабилитации Краснова П.Н., Шкуро А.Г., Султан Гирея Клыч, Краснова С.Н. и Доманова Т.И. подлежит удовлетворению по изложенным в нём основаниям.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 377, 378 УПК РСФСР и ст. ст. 9 и 10 Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”, Военная коллегия Верховного Совета Российской Федерации определила:

Признать КРАСНОВА Петра Николаевича, ШКУРО Андрея Григорьевича, СУЛТАН-ГИРЕЯ Клыч, КРАСНОВА Семёна Николаевича и ДОМАНОВА Тимофея Ивановича обоснованно осуждёнными по вменённым каждому из них составам преступлений и не подлежащими реабилитации».

Правда, в томах дела атаманов есть и их «собственно-ручные» признания в совершении разного рода преступлений и в том, что они «знали» о совершении таковых казаками. Однако все эти «признания» состоят опять же из одних общих фраз и штампов, конкретные факты снова отсутствуют. Вот, например, тот же фон Паннвиц на допросе показывает: «Выступления Шкуро носили злобный антисоветский характер, он восхвалял фашистскую Германию...».

Изучавший дело казнённого командира Казачьего корпуса помощник главного военного прокурора полковник Виктор Крук настолько «проникся», что называется, темой, что в соавторстве с журналистом Б. Алферьевым написал документальную повесть «Походный атаман батько фон Паннвиц». В ней он так описывает вышеуказанный эпизод допроса генерала: «Господин следователь, – оторвался от текста Паннвиц. – Вам никто не поверит. Я не могу выразиться языком большевицкого комиссара!»

Увы, советские судьи и не такому «верили» – все теперь знают, какие признания и каким образом выбивались из заключённых в системе НКВД. Выбивали их и из казачьих генералов. Вырвавшийся чудом из советских застенков в 1955 году (как иностранный гражданин), после десяти лет сибирских лагерей, потеряв там отца и многих друзей, Н.Н. Краснов в Швеции написал книгу «Незабываемое». В ней он рассказал о своих встречах в тюрьме с казачьими генералами – как они выглядели после допросов, как добывали из них признательные показания сталинские следователи.

Не пожелали нынешние «верховные» судебные чиновники при рассмотрении вопроса о необходимости пересмотра приговора по делу белых атаманов учесть и того, что суровый «судебный» приговор был заранее предопределён коммунистическими властями. Министр госбезопасности В.С. Абакумов обратился с письмом к «вождю всех времён и народов» с просьбой разрешить «осудить» атаманов к смертной казни:

«Прошу разрешить:

1. Судить Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР руководителей созданного немцами главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии, немецких агентов – атамана КРАСНОВА П.Н., генерала белой армии ШКУРО А.Г., командира “дикий” дивизии – генерала белой армии СУЛТАН-ГИРЕЯ Клыч, их ближайших сообщников КРАСНОВА С.Н. (племянника атамана КРАСНОВА П.Н.) и ДОМАНОВА Т.И., а также командира “добровольческого” казачьего корпуса германской армии генерала фон-ПАНВИЦ Гельмута (список прилагается).

2. Дело КРАСНОВА, ШКУРО, СУЛТАН-ГИРЕЯ и других заслушать в закрытом судебном заседании без участия сторон (прокурора и адвокатов).

3. Всех обвиняемых в соответствии с пунктом 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать, а по окончании процесса опубликовать в газетах сообщение от имени Военной Коллегии о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение».

Разумеется, главный палач собственноручно начертал на письме свою резолюцию: «Согласен». Вот и всё советское «правосудие». Будь наши прокурорские работники действительно независимыми и ориентируйся они исключительно на букву Закона, – может, и разглядели бы очевидное вмешательство советской и партийной властей в судопроизводство, нарушение даже советских законов и конституции, фактическую инсценировку процесса. Но «товарищи» Уколов, Пархомчук и Хомчик были и остаются генералами советской юстиции, именно советской. А эта замечательная юстиция в краснозвёздной фуражке сталинского покроя никогда не встанет на защиту права – хоть и очевидным образом попранного – своих идейных, духовных врагов; для этого ей надлежит перестать быть советской. Для чего, в свою очередь, должны случиться и аналогичные изменения в сути всего Российского государства, его правящего слоя.

Чтить их память

Совсем недавно казаки по всему миру отмечали очередную годовщину трагедии Лиенца (когда десятки тысяч казаков и членов их семей были выданы в СССР «союзниками» на верную смерть). Вспоминали и последовавшую через полтора года казнь вождей последнего истинного казачества. Место их захоронения в Москве хорошо известно. Оно в одной из трёх больших «братских» могил Донского кладбища, где захоронения жертв красного террора начались после декабря 1934 года. Хоронили казнённых, предварительно здесь же кремировав. В третьей по времени из могил-рвов хоронили с 1945-го по 1954 год. Слово «братских» я закавычил здесь намеренно. Вполне вероятно, что именно в этой могиле оказался, в конце концов, и сам Берия – вместе с теми, кто был расстрелян с ним в декабре 1953-го, с теми, чьими руками советская власть расправилась с казаками и власовцами. Такие вот, с позволения сказать, «братья»!

Здесь же упокоились останки А.А. Власова и разделивших участь генерала одиннадцати его соратников, казнённых во внутреннем дворике Бутырской тюрьмы, прах атаманов Краснова,

Семёнова и их соратников, других казачьих и русских офицеров, руководителей русского Сокольского движения и других. Интересно, что на этой могиле уже стоят памятники гражданам иностранных государств: например, генералу Миякаве из Квантунской армии (забитому насмерть в Бутырке) и отдельно японским солдатам; премьер-министру Венгрии Бетлену; польскому генералу Армии Крайовой Окулицкому; и, самое главное – казачьему атаману генерал-лейтенанту Гельмуту фон Паннвицу.

Хотя это в большей степени теперь уже упрёк всем нам, всему нынешнему казачьему движению в России. Сколько говорим о трагедии Лиенца, о замученных в лагерях по всей России, сколько печатаем теперь книг атамана П.Н. Краснова – а на могиле и его, и всех погибших казаков нет даже памятных знаков. Чего же на деле стоит такая память?.. И власть тут ни при чём. Фон Паннвицу памятник немцы ставили...

Во имя правопреемственности

Конечно, по большому счёту, никакая так называемая реабилитация вождям Белого движения не нужна. Справедливое разрешение вопроса, полное и однозначное восстановление доброй памяти наших отцов и дедов нужно прежде всего нам. Мы не просто должны понять, в какой стране сегодня живём – мы должны сами определять своими действиями её будущее. Как должны сами определять и своих героев.

Да, своими отказами в реабилитации участников Белого движения государство лишь вновь и вновь подтверждает, что ведёт своё начало от большевицкого режима. Зачем же требовать реабилитации наших национальных героев от такого государства? Ответ прост: если нельзя сразу добиться признания им правопреемственности от исторической России, то необходимо показать всю абсурдность нынешней правопреемственности от противоправного коммунистического режима. При этом необходимо как можно шире предавать гласности все случаи реабилитации (или отказа в ней) всех лиц, принадлежавших к Белому и Русскому Освободительному Движениям. Постепенно эти усилия найдут отклик в нашем обществе, и тогда можно будет создать широкое общественное движение, выступающее за восстановление исторической правопреемственности.

Сегодня же борьба за реабилитацию героев народного сопротивления коммунизму даже на основе нынешних законов, как это ни парадоксально, объективно означает продолжение дела, которому они посвятили свою жизнь.

Тем, кто ещё полагает, что поднятые проблемы – сугубо исторические и имеют мало связи с современной жизнью, напомню, что современные коммунистические вожди ни в чём не отреклись от Ленина со Сталиным, а у «товарищей» всегда законом становится беззаконие.

На страже «социалистической законности»

Г. Кокунько

«Посев», 2002, № 2

За десятилетия советской власти прокуратура и суд зарекомендовали себя одними из наиболее послушных и исполнительных орудий в руках власти. Достаточно вспомнить судебные процессы и несудебные расправы 1920–1940 годов, борьбу с диссидентами в более позднюю эпоху. Не стало исключением и последнее десятилетие. Сейчас эти органы активно привлекаются к устранению политических конкурентов и просто тех, кто не по душе властям.

Но не забывают они отстаивать и то, ради чего были созданы – «социалистическую законность». Отказы в реабилитации героев Белой России – адмирала Колчака или казачьих атаманов – тому наглядное свидетельство.

Впрочем, случился у «товарищей» судей и прокуроров прокол. Был реабилитирован походный атаман казачьих войск, командир XV Казачьего кавалерийского корпуса кубанский казак генерал-лейтенант Гельмут фон Паннвиц – в 1945-м добровольно сдавшийся советским чекистам, чтобы разделить участь своих боевых товарищей. В справке о реабилитации в 1996 году говорилось: «данных о том, что фон Паннвиц или подчинённые ему части допускали

зверства и насилия в отношении мирного советского населения и пленных красноармейцев, в деле не имеется».

Тогда оставалось надеяться, что справедливость вот-вот восторжествует и в отношении других казачьих генералов, проходивших по одному делу с Г. фон Паннвицем – Петра Николаевича и Семёна Николаевича Красновых, Андрея Григорьевича Шкуро, Тимофея Ивановича Доманова и Султан-Гирея Клыча (Султана Келеч-Гирея) (из которых к началу войны один лишь Доманов был советским гражданином – что лишало всяких оснований обвинять остальных в «измене Родине»). Противники реабилитации белых атаманов наследниками советского режима заговорили об отмене приговора, нарушившего даже советские процессуальные нормы.

Однако в качестве ответа на требования пересмотра дела из Военной коллегии Верховного суда нам пришло всё тоже обвинение от 1947 года, старательно перепечатанное один к одному. Со всеми его абсурдными обвинениями.

Подписанный современной «тройкой» генералов «советского разлива», полученный нами в 1997 году ответ решительно отвергал возможность отмены приговора или реабилитации вождей казачьего движения. Хотя, между прочим, сам приговор 1947 года был (что само по себе уже нарушение норм советской юриспруденции) предопределён заранее.

Так осуществлялось «правосудие» в недалёком советском прошлом. Но не так уж много, на самом деле, изменилось и в настоящем. Хотите пример? Недавно – свершилось! Судебная ошибка была исправлена. Вы думаете, реабилитировали наших генералов? Как бы не так. 28 июня 2001 года Главная военная прокуратура отменила решение о реабилитации Гельмута фон Паннвица!

В заключении, подписанном начальником Управления реабилитации жертв политических репрессий генерал-майором юстиции В.К. Кондратовым, говорится, что Г. фон Паннвиц «за совершённые преступные деяния осуждён обоснованно, основания для принесения протеста не усматриваются и реабилитации он не подлежит». В разговоре с корреспондентом «Независимой газеты» (НГ) А. Улитвиновым «генерал от реабилитации» поведал: оказывается, в 1996 году Главная военная прокуратура действовала в обход его Управления, потому и «ошиблась». Мы же, мол, всегда учитываем «всю совокупность обстоятельств», а не отдельные «формальные» признаки.

Действительно – подумаешь, нет в деле свидетельств преступлений! Главное ведь для советской юстиции вовсе не доказательства, а эта самая «совокупность обстоятельств». Определяемая обычно кем-то сверху.

Напомним здесь, кстати, корреспонденту НГ: что касается показаний «свидетелей», других обвиняемых и самих осуждённых генералов, не стоит забывать, в каких условиях и кем проводилось следствие, в каких преступлениях «признавались» в те годы попадавшие в лапы НКВД люди!.. Так что обильное цитирование показаний – вроде того, что «участвуя в инспектировании, а позднее в формировании воинских частей, состоящих из военнопленных Красной Армии, и руководя ими в боях против СССР и Югославии, я совершил действие, которое, согласно международным правилам и обычаям войны рассматривается как преступление» – показывает всего лишь одно: очевидную предвзятость Улитвинова.

Как и упоминание в качестве «патрона и друга» казачьего генерала фон Паннвица Гиммлера. Сие просто враньё: как известно, казачью дивизию, преобразовав в корпус, включили в состав запасной армии войск СС в самом конце войны, когда после покушения на Гитлера был ликвидирован Абвер. Тогда немалое число немецких армейских офицеров, откровенно сочувствовавших и покровительствовавших РОА и казачьим формированиям, оказались среди участников заговора, и в СС просто решили прибрать казаков и власовцев к рукам. Прибрать-то прибрали, да только вот никто из казаков корпуса Паннвица никогда эсэсовской формы не носил – с прямого одобрения генерала.

Но вернёмся к заметке «товарища» Улитвинова. В ней некий «весьма осведомлённый сотрудник Внешней разведки

РФ» прямо связал реабилитацию фон Паннвица 1996 года с желанием «Ельцина и его свиты» угодить перед своим визитом в Германию «другу Колю». «Осведомлённый товарищ» прямо признаёт управляемость прокуратуры! Получается, погорячились тогда, теперь пора и

порядок наводить, хорош разводить всякую демократию. Посетовал «товарищ» ещё и на то, что тогда реабилитация была осуществлена в тайне от общественности – «рассчитана на немецкую аудиторию, но скрыта от соотечественников». И снова ложь! Все казачьи организации и газеты России не просто знали о событиях вокруг дела фон Паннвица, но и пытались активно использовать их для достижения последующего аналогичного решения по делу других казнённых генералов.

Зато сейчас в заключении генерала Кондратова говорится, что об отмене реабилитации «письменно уведомлены заинтересованные лица, а также соответствующие государственные учреждения ФРГ». Может, так оно и есть, – да только вот прокуратура российских казаков и их газеты, не говоря уж о прочих гражданах страны, к «заинтересованным лицам» не относит. Об отмене реабилитации мы в России узнали спустя немалое время – кто от знакомых в Германии, кто из крайне тенденциозной публикации НГ, состоявшейся спустя большое количество времени после самого события.

Довольно неловкие объяснения случившегося работниками Главной военной прокуратуры и Внешней разведки РФ сегодня фактически подтверждают то, о чём мы и сами догадывались – полную зависимость органов нынешней российской прокуратуры от властей. Как и в 1920-1940-е.

Пообещал, получается, в 1996-м Ельцин – сделали. А чье было указание в 2001-м? Кому в этот раз хотели понравиться?..

Советская экономика и союзники Сталина

Экзамен советской экономике А. Иванов

«Посев», 1951, № 25

Изучение исторического опыта проверки советского строя войною, для которой и ради которой советская экономика была поднята на дыбу пятилеток, представляет исключительный интерес и поучительный пример. Во время войны с необычайной яркостью проявились все недостатки советской экономической системы, вся слабость советского общественно-политического строя.

О экономической жизни СССР во время войны написано много и мало. Много, потому что было опубликовано много литературы, и мало, потому что все экономические работы были перепевом одного и того же варианта, выпущенного Госпланом с одобрения Политбюро. Настоящего серьёзного исследования о советской экономике во время войны не было выпущено ни в СССР, ни за границей. Главный труд и источник познания военной экономики СССР – книга Н. Вознесенского, удостоенная Сталинской премии за создание и поддержание мифа о победах советского экономического строя. Эта книга («Военная экономика СССР в период Отечественной войны») издана Госполитиздатом в 1947 году. Несмотря на всю изворотливость, на умение видеть несуществующее и не замечать действительности, автор не сумел полностью скрыть тех глубоких потрясений, которые пережило советское народное хозяйство. Эти потрясения велики не только потому, что весьма важные в экономическом отношении области Советского Союза были выведены из строя. Главное – потому, что война обнаружила глубокие противоречия и скрытые диспропорции советской экономической системы и недостатки советской социалистической организации общественного производства.

Потери первых месяцев войны и их последствия

Война не изменила характера советской экономики, которая всегда была военной экономикой. Она лишь обнаружила слабости сверхцентрализма и государственного гиперпланирования.

Бесперывные мобилизации легли в основу организационной перестройки экономики во время войны. Особенно они усилились после того, как часть западной территории Советского Союза была занята немецкой армией. К ноябрю 1941 года была оккупирована территория, на которой жило 40 % населения (около 80 миллионов человек) и которая давала 63 % добычи каменного угля (до 104,5 миллиона тонн), выплавляла 68 % чугуна (10,2 миллиона тонн), 58 % стали (10,6 миллиона тонн) и давала 60 % союзной выплавки алюминия. Сельское хозяйство занятых областей поставляло стране 38 % зерна (452,2 миллиона центнеров) и 84 % сахара (2,5 миллиона тонн). Эти районы обладали 38 % всего рогатого скота и 60 % свиней (24,5 миллиона и 20 миллионов голов) от общесоюзного их количества.

К этому следует добавить, что транспортная сеть района оккупации, самая густая в СССР, составляла 41 % протяженности железных дорог страны (42 тысячи километров).

Как ни велики сами по себе потери, самое плохое было не в их величине, а в том, что резко усилились диспропорции в народном хозяйстве и ярче выявились недостатки размещения производительных сил страны. Многие виды проката не производились на востоке. Все бронепрокатные станы были на западе.

На востоке не хватало рельсобалочных и листопрокатных станов. Осада Ленинграда и потеря Харькова выбила из строя самые мощные электротехнические предприятия Советского Союза. Сильно сократилось производство приборов и аппаратов точного машиностроения. На востоке оказались недостаточными мощности цементных заводов и других предприятий, производящих строительные материалы.

Менее заметный для постороннего глаза, но очень тяжёлый по своим последствиям факт заключался в том, что погоня за специализированными предприятиями-гигантами, особенно в тяжёлой промышленности, привела к тому, что ни один из районов СССР не мог самостоятельно обслужить себя ни в какой области потребления.

Тяготы войны с неслыханной силой обрушились на плечи населения, и социалистическая централизация лишь усилила напряжённое положение в стране. Фактически снабжение превратилось в голодную норму концлагерника.

Разрушение промышленности

Чудовищное преступление власти – разрушение около 32 тысяч предприятий с целью не оставить противнику производственные мощности – по своей массированности и бесцеремонности не имело прецедента в истории.

Уничтожалось наземное и подземное хозяйство рудников и шахт; взрывались здания электростанций, подрывались плотины гидроэлектростанций (Днепрогэс); резались металлические конструкции машиностроительных заводов; приводились в полную негодность печи и металлургическое оборудование. В течение первых двух-трёх месяцев было превращено в ничто достояние во много десятков миллиардов рублей.

Народ рассматривал всю процедуру как месть врага, а не как действия своего правительства. Вывод из строя предприятий не требовал полного уничтожения установок и сооружений. Вывоз электромоторов с электростанций, воздуходувок из металлургических заводов, станочного парка из машиностроительных предприятий уже лишал противника на многие месяцы возможности наладить мало-мальски регулярное производство на оккупированной земле. Практически на территории ещё не сломленного окончательно врага вообще нельзя наладить промышленность. Немцы больше нуждались в рабочей силе, чем в оборудовании.

Варварское разрушение производственного аппарата страны впоследствии было приписано противнику, хотя производственный аппарат промышленности был уничтожен на 80 % до прихода противника.

Эвакуация промышленности

Часть оборудования, сравнительно внушительная по своим размерам, была направлена на восток. Советское правительство сообщало, что ему удалось вывезти из района оккупации 1,2

миллиона вагонов с оборудованием.

Известная часть оборудования застряла в пути, погибла в результате бомбёжек. Но и то, что дошло по адресу, было использовано далеко не полностью. Во-первых, потому что демонтаж производился лихорадочным путём, многое было повреждено и ехало на восток в виде лома. Во-вторых, большая часть оборудования грузилась навалом без маркировки, что затрудняло комплектование при сборке агрегатов. В-третьих, немалая часть приходила по месту назначения в некомплектном виде из-за потерь в пути. Часть грузов засылалась не по адресу и так и не была разыскана до конца войны. Характерен пример с уникальным запорожским непрерывно-листовым станом, которым очень дорожили уже потому, что он давал более половины производства автомобильного листа в СССР. Его не только не пустили на восток, а даже при восстановлении цеха листопрокатки в Запорожье оказалось, что надо ещё изготовить около двух тысяч недостающих частей.

Грубая оценка позволяет установить, что использовано было не более 20–30 % мощностей перевезённого оборудования. На оккупированной территории было демонтировано свыше 50 прокатных станов, а на востоке было пущено с теми станами, что уже ранее были в монтаже, всего не свыше 12–15.

Такова была фактическая эффективность переноса предприятий на восток. Из 31 850 предприятий, разрушенных при демонтаже, только около 1 500 удалось более или менее комплектно пустить на Урале, в Средней Азии и в Сибири.

Совсем катастрофически обстояло дело с переброской сельскохозяйственного инвентаря и скота. Весь колхозный и совхозный скот погнали на восток. Все дороги были покрыты павшими животными. Из 15–16 миллионов голов рогатого скота, перебрасывавшегося на восток, дошло и уцелело не более 4–5 миллионов голов.

Эвакуация населения

На восток под давлением было вывезено значительное количество рабочих и служащих эвакуированных предприятий и учреждений. Фактические данные отсутствуют. Не то по соображениям государственной тайны, не то из-за неблагоприятных для правительства результатов. Грубый подсчёт показывает, что после оккупации в таких крупных городах запада, как Киев, Одесса, Минск, Днепропетровск, Запорожье, оставалось ещё от половины до двух пятых жителей. В малых городах осталось населения не меньше трёх пятых. Из деревни угоняли почти всё взрослое мужское население призывного возраста, но всё-таки в деревнях осталось, по-видимому, не менее трёх четвертей жителей. Из 80 миллионов человек, проживавших в этой части СССР до оккупации, было отправлено на восток около 20 миллионов человек. Из этого числа не менее половины были мобилизованы на фронт, на железные дороги и в шахты. Об этом говорит и то, что в городах востока население к началу 1943 года увеличилось до 20,3 миллиона человек против 15,6 миллиона в 1939 году.

Переброска населен^{TM} на восток происходила в невероятно тяжёлых условиях. Многие ехали на открытых площадках в течение недель; организация транспорта и обслуживания в пути были поставлены безобразно. Люди были вынуждены в дороге продавать свои вещи для покупки продуктов питания. Цены же за это время поднялись в 10–15 раз, и хлеб продавался по 25–50 рублей за килограмм. Эвакуированных расселяли по несколько семейств в одной комнате. Части перевезённых пришлось оставаться месяцами под открытым небом, жить в палатках, в деревянных бараках или в землянках. Причём в палатках люди жили в течение всей суровой зимы 1941/42 года.

Транспорт

Советский транспорт был поставлен в тяжёлые условия работы вследствие резко изменившегося по характеру и усилившегося в напряжении движения. Подвижной состав западных железных дорог на 80 % был переброшен на восток. Косвенно это подтверждает и Вознесенский, когда сообщает, что страна на первом этапе войны потеряла 40 % железнодорожной сети и 20 % вагонного парка. Относительное увеличение подвижного состава

на востоке не улучшило крайне напряжённого положения на железной дороге. Транспорт в СССР был перегружен и до войны, работал на полную пропускную способность, без всяких резервов. Насколько высок был развал на железных дорогах видно из того, что обеспеченность грузооборота транспортными средствами снизилась к 1942 году по сравнению с 1940 годом в 1,86 раза. Острейший кризис заставил в число закупок за границей ввести и приобретение 2 тысяч локомотивов (размер свыше годовичного довоенного производства их) и свыше 13 тысяч тонн рельсов.

Рабочая сила

Следующая задача, поставленная перед экономикой страны, – мобилизация трудовых резервов – также осуществлялась сплошным насилием. Деревня осталась почти без мужчин, в сёлах на 100 колхозных дворов осталось не более 8-10 мужчин в призывном возрасте, да и то только те, кто был забракован, признан негодным для армии и мобилизации в город. Только в течение одного 1943 года было мобилизовано из села свыше 7,6 миллиона человек, не считая мобилизованных в армию. Уже в начале 1943 года в селе 71 % работников составляли женщины, около 4 % – мальчики в возрасте до 18 лет и около 9 % старики свыше 50 лет.

Деревня потеряла не только мужскую силу, но и механизированную силу тракторов и грузовиков. Всё, что можно было взять, было отправлено в армию. Ковра и лопата остались спасать социалистическую деревню.

Перебрасывая неполноценную рабочую силу в город, советская власть провела тотальную мобилизацию мужского населения на военную службу. Даже такие важные в стратегическом отношении отрасли промышленности, как металлургия и горное дело, остались без квалифицированного персонала. Резкое падение производительности в горном деле, в нефтяной промышленности и в металлургии заставили правительство в 1942 году отозвать из армии специалистов металлургов и горняков.

В качестве трудовых резервов была использована женская рабочая сила и подростки. Ни одна из воевавших стран не прибегала к такому огромному вовлечению женщин и детей в производство. Уже в 1942 году женский труд составил 53 % занятых в народном хозяйстве СССР, даже в промышленности количество работающих женщин превышало количество работающих мужчин вместе с подростками. В таких отраслях народного хозяйства, как пищевая промышленность и здравоохранение, женщины составляли свыше 80 % всех занятых в них работников. За период войны только через школы трудовых резервов было передано в народное хозяйство свыше двух миллионов подростков. На заводах тяжёлой промышленности работали подростки и дети 12–14 лет. Ни одна из воюющих стран не была вынуждена прибегать к эксплуатации труда малолетних. Проблему трудовых кадров хуже всех смогли разрешить коммунисты, и это было следствием порочности их социально-экономической системы и большевицкой системы организации.

Снижение жизненного уровня

Задача снабжения фронта целиком была разрешена за счёт снижения уровня материального снабжения населения. Хотя и очень слабое, но всё-таки известное представление об этом дают цифры перераспределения общественного продукта, приводимые Вознесенским. Из них вытекает, что личное потребление уменьшилось в 2,5–3 раза по сравнению с 1940 годом.

В качестве особого достоинства советской экономической системы провозглашалось то, что «советское государство, несмотря на огромные трудности военного времени, строжайше соблюдало сохранение стабильного уровня государственных розничных цен на предметы продовольствия и широкого потребления первой необходимости» (см. «План, хозяйство», 1948, № 1, с. 77).

Удержание пайковых цен на уровне 100,5 % довоенных цен не являлось существенным, так как оплата нормированных продуктов играла очень малую роль в бюджете советского гражданина. Из-за падения нормы снабжения в 2,5–3 раза без частного рынка просуществовать было невозможно. А цены на этом рынке отражали с предельной ясностью продовольственную

ситуацию в стране. Сам Вознесенский пишет, что «индекс цен на колхозном рынке в 1943 году по сравнению с уровнем 1940 года увеличился на продукты растениеводства в 12,6 раза и на продукты животноводства – в 13,2 раза». Цена килограмма сахара или мяса поднялась до 300–500 рублей, а килограмм жира – до 750–1 000 рублей, превышая, таким образом, среднемесячную зарплату (573 рубля в 1943 году по официальным данным Госплана).

Инфляция

Миф об устойчивости денежного обращения в СССР разбивается фактами, приводимыми самим Госпланом и упоминаемыми Вознесенским. «В 1942 году, – пишет последний, – денежные доходы населения превышали денежные расходы в связи с сокращением розничного оборота. Это привело к увеличению денег в обращении». За три года денежное обращение выросло в 2,4 раза. Если учесть убыль населения (в том числе живущих под оккупацией), а также принять во внимание, что из 15 миллионов мобилизованных редко кому приходилось иметь деньги на руках, то фактическое количество денег в обращении было в три раза больше, чем до войны.

Сокращение товарооборота до 0,4 довоенного уровня даёт относительный рост денежного обращения в 7–8 раз. Отсюда можно и надо делать вывод, что Советский Союз имел во время войны самые обесцененные денежные знаки в мире – наименее устойчивую валюту из валют стран победителей и даже значительно более низкую, чем в побеждённой Германии.

Катастрофа с обновлением основных фондов промышленности

Как особое достижение советской военной экономики отмечается непрерывный прирост производства военного снаряжения и боеприпасов. Как сообщает тот же Вознесенский, на военные нужды в 1940 году было израсходовано 830 тысяч тонн, в 1942-м – 1 838 тысяч тонн и в 1943-м – 2 437 тысяч тонн стали. Военное производство обеспечивалось за счёт катастрофического снижения обновления производственного аппарата. Накопление (обновление основных фондов промышленности) упало до 4 % народного дохода в 1942 году против 19 % в 1940 году. В то же время и США, и Великобритания за этот период увеличили, а не уменьшили обновление основного капитала промышленности.

Поставки союзников

Поставки союзников во время войны играли очень важную роль в ликвидации прорывов, возникших в социалистическом производстве СССР. Большевики никак не могут допустить, что союзники спасли их экономику и помогли им выдержать войну, оказав существенную помощь в самый острый период – в первые месяцы боевых действий. Желая убедить общественное мнение мира в малом значении материальных поставок союзников, советские экономисты приводят только одну цифру – размер помощи дружественных держав по сравнению с валовой продукцией советской промышленности, что составило будто бы только 4 % того, что произведено было внутри страны. От советского гражданина скрывают и размер помощи, и номенклатуру доставленных материалов. Удельный вес поставок был, конечно, значительно более высок. При довоенном паритете: 1 доллар – 5,3 рубля для перевода в рубли стоимости импортных товаров принят паритет 1:3. Благодаря этому получается, что импорт в Советский Союз составил в 1943 году всего 8 460 миллионов рублей, в то время как только из США было вывезено товаров на 2 994,8 миллиона долларов (по паритету 1:5,3 – на 16 миллиардов рублей). С импортом из Великобритании и Канады ввоз товаров в ценностном выражении был ещё более высоким.

Кроме того, при исчислении в натуральном выражении выходит, что одна пара советской обуви стоит столько, сколько импортированных 4–5 пар американской обуви. Такое же расхождение и по другим товарным поставкам. Мы не располагаем достаточными данными, чтобы определить точно удельный вес импорта в СССР, но, во всяком случае, он составил в пиковые годы войны не менее 15–20 % всего потребления продукции. Главное, понятно, не в

размере самих поставок, а в их качественном значении для бесперебойного функционирования аппарата военной экономики страны. Важно не то, на сколько рублей было поставлено, а что именно было предоставлено союзнику. Если мы просмотрим номенклатуру хотя бы важнейших видов товаров, которые получил СССР у союзников, то нам сразу станет ясно решающее значение экономической помощи, предоставленной коммунистам для выигрыша войны.

Три страны – США, Великобритания и Канада – в течение войны предоставили Советскому Союзу товаров на сумму свыше 13 миллиардов долларов, из которой на долю США приходится около 11,2 миллиарда долларов.

Что же было поставлено в СССР союзниками?

Департамент Торговли США приводит следующие данные: советское правительство получило от США 14,5 тысяч самолётов, 7,5 тысяч танков, почти на 1 миллиард амуниции и прочих военных припасов (военные поставки составили половину всего импорта); свыше 475 тысяч тракторов, тягачей и прочих видов механизированного транспорта; 30 тысяч металлорежущих станков; около 2 тысяч локомотивов; свыше 300 тысяч тонн цветных металлов (меди, алюминия и других); 11 миллионов пар обуви; около 20 миллионов метров военного текстиля; 2 миллиона тонн продовольственных товаров – мяса, яиц, молочных продуктов, консервов и прочего. В поставки из Великобритании входили: свыше 100 тысяч тонн продуктов, 100 тысяч тонн резины, силовых установок на мощность свыше 370 тысяч киловатт, 15 тысяч электромоторов, свыше 100 тысяч тонн изделий из цветных металлов. Канада экспортировала в СССР свыше 200 тысяч тонн пшеницы и муки, почти 100 тысяч тонн цветных металлов, более 13 тысяч тонн рельсов и других железнодорожных материалов. Советский Союз получил семена, сельскохозяйственные машины, продукты питания и ткани.

Если бы ввоз цветных металлов не был осуществлён, то две трети советских самолётов не были бы собраны, без импортной резины на три четверти сократился бы механизированный транспорт.

Без поставки олова советская консервная промышленность имела бы жестяной тары всего только на одну пятую часть выработанных консервов, а многие виды продукции вовсе не могли быть произведёнными. Значение олова для советской экономики видно уже из того, что после объявления войны внутренние цены на олово были подняты в пять раз (с 25 тысяч рублей за тонну до 125 тысяч рублей).

Даже сам по себе тот факт, что советскую армию пришлось одеть в американское хаки и обувь в американскую обувь, говорит уже очень много.

Выводы

Всё вышесказанное, покоящееся на советских материалах, приводит нас к следующим выводам:

1) Советская экономическая система оказалась менее гибкой и более громоздкой, чем экономическая система Запада. Испытание войной больше обнаружило её недостатки, чем преимущества.

2) Разрешение проблем военной экономики потребовало не только осуществления особых мероприятий, которые проводились и в экономике других воевавших стран, но полной военизации тыла, введения чрезвычайного положения во всех областях народного хозяйства и поддержания дисциплины внутри страны при помощи специальных военных трибуналов.

3) Вопрос рабочей силы в связи с мобилизацией мужского населения ни в одной стране не стоял так остро, как в СССР. Разрешался он чисто насильственным путём: мобилизацией сельского населения для работы в городе, введением частичной военной повинности для женщин и трудовой повинности для малолетних.

4) Ни одна страна не разрешала вопросы военной экономики за счёт катастрофического снижения уровня жизни населения; ни в одной стране снабжение населения не находилось в таком критическом положении, как в стране советского социализма.

5) Благодаря помощи союзников советская промышленность смогла удержать военный

потенциал на необходимом уровне и избежать как военной катастрофы, так, в известной мере, и тыловой.

Лубянская грань Р. Горчаков

«Посев», 2000, № 8

«Конвойный Бриллиант»

В 1991 году в книге «Братство северных конвоев» мне довелось высказать уверенность в том, что завещанная нам ветеранами история северных конвоев обладает, подобно драгоценному бриллианту, множеством граней.

Я и сегодня убеждён в непреходящей ценности уроков уникального феномена северных конвойных плаваний. Но приходится признать, что за прошедшие годы это историческое богатство осталось почти невостребованным нашим обществом, увлекая лишь узкий круг энтузиастов в основном из когорты профессиональных историков. Период общедоступности архивов был опасно краток, а редкие новые издания о конвоях и ленд-лизе не достигли подавляющего большинства российских библиотек. Газеты и журналы продолжали традиционно вспоминать про боевое содружество в Заполярье лишь по «престольным праздникам», кинематографисты же, похоже, предпочли и подавно забыть о нём раз и навсегда.

Зато никак не желает забываться практика использования конвойных плаваний в качестве бастиона идеологической борьбы с «буржуазными фальсификаторами». Её аргументы не отличаются новизной: в ответ на любые попытки аналитического пересмотра стереотипов, сложившихся в годы холодной войны, тут же следуют обвинения в отсутствии патриотизма, а байки сталинской поры с прежней безапелляционностью противопоставляются архивным документам. Так, набившую оскомину версию о торпедированном нашей подлодкой линкоре «Тирпиц» мне в последний раз довелось услышать по питерскому телевидению не далее как в канун 9 мая 2000 года. Представляю, как изумился бы этой передаче экипаж немецкого линкора, ни о каком таком торпедировании собственного корабля не подозревавший. Это не говоря уже об архивистах, располагающих полным объёмом ремонтных ведомостей «Тирпица», где за весь 1942 год нет ни слова о повреждениях корпуса или винто-рулевой группы.

Конечно, были на протяжении последних лет и прямо противоположные примеры – от подвижнических усилий питерского общественного объединения «Полярный конвой» по превращению ледокола «Красин» в национальный музей истории конвойных плаваний до обстоятельных научных работ верных конвойной теме историков Поморского университета в Архангельске. Но эти замечательные примеры, к сожалению, слишком немногочисленны, чтобы выйти за рамки исключений. Вовсе не хочу сказать, что у наших бывших союзников с популяризацией темы северных конвоев всё идеально, и тамошних старшеклассников за уши не оттащишь от полок с исторической литературой. Людей безразличных хватает в наше (да, пожалуй, и в любое иное) время повсюду.

Но далеко не повсюду атмосфера общественной жизни определяется именно ими. Встречаясь с моряками, библиотекарями, школьниками, журналистами различных стран, могу не без грусти констатировать, что в 2000 году тема конвойных плаваний в Россию нигде не заброшена на обочину с таким равнодушием, как в самой России, – идёт ли речь о массовых изданиях мемуарной и художественной литературы, об активности в Интернете флотских историков и ветеранских ассоциаций, о широком прокате видеокассет с записями соответствующих фильмов, или хотя бы о сугубо практических ингредиентах поддержания высокого общественного престижа конвойных плаваний, наподобие материального положения ветеранов.

Даже наши бывшие противники находят возможность с должным уважением упомянуть о русских полярных конвоях в своих материалах для школьных экскурсий по отсекам мемориальной подлодки «U-995», даже на далёкой Тасмании экспозицию местного музея морской славы открывает любовно изготовленная модель корвета «Блюбелл», погибшего в

Кольском заливе при защите мурманского каравана «РА-64», даже в маленькой, для всех открытой библиотеке австралийского посольства в Лаосе есть добрая дюжина отличных книг по конвойной истории – а много ли наших соотечественников знают о роли австралийцев в событиях на арктическом театре – от похода крейсера «Австралия» к острову Медвежий в самом начале войны до заключительных кадров гибели «Тирпица», отснятых со своего «Ланкастера» ветераном заполярных воздушных атак австралийским лейтенантом Бакхэмом?

Власти Сан-Франциско, те и вовсе сумели бережно сохранить транспорт прославленного в конвойных плаваниях типа «Либерти» – пароход «Джереми о'Брайен», нынешние экскурсионные рейсы которого вдоль калифорнийских берегов служат источником неописуемого восторга для тысяч и тысяч юных американцев и предметом заслуженной гордости старшего поколения. Да и национальные библиографии Великобритании, США, Канады, Австралии красноречиво свидетельствуют о том, что за последние годы интерес к конвойной теме уверенно обретает там второе дыхание – преимущественно за счёт молодёжи, увлечённо исследующей всё новые и новые аспекты союзных поставок в СССР.

Грузы для победы и ГУЛага

Есть у «конвойного бриллианта» одна – и весьма существенная – грань, которая до сих пор обойдена вниманием историков. Сам того не осознавая, я впервые прикоснулся к ней ещё студентом, столкнувшись на целине в конце 1950-х с неожиданным изобилием «Студебекеров», которые в моём родном Ленинграде к тому времени уже почти полностью исчезли. У среднеазиатских старожилов из числа немецких спецпереселенцев за этой машиной прочно закрепилось зловещее прозвище «Берия-ваген». По их утверждениям, НКВД за пределами железных дорог производил свои массовые депортации военных лет преимущественно на новеньких «Студебекерах», которые, несмотря на любую ожесточённость фронтовых боёв, якобы всегда имелись у чекистов в неограниченном количестве. Свидетельство это показалось мне тогда слишком неправдоподобным, чтобы быть принятым на веру – из моей памяти ещё не стёрся повсеместный призыв военных лет «Всё для фронта!».

Чуть позднее, уже в начале 1960-х, я вновь едва поверил собственным глазам, за приметив возвышающийся среди УралЗИСов и полуторок, ржавевших у магаданского причала «Вторчермета», изрядно помятый остов могучего ленд-лизовского «Даймонда». Поинтересовавшись у сторожа, откуда в краях не столь отдалённых мог взяться американский артиллерийский тягач, я услышал неожиданный ответ: «Да их раньше на Колымской трассе как собак нерезанных было – почитай, весь зимник на них держался».

Главная артерия дальневосточного ГУЛага держалась на ленд-лизовской технике?! По молодости лет такое предположение показалось мне настолько противоестественным, что я опять-таки принял слова старожила за одну из бесчисленных местных легенд. Даже подробный рассказ о входивших в Колымское речное пароходство НКВД построенных в Америке ледокольных буксирах «Александр Невский» и «Александр Суворов» ни в чём меня не убедил.

И только много позднее, на печально знаменитой «мёртвой дороге» Салехард-Игарка, вблизи призрачных лагпунктов которой мне довелось проработать более четверти века, я воочию удостоверился, что ни малейшего преувеличения в откровениях моих магаданских и целинных собеседников не было. Посвящённый ленд-лизу известный американский плакат «Грузы для победы!» мог бы с полным основанием завершаться дополнением «и для ГУЛага!».

После того как со смертью Сталина сооружение «мёртвой дороги» было прекращено, всё электроснабжение Игарки вплоть до середины 1970-х осуществлялось исключительно от ленд-лизовских дизель-генераторов, переправленных в город из соседних лагерей в Курейке и Ермаково. А в качестве резерва эти ветераны «Дженерал Электрик» проработали аж до 1986 года! Ещё одним чекистским наследством, осчастливившим игарчан, стали надёжные американские радиостанции «V-100», обеспечивавшие ранее на перегонах «стройки века» связь между лагерями. По свидетельству оставшихся в Игарке вольнонаёмных и заключённых участников этого безумного проекта, заокеанская техника прибывала к ним отнюдь не в виде отслужившего фронту «б.у.», а в заводской упаковке, с нетронутым комплектом запчастей, инструмента и подробных инструкций, отпечатанных на сиявшей девственной чистотой

глянцевой бумаге.

Причём связью и энергетикой союзный вклад в дело обустройства гигантского лагеря уничтожения, каким, по сути, была «мёртвая дорога», отнюдь не ограничивался. На всём её протяжении можно было увидеть постепенно уходящие в вечную мерзлоту отвалы вохровских кухонь, которые изобиловали жестянками из-под американского яичного порошка, упаковками от английского чая и канадской муки. Среди зарастающих лагерных зон нет-нет, да и тускло взблещивала на полусгнивших столбах странная колючая проволока, в отличие от отечественной «колючки» наотрез отказывавшаяся ржаветь даже за Полярным кругом.

Наконец, на самих рельсах, чьи штабеля угрюмо чернели вдоль ведущей в никуда насыпи, стояли клейма питтсбургских сталепрокатных заводов. Многие из этих штабелей располагались напротив лагерных кладбищ с шеренгами нечитаемых уже, полусгнивших фанерных табличек, прикрученных к кольям из карликовой берёзы. Глядя на них, я не раз задумывался над тем, сколь могущественной оказалась лубянская «чёрная магия», заставившая даже подвиг героических конвойных проводок в Россию кощунственно обернуться этими бесчисленными жуткими кладбищами среди заполярных болот, муками колымчан в трюмах барж, тянувшихся на север вслед за американскими буксирами, страшной судьбой целых народов, выселявшихся на фордовских грузовиках в гиблые пустыни и степи. Нимало не сомневаюсь, что сталевары Питтсбурга, автосборщики Детройта, судостроители, командиры доблестных эсминцев и в кошмарном сне не смогли бы себе представить подобного использования «грузов для победы». Но – догадывались ли об этом западные политики?

Запад не знал?

Вне всяких сомнений, знал. Иначе не клались бы в Лондоне под сукно эмоциональные доклады капитанов и командиров о неслыханно жестоком обращении чекистов с колоннами еле живых подконвойных «докеров». Иначе любые попытки подчинённых проконтролировать дальнейшие маршруты союзных поставок в СССР не пресекались бы Рузвельтом с такой нетерпимостью – вплоть до отставки американского посла в Москве адмирала Уильяма Стэндли, мужественно добивавшегося от собственных и советских руководителей взаимно ответственного поведения. Иначе не отличалось бы скрупулёзной точностью обнародованное уже при Трумэне заявление военного министра США Ройала о количестве заключённых в сталинских лагерях – не в единый же миг скопилась эта информация! Иначе не был бы скрыт Черчиллем под покровом государственной тайны необычный характер первого обратного груза из СССР – в августе 1941 – го на борту «Эмпресс оф Кэнэда» отправились из Архангельска в Англию не меха, не лес, и не руда, а недавние британские и французские узники сталинских лагерей. История их неожиданного появления в Архангельске тоже не разглашалась на Западе до самого конца пребывания Черчилля у власти, – а между тем, история эта была весьма примечательна.

После подписания сентябрьского договора 1939 года о дружбе с СССР Гестапо стало смотреть сквозь пальцы на попытки бегства симпатизировавших Советскому Союзу западных военнопленных через бывшую польскую границу. В Рейхе нимало не сомневались: на «родине мирового пролетариата» беглецам окажут такой приём, что они ещё не раз вспомнят свои опекаемые Красным Крестом немецкие бараки как рай земной.

Так и произошло. Все «англо-французские лазутчики» после допросов аккуратно отправлялись чекистами по этапу прямёхонько в гостеприимно распахнутые ворота особлага неподалёку от устья Северной Двины. О существовании тамошнего засекреченного «спецконтингента» союзникам стало известно лишь благодаря фантастически удачному бегству из лагеря в московское посольство Великобритании английского солдата Джеймса Аллена. Чекистам пришлось нехотя выпустить добычу из лагерной пасти.

Стопроцентная безнравственность

В октябре 1944-го Черчилль насильно (и опять-таки в обстановке глубочайшей секретности) депортировал из Ливерпуля в Мурманск на судах конвоя «JW-61 А» десять тысяч

военнопленных из числа бывших граждан СССР. Многие из них, памятуя о сталинской фразе «Пленных у нас нет, у нас есть только предатели», предпочли возвращению самоубийство. Вслед за Мурманском ещё более щедрые союзные дары ГУЛагу отправились из Ливерпуля и в другие советские порты. Напрасно английские моряки «Скифии» открыто возмущались происходящим. Напрасно капитан «Эмпайр

Прайда» категорически отказался сидеть за одним столом с чекистами, сопровождавшими «живой груз» в разверстую бериевскую пасть.

Напрасно протестовал против циничных контактов с Лубянкой бесстрашный писатель Джордж Орвелл. Напрасно британский командующий «депортационным» военным округом осторожно намекал политикам, что «русские заключённые подвергаются и будут подвергаться самому жёсткому режиму, однако они настолько закалились в концентрационных лагерях в Европе, что мы едва ли сможем их сломить». Возглавляемое убеждённым социалистом Иденом ведомство иностранных дел непреклонно придерживалось «строго нейтральной» позиции: «Все те, с кем советские власти пожелают иметь дело, должны быть выданы им, и нас не касается, – будут ли они расстреляны или подвергнутся каким-либо иным наказаниям».

Нет никакой загадки ни в поразительной бесчеловечности лондонских политиков, сознательно отправлявших русских заключённых на верную гибель, ни в расточительной щедрости политиков вашингтонских, всю войну закрывавших глаза на истинное предназначение требуемых Сталиным поставок (например, в разгар немецкого наступления 1941 года руководство Амторга вдруг запросило у американцев свыше четырёх тысяч километров колючей проволоки, не встретив ни единого вопроса о том, кого и где именно при отсутствии затяжной позиционной войны собирается ограждать «русский вождь» на таком немыслимом пространстве).

В своё время Александр Исаевич Солженицын исчерпывающе определил сущность подобного поведения термином «целесообразность».

До тех пор пока Красная Армия продолжала исправно отвлекать на себя основные силы Вермахта, и Рузвельту, и Черчиллю было равным счётом всё равно, сколько русских будет отправлено в лагеря на ленд-лизовских автомашинах и сколько русских погибнет на фронте из-за отсутствия там этих автомашин. Стопроцентную безнравственность такой позиции ничуть не извиняют ссылки на первоочередную заботу западных политиков о жизни собственных граждан – ни христианские заповеди, ни принципы демократии не признают никакой разницы между хладнокровным убийством англичан и хладнокровным убийством русских.

«Этот солдафон» Стэндли

Вряд ли были состоятельны и взволнованные предсказания неминуемого краха антигитлеровского альянса в случае ссоры со Сталиным из-за требований чёткого контроля за судьбой поставляемых в СССР грузов. Наиболее последовательным сторонником такого контроля был уже упомянутый посол США в Москве, адмирал Стэндли. Этот честный и пронизательный человек, с искренним уважением относившийся к нашему народу, несомненно, заслуживает благодарной памяти потомков за свою бескомпромиссную верность принципам справедливости, свободы, противостояния наглой лжи. К паническому ужасу «опекавших» его Молотова и Вышинского, Стэндли никогда не боялся делать то, чего в тогдашней Москве никому даже присниться не могло – повышать голос на Самого, а то и в гневе стукнуть по столу кулаком, как это случилось, например, когда Сталин попробовал беззастенчиво врать послу о мнимом бегстве в Манчжурию польских офицеров, которые на деле были давно расстреляны чекистами в Катыни. Столь же упорно Стэндли добивался истины в вопросах расширения американских поставок. При обмиравшем от страха Вышинском адмирал настойчиво требовал от Сталина объяснений, зачем Соединённым Штатам присылать новые грузы, если прежние, по собранным посольством данным, зачем-то удерживаются на промежуточных станциях, образуя под снегом целые контейнерные города.

Возмущённый систематическим замалчиванием советскими газетами не только объёмов, но и самого факта союзной помощи, Стэндли, не колеблясь, созвал в посольстве пресс-конференцию, где открыто высказал всё, что думал о такого рода двойной игре. Теперь

уже в холодный пот бросило не только московскую, но и вашингтонскую бюрократию, засыпавшую Рузвельта апокалиптическими прогнозами поведения Сталина, разгневанного «этим солдафоном». Самым поразительным, однако, было то, что из всего дипломатического корпуса наиболее дружественные отношения у Сталина сложились как раз с «этим солдафоном», который запросто угощал вождя привезённым виргинским табаком, беседовал с ним на темы, от которых прочие сталинские собеседники пугливо уклонялись, а также занимал с интересом слушавшего хозяина Кремля колоритными рассказами о своём детстве на просторах знаменитой «русской Америки» и о впечатлениях от коронации Николая II, на которую он ещё совсем молодым мичманом был приглашён из Владивостока вместе с офицерами гостившего там крейсера «Олимпия». Взаимное уважение посла к советскому руководителю отразилось в его посланиях к президенту, где он настаивал: «Шеф, отнеситесь, наконец, к Сталину, как к взрослому человеку, а не как к капризному ребёнку, которого надо непрерывно осыпать рождественскими подарками – перестаньте разыгрывать доброго Санта-Клауса!»

Архитекторы «империи Зла»

Но в госдепартаменте царили совсем иные настроения, и тамошние советы президенту имели прямо противоположную тональность: любые возражения Сталину способны подтолкнуть его к заключению сепаратного мира с немцами. К 1943 году, когда Рузвельт, избавившись от несговорчивого адмирала Стэндли, окончательно перешёл к политике «доброты Санта-Клауса», для неё уже не было никаких военно-экономических обоснований: потери нацистов на восточном фронте в сочетании с колоссальным потенциалом американской промышленности не оставляли Гитлеру ни малейших шансов на победу. Сталин, соответственно, о сепаратном мире с Германией более не помышлял и не вышел бы из войны даже при полном разрыве отношений с западными союзниками.

В этом случае советские армии, оставшиеся без западных поставок фронту и тылу, скорее всего, отпраздновали бы победу не в Берлине, Белграде и Вене, а на собственной довоенной границе – но не думаю, чтобы это обстоятельство стало ударом по делу торжества демократии. Скорее, наоборот. А что чекисты не получили бы миллионы строителей своих «мёртвых дорог» и гигантского автопарка для их доставки – так оно бы, может, и к лучшему?

Но к лучшему мир способен меняться только при наличии достаточно дальновидных политиков, умеющих строить международные отношения не на зыбкой сиюминутной основе «доверительных бесед с моим великим другом», а на беспристрастном анализе развития реальной ситуации, на ответственности перед информированным гражданским обществом, на принципах соблюдения демократических традиций – в том числе и традиции недопустимости любых стратегических решений, принимаемых в глубокой тайне от народа.

Таких политиков на Западе в годы II мировой войны, к сожалению, не нашлось. Поэтому мюнхенский позор предательства миллионов чехов и словаков логически завершился ялтинским позором предательства десятков миллионов русских, поляков и других европейцев. Демократии не выиграли от ялтинского сговора со Сталиным ничего. Проигрыш же оказался настолько чудовищным, что и Рузвельт, и Черчилль имеют несомненное право претендовать на лавры главных архитекторов послевоенной «империи зла».

Дж. Уилсон и жертвы Ялты

Их близорукая верность единожды выбранному курсу на безоговорочное сотрудничество со Сталиным в значительной степени подпитывалась наличием в странах Запада чрезвычайно активной и влиятельной пятой колонны большевизма – всех этих Бургессов и Маклинов, Филби и Паркерров, Смолок и Генри, Стрэйчи и Хиссов, из кожи вылезавших ради «торжества прогресса» и создания кремлёвскому выродку ореола величайшего поборника свободы.

Далеко не все из них сотрудничали с НКВД из-за денег или из страха разоблачения своих гомосексуальных, алкогольных и прочих «развлечений на стороне» – было немало и таких, кто работал на Лубянку из сугубо идеалистических побуждений (если только хорошее слово

«идеализм» вообще применимо в данном контексте).

Особенно много добровольных поставщиков ГУЛага угнездилось в таком святилище британской элиты, как Форин Оффис. Его глава Энтони Иден даже после потрясшей союзников трагедии преданного Варшавского восстания подобно токующему глухарю продолжал настаивать, что ему «чрезвычайно по душе Сталин, который всегда держит своё слово».

Да и сама людоедская идея насильственной депортации русских военнопленных родилась отнюдь не на Лубянке, а почти за год до Ялты, в голове второго секретаря британского посольства в Москве Джеффри Уилсона, недавнего председателя лейбористского клуба Оксфордского университета. Лощёным любителям порассуждать за старым портвейном о социалистическом эксперименте, удачно проведённом «старинной Джо», были абсолютно безразличны действительные страдания участников этого эксперимента – лишь бы никто не посягал на выращенные в клубном уюте драгоценные марксистские иллюзии.

Самое ценное в этом мире

Зато на самой Лубянке никаких иллюзий относительно сущности их «дипломатических попутчиков» не питали. Министр ГБ Меркулов при допросе внука казачьего генерала Краснова не удержался от смеха: «Да как вы вообще могли довериться англичанам? Они же, не моргнув, с радостью продадут кого угодно! В политике они проститутки, их Форин Оффис – настоящий публичный дом». Надо полагать, что чекисты хорошо знали свою клиентуру...

Трагическая лубянская грань «конвойного бриллианта» обращена, прежде всего, к потомкам, предупреждая нас о безмерной опасности неразборчивого предпочтения испытанным общечеловеческим ценностям сомнительных преимуществ личной дружбы с очередными «прогрессивными лидерами великого народа». Нам следует вспоминать об этой грани всякий раз, когда безнравственные международные или партийные компромиссы грозят обернуться предательством интересов граждан, когда болтовнёй о любви к законности начинают заниматься нераскаянные чекисты, когда провозглашение государственных приоритетов становится удобной ширмой для преступлений. Опыт северных конвоев свидетельствует, что в подобных условиях даже самые, казалось бы, благонамеренные программы имеют ярко выраженную тенденцию завершаться бесконечными шеренгами нечитаемых кладбищенских табличек.

Очень точно уловил главный урок подвига многонационального конвойного содружества архангельский профессор Михаил Супрун, заключив свою книгу «Ленд-лиз и северные конвои» достойным её героев выводом: «И как бы ни продолжалась далее дискуссия, одно остаётся бесспорным: нет и не может быть ничего ценнее в этом мире, чем жизнь человека». Кстати сказать, точно такая же мысль содержится и в главном законе нашей страны – вот только об этом «конституционном поле» отдельной человеческой личности нынешние российские власти, точь-в-точь как и при Иосифе Виссарионовиче, почему-то предпочитают не вспоминать.

Жертвы Ялты А. Столыпин

«Посев», 1981, № 4

11 февраля 1945 года в последний день работы Ялтинской конференции Великобритания и США обязались репатриировать тех лиц, которые 1 сентября 1939 года являлись советскими гражданами. 29 июня 1945 года аналогичные обязательства взяла на себя Франция. Эта договорённость привела к насильственной выдаче в СССР не только граждан СССР, но и многих российских эмигрантов не имевших советского гражданства. В тех случаях; когда репатрируемые не проявляли желания отправляться в Советский Союз, где их неминуемо ждали репрессии, к ним применяли физическое насилие.

Редактор-составитель

Вышла по-английски, а затем по-французски книга Николая Толстого «Жертвы Ялты»

(Nicolas Tolstoi. «Les victimes de Yalta». – Paris: Editions France-Empire, 1980. – Traduit de l'anglais par Sergiu Manoliu et Jean Joba), в которой автор не только рассказывает о трагических насильственных выдачах бывших советских граждан, но и называет некоторых главных виновников этих преступлений – на основании документальных данных.

Автор сосредоточивает своё внимание на английских исполнителях Ялтинского соглашения. Действительно, первый приказ о выдачах был дан в Лондоне. Но позволительно думать, что ответственность США здесь столь же велика.

Нельзя сказать, что Н. Толстой вообще обошёл молчанием роль американцев в насильственной репатриации, однако он сказал мало. Так, выдаче первой власовской дивизии посвящено буквально пять строк, а о том, кто лично за это ответствен, вообще не сказано. Описание роли американцев в этих делах ещё ждёт своего автора – если к тому времени останутся следы и свидетели. Зато о роли англичан в насильственных выдачах правительство свободной России сможет, если найдёт нужным, составить на основании работы Н. Толстого полноценную «Белую книгу».

Состав обвинения

Основные пункты обвинения легко сформулировать на основании документов, собранных Н. Толстым.

Начать следует ещё с военного времени. В начале 1944 года англичане и американцы сбрасывают во Франции с самолётов листовки на русском и армянском языках. Одна из листовок хранится в Лондоне, в архиве Министерства Иностранных Дел. В ней сказано: «Каждому предъявителю этого документа будет обеспечена свободная и независимая жизнь». Н. Толстой сообщает, что 900 русских, считавших себя принадлежащими к РОА, на основании этих листовок сдались союзникам в бельгийском городе Намюре. Однако после окончания войны обязательства, данные союзниками в листовках, рассеялись как дым.

Ялтинский договор был подписан тоже до окончания войны (11 февраля 1945 года). Если сам факт его подписания стал известен всем, то его текст не публиковался в течение долгих лет. Это дало возможность не только по-разному толковать договор, но и предполагать, что его не публикуют, чтобы не обнаружить позорных пунктов о насильственной выдаче. Признаться, так думали и мы. Оказалось, что это неверно – весьма возможно, что текст договора скрывали не из-за наличия позорных пунктов, а из-за их отсутствия, из-за того, что он мог стать оружием против выдачи!

Американский дипломат Чарльз Болен в своих воспоминаниях пишет: «В этом тексте не было и намека на то, что мы обязаны насильно высылать в СССР советских граждан, этого не желавших.»

А в лондонских архивах Н. Толстой нашёл высказывание Патрика Дина, одного из составителей текста Ялтинского договора. Дин пишет: «В текст Ялтинского договора, правда, не включено чёткое обязательство репатриировать советских граждан вопреки их желанию. Но вся редакция текста ясно подразумевает, что эти граждане должны быть переданы советским властям, независимо от их мнения по этому вопросу».

Итак, насильственные выдачи происходили не на основании того, что было написано в тексте договора, а на основании того, что там «подразумевалось»!

По признанию того же Дина (и других), английские эксперты Министерства Иностранных Дел при выдаче СМЕРШу людей руководствовались не столько нормами международного права, сколько «требованиями тогдашней политической обстановки». Обстановка же, по их мнению, требовала двух вещей.

Во-первых, нельзя было раздражать Сталина и присылаемых им на Запад агентов СМЕРШа. Н. Толстой справедливо указывает на несостоятельность этого аргумента. Свои требования применить при выдаче насилие чекисты всегда предъявляли лишь в устном виде. Каждый раз, когда более совестливые западные офицеры просили показать это требование в письменном виде, агенты СМЕРШа не «раздражались», а поспешно «смазывали удочки». Следовательно, Дин и его коллеги не боялись раздражить, а стремились угодить.

Во-вторых, они якобы опасались, что отказ применить насилие при репатриации повлёт

бы за собой отказ выпустить английских и американских военнопленных, освобождённых Красной Армией при её вторжении в восточные районы Германии. Н. Толстой доказывает, что подобный шантаж Сталину и его приближённым никогда и в голову не приходил. Кроме того, когда все английские (40 тысяч) и американские (75 тысяч) пленные благополучно вернулись из этих областей на родину, то западные поставщики ГУЛага не приостановили насильственную репатриацию, а наоборот, усилили её. По расчётам Н. Толстого в СССР было отправлено 2 272 000 советских граждан, из коих 40 % – явно насильно.

Следующий пункт обвинения касается отношения западных демократий к подписанным ими после войны международным соглашениям. В своей рецензии на книгу лорда Бетелла «Последняя тайна» С. Кирсанов («Посев», 1976, № 8) справедливо отмечает, что западные державы (в такой же мере, как и СССР) пренебрегли во время репатриации Уставом ООН. Да, если бы Лондон и Вашингтон проявили уважение к своей подписи, то это бы прекратило беззакония (Устав был подписан 26 июня 1945 года, когда ряд насилий уже был совершён). Но этим вопрос не исчерпывается. Н. Толстой подробно останавливается на Женевской конвенции о военнопленных (её не подписал СССР, но для подписавших её союзников она была обязательна). Пункт 84 Конвенции гласит, что её текст «должен быть вывешен, на родном языке военнопленных, в доступных для них местах». В пункте 26 содержится запрет прибегать в отношении к военнопленным к какому-либо обману – чем (обманом) американцы и англичане беспрерывно пользовались. Там же говорится, что «в случае перемещения в другие места, военнопленным должно быть заранее сообщено, куда их переводят». Имеется ещё пункт 42, дающий военнопленным право направлять свои жалобы державе-покровительнице Конвенции, то есть Швейцарии.

Чтобы нарушить международные обязательства, нужны были аргументы. За их сочинение первым берётся всё тот же юрист английского Министерства Иностранных Дел Дин. Он пишет, что советские военнопленные, не желающие репатрироваться, не подлежат защите Женевской конвенции, поскольку они не признают «своё собственное правительство и законодательство своей страны».

«Став на иную позицию, мы оказались бы в неблагоприятном положении по отношению к союзным правительствам (каким ещё, кроме СССР? – АС.), каковые могли бы обвинить нас, что мы потворствуем изменникам, стремящимся уклониться от карающей руки своего отечественного правосудия».

Приводя свои достопримечательные аргументы, показывающие его отношение к вопросу о праве на политическое убежище, Дин перевирает факты. Он, вплотную занимавшийся вопросом о военнопленных, не мог не знать: это Сталин предал советских военнопленных, отказавшись подписать Женевскую конвенцию, что не дало возможности Красному Кресту о них заботиться и дало возможность Гитлеру морить их голодом (никто из военнопленных других стран от голода не умирал). Что же касается правосудия, то преступников (а таковые, несомненно, были) мог судить и британский военнополовой суд. Но суть дела была не в том, чтобы наказать подлинных преступников, а в том, чтобы убрать с Запада поголовно всех свидетелей коммунистических методов властвования. На основании документов и фактов, собранных Н. Толстым, мы видим, что насильственная репатриация – это не ошибки близоруких и наивных дипломатов, как казалось многим, а продуманные и упрямо проводившиеся действия определённых государственных деятелей, ведшие к укреплению коммунистической диктатуры.

На ком главная ответственность?

Первое место среди них по праву принадлежит главе английской дипломатии, министру иностранных дел Идену ставшему впоследствии лордом Эйвоном. 16 октября 1944 года в Москве за приятным ужином Иден дал Сталину и Молотову устное обязательство вернуть в СССР всех советских граждан, вне зависимости от их желания. Вскоре после этого (а не после Ялты) и началась насильственная репатриация.

И. Толстой обратился к лорду Эйвону с рядом вопросов относительно его роли в судьбе наших соотечественников. В ответ он получил ряд рассуждений о политической обстановке

того времени – и ни одного ответа ни на один конкретный вопрос. Однако о многом можно догадаться, прочтя то, что писал Иден о своей первой встрече со Сталиным (в 1935 году): «Сталин сразу же произвёл на меня сильное впечатление и моё мнение относительно его (государственных) способностей с тех пор не менялось... Я знал, что он неумолим, но уважал качество его ума и даже чувствовал к нему симпатию, которую никогда не мог полностью себе разъяснить».

Дорого обошлась эта симпатия...

А вот что писал Иден Черчиллю 2 августа 1944 года о русских, захваченных англичанами во Франции: «Эти люди... служили в немецких военных или вспомогательных частях. Их поведение во Франции было зачастую возмутительным. Нам незачем проявлять по отношению к ним гуманность».

И. Толстой уточняет: «Список военнопленных, составленный 26 июля (1944 года)... включал также больных, вывезенных из французских госпиталей, гражданских лиц, до того томившихся в тюрьмах за отказ служить немцам, санитаров, одного врача, беглецов из немецких лагерей и нескольких детей».

Кроме самого Идена, главных английских зачинателей насилия – четверо. Все – крупные чиновники МИД, юридические эксперты: уже упоминавшийся Патрик Дин, затем

Томас Бримелоу и руководители Северного отдела министерства Джон Голсуорси и Кристофер Уорнер. Они – несменяемые чиновники, и, следовательно, не просто исполнители. Когда консерваторы проиграли на выборах и к власти пришли лейбористы, то при новом премьер-министре Бевине все четверо продолжали руководить начатыми насилиями.

Н. Толстой пытался провести беседу со всеми четверьмя. Однако: «Из числа чиновников министерства, непосредственно связанных с этим делом, лишь один согласился со мной говорить. Но и он признался, что у него полностью отшибло память касательно событий именно того времени».

Интересно бы знать, у кого именно отшибло память? Может это всё тот же Дин, написавший 24 июня 1944 года в докладной записке министру: «Рано или поздно все эти люди должны быть высланы. Нам незачем знать, будут ли они расстреляны или только наказаны более сурово, чем если бы их судили по нашим законам».

К списку английских чиновников уместно прибавить имена их американских коллег, о которых И. Толстой пишет лишь вскользь. Государственный секретарь США Стеттиниус 8 ноября 1944 года пишет послу СССР в Вашингтоне Громыко: «При отправке советских граждан США, в случае необходимости, применит силу». 1 декабря 1944 года он посылает американскому политическому советнику в Италии Кирку инструкцию, где сказано: «Согласно политике США, все советские граждане, вне зависимости от их желания, должны быть переданы представителям СССР».

Один из главных советников Рузвельта в Ялте и начальник европейского отдела Государственного Департамента Фримен в официальном документе в конце 1945 года выражает удовлетворение, что над бывшими советскими гражданами была учинена расправа в Кемптене (12 июля 1945 года). От отмечает, что при выдаче к ним применяли насилие и на самой территории США.

Заместитель государственного секретаря Грю добивается, чтобы 118 бывших советских граждан, находившихся в США («Кэмп Шенк», штат Нью-Йорк), были вывезены в Германию. Там их 31 августа 1945 года выдали СМЕРШевцам.

Это только некоторые из высоких американских чиновников, инициаторов насилий.

На территории Англии осенью 1944 года было 32 295 бывших советских граждан. Сталин, отказавшийся в начале войны от всех военнослужащих, попавших к немцам, теперь вдруг оживился. Правда, не сразу. Когда 20 июля 1944 года англичане предложили, чтобы советская военная миссия совместно с представителями британского военного министерства занялась советскими гражданами, их запрос более месяца оставался без ответа. Сомнения Сталина рассеялись, когда он понял, что и в Англии есть охотники за русскими черепами – не менее ретивые, чем СМЕРШевцы. Документы, собранные Н. Толстым, подтверждают это. Уже известный нам Дж. Голсуорси рекомендовал дезинформировать находившихся в Англии бывших советских граждан, потому что «многие, подозревающие, что их вскоре отправят, будут

пытаться скрыться или покончить жизнь самоубийством». А (тоже упоминавшийся) Уорнер заявил, что «если в деле репатриации окажется необходимым произвести известное давление, мы можем полностью положиться на НКВД». Другой чиновник, Бримеллоу, советовал своему министру испросить у советской репатриационной комиссии вооружённую охрану, «чтобы в случае нужды применить во время отправок насильственные меры».

А отправки приближались. После упомянутого ужина, во время которого Иден обещал Сталину и Молотову выдать всех советских подданных, уже примерно через неделю, 24 октября, была создана советская репатриационная комиссия и чекистский генерал Ратов прибыл в Лондон. И уже 31 октября первый транспорт (10 139 человек) «изменников» был отправлен из Ливерпуля в Мурманск. В их числе 30 женщин и 44 ребенка.

18 апреля 1945 года английское судно «Альмансор» прибыло в Одессу с большой группой репатриантов. Часть из них СМЕРШевцы расстреляли на глазах у английских моряков. Английские моряки были ещё несколько раз свидетелями таких немедленных расстрелов. Один из них, русский эмигрант князь Дивен, лейтенант английского военно-морского флота, с возмущением доложил об этом по начальству и пытался что-то предпринять для спасения людей. Но добился лишь того, что его «взяли на карандаш».

Н. Толстой пытается выяснить: каковы были психологические побуждения молодых, блестящих дипломатов, взявшихся за выдачу людей на смерть? Сделать это, наверное, нелегко. Можно лишь вспомнить, что примерно к этому же поколению и той же дипломатической школе принадлежали и Мак-Лин и Бердвес, советские шпионы, бежавшие впоследствии из Лондона в Москву. Но и самим англичанам было бы важно знать, по какой причине их министр и некоторые чиновники их Министерства Иностранных Дел оказались под влиянием красного дурмана. Англичане способны и анализировать, и открыто признавать ошибки, совершённые в прошлом. И предоставлять свои государственные архивы в распоряжение исследователей (в том числе и иностранных).

Есть ещё один вопрос, которого Н. Толстой почти не касается, но который мы обязаны поставить. Это вопрос о том, что сделала первая русская эмиграция в Англии для спасения своих земляков? Ведь у некоторых, живших в Англии с 1920-х годов, были немалые связи во влиятельных кругах. Использовали ли они эти связи? Использовали ли они для защиты людей английскую печать, которая даже в военное время пользовалась большой свободой? Ведь шума в печати английские поставщики ГУЛага очень боялись. Когда в транзитных лагерях участились случаи самоубийств, Дин обратился от имени своего министерства в Министерство информации с просьбой «в пределах возможного избегать малейшей огласки».

Обращались ли в Парламент? Ведь даже в военное время можно было прибегнуть к помощи членов Нижней палаты или Палаты лордов, где было немало честных и смелых людей. Когда до них дошли сведения о подробностях выдач, они стали предпринимать соответствующие шаги. Но это было лишь в 1946 году, когда ряд злодеяний был уже совершён.

Мне всегда казалось, что на первую русскую эмиграцию, жившую в то время в Англии, ложится большая доля ответственности за непотворение выдачам. Книга Н. Толстого только усиливает это тягостное чувство. Он упоминает лишь князя Ливена и капитана английской службы Нарышкина, пытавшихся спасти людей. Но упоминает он и господина Саблина, тогдашнего официально признанного председателя Комитета русских эмигрантов в Англии, передавшего в руки чекистов бывшего советского подданного Александра Романова. О Саблине в архивах Министерства Внутренних Дел есть запись, что он «завязал дружеские отношения с советскими представителями».

Некоторые английские семьи оказывали посильную и часто неумелую помощь бывшим советским гражданам. Н. Толстой рассказывает о супругах Бакшелл, с помощью которых 42 человека запросили у английских властей политическое убежище. Прошение попало прямо в руки Дину и вскоре было дано распоряжение: «42-м советским гражданам, отказывающимся вернуться в СССР, не следует сообщать об их скорой отправке. Их надлежит немедленно, без сообщения причин, перевести в транзитный лагерь № 9».

Свидетелем дальнейшей судьбы этих людей стал князь Дивен: это их расстреляли в одесском порту.

В начале 1946 года в Англии оставалась лишь незначительная группа лиц, чьё советское

гражданство не было доказано, и «8 непойманных беглецов».

Красная армия в европе

Замена оккупационного режима. Красная Армия и Варшавское восстание Ю.Цурганов

«Посев», 2004, № 10

2 октября 1944 года закончилось Варшавское восстание, которое преследовало две цели: освободить польскую столицу от нацистской оккупации и восстановить власть законного польского правительства. Восстание было подавлено, не встретив помощи со стороны тех сил, которые, конечно, желали достижения первой цели, но были категорически против достижения цели второй.

«Буря»

23 июня 1944 года началось наступление трёх советских фронтов на Западном направлении. В течение следующего месяца Красная Армия заняла четвертую часть Польши в границах 1939 года. В противовес польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне, в Люблине была создана структура с эффектным названием «Польский Комитет Национального Освобождения» (ПКНО). Это был типичный ход для войн XX века с участием хотя бы одного тоталитарного государства. Такое государство, вводя свои войска на чужую территорию, в первом же мало-мальски значимом городе создавало «правительство» и объявляло его единственно законным. «Законность» обуславливалась тем, что оно якобы отвечает интересам большинства местного населения. В реальности оно отвечает, прежде всего, интересам диктатора, который ввёл войска и повелел создать это самое «правительство». (Исключение из данного правила было только одно – Гитлер не создал марионеточное правительство, вторгшись в СССР, чем, кстати, чрезвычайно удивил Сталина.)

В годы II мировой войны активно действовали и те, кто стремился не допустить, чтобы освобождение от оккупации их страны силами другого государства превратилось в новую оккупацию. Стратегический план организаторов восстания в Варшаве носил кодовое название «Буря». Он состоял в том, чтобы в момент приближения фронта стремительными атаками на отступавших немцев освобождать города и районы довоенной Польши, устанавливая в них власть вышедших из подполья гражданских органов, подчинявшихся польскому правительству в Лондоне. Они должны были встречать советские войска как легальная и законная власть. Реализация плана началась весной 1944 года на Волыни, а в июле была продолжена в ряде воеводств. В отдельных операциях Красная Армия (РККА) сначала шла на взаимодействие с восставшими, но затем войска НКВД разоружали их отряды, арестовывали руководителей.

Армия Крайова

Так называлась главная сила организаторов восстаний. Какова её предыстория?

1 сентября 1939 года Гитлер атаковал Польшу, с чего и началась II мировая война. 17 сентября польское правительство Владислава Сикорского было вынуждено покинуть Варшаву и переместиться во Францию, превратившись в правительство в изгнании. Позже его местом пребывания стал Лондон. Несмотря на это обстоятельство, демократические страны признавали правительство Сикорского единственным и легитимным польским правительством. Две демократические страны – Великобритания и Франция – объявили Гитлеру войну через 2 дня после совершённой им агрессии. А ещё через 15, в день падения польской столицы, Красная Армия получила приказ своего командования начать наступление вглубь польской территории. РККА вступала в бой с частями польской армии, брала пленных, а достигнув демаркационной

линии с немцами, прекратила продвижение. Подразделения Красной Армии и Вермахта провели совместный парад.

Формально польская государственность перестала существовать. «Панской Польши нету больше, старой ведьмы больше нет», – пели советские эстрадные исполнители. На деле государственность существовать продолжала: правительство – в эмиграции, уцелевшие кадры армии – в подполье. На оккупированной немцами территории начали создаваться патриотические организации, ставящие целью восстановление независимости. Крупнейшей из них была Армия Крайова (АК), ставшая Вооружёнными Силами правительства в изгнании.

С лета 1944 года борьбу с АК повели уже не немцы, а органы советской военной контрразведки СМЕРШ, войска НКВД, а также карательные органы просоветских властей Польши. На этот счёт была издана специальная директива заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности II ранга И.А. Серова и начальника войск НКВД по охране тыла Действующей армии генерал-майора И.М. Горбатюка.

До этого времени руководство АК относилось к СССР лояльно как к участнику Антигитлеровской коалиции, то есть врагу своего врага, хотя и отдавало себе отчёт в том, что главной задачей Сталина в Польше является её советизация.

Армия Андерса

Польское воинское соединение было создано и на территории СССР, но это было явление совершенно иного характера, нежели АК. Осенью 1940 года Берия, исполняя общее указание Сталина, обратился к нему с конкретным предложением сформировать дивизию из находившихся в СССР польских военнопленных. Часть офицеров (группа Зикмунда Берлинга) высказывалась в том смысле, что возрождение их страны возможно лишь с помощью Советов.

Группа Берлинга считала себя свободной от каких-либо обязательств в отношении правительства Сикорского. Решение о формировании соответствующего воинского соединения было принято СНК СССР и политбюро ЦК ВКП(б) 4 июня 1941 года. Но нападение Германии на СССР первоначально побудило Сталина пойти на сотрудничество не с какой-то отдельной просоветски настроенной группой, а с правительством Сикорского.

Для Советского Союза ситуация складывалась тогда критическая, и 30 июля 1941 года в Лондоне посол СССР И.М. Майский и польский премьер В. Сикорский подписали соглашение, в котором советская сторона признала свои договоры с Германией, касающиеся территориальных перемен в Польше, утратившими силу. Стороны взяли взаимное обязательство оказывать друг другу помощь в войне против Гитлера.

Кадры будущей польской армии, которую предполагалось формировать в СССР, находились на положении военнопленных, а некоторые уже были осуждены к заключению в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. 12 августа 1941 года президиум Верховного Совета издал указ об их амнистии. (Хотя и после этого на восток продолжали идти спецвагоны с заключёнными польскими гражданами).

Командующим польской армией был назначен генерал Владислав Андерс. Окончив накануне I мировой войны Петербургский пажеский корпус, он в 1914–1917 годах служил в Русской Императорской Армии, а в связи с распадом этой армии и обретением Польшей независимости перешёл на польскую военную службу. В сентябре 1939 года сражавшуюся с германскими войсками Новогрудскую бригаду кавалерии, которой командовал Андерс, атаковала РККА, отрезав ей путь к румынской границе. Получивший ранение Андерс 30 сентября был взят в плен и помещён в госпиталь, а в декабре 1939-го арестован, содержался в тюрьмах НКВД. В связи с этим можно полагать, что никаких иллюзий относительно советской власти у него не было.

Но армия начала формироваться. Где взять кадры? Содержавшиеся в Грязовецком лагере офицеры, по предложению посетившего их Андерса, стали вспоминать и записывать фамилии тех, кто сидел с ними в Козельске, Старобельске и Осташкове до операции «по разгрузке» этих лагерей в апреле-мае 1940 года. Отказ советских органов сообщить об участии около 15 тысяч бесследно исчезнувших военнопленных не способствовал налаживанию взаимоотношений.

6 ноября Андерсу было официально сообщено, что численность его армии на 1941 год

определена в 30 тысяч человек. Таким образом, не только «отпадала» необходимость искать пропавших сослуживцев, но даже возникал «излишек людского состава», которому предстояло отправиться в колхозы.

В преддверии визита в СССР Сикорского (конец ноября – начало декабря 1941 года) руководство НКВД составило для Сталина справки о польских военнопленных и о настроениях в армии Андерса. В первом из документов указывалось, что всего в лагеря НКВД поступило 130 тысяч польских военнослужащих; из них передано немцам (до 22 июня 1941 года) 43 тысячи; отправлено через I спецотдел в распоряжение УНКВД (то есть, расстреляно) 15 тысяч; отправлено в пункты формирования польской армии 25 тысяч.

Во втором документе, касающемся настроений в армии Андерса, говорилось: «Самым важным является факт, что эта армия является базой и вооружённой силой польской буржуазии, чёрной реакции, которая в соответствующий момент кроваво выступит против сознательных народных масс». Информация о неблагонадёжности польской армии, антисоветской настроенности многих офицеров и солдат побудила Сталина отдать распоряжение о сокращении числа выделяемых для польской армии пайков.

Советское руководство согласилось с планом Черчилля по выводу польской армии с территории СССР на территорию Ирана. В начале 1944 года по инициативе Черчилля 50-тысячный корпус Андерса был переведён в Италию и включён в состав союзных войск. В мае 1944 года корпус участвовал в легендарном штурме монастыря Монте Кассино, превращённого нацистами в крепость, и завершил войну в апреле 1945-го участием во взятии Болоньи.

После ухода армии Андерса кризис в отношениях между СССР и эмигрантским правительством Польши всё более обострялся. Советскими властями свертывались организации, созданные под патронажем польского посольства для оказания помощи полякам, находящимся в СССР.

Ещё больше обострило ситуацию германское сообщение 13 апреля 1943 года об обнаружении в Катынском лесу около Смоленска массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных весной 1940 года. Правительство Сикорского обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать гибель польских офицеров в Катыни. Правительство СССР, воспользовавшись этим обращением к МКК (в который в это же время с подобной просьбой обратилась и Германия), обвинило правительство Сикорского в содействии Гитлеру и заявило о приостановлении дипломатических отношений с этим правительством. При возвращении Сикорского из инспекционной поездки в войска армии Андерса 4 июля 1943 года его самолёт упал в море сразу после взлёта. Премьер-министр и сопровождающие его лица погибли. Новым премьер-министром стал Станислав Миколайчик.

На фоне ухудшения отношений с эмигрантским польским правительством советской стороной стали предприниматься меры к созданию органа, лояльного Кремлю, который стал бы выступать от имени поляков, проживающих в СССР. Во второй половине февраля 1943 года Сталин санкционировал создание Союза польских патриотов и подготовку к формированию новых польских воинских соединений. В июле 1944 года созданная в СССР 1-я Польская армия начала боевые действия на территории Польши.

Таким образом, сталинскому режиму вывод Армии Андерса в Иран оказался только на руку – ничто больше вроде бы не препятствовало советизации Польши.

Неоправданные надежды

1 августа 1944 года части подпольной Армии Крайовой под командованием генерала Бур-Комаровского подняли восстание в Варшаве, к которому примкнула значительная часть горожан. Польское командование рассчитывало, что советские войска окажут помощь восставшим. Об этом же просили Сталина английское и американское правительства. Тот отказал, сославшись на то, что восстание было начато без предварительного согласования с советским командованием и потому является «авантюрой», за которую отвечают «лондонские поляки».

Советские войска к началу восстания уже занимали предместье Варшавы, находились на

противоположном берегу Вислы, менее чем в километре от польской столицы. Здесь советское наступление приостановилось. По более поздней официальной советской версии – из-за необходимости подтянуть тылы и перегруппировать войска. По альтернативной версии Сталин был заинтересован в том, чтобы уничтожить политических конкурентов руками нацистов и именно поэтому приостановил наступление.

Разобраться в проблеме помогают факты, установленные в последние годы. Так, например, Сталин не разрешил посадку английских и американских самолётов на советских аэродромах после совершаемых ими налётов на позиции немцев в районе Варшавы и доставки грузов участникам восстания. А тут уж подтягивание тылов и перегруппировка войск не при чём.

В августе войска НКВД активизировали действия против отрядов АК. Директива от 25 августа Штаба войск НКВД по охране тыла III Белорусского фронта предусматривала задержание и разоружение отрядов АК, которые двигались на помощь Варшаве. Другая директива того же органа прямо предписывала уничтожение формирований АК.

Всё это, будучи претворённым в практические действия, убедило АК в необходимости оставаться в подполье и оказывать сопротивление враждебным действиям советской стороны, а также мероприятиям ПКНО. В основном деятельность отрядов АК сводилась к препятствованию мобилизации населения в Войско Польское (Вооружённые Силы ПКНО).

2 октября после ожесточённых боёв восставшие капитулировали. По приказу Гитлера Варшава была почти полностью разрушена.

Пригодившийся опыт

В октябре 1944 года Москва потребовала от органов НКВД и СМЕРШ в Польше, а также от ПКНО резкого ужесточения политики по отношению к подполью. Формируется Сводная стрелковая дивизия внутренних войск НКВД, главной задачей которой стала борьба с польским национальным подпольем. Тогда же произошли первые боевые столкновения частей дивизии с отрядами АК.

Западные союзники стремились к тому, чтобы в состав «нового» и «реорганизованного», как его именовали, польского правительства на польской территории были включены представители эмиграции, а не только сталинские выдвиженцы. Особенно этого добивался Черчилль, ведь для Великобритании воссоздание демократической Польши было вопросом престижа, именно для оказания помощи ей Великобритания вступила в войну. Сталин таким устремлениям противился и свою главную политическую задачу текущего этапа во многом решил. Неудача Варшавского восстания действительно подорвала позиции лондонского польского правительства, Миколайчик подал в отставку.

Но поляки, как правило, поддерживали «аковцев». Группы АК действовали не только в пределах новых, но и в пределах старых границ Польши. Успешно используя приобретённый в 1940–1944 годах опыт партизанской войны против нацистов, они противодействовали мероприятиям по установлению советской власти в Брестской, Барановичской и Молодечненской областях.

Новая волна массовых арестов чинов АК и других организаций польского антигитлеровского подполья началась зимой 1945 года. А в конце марта советские военные власти при помощи обмана арестовали руководителей АК, заманив их к себе для переговоров. Их вывезли в Москву и устроили над ними показательный «суд» – «процесс шестнадцати» (июнь 1945-го). Подсудимые, включая последнего главнокомандующего АК генерала Леона Окулицкого, были приговорены к различным срокам заключения в советских лагерях.

Весной 1945 года произошла серия вооружённых выступлений в рядах Войска Польского, расположенных в восточных воеводствах. Целые подразделения нередко переходили на сторону отрядов АК или не оказывали им сопротивления в ходе боевых столкновений. Руководство подполья осознавало необходимость сменить методы и организационные формы противостояния политике советизации Польши. Ещё 19 января 1945 года АК была официально распущена приказом Окулицкого. Но, несмотря на то, что летом и осенью 1945 года в руководстве «послеаковского» подполья возобладала переориентация с военных на

политические методы борьбы, в некоторых регионах страны деятельность партизанских отрядов продолжалась вплоть до середины 1946 года. Силы, однако, были явно не равны, и Польша была советизирована на несколько десятилетий.

Один из современных российских политических деятелей левого толка на заявление о том, что Сталин освобождал Восточную Европу от Гитлера с тем, чтобы самому её покорить, ответил: да, а что ещё ему было делать? Делать, конечно, можно многое, но империи рано или поздно слабеют, и тогда сопредельные народы начинают относиться к своему «старшему брату» в соответствии с тем, как он вёл себя по отношению к ним в период своего могущества.

Вместо послесловия

«Если мы забудем о вас...»

А. Пуговкин

«Посев», 2005, № 4

Деревня Егла на востоке Новгородской области. Места дивной красоты, древний путь «из варяг в греки». Здесь никогда не было войн: даже татаро-монголы когда-то так и не добрались до этой глуши. Однако новейшая история Европы и тут оставила свой кровавый, скорбный след.

Сельское кладбище на высоком берегу Меты. Руины неспешно реставрируемой церкви, скромные надгробия местных жителей. Немного в стороне – зелёный дёрн безымянных захоронений. Кресты и плиты с надписями на русском, польском, немецком, финском, английском языках образуют удивительный, ни на что другое не похожий мемориал.

«Здесь покоятся останки жертв – узников 270-го управления лагерей. Жертвам, убиенным в репрессиях».

270-е управление в системе ГУЛаг («Метистрой») было создано накануне войны, в 1939 году, для обеспечения рабочей силой строительства двух гидроэлектростанций на реке Мета, торфоразработок и керамического производства. К началу 1941 года в полутора десятках его отделений-лагерей, разбросанных по территории трёх соседних районов, содержалось около пяти тысяч заключённых. Со временем центр этого рабовладельческого хозяйства переместился в Еглу.

«Здесь будет воздвигнут памятник священнослужителям, погибшим в годы репрессий».

Специального лагеря для духовных лиц в Егле не было. Однако известно, что перед войной где-то неподалёку, в окрестностях Боровичей, была расстреляна большая группа священников, точное место захоронения которых установить не удалось. В память о них и был воздвигнут на кладбище закладной камень.

После начала боевых действий между СССР и Германией профиль 270-го лагерного управления изменился. Весной и в начале лета 1942 года на ближайшем участке фронта разразилась катастрофа, связанная с провалом Любанской наступательной операции, окружением и разгромом советской 2-й Ударной армии. На базе 270-го управления создаётся сначала сборно-пересыльный пункт, а за тем спецлагерь для военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену или окружении. Через него прошли несколько тысяч ни в чём не повинных бойцов и командиров, вырвавшихся к своим живыми из гигантской братской могилы, в которую из-за бездарности верховного командования превратились болота на западном берегу реки Волхов. В дальнейшем лагерь передали Главному Управлению по военнопленным и интернированным, за которым он и числился до закрытия (в конце 1952 года).

«Кладбище немецких военнопленных. Покойтесь с миром»; «Умершим в плену финским воинам»; «Солдатам Армии Крайовой от родных и соратников».

Здесь поляки, принявшие первый удар и последними закончившие войну с нацизмом, встретились за колючей проволокой со своими недавними противниками. Только за первые три месяца 1945 года в этом лагере умерло около 1 200 человек, в том числе более половины от дистрофии.

Среди 57 с лишним тысяч военнопленных и интернированных, находившихся в лагерях

270-го управления (только 1 230 из них считались военными преступниками), были немцы, австрийцы, финны, поляки, венгры, русские, украинцы, белорусы, эстонцы, литовцы, латыши, чехи, сербы, словенцы, хорваты, голландцы, итальянцы, румыны, датчане, бельгийцы, испанцы. В числе последних лагерную баланду хлебали как пленённые на Ленинградском фронте франкисты из «Голубой дивизии», так и невесть откуда попавшие сюда интернированные республиканцы-моряки с торговых судов.

А среди германских военнопленных, судя по документам, кроме немцев и австрийцев, было немало мобилизованных в Вермахт люксембуржцев, а также французов из Эльзаса и Лотарингии.

На территории СССР подобное кладбище могло сохраниться только случайно. Я знаю ещё одно – в литовском городке Дукштас неподалёку от латвийской границы. Там, на окраине маленького православного погоста стоят рядом кресты на могилах польских легионеров Пилсудского 1920 года и стандартные бетонные немецкие надгробия, установленные двадцать один год спустя. Вплотную к ним находится и братская могила советских солдат.

«На этом месте будет построена часовня в память о репрессированных народах». Единение и равенство – не государств, но народов Европы перед общей бедой. Пускай себе историки дробят на отдельные войны непрерывный кровавый кошмар первой половины века.

Началось новое столетие. Уходит в небытие безумная эпоха. Стоит у дороги при входе на кладбище в новгородской деревне обелиск: «Здесь будет сооружён памятник всем жертвам Второй мировой войны 1939–1945 годов. Если мы забудем о вас, пусть Бог забудет о нас...»

Список сокращений

Абвер – Abwehr – военная разведка и контрразведка Германии.

АК – Armia Krajowa – Отечественная Армия Польши.

Ваффен-СС – Waffen-SS – Военные подразделения СС.

Вермахт – Wehrmacht – Вооружённые Силы Германии.

ВВС – Военно-Воздушные Силы.

ВГК – Верховное главнокомандование.

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

ВС – Вооружённые Силы.

ВСЮР – Вооружённые Силы Юга России.

ВУЦИК – Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет.

ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, после: ГПУ НКВД СССР.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гестапо – Gestapo (Geheime Staatspolizei) – Тайная государственная полиция, нацистская служба госбезопасности.

ГВП – Главная Военная Прокуратура.

ГКО – Государственный Комитет Обороны СССР.

Главпур (ГлавПУР) – Главное Политическое Управление РККА.

ГПУ – Главное Политическое Управление

РККА. Также Государственное Политическое Управление при НКВД СССР, ранее: ВЧК, после ОГПУ СНК СССР.

ГУГБ – Главное Управление Государственной Безопасности НКВД СССР.

ГУКВ – Главное Управление Казачьих Войск.

ГУЛаг – Главное Управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения.

ГУПП – Главное Управление политической пропаганды РККА.

Ди-Пи – DP (Displaced Persons) – перемещённые лица.

Коминтерн – Коммунистический Интернационал.

КОНР – Комитет Освобождения Народов России.

КРО ОГПУ – Контрразведывательный отдел ОГПУ.

- МИД – Министерство Иностранных Дел.
 МКК – Международный Красный Крест.
 МОПР – Международная организация помощи борцам революции.
 НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР.
 НКГБ – Народный Комиссариат Государственной Безопасности СССР.
 НКВД – Народный Комиссариат Иностранных Дел.
 НСДАП – NSDAP (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) –
 Национал-Социалистическая Германская Рабочая Партия.
 НТС – Национально-Трудовой Союз, после: Народно-Трудовой Союз, после:
 Народно-Трудовой Союз российских солидаристов.
 НЭП – Новая Экономическая Политика.
 ОГПУ – Объединённое Государственное Политическое Управление при СНК СССР, ранее:
 ГПУ НКВД РСФСР, после: НКВД СССР.
 ОДНР – Освободительное Движение Народов России.
 ОКВ – ОКВ (Oberkommando der Wehrmacht) – Верховное Командование Вермахта.
 ОКВ / ВПр – ОКВ / WPr (Oberkommando der Wehrmacht / Wehrmachtspropaganda) – Отдел
 Пропаганды Верховного Командования Вооружённых Сил.
 ОКЛ – ОКЛ (Oberkommando der Luftwaffe) – Верховное Командование
 Военно-Воздушных Сил.
 ОКХ – ОКН (Oberkommando der Heeres) – Верховное Командование Сухопутных Сил.
 ООН – Организация Объединённых Наций.
 ОСО НКВД – Особое совещание при НКВД СССР.
 ОУН – Организация Украинских Националистов.
 ПВО – противовоздушная оборона.
 ПКНО – Польский Комитет Национального Освобождения.
 ПриВО – Приволжский военный округ.
 ПриБВО – Прибалтийский военный округ.
 РГВА – Российский Государственный Военный архив.
 РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия.
 РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный Флот.
 РНА – Русская (1-я) Национальная Армия.
 РННА – Русская Национальная Народная Армия.
 РОА – Русская Освободительная Армия.
 РОВС – Русский Обще-Воинский Союз.
 РОД – Русское Освободительное Движение.
 РОНА – Русская Освободительная Народная Армия.
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
 РСХА – RSHA (Reichssicherheitshauptamt) – Главное Управление Имперской Безопасности
 Германии.
 САВО – Среднеазиатский военный округ.
 САУ – Самоходная артиллерийская установка.
 СД – SD (Sicherheitsdienst) – Служба госбезопасности при СС.
 СКВО – Северо-Кавказский военный округ.
 СМЕРШ – «Смерть шпионам» – контрразведка РККА.
 СОНР – Совет Освобождения Народов России.
 СС – SS (Schutz-Staffeln) – Охранные отряды Национал-Социалистической Германской
 Рабочей Партии.
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
 УВО – Украинский военный округ.
 УНКВД – Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел.
 УПА – Украинская Повстанческая Армия.
 УПВИ – Управление по делам военнопленных и интернированных при НКВД СССР.
 ФП – FP (Feldpolizei) – Военная полиция Германии.
 ФХО – FHO (Fremde Heere Ost) – Отдел германского Генерального Штаба «Иноземные

Войска Востока».

Хиви (Хи-Ви) – Hiwi (Hilfswillige) – добровольные помощники германских Вооружённых Сил, в буквальном переводе: «желающие помогать».

ЦА МО РФ – Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации.

ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной Службы Безопасности.

ЦГА ИПД – Центральный Государственный архив историко-политических документов.